

|| ВАН ЯНЬ-СЮ. ПРЕДАНИЯ ОБ УСЛЫШАННЫХ МОЛЬБАХ ||

Ван Янь-сю

感應傳等四種

Предания
об услышанных
мольбах

**ЦЕНТР
«ПЕТЕРБУРГСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ»**

IX

Серия основана в 1993 году

ЦЕНТР
«ПЕТЕРБУРГСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ»

**Ван Янь-сю
Предания
об услышанных мольбах
(Гань ин чжуань)**

а также:

Лю И-цин.

Подлинные события (Сюань янь цзи)

Ван Янь.

Вести из потустороннего мира (Мин сян цзи)

Хоу Бо.

Достопамятные происшествия (Цзин и цзи)

Тан Линь.

Загробное воздаяние (Мин бао цзи)

Предисловие, перевод с китайского
и примечания М. Е. Ермакова

Санкт-Петербург

1998

ББК Ш(5Кит)4-629

Серия «Памятники культуры Востока» награждена дипломом Ассоциации книгоиздателей (АСКИ) как лучшая книжная серия 1994 г.

Ван Янь-сю. Предания об услышанных мольбах (Гань ин чжуань), а также: Лю И-цин. Подлинные события (Сюань янь цзи); Ван Янь. Вести из потустороннего мира (Мин сян цзи); Хоу Бо. Достопамятные происшествия (Цзин и цзи); Тан Линь. Загробное воздаяние (Мин бао цзи). — Пер. с кит., вступ. статья и примеч. М. Е. Ермакова. — СПб.: Центр «Петербургское Востоковедение», 1998. — 368 с.

ISBN 5-85803-072-6

Настоящая книга — наиболее полное издание коллекции буддийских коротких рассказов *сяошо* — открывает перед читателем причудливый мир простонародного китайского буддизма, знакомит с «живым буддизмом» и культурой «безмолвствующего большинства» первого тысячелетия нашей эры. Невыдуманные буддийские истории о чудесах и небылицах, загробном мире, божествах, монахах и мирянах, святынях и реликвиях — увлекательное и полезное чтение для всех, кто интересуется духовной жизнью, религией и культурой Востока.

Перевод пяти сборников буддийских *сяошо* снабжен обстоятельной вступительной статьей и подробными примечаниями. В оформлении использованы иллюстрации к китайским старопечатным книгам.

ББК Ш(5Кит)4-629

Художник издательства — *Е. В. Аникина*

Перепечатка данного издания, а равно отдельных его частей запрещена. Любое использование материалов данного издания возможно исключительно с ведома издательства.

ISBN 5-85803-072-6

- © Центр «Петербургское Востоковедение», 1998
- © М. Е. Ермаков, вступительная статья, перевод, примечания, 1998

Зарегистрированная торговая марка

Зарегистрированная торговая марка

ЖИВАЯ СТАРИНА КИТАЙСКОГО БУДДИЗМА

Невыдуманные истории о невероятном, занимательном, забавном

...Буду счастлив, если грядущие доброжелательные мужи, стремящиеся проникнуть в корни событий, найдут здесь, чем развлечь ум, на чем задержать взгляд, — и не отвернутся с презрением.

*Гань Бао. Предисловие к
«Запискам о поисках духов»*

Равно великий в свершениях и злодеяниях Первый Августейший Император династии Цинь создал неразрешимые проблемы наследнику престола: Второй (и последний) Августейший Император¹ не придумал ничего лучшего как покрыть лаком стену, ограждавшую Поднебесную. Придворный шут с воодушевлением приветствовал этот проект: народ, конечно же, пострадает от поборов, однако стена станет красивой и такой гладкой, что разбойникам-супостатам не взобраться по ней. Единственное возражение шута сводилось к тому, что потребуется навес над стеной, предохраняющий лак от лучей солнца.

У анекдота о Великой Китайской Стене, вызвавшего у читателя по меньшей мере улыбку, совсем седая борода и весьма преклонный возраст. В конце следующего века он отметит полуторатысячелетний юбилей. Следующий анекдот датирован полутора столетиями ранее и касается более прозаического предмета, нежели предыдущий.

Жуань Сянь и его дядя Цзи² жили на южной стороне улицы, а их остальные сородичи — на северной. В седьмой день седьмого месяца богатые «северные» Жуани, как и полагалось, вынесли под последние жаркие лучи уходящего лета роскошные одежды из шелка, узорных тканей и парчи. Сянь же посреди двора вывесил на длинном бамбуковом шесте свои холщовые подштанники. На недоуменные вопросы

---

¹ Эр-ши-хуан-ди правил в 209—207 гг. до н. э.; был склонен к самоубийству влиятельным придворным евнухом. На смену Цинь (221—207 гг. до н. э.) пришла династия Хань, более четырех столетий правившая Китаем.

² Жуань Сянь (234—305), искусный музыкант; любитель вина, аристократ духа, отставший от государственной службы; один из «семи мудрецов из бамбуковой рощи». К той же знаменитой плеяде принадлежал его дядя Жуань Цзи (210—263), выдающийся поэт.

обывателей он отвечал, что негоже ему пренебрегать заведенными в миру порядками.

От крайних форм сарказма и эпатажа перейдем к довольно неприятной истории из повседневной жизни эпохи Хань (206 г. до н. э.—220 г. н. э.), из которой следует, насколько близки бывают житейские ситуации, значительно отдаленные в пространстве и времени.

В такие-то годы такого-то правления в доме одного простолюдина (с указанием точного местоживания) творились всяческие чудеса: большой жбан стал издавать звуки, исчезла кое-какая утварь, курица вывела цыплят — и те пропали. Люди приготовили много еды и поставили в доме, желая изловить нечистую силу. Услышав все те же звуки, они схватили палку и принялись бить куда ни попадя. Наконец в углу раздался стон и мольбы о пощаде. Обнаружили старика лет этак ста, одичавшего и бормотавшего что-то невразумительное. Выяснилось, что десять лет назад неподалеку в одном доме пропал старик. Родные печалились и радовались тому, что отыскался дедушка. А через год старик вновь пропал, и в окрестных домах по-прежнему стали случаться чудеса.

Наконец, еще одна старинная история из жизни китайских духов.

Селянину, ехавшему по своим делам на повозке, повстречался отрок с лютней-пипá. Отрок попросился в повозку и стал играть песенки на своей лютне. Когда же песенки кончились, отрок выплюнул язык и вырвал свой глаз, уйдя затем прочь. Перепуганный простолюдин продолжил путь. Вскоре, еще не совсем придя в себя, он повстречал на дороге дряхлого старца, который сразу же представился: фамилия и имя были совсем обычные. Селянин помог ему взобраться на повозку и рассказал о духе-отроке, искусно игравшем на лютне. Задетый за живое старец похвастал, что и он из той же породы и к тому же не обделен музыкальными талантами. Подтверждая сказанное, он вырвал свой глаз и выплюнул язык, вконец перепугав селянина.

Искушенный читатель, познавший толк в китайской классике, вероятно, установил принадлежность пересказанных историй к жанру коротких рассказов *сяошо* и, быть может, припомнил сборники: «Записки, рождающие улыбку» Хоу Бо, «Ходячие толки в новом пересказе» Лю И-цзина, «Записки о поисках духов» Гань Бао. Три последних десятилетия читающая публика имела возможность познакомиться с переводами этих и других сборников коротких рассказов по меньшей мере в четырех подборках и отдельных изданиях³. Чем вызван столь взаимный и неизменный интерес издателя и читателя к этому предельно архаичному литературному явлению, рожденному в столь сложной для понимания культурной среде? Что привлекает нас в этом действительно кратком (иногда в две-три фразы), по преимуществу малоправдо-

³ См.: Волшебное зеркало. Дотанские новеллы. Пер. с кит. А. Тишкова и В. Панасюка. М., 1963; Китайская проза // Классическая проза Дальнего Востока (Библиотека всемирной литературы). М., 1975; Пурпурная яшма: китайская повествовательная проза I—VI вв. Сост., ред., коммент. Б. Рифтина. Послел. В. Сухорукова. М., 1980; Гань Бао. Записки о поисках духов (Соу шэнь цзи). Предисл., пер. с кит., коммент. и указатели Л. Н. Меньшикова. СПб., 1994.

подобном (хотя и претендующем на историческую достоверность) и не всегда серьезном (как мы убедились) китайском рассказе?

По-видимому, достоинства короткого рассказа становятся продолжением его же «недостатков». Мы обречены на вечную разгадку тайны близкого, но так далекого от нас великого соседа; почтенный возраст *сяошо*, напротив, усиливает наш интерес; краткость — то качество, к которому мы стремимся (надо сказать, безуспешно) в наш насыщенный событиями век; а страсть ко всякого рода малоправдоподобным, странным, или «аномальным», явлениям — непреходящее свойство человеческой природы. Доля сарказма, едкая ирония и шутливая интонация, присущие некоторым занимательным историям, вполне сочетаются с современными умонастроениями.

И все же главное достоинство короткого рассказа состоит, на наш взгляд, в ином: историко-культурное значение этих занимательных историй несравненно перевешивает их литературную ценность. Эта литература «улиц и переулков, дорог и проселков» приоткрывает малоизвестный пласт древней духовной культуры человечества. Речь идет о так называемой низовой, или простонародной, культуре «безмолвствующего большинства», которая оставила относительно редкие письменные свидетельства и довольно фрагментарно представлена в письменной традиции. *Сяошо* дарят нам уникальную возможность приобщиться к мироощущению, представлениям и верованиям, бытовавшим в широкой социальной среде Китая, к «живой жизни» китайцев первых веков нашей эры.

Настоящая книга знакомит читателя с буддийскими короткими рассказами *сяошо*, которые совсем недавно были известны лишь немногим специалистам по истории китайской литературы. Наиболее полной подборке переводов из дошедшей до нас коллекции буддийских *сяошо* мы намерены предпослать историко-литературный обзор и краткое историко-культурное введение. Но прежде совершим небольшой экскурс в историю жанра короткого рассказа и создавшей его эпохи.

* * *

Основные жанровые признаки литературы *сяошо* сложились задолго до того, как буддизм укоренился на китайской почве. Категория *сяошо* была внесена уже в библиографический раздел династийной истории «Хань шу», составленной Бань Гу (32—92). Пятнадцать сборников, упомянутых здесь, не дошли до нас, но судя по высказыванию Бань Гу, представляли собой записи «бесед на улицах, речений в переулках, пересудов на дорогах, рассказов на проселках». Сбор этого своеобразного китайского фольклора был возложен на мелких чиновников *байгуань*, призванных знакомить власть предержащих с настроениями простого люда. Вместе с тем сборники *сяошо* отнесены Бань Гу в последний из десяти разделов класса «Философы», в чем, быть может, нашла отражение архаичная традиция, идущая от Чжуан-цзы, употребившего термин *сяошо* в значении «низкие речения».

В период Шести династий (229—589) термин *сяошо* приобретает значение короткого сюжетного рассказа. Эти объединенные в сборники рассказы почерпнуты либо из жизнеописаний исторических деятелей и других исторических источников, либо из фольклорных источников, восходящих к легенде, сказу, преданию, анекдоту. Короткий рассказ III—VI вв. запечатлевает занимательное событие как бы само по себе, не привнося в него явно выраженного назидательного смысла или дидактического оттенка, что и служит основанием для определения его как «сюжетная проза». Период III—VI вв. отмечен появлением большой серии сборников *сяошо*, среди которых наиболее известны и благополучно сохранились до наших дней «Жизнеописания святых и бессмертных» Гэ Хуна (283—364), уже упомянутые «Ходячие толки в новом пересказе» Лю И-цзина (403—444) и «Записки о поисках духов» Гань Бао (конец III—середина IV вв.), а также «Продолженные записки о поисках духов», приписываемые Тао Юань-мину (365—420). На целый порядок выше число сборников либо полностью утерянных, либо сохранившихся во фрагментах, включая ранее упомянутые «Записи, рождущие улыбку» Хоу Бо (вторая половина VI в.), а также «Лес улыбок» Ханьдань Шуня (первая половина III в.), «Невежественные рассказы» Шэнь Юэ (441—513), «Короткие рассказы» Инь Юня (471—529) и многие другие.

Основной разновидностью *сяошо* Шести династий становится рассказ об удивительном и необычайном, таинственном и невероятном, получивший в традиционной китайской филологии уже в XVI в. наименование «рассказ о чудесах». Реальные исторические лица (причем часто — весьма известные и влиятельные) соседствуют и взаимодействуют в рассказах о чудесах с персонажами из мира фантазии, легенд, народных преданий, а достоверные и точно датированные исторические события причудливо сочетаются с происшествиями, которые наш здравый смысл отказывается признать вероятными. Однако мы совершили бы акт произвола, попытавшись навязать авторам-составителям сборников *сяошо* наши представления о реальном. Создатели короткого рассказа отбирали из письменной и устной традиции наиболее занимательные, загадочные и невероятные истории, но при этом, безусловно, полагали их вполне достоверными. Короткий рассказ привнес в китайскую литературу интерес к удивительному и необычайному, занимательному и забавному, но ни в коей мере не претендовал на вымысел, более того, был чужд понятию вымысла как литературного приема. На этом основании короткий рассказ определяют только в предшественники (хотя и ближайшие) китайской художественной прозы, подлинное рождение которой принято связывать с появлением на рубеже VII—VIII вв. жанра новеллы *чуаньци*, или «повествования об удивительном»⁴. По прошествии же тысячелетия термин *сяошо* вновь вошел в китайский литературный обиход и остается в широком

⁴ Этот жанр знаком нашему читателю по ряду переводов; см.: Танские новеллы. Пер. с кит. О. Л. Фишман и А. А. Тишкова. Предисл. О. Л. Фишман. М., 1960; Гуляка и волшебник. Танские новеллы (VII—IX вв.). Пер. с кит. М., 1970 и др.

употреблении по настоящее время: в этом привычном значении он обозначает повествовательную или художественную прозу, включая новеллу, повесть, роман.

* * *

Короткий рассказ запечатлел исторические приметы породившей его эпохи. III—VI вв. в истории Китая отмечены суровыми социальными потрясениями, чередой кровавых междоусобиц, противостоянием Севера, захваченного «варварами»-иноземцами, и Юга, где обосновались китайские династии. В 311 г. под ударами кочевников-сюнну (те самые воинственные гунны) пал Лоян — столица династии Цзинь, лишь несколькими столетиями ранее объединившей Китай. Еще через пять лет с падением Чаньани, служившей последним прибежищем династии, северные владения были утеряны окончательно. Отныне династия Цзинь (по географическому положению получившая название Восточная Цзинь) обосновалась в бывшей столице царства У (222—280) Цзянье—Цзянькане (совр. Нанкин). Правившие в Цзянье—Цзянькане династии У, Восточная Цзинь (317—420), а затем сменившие их Сун (420—479), Ци (479—502), Лян (502—557), Чэнь (557—589) принято именовать в китайской традиции Шестью династиями. На Севере Китая в продолжение трех столетий правили, вели войны, сменяли друг друга династии «варваров»-кочевников, или «пяти северных племен»: сюнну, цзе, сяньби, ди, цзянь.

Потеря исконных китайских земель на Севере, хроническая политическая и социальная нестабильность вызвали глубокий духовный кризис в китайском обществе. Китайские умы более не могли вдохновляться примером Конфуция, который «не говорил о необычайном, проявлениях силы, беспорядках и духах» («Луньюй», гл. 7). В духовной атмосфере смутного времени воистину царит культ необычайного, удивительного, экстраординарного, преобладает интерес к таинственному, сверхъестественному, потустороннему. Веками культивируемый идеал высокого государственного служения, воплотившийся в конфуцианском образе «благородного мужа» — *цзюньцзы*, уступает место жизненному модусу, исключающему причастность к «псевдополезным» государственным делам, предполагающему отрешенность от всего мирского и суетного. В ранний период смутного времени в интеллектуальной жизни господствует «темное», или «сокровенное», учение *сюаньсюэ*, опирающееся на конфуцианские начала, но развивающее по преимуществу даосские принципы естественности, единения с природой, «недеяния». В широкой же социальной среде преобладает религиозный даосизм, опирающийся на древнюю культовую практику шаманства и магии, народные верования. Со второй половины IV в. значительное, если не главенствующее, влияние в китайской духовной жизни приобретает буддизм, проникший в Китай еще в I в. н. э.

КНИГИ, СПОСОБСТВУЮЩИЕ УЧЕНИЮ ГОСПОДИНА ШАКЬЯ

...Я отважился записать услышанные мною истории и собрать их воедино. Подробно и по порядку изложив полученные мною сведения, я указываю, как и кем они были услышаны и увидены; не приукрашивая эти доподлинные свидетельства, в точности передаю истинно происшедшие события. Пусть обратят на них внимание будущие читатели!

*Ган Линь. Предисловие к
«Воздаянию в загробном мире»*

Китайская традиция связывает проникновение буддизма в Срединное государство (а в буддийском обиходе — Восточное) с прибытием ко двору ханьского императора Мин-ди (58—76) первых индийских миссионеров-переводчиков. (Сюжет о вешем сне императора Мин-ди и последующем пришествии в Лоян Кашьяпа Матанги открывает и сборник Ван Яня «Вести из потустороннего мира».) Однако сие знаменательное событие так и осталось хотя и первым, но лишь кратким эпизодом в истории китайского буддизма. Проникновение и первые успехи буддийского вероучения в Восточном государстве обеспечивались усилиями относительно поздних поколений миссионеров-переводчиков, начиная с Ань Ши-гао (II в.) и Локакшемы (вторая половина II в.), а затем Кан Сэн-хуэя (ум. в 280 г.), Дхармаракши (236—313) и многих других.

«Механизм» проникновения Закона Будды в Китай в этот наиболее романтический миссионерский период состоял в самом общем виде в следующем. Преодолевая всевозможные трудности, иноземный буддийский подвижник морским или, чаще, пешим маршрутом прибывает в Китай с поклажей канонических текстов — сутр. (Некоторые подвижники, одаренные феноменальной памятью — традиционная культура мнемотехники в их среде необычайно высока, — держат обширный канонический текст в голове, однако этот вариант менее предпочтителен для китайцев, обычно испытывающих пиетет к письменному слову.) При условии «социального заказа» и материальной поддержки власть предержащих он с оригинала (реже по памяти) изустно воспроизводит канонический текст. Обширный штат переводчиков и писцов осуществляет собственно перевод и издание священного текста, который впоследствии обрастает многочисленными китайскими комментариями. Изданный перевод становится базовым текстом для проповеди — основной формы пропаганды Закона в широкой социальной

среде; вокруг него складываются сообщества монахов и мирян, послужившие прообразом и прямыми предшественниками самостоятельных буддийских школ в Китае.

Среди иноземцев-миссионеров и в этот начальный период, и позднее преобладали вовсе не уроженцы Индии: они составляли значительную долю, но не более одной трети от общего числа. Плацдармом для проникновения буддизма в Китай послужили Кушанское царство, Парфия, Средняя Азия, но в наибольшей степени — Западный край. Географическое положение и историко-культурное значение этого региона в первые века нашей эры наиболее полно выражает название Сериндия, придуманное исследователями еще в начале XX в. (совр. Синьцзян-Уйгурский автономный район Китая; традиционное русское название — Восточный Туркестан). Куча, Хотан и другие города-государства в оазисах Таримской впадины на маршруте Великого Шелкового Пути по временам попадали под вассальную зависимость от китайских правителей, но неизменно оставались форпостами буддийского влияния.

В I—III вв. буддийское влияние в Китае ограничивалось в основном столицами государственных образований и крупными городами того времени, включая Лоян, Цзянье, Чанъань и Пэнчэн. Усилиями миссионеров-переводчиков были преподаны азы буддийского вероучения, основы монашества и культовой практики. Пока немногочисленные буддийские монастыри становятся оплотом веры в еще враждебном конфессиональном пространстве.

Последующий период IV—VI вв. в истории раннего китайского буддизма исследователи иногда определяют термином «доместикация», т. е. «приручение» или «одомашнивание», под которым подразумевают процесс интеграции буддизма в культурный комплекс и государственную структуру Китая. Плеяда иноземных миссионеров пополнилась еще более славными именами Кумарадживы (344—?409), Дхармакшемы (384—433), Бодхиручи (конец V—середина VI вв.), Парамартхи (500—569) и другими, однако по степени влияния на сангху (общину) монахов и мирян с ними уже соперничают такие китайские мэтры, как Чжи Дунь (314—366), Дао-ань (312—385), Хуэй-юань (334—416), Дао-шэн (360—434), Чжи-и (538—597). В результате планомерной переводческой деятельности к концу этого периода сложился корпус переводов (в каталоге начала VI в. «Собрание сведений о переводах Трипитаки» приводятся названия 2162 сочинений), составивший основу нового свода буддийских сочинений — Китайская Трипитака. Усилиями иноземных миссионеров и китайских интерпретаторов было в значительной части освоено, приспособлено и переработано философское наследие буддизма, тем самым подготовлено доктринальное основание впоследствии возникших самостоятельных школ китайского буддизма. Был адаптирован к социокультурной среде монашеский устав, и в период IV—VI вв. в общих чертах сложился облик китайской сангхи, обладающей значительной степенью самостоятельности и некоторым политическим весом. Аспект взаимоотношения с властями, конечно же, остается наиболее ключевым и драматическим в продолжение всей истории китайского буддизма. Причем в период IV—VI вв. обозначи-

лись полюса таких взаимоотношений: буддизм как государственная религия при лянском У-ди (502—549) и религия, подвергшаяся жестоким гонениям вэйским Тай-у-ди (424—452).

Историческая ситуация, определяемая противостоянием Севера и Юга, диктовала существенные различия в развитии буддизма главных регионов Китая. Отвлекаясь от частных деталей, отметим основные черты своеобразия северного и южного буддизма. Северный буддизм поражает масштабом: количество монастырей в благоприятные десятилетия достигает нескольких десятков тысяч, монахов — нескольких миллионов: грандиозные храмовые комплексы Лунмэнь, Юньган и другие. Соответствующие величины на Юге на целый порядок ниже: несколько тысяч монастырей и сотни тысяч монашествующих. Однако здесь в основном и осуществлялся процесс аккультурации философского наследия буддизма, который и определил главное содержание периода «доместикации».

При всех различиях северного и южного буддизма приходится особо отметить не вполне признанную роль буддизма в китайской истории. Буддизм, укоренившийся в китайской почве в период смут и потрясений, ставший прибежищем от тревог и сумятицы текущей жизни, вместе с тем явился едва ли не основной консолидирующей силой эпохи Южных и Северных династий. В рамках буддизма осуществлялись наиболее постоянные и тесные контакты Севера и Юга, была осознана всеобщность сангхи и верования в пределах всего Китая, испытана постоянная потребность в стабильной центральной власти.

Наконец, еще один аспект буддийской деятельности, требующий упоминания, — это паломничество в буддийские страны и Индию. Общее число монахов, совершивших паломничество в III—VIII вв., составило около двухсот, причем одна треть из этого числа приходится на V в. (Фа-сянь, Таньцзе, Чжи-янь, Бао-юнь и другие). Побудительным мотивом к этому сверхсложному и крайне опасному предприятию служили приобретение канонических текстов и возможность лицезреть «следы, оставленные Буддой в миру», а также неукротимая страсть к перемене мест, присущая буддийскому подвижнику. Путевые заметки Фа-сяня явились уникальным источником по буддизму и общей истории сопредельных с Китаем стран и Индии.

* * *

К середине первого тысячелетия нашей эры буддизм становится существенным фактором влияния во всех сферах бытия китайцев. Закон Будды внедрился в Китае главным образом в форме Махаяны со свойственным ей прозелитизмом и способностью адаптироваться к чужеродной культуре. Деятельность иноземных миссионеров была освящена идеалом «распространения Учения, завещанного Буддой, в землях Востока (Китая)» и направлена на привлечение в сферу влияния буддизма все большего числа китайских адептов, невзирая на их сословную принадлежность или социальное происхождение. По мере усиления

влияния буддизма в широкой социальной среде пополнялось буддийское конфессиональное сообщество — сангха четырех разрядов (монахи и монахини, миряне и мирянки), по самым скромным подсчетам достигшая половины суммарного населения конца эпохи Южных и Северных династий. Среди приверженцев буддизма в миру оказываются как представители социальных верхов в лице императорских особ, высшей знати и чиновничества, так и низы, представленные мелким чиновничеством, торговым и работным людом, земледельцами.

В китайском буддизме, как и в любой высокоорганизованной религиозной системе, перманентно сосуществовали два уровня: с одной стороны — элитарный, или «высокий», буддизм ученого монашества, приобщенного к книжной премудрости Учения, а с другой — простонародный, популярный, или «низовой» (допускается также определение «примитивный»), буддизм мирян, в котором преобладают иррациональный элемент, религиозная фантазия, мистицизм.

Высокому, или элитарному, уровню принадлежит высокая книжность, религиозная догматика, толкующая обширный ряд сложнейших философских понятий; ему свойственны высокая степень абстракции и глубина теоретического осмысления. В его рамках творили выдающиеся религиозные умы; этому уровню принадлежат высшие достижения религиозно-философской мысли. К этому уровню религиозного сознания, оставившему после себя огромное наследие, обращены и основные усилия исследователей.

«Низовой», или популярный, уровень не обладает высокой степенью теоретической упорядоченности, присущей ученой религии. Ему недоступны философские высоты религиозной доктрины, но свойственны бессистемность и крайний иррационализм, стихийность и определенная фрагментарность. В нем слепая вера преобладает над логическим построением, чувственное восприятие — над теоретическим осмыслением, религиозная фантазия — над строгим умозаключением. В довершение ко всему «низовой» уровень в слабой мере приобщен к письменной культуре, опирается в основном на устную, а не письменную традицию. Те немногие литературные образцы, которые он все же создает, по обыкновению отторгаются высокой книжностью и оказываются с течением времени частично или вовсе утраченными. Последнее обстоятельство создает определенные трудности для исследования религии популярных форм и тем более — на значительном историческом удалении. И все же такие попытки предпринимаются, оказываются вполне удачными (исследования по средневековому народному христианству, предпринятые европейскими учеными-медиевистами под руководством Жака ле Гоффа, а также А. Я. Гуревичем, служат тому лучшим подтверждением) и в любом случае оправданными. Ибо в конечном итоге речь идет о преобладающей форме вероисповедания в пределах распространения мировых религиозных систем.

Что касается простонародного китайского буддизма первой половины первого тысячелетия нашей эры, то этот ключевой период проникновения и адаптации буддизма в Китае до настоящего времени считается не обеспеченным источниками и потому «темным» и бесперспек-

тивным для исследования. Конечно же, ранний китайский буддизм во все не обделен источниками, содержащими большой набор разнообразных сведений (только одно биографическое собрание Хуэй-цзяо «Жизнеописания достойных монахов» позволяет воссоздать историю раннего китайского буддизма весьма подробно и достоверно), но за одним весьма существенным исключением. Здесь мы не находим ничего (или почти ничего), что касалось бы «низового», или простонародного, китайского буддизма. И такое положение вещей ничуть не удивительно. Дошедшие до нас письменные памятники принадлежат высокому, или ученому, буддизму и уже в силу этой принадлежности отторгают от себя все связанное с простонародной (букв.: «невежественной», «непосвященной», «мирской») верой. Казалось бы, исследователю простонародного китайского буддизма раннего периода не остается ничего иного, как всле за Э. Цурхером ждать открытия второго, более древнего Дуньхуана⁵.

И все же ситуация не столь безнадежна. Китайское письменное наследие предоставляет счастливую возможность если не исчерпать, то внести определенную ясность в эту проблему. Таковую возможность заключает в себе буддийский короткий рассказ *сяошо*. Эта литература сохранилась в довольно обширных фрагментах, была по существу вновь открыта в последние десятилетия, но до настоящего времени не удостоилась того внимания, которого она, несомненно, заслуживает.

* * *

Буддийские темы и образы, персонажи и реалии отчетливо прослеживаются в таких классических образцах литературы *сяошо*, как сборники «Продолженные записи о поисках духов» Тао Юань-мина, «Ходячие толки в новом пересказе» и «Записи о тьме и свете» Лю И-цина и др. На рубеже IV—V вв. появляются сборники уже полностью буддийского содержания. Они составлены буддистами-мирянами для светского читателя и призваны укрепить в вере тех, кто Будду почитает, и возбудить религиозное чувство в тех, кто не чтит Будду. Авторы таких сборников являли в одном лице литератора, творившего в привычном жанре короткого рассказа, и правоверного мирянина, полагающего свои труды на поприще сочинительства способом религиозного совершенствования и высокой религиозной заслугой. Существенное отличие буддийского короткого рассказа от его добуддийского предшественника состоит в том, что здесь удивительное и чудесное происшествие предлагается читателю не само по себе, но с непременно назидательным смыслом в буддийском духе.

⁵ Храмовый комплекс Дуньхуана, или пещеры Могао (на западе совр. пров. Ганьсу), сооруженный во второй половине первого тысячелетия нашей эры, был в начале XX в. вновь открыт в почти первоизданном виде, включая обширную монастырскую библиотеку. Обработкой материалов этого комплекса занимается особая отрасль современного китаеведения — дуньхуановедение.

Авторы-составители буддийских сборников коротких рассказов заимствуют свои сюжеты из буддийского общинного — местного или семейного — предания, полагаются на собственные впечатления, рассказы очевидцев или участников событий, реже — на письменные свидетельства о необычайных происшествиях. Тем самым создается эффект (заметим, имеющий под собой весьма веские основания) особой близости буддийского короткого рассказа к фольклорной традиции, а сами авторы-составители сборников напоминают нам современного фольклориста, опубликовавшего материалы своих полевых исследований, но с той существенной разницей, что этот фольклорист безусловно верит в достоверность изложенного.

Авторы-составители сборников буддийских *сяошо*, как мы уже заметили, не были монашествующими и в своем большинстве являлись чиновниками если не высшего, то определенно высокого ранга, причем своей образованностью этому рангу вполне соответствовали. Они, конечно же, не могут быть причислены к представителям китайских социальных низов или к безымянным творцам устного народного предания. К социальным низам не могут быть причислены и многие персонажи буддийских *сяошо*. В сборниках удивительных буддийских историй приводятся эпизоды из жизни крестьянина, торговца, воина, но наряду с этим в качестве персонажей выступают высшие сановники и царствующие особы. Основным же персонажем предстает здесь чиновник низшего, среднего, а иногда и высокого ранга. Между тем ранний китайский буддизм, каким он предстает в буддийских историях, резко отличается от того, что излагают их современники — буддийские историографы. В удивительных историях мы не находим ни той строгости исторического видения и внимания к историческим деталям, ни той приверженности буддийской религиозно-философской традиции, которая пронизывает буддийские исторические сочинения; напротив, здесь царит стихия сверхъестественного и необычайного, преобладают темы, свойственные мифологизированному сознанию.

Было бы соблазнительным объяснить столь явные различия единственно особенностями литературы *сяошо*, ориентированной на необычайное событие и удивительное происшествие. Такое объяснение удовлетворяет нас лишь отчасти, поскольку короткий сюжетный рассказ — не плод художественного вымысла, составитель сборника и его современник-читатель безусловно верят в подлинность изложенного. Не в литературном контексте, а, судя по всему, в исторической реальности чиновник — составитель сборника и его основной персонаж — оказываются в своем буддийском мироощущении ближе к непросвещенному, неграмотному мирянину, нежели к ученому монаху-книжнику.

Такое объяснение не покажется столь неожиданным, если помнить, что буддийская образованность приобреталась в продолжение десяти и более лет послушничества и выражалась в углубленном знании догматики, канонической и философской литературы, монашеского устава, в обладании способностью толковать трактаты и т. д., а в конечном итоге вырабатывала строгий строй мысли, сдерживающий необузданную фантазию, заставляющий пренебрежительно относиться к чудесам и небы-

лицам. (В связи с этим уместно будет вспомнить, что по традиции, идущей от Будды Шакьямуни, ортодоксальный буддизм если не противопоставлял себя полностью, то сторонился разного рода чудотворения, полагая его второстепенным или вспомогательным, а иногда и неудобным средством на пути религиозного совершенствования.)

Вместе с тем было бы необдуманным категорически определить буддизм *сяшо* как «мирской» в противоположность «монашескому». С одной стороны, простая принадлежность к монашескому сословию, конечно же, не гарантировала от обскурантизма и неосведомленности, с другой — немногие буддисты-миряне, ориентированные на религиозно-философскую традицию, были способны в исключительных случаях и только благодаря систематическим занятиям покорить вершины буддийской премудрости. Определяя социальное наполнение понятия «простонародный буддизм», мы должны заключить, что адепты, так и не сумевшие приобрести буддийскую образованность в полном объеме, будь то безграмотный крестьянин, чиновник-грамотей и даже неуч-монах, без которых, конечно же, не обходилось в монашеской общине, исповедовали закон Будды в единственно доступной для них упрощенной, примитивной форме.

Как и любая попытка систематизации сложных и многомерных социальных явлений, наша система отсчета несомненно не избежала определенных изъянов. В рамках этой системы «пораженными в правах» и низведенными до уровня простолюдинов оказываются чиновничество, высшие сановники и даже власть предержащие правители, не отвечающие буддийскому образовательному цензу. И все же такая мера условности представляется не только оправданной, но и необходимой. Попытка рассмотреть интересующее нас явление с позиций, выходящих за рамки религиозной системы буддизма, привела бы к значительным искажениям, столкнувшись с едва ли преодолимыми трудностями.

* * *

В буддийский короткий рассказ повторил судьбу своего «светского» предшественника, заняв довольно скромную и маргинальную позицию в собственной литературной традиции. Казалось бы, лестная принадлежность к «книгам, способствующим Учению господина Шакья», на самом же деле низводит буддийские *сяшо* до разряда неканонических и второстепенных сочинений в буддийском письменном наследии. Воистину, буддийские удивительные истории не обладают священным ореолом и художественной выразительностью проповедей — сутр, лишены строгой упорядоченности и философской глубины трактатов — шастр, не претендуют на роль императива, присущую монашескому уставу — виная. (Историко-культурное значение памятника обычно осознается по прошествии долгого времени и не может служить основанием для канонизации.) Не слишком выгодна позиция буддийских *сяшо* и в иерархии собственно китайских сочинений Китайской Трипитаки. В этой иерархии более высокие ступени занимают

и многочисленные комментарии, трактаты, эссе, принадлежащие к религиозно-философской традиции буддизма, и обширные исторические анналы, созданные по высоким канонам китайского историописания, и апокрифические сутры, имитирующие классические образцы, но при этом не являющиеся переводами. При таком положении вещей буддийским *сяошо* была уготована незавидная судьба, если не полное забвение.

Действительно, китайская традиция донесла до нас только немногие образцы буддийских *сяошо* и лишь в разрозненном виде — отдельные рассказы, разбросанные по апологетическим сводам, энциклопедиям и антологиям... Казалось бы невосполнимые потери были все же восполнены японскими братьями по вере, руководствующимися иными литературными приоритетами: китайские удивительные истории послужили образцом для подражания и явились прототипом для японской литературной традиции, поначалу использующей *камбун* (китайское письмо)⁶. В японских монастырях была сохранена сравнительно недавно опубликованная серия из трех китайских сборников о бодхисаттве Гуаньшине-Авалокитешваре — наиболее ранние образцы буддийских *сяошо*. Там же сохранилась рукопись более известного в Японии, нежели в самом Китае, сборника Тан Линя «Загробное воздаяние» — одного из поздних сборников невероятных историй. Подборку, сверку и публикацию «китайской» части коллекции буддийских *сяошо* в своем труде «Извлечения из старинной прозы» осуществил основоположник новой китайской литературы и выдающийся знаток литературного наследия Лу Синь.

Предлагаемые вниманию читателя переводы — наиболее полная, три четверти от общего объема, подборка буддийских *сяошо*, к стати сказать, переведенных на европейские языки лишь в кратких отрывках. (Единственным исключением является английский перевод сборника Тан Линя «Загробное воздаяние», выполненный Д. Гжертсоном.) На отсутствующую четверть приходится в основном повторы сюжетов, которых не избежали буддийские *сяошо*.

Итак, сообщим краткие сведения о сборниках, вошедших в нашу подборку, и об их авторах-составителях.

Сборник Ван Янь-сю «Предания об услышанных мольбах» сохранился только в двух кратких фрагментах, представленных в приложении Чэнь Цзы-яна (ум. в 632 г.) к собранию «Рассуждения в споре об истинном». По имеющимся сведениям, автор «Преданий об услышанных мольбах» Ван Янь-сю служил по ведомству отправления ритуалов при династии Сун (420—479) и был мужем «глубокой учености».

Сборник «Подлинные события» составлен Лю И-цином (403—444), носившим титул Линьчунаньского вана Кана и приходившимся племянником основателю династии Сун Лю Юю (император У-ди; годы правления: 420—423). По признаку социальной принадлежности Лю И-цин

⁶ См.: Свиридов Г. Г. Японская средневековая проза *сяцува* (структура и образ). М., 1981; Японские легенды о чудесах (IX—XI вв.). Пер. с яп. А. Н. Мещерякова. М., 1984.

выпадает из ряда авторов-составителей буддийских *сяошо*, происходивших из чиновного сословия, но его достоинства как ученого и литератора, быть может, наиболее очевидны: «Ходячие толки в новом пересказе» и «Записи о тьме и свете» относят к шедеврам жанра *сяошо*. В отличие от этих двух сочинений «Подлинные события» дошли до нас лишь в небольших фрагментах, в основном сохранившихся в составе буддийского собрания «Рассуждения в споре об истинном». В археографическом труде «Извлечения из старинной прозы» Лу Синь приводит тридцать пять сюжетов из «Подлинных событий», отличающихся не только предельной краткостью, но и относительным разнообразием.

Если бы из коллекции буддийских *сяошо* сохранился единственно сборник Ван Яня (ок. 450—после 500 г.) «Вести из потустороннего мира», то и тогда мы имели бы вполне отчетливое представление об этой литературе в целом. Мы располагаем ста тридцатью одним сюжетом и авторским предисловием, что составляет, пожалуй, большую часть от первоначального объема сочинения. «Вести из потустороннего мира» вобрали в себя сюжеты из предшествующих сборников и отличаются разнообразием, которого порой недостает литературе буддийских *сяошо*. Выдержки из сборника Ван Яня, приведенные в буддийском собрании VII в. «Роща драгоценностей парка Закона», в фундаментальном своде XI в. «Обширные записи годов Великого спокойствия» и в других позднейших сочинениях, были собраны воедино, сверены и опубликованы Лу Синем.

Китайские исторические анналы сохранили сведения о том, что род Ван происходил из округа Тайюань (совр. пров. Шаньси), а сам Ван Янь при начале династии Лян (502—557) служил начальником одного из центральных округов. Все иные (весьма, впрочем, скудные) биографические сведения о Ван Яне могут быть почерпнуты из авторского предисловия к сборнику. Весьма информативно для нас упоминание о том, что Ван Янь проживал в квартале Черных одежд. Этот квартал столицы Цзянькана (совр. Нанкин) был прежде заселен мастеровым людом (отсюда и происходит его название), а с V в. стал местом проживания семей высшей знати и сановников, в основном переселившихся с Севера. С большой долей вероятности можно предположить, что к одной из таких семей принадлежал и автор «Вестей из потустороннего мира». Судя по тому, что события 463 г. с пропажей статуй из монастыря он наблюдал совсем молодым, дата его рождения должна быть отнесена приблизительно к 450 г. В совсем юном возрасте Ван Янь приобщился к буддийской вере, принял обеты мирянина, стал прихожанином и донатором буддийского монастыря. Он происходил из знатного рода, переселившегося в южную столицу с Севера, а к концу жизни достиг довольно высокого служебного положения. Его литературные опыты не ограничились лишь буддийскими *сяошо*: по другим сведениям, он пробовал свои силы в составлении исторического труда в стиле традиционного летописания — «Весны и осени династии Сун», ныне утерянного. История распорядилась таким образом, что через многие столетия Ван Янь предстает не одним из бесчисленного множества китайских историографов, но создателем уникального сборника буддийских удивительных историй.

Сборник «Достопамятные происшествия» составлен по приказу императора династии Суй (581—618) его личным историографом Хоу Бо (вторая половина VI в.). Хоу Бо был известным в свое время литератором, которому помимо «Достопамятных происшествий» принадлежит уже известный нам сборник «Записки, рождающие улыбку». (По сведениям некоторых источников, Хоу Бо скончался после того, как принял даосское снадобье «пяти ингредиентов».) В подборке Лу Синя приводятся лишь десять относительно крупных сюжетов, почерпнутых в основном из буддийского собрания «Рожа драгоценностей парка Закона». Появившиеся на рубеже VI—VII вв., сюжеты «Достопамятных происшествий» (как, впрочем, и рассказы из сборника «Записки, рождающие улыбку») оставляют впечатление художественной завершенности, которая в большей степени свойственна танской новелле *чуаньци*, нежели *сяошо*.

Сборник Тан Линя (?600—659) «Загробное воздаяние» сохранился полностью: в ряде рукописей, в основном хранящихся в японских монастырях и храмах, расхождения довольно незначительны. Пятьдесят семь сюжетов, снабженных авторским предисловием, по-видимому, и составляли содержание оригинала, датированного между 653—655 гг. В предисловии к сборнику Тан Линь определяет себя в литературные последователи авторов буддийских *сяошо*, что, по видимости, служит прочным основанием для отнесения «Загробного воздаяния» к жанру короткого рассказа. Между тем сам памятник, датированный серединой VII в., принадлежит к иной литературной эпохе, предвещающей появление танской новеллы *чуаньци*. Приходится согласиться, что появление некоторых рассказов этого сборника в ряде современных изданий танских новелл *чуаньци* выглядит вполне уместным и по меньшей мере не портит общей картины.

Тан Линь принадлежал к знатному роду, представители которого занимали высокие должности по гражданскому и военному ведомствам при Северных династиях и империи Суй. В ближайшей родне по отцовской и материнской линиям были высокопоставленные чиновники, совмещавшие свои служебные обязанности с буддийской конфессиональной принадлежностью, что, вероятно, являлось общим правилом при династиях Суй и начале Тан. Автор «Загробного воздаяния» начал карьеру в 618—626 гг. на службе у наследника престола, а восхождение по служебной лестнице завершил при танском Гао-цзу (650—684), побывав на высших постах империи: министра финансов, главы высшей судебной палаты, а затем военного и гражданского ведомств. В год завершения сборника Тан Линь занимал пост главы министерства чинов. Личность автора, точнее сказать, его служебное положение, обилие персонажей-чиновников и казенных учреждений в обоих мирах, а также полное преобладание информантов из чиновного сословия (заметим, весьма высокого ранга) создают особую атмосферу «бюрократического» буддизма сборника. Следует предположить, что и в исторической реальности династий Суй — первых десятилетий Тан закон Будды глубоко внедрился в высшие эшелоны бюрократической китайской системы.

* * *

Коллекция буддийских историй неоднородна по своему составу. При внимательном прочтении в ней обнаруживается по меньшей мере четыре крупных сюжетных блока или типа сюжетов. Кратко представим каждый из них.

I. МОЛЕНИЯ БОДХИСАТТВЕ АВАЛОКИТЕШВАРЕ

Бодхисаттва Авалокитешвара претерпевает на китайской почве ряд существенных превращений. Суть таких превращений не сводится лишь к тому своего рода лингвистическому казусу, который случился с самим именем бодхисаттвы: Авалокитешвара, или Владыка всепрорезающий, приобретает китайское имя Гуаньшиинь, т. е. Внемлющий зову мира. Многим значительно оказались изменения, происшедшие в самом существе культа Авалокитешвары. По мере распространения Махаяны, проповедующей культ спасителей всего сущего — бодхисаттв, Авалокитешвара-Гуаньшиинь занимает едва ли не главенствующее положение в пантеоне популярного китайского буддизма, становится своего рода патроном буддийской паствы Китая. Едва ли не каждый третий сюжет буддийских *сяшо* посвящается бодхисаттве Гуаньшииню.

Принято считать, что изначально, т. е. в ранней Махаяне, наряду с Манчжури, олицетворявшим мудрость Будды, Авалокитешвара персонафицировал милосердие Высококочтимого. В качестве бодхисаттвы Милосердия он и культивировался в китайском простонародном буддизме, со временем вобрав в себя свойства, присущие другим бодхисаттвам. Более других традиций, связанных с Авалокитешварой, известна та, что восходит к двадцать пятой главе «Лotosовой сутры», выделившейся затем в отдельное сочинение под названием «Авалокитешвара-сутра» («Гуаньшиинь цзин»). Здесь Авалокитешвара наделяется титулом «Саммантамукха», что означает «Всевидающий», и исполняет святую миссию — повсеместно и в любом облике воплощать себя в миру для спасения людей от несчастий, в частности, от меча и кандалов, огня и водной стихии, от злых духов и болезней. Там же провозглашается то качество Авалокитешвары, которое в позднейшем китайском буддизме становится доминирующим: способность даровать мужское потомство, с чем, вероятно, и связана последующая феминизация бодхисаттвы. Отмечается, что начиная с VII—VIII вв. наряду с мужским в иконографии встречается и женское изображение Авалокитешвары, которое затем становится преобладающим. В сюжетном ряду буддийских *сяшо* Авалокитешвара-Гуаньшиинь предстает все еще в исконном мужском облике.

Сюжеты, посвященные бодхисаттве, отличаются предельной простотой и незатейливостью. Обычная схема сводится к тому, что в критической ситуации (канонический набор ситуаций детализируется и несколько расширяется: спасение от огня, воды, злых демонов, меча, оков, бандитов, диких животных, а также дарование сыновей, указание пути заблудившимся, доставление домой из дальних мест, исцеление болезней) страждущий возносит молитвы к Гуаньшииню, и бодхисат-

тва дарует ему избавление. Милосердие бодхисаттвы поистине беспрельдно. Гуаньшиинь олицетворяет для мирянина реальные сиюминутные блага, исходящие от закона Будды и доступные только его приверженцам.

II. ЖИТИЯ

Этот обширный класс сюжетов повествует о буддийских монахах и монахинях, подвижниках и подвижницах. Лишь немногие из этих сюжетов соблюдают (точнее сказать, имитируют) форму развернутой биографии, описывающей жизненный путь исторического деятеля на всем его протяжении или в значительной части (скажем, период жизни, проведенный чужестранцем-миссионером в Китае). Большинство здесь составляют сюжеты, запечатлевшие отдельное событие (в общем случае одно, реже два или три) из жизни монаха или монахини. В любом случае эти сюжеты сообщают нам весьма немногие достоверные сведения, но позволяют соприкоснуться с бытующими среди мирян популярными представлениями об идеальном буддийском подвижнике и содержании его деятельности.

Помимо житийных сюжетов буддийских *сяошо* в Китае существовала обширная литература исторических биографий, принадлежащая традиции высокого ученого буддизма. Эти биографии — по преимуществу строго исторического содержания — полны сведений о деятельности монахов главным образом на поприще буддийской книжности, будь то перевод, толкование, заучивание, декламация буддийских сочинений и т. д.⁷ Попадая в контекст буддийского короткого рассказа, образы тех же исторических деятелей (скажем, Хуэй-юаня, Гунавармана, Дхармаракши, Чжи Дуня и др.) приобретают отчетливые житийные свойства. Сюжеты буддийских *сяошо* сводятся к описанию необычных происшествий, разного рода чудес, вызванных или сотворенных усилиями подвижника. Здесь образ подвижника неизбежно приобретает столь импонирующие народному сознанию черты заклинателя, мага, чудесника и чудотворца, запечатлевает представления о буддийском монахе, широко бытующие (а быть может, культивируемые) в среде буддистов-мирян, простого люда. Мирскому сознанию импонирует та миссия покровителя и народного избавителя, которую в сюжетах, связанных с вызыванием дождя, чудесным исцелением, предотвращением бедствий, возлагает на себя буддийский подвижник. Вместе с тем тенденция к обожествлению буддийского подвижника причудливо уживается в этом сознании с противоположной тенденцией «омирщения», о чем свидетельствуют нередкие сцены мучений нерадивых монахов в аду. Духовный наставник и предводитель паствы, в роли которого выступает буддийский монах, обязан во всех отношениях соответствовать своему исключительному положению, иначе народная ментальность ниспровергает и жестко порицает своего былого кумира. Заметим, впрочем, что инвективы по адресу нерадивых буддийских подвижников

⁷ Классическое собрание буддийских биографий см.: Хуэй-цзяо. Жизнеописания достойных монахов (Гао сэн чжуань). Разд. 1: Переводчики. Пер., исслед., коммент. и указ. М. Е. Ермакова. М., 1991.

содержатся вовсе не в житиях, выдержанных в привычных панегирических тонах, а в следующем классе сюжетов буддийских *сяошо*.

III. Хождения в потусторонний мир

Этот класс сюжетов, так же как и предыдущий, находит свой весьма близкий аналог в популярной литературе средневекового христианства — жанре «загробных видений». Обычная сюжетная схема буддийских загробных хождений приблизительно такова. Персонаж (с точным указанием имени, места рождения и рода занятий; имен и рода занятий его родителей) заболевает и находится при смерти или, говоря языком современной медицины, в коматозном состоянии. Через некоторое время — обычно от двух до семи дней, но не позже акта захоронения — он оживает, постепенно приходит в себя и рассказывает об увиденном. Визитеры в потусторонний мир обычно видят следующее. На пороге жизни и смерти за ними являются посланцы из загробного мира и препровождают (в экипаже, верхом или пешком) к месту загробного суда. Описание маршрута, как правило, сопровождается рядом подробностей. На суде, сцена которого описывается наиболее подробно, выясняется, что ответчик доставлен в мир иной раньше отмеренного ему и занесенного в соответствующие списки срока. Его возвращают в мир живых, предварительно снабдив наставлениями, как провести остаток жизни (отмеренный иногда с точностью до дня) с наибольшей религиозной пользой для себя на земле и последующей участи в потустороннем мире. Прежде чем отправиться в обратный путь, он получает возможность — также в назидание другим людям — обойти многочисленные сферы потустороннего мира, наблюдать или (в искупление уже совершенных грехов) испробовать на себе муки ада, зреть картины райских блаженств. Обстоятельства возвращения в мир живых и, в особенности, проникновения в собственную, уже тронутую тленом плоть — еще одна неперемнная принадлежность такого рассказа.

Для нас буддийские загробные истории представляют интерес прежде всего как самобытное литературное явление и уникальный источник по популярной космографии раннего китайского буддизма, но не приходится сомневаться и в том, что они служили весьма эффективным идеологическим средством для вовлечения и удержания паствы в сфере буддийского влияния.

Своеобразной разновидностью жанра загробных историй могут быть представлены сюжеты, рассказывающие о визитах в сей мир обитателей потустороннего мира. Явлению будд и бодхисаттв предшествуют чтение сутр, молитвы, посты, понимаемые как акты прямого общения адептов с божеством. Явление происходит в первозданном божественном образе, но чаще в облике убогого странника, заурядного монаха. Уход (точнее сказать, вознесение) сопровождается чудесами: в небо вздымается вихрь, а по воздуху растекается дивный аромат. Являются в сей мир также и обитатели потустороннего мира с тем, чтобы наставить своих живых родственников в вере, заручиться их поддержкой, предостеречь от неверия и заблуждений, раскаяться в своих прегрешениях.

IV. СЮЖЕТЫ, ПОСВЯЩЕННЫЕ ВОТИВНЫМ ПРЕДМЕТАМ

Культ вотивных предметов, под которыми мы понимаем статуи, иконы, хоругви, ступы, мощи-шарира и другие объекты религиозного поклонения, приобретает чрезвычайно широкое распространение в китайском буддизме. Роль этого культа, определяемого переходом от религиозной абстракции к непосредственному чувственному восприятию-переживанию, возрастает по мере снижения уровня религиозного сознания, достигая предельно высоких величин на низовом, или популярном, уровне буддийской религиозной системы.

В сборнике Ван Яня «Вести из потустороннего мира» тема поклонения буддийским святыням обозначена уже в авторском предисловии и продолжена в первом сюжете, излагающем обстоятельства проникновения закона Будды в Китай. В таком прочтении история китайского буддизма берет свое начало от появления в Китае буддийских святынь — статуй и икон, доставленных к ханьскому двору чужеземцем-миссионером Кашьяпа Матангой.

Религиозная фантазия переносит божественные свойства воображаемого (будд и бодхисаттв) на изображения (статуи и иконы) и наделяет эти воплощенные образы способностью благодетельствовать праведнику, карать грешника. Мирское сознание одушевляет эти неодушевленные предметы и придает им чудесные свойства: не гореть в огне, не тонуть в воде, самостоятельно перемещаться в пространстве, излучать сияние и т. д.

Вотивные предметы служат праведному мирянину символом могущества буддийских божеств, знаком величия и влияния закона Будды в окружающей социальной среде. Посвяительство на буддийские святыни (порча, надругательство, кража) определяется в сюжетном ряду буддийских *сяшо* как смертный грех или преступление, влекущее тяжкое возмездие еще при жизни.

Таковы основные типы сюжетов, чередованием и сочетанием которых создается многообразие литературы буддийских *сяшо*, воссоздающей причудливый мир простонародного китайского буддизма.

ЗАКОН БУДДЫ В МИРУ

...Буддизм как эпизод индийской философии и буддизм как народная религия являются двумя течениями в буддизме, которые хотя по времени и параллельны, но имеют каждое свою историю.

О. О. Розенберг.
Проблемы буддийской философии

Было бы большим преувеличением полагать вслед за авторами буддийских *сяшо*, что весь китайский мир жил исключительно по буддийским законам, а противники Будды были раз и навсегда посрам-

лены и уничтожены. Пропагандистическая направленность литературы буддийских *сяошо* очевидна и вполне осознается нами. И все же не остается сомнений в том, что влияние раннего китайского буддизма проникло в глубь китайского общества, распространялось в широкой социальной среде Китая. С конца III—начала IV вв. закон Будды активно вторгается, а затем продолжительное время доминирует в религиозной системе Китая, в сфере популярных религиозных представлений китайцев. Буддийские истории позволяют совершить краткий экскурс в популярный китайский буддизм, и мы попытаемся этой возможностью воспользоваться⁸.

Обращаясь к сюжетам буддийских *сяошо*, мы предлагаем читателю, сколь-либо сведущему в классическом буддизме, отрешиться от прежних представлений и стереотипов. Классический, или ортодоксальный, буддизм и буддизм популярный, или низовой, — явления, требующие различных подходов. Буддизм образца *сяошо* разительно отличается от основательно изученного и в какой-то мере привычного для нас буддизма ученых трактатов, высокой книжности, философского буддизма.

* * *

Литература буддийского короткого рассказа, казалось бы, нисколько не приспособлена к изложению теоретических построений. В сюжетном ряду буддийских *сяошо* отсутствуют строгие религиозно-доктринальные рассуждения или апелляции к буддийской догматике. Массовому сознанию недоступно, безразлично и чуждо теоретизирование высокого философского уровня. Между тем в буддийских *сяошо* подспудно присутствуют и поддаются реконструкции те элементарные идеологические образования или базовые идеологемы, которые лежат в основе ментальности буддиста-мирянина и питают простонародный китайский буддизм: бессмертие души, загробное воздаяние, потусторонний мир. Обратимся последовательно к каждому элементу этой триады.

Классическому буддизму было чуждо понятие «души» как некоей нематериальной субстанции, присутствующей при жизни и после смерти человека. В индобуддийской религиозно-философской традиции господствует представление об отсутствии души — *анатма* (букв.: «недуша»), опирающееся на теорию дхарм.

Однако этот строгий теоретический постулат был отвергнут стихией простонародного китайского буддизма. Попадая в культурно-идеологическую атмосферу Китая, буддийская традиция утрачивала непосредственную связь с категориями индийской культуры. Одной из идеологических основ простонародного китайского буддизма становятся представления о душе в том виде, в каком они существовали в традиционных китайских верованиях добуддийского периода. Согласно этим представлениям, сформировавшимся по меньшей мере к середине I тысячеле-

⁸ Подробное исследование по материалам буддийских *сяошо* см.: Ермаков М. Е. Мир китайского буддизма. По материалам коротких рассказов IV—VI вв. СПб., 1994.

тия до н. э., человек есть сочетание «небесной» субстанции, заключенной в душе *хунь*, и «земной» субстанции, заключенной в душе *по*. По возникает в момент зачатия, а *хунь* — при рождении; гармоническое же сочетание этих субстанций нарушается в период болезни, во время сна и, конечно же, в момент смерти. После смерти *по* вместе с телом уходит в землю и становится злым и опасным духом *гуй*, а *хунь* возносится на небо, превращаясь в доброго духа *шэнь*. Непосредственные реликты такого рода представлений прослеживаются и в буддийских *сяшо*. Один из сюжетов рассказывает о том, как одному мирянину поочередно то в облике голодного духа, то в образе небожителя являлся его умерший младший брат. Этот весьма любопытный сюжет содержит, по существу, полный комплект традиционных китайских представлений о душе. После смерти младшего брата его душа *хунь-шэнь* воспарила в небо и пребывает в райском блаженстве, а душа *по-гуй*, вероятно, не упокоенная должным образом (быть может, был нарушен обряд похорон), голодная, скитается в мире людей. Впрочем, не исключено, что сюда примешались и некоторые черты индийской мифологии, в частности, привнесенный буддизмом образ голодного духа-прета.

Простыми, но несомненно действенными средствами буддийские *сяшо* парируют любые попытки поставить под сомнение существование души и поколебать веру в ее бессмертие. Один из персонажей, в духе конфуцианского рационализма отрицавший бессмертие души («душа и тело после смерти полностью исчезают»), после смерти на короткий миг возвращается в сей мир, чтобы поведать своему другу: «Я только сейчас понял, что учение Шахьямуни не ложно. Душа существует после смерти, и я получил тому доказательство».

В сюжетном ряду буддийских *сяшо* душа предстает как некий нематериальный двойник человека, при жизни заключенный в его физической оболочке, а после смерти существующий от этой оболочки обособленно. В том, что речь идет именно о двойнике, то есть об аналоге тела, убеждают нас сюжеты хождений в загробный мир, а также эпизоды, рассказывающие о кратких визитах умерших в мир живых к родственникам или друзьям. В том и другом случаях с нарочитым постоянством упоминается, что ни обитатели загробного мира, ни визитеры с того света ничем не отличались от тех, кем они были при жизни. Еще более убедительны эпизоды, описывающие натуралистические подробности возвращения визитеров в потусторонний мир в свою уже тронутую тленом плоть, которыми по обыкновению заканчиваются сюжеты хождений в загробный мир.

Представление о душе тесно связано с культом предков — едва ли не важнейшим элементом традиционных китайских верований. Чужеземная религия (а в устах китайских критиков непременно «варварская») вряд ли могла рассчитывать на широкий приток китайских адептов, исключив культ предков из сферы своих интересов. По большому ряду коротких рассказов мы можем судить о том, что уже в IV—V вв. буддизм освоил эту важнейшую область китайской духовности. Монашество активно участвует в отправлении культа предков, а

мирянин, озабоченный участью своих родственников в загробном мире, пользуется широким набором средств, сложившимся в простонародном китайском буддизме: пожертвования и участие в буддийских ритуалах, совершаемых во благо усопшим предкам, накопление религиозных заслуг для последующей передачи покойным, жертвования монашеской общине, которые также могут быть переведены на счет усопших, и многое другое, что уже в VI—VII вв. обозначалось емким понятием «радения за усопших».

Прежде мы заметили, что в отличие от своего «светского» предшественника буддийский короткий рассказ пронизан откровенной дидактикой, насыщен отчетливо выраженным нравоучительным смыслом. В основе назидательного содержания буддийских *сяшо* лежат представления о загробном воздаянии.

Воздаяние становится объединяющей идеей всего сюжетного ряда буддийских *сяшо*, но свое предельное выражение находит в рассказах о загробном мире, уготованном всякому существу. Посмертное воздаяние служит основным императивом строгой этической регламентации повседневной жизни мирянина и, судя по всему, аргументом в вовлечении и удержании пасты в сфере влияния буддизма.

Не следует думать, что идея загробного воздаяния в строгом значении и осознанном виде была имманентна китайскому религиозному сознанию и присутствовала в нем изначально. До прихода буддизма в китайских представлениях об участи умерших преобладал сословный принцип: чем выше статус при жизни, тем большие привилегии ожидают после смерти. При этом упокоение душ умерших вменялось в обязанность потомкам, призванным надлежащим образом исполнять ритуалы похорон и регулярных жертвоприношений. Буддизм успешно приспособился к культу предков, но не в ущерб принципу «личной ответственности» умершего (независимо от его сословной принадлежности) за содеянное при жизни. Радения потомков способны изменить загробную участь их предка, но в ограниченных пределах — неизбежный компромисс буддизма в китайских условиях. Введение института загробного суда и внедрение идеи загробного воздаяния являют собой предельную степень трансформации китайского массового сознания под воздействием буддизма, отражают глубинные изменения, происшедшие в китайских народных представлениях в III—IV вв.

В предисловии к своему сборнику Тан Линь из вполне понятных побуждений пытается отыскать истоки идеи воздаяния в письменной китайской традиции, приведя полтора десятка убедительных (или не очень) примеров из добуддийских времен от легендарного Шуня до династии Хань. Эти образцы китайской древности заставляют согласиться, что в китайском массовом сознании подспудно и, как правило, неосознанно присутствовала убежденность в том, что некая высшая сила — Небо как мировое начало — призвана восстанавливать справедливость: тотчас или по прошествии времени карать злодеяния и вознаграждать благие поступки. (Заметим, что в реальности древнего Китая она распространяется не только на злодеев и благодетелей, но и на их потомков в ближайших поколениях.) Эти убеждения несомненно про-

слеживаются как в приведенных Тан Линем, так и в других образцах китайской древности, но ни в малейшей степени не соответствуют идее загробного, посмертного, за гранью жизни воздаяния, каким оно предстает в простонародном китайском буддизме начиная уже с IV в. Ее средоточием становятся буддийские *сяошо* и, в частности, сборник Тан Линя «Загробное воздаяние».

Итак, участь умершего (будь то адские муки или райское блаженство, благоприятная или, напротив, неблагоприятная форма нового рождения) решается загробным судом посредством точного установления соотношения заслуг и прегрешений в предшествующей жизни. Так, в одном из сюжетов о загробном суде присутствуют «весы правосудия». (Образ, вероятно, зороастрийского происхождения.) Мера наказания и поощрения, избираемая высшим судом, всегда справедлива (суд располагает подробнейшим досье на каждого, кто предстает перед ним, учитывает как отягчающие, так и смягчающие обстоятельства), но и чрезвычайно высока, поскольку статусы земного существования и существования потустороннего далеко не равнозначны. Буддийский короткий рассказ убеждает нас в том, что настоящая жизнь — лишь краткий мир в преддверии либо райских блаженств, либо адских мук и последующих рождений. Но тем более возрастает цена каждого поступка, совершаемого мирянином в этой жизни!

Идея загробного воздаяния коррелирует с индубуддийским понятием карма⁹, требующим отстраненного теоретического осмысления, обладающим весьма сложным религиозно-философским содержанием, связанным с теорией причинности. В китайской простонародной ментальности карма утрачивает изначальное философское содержание и в некотором смысле воспроизводит универсальные представления об «участи», «уделе», «доле». По замечанию выдающегося отечественного буддолога О. О. Розенберга, в таком значении карма может быть сближена с учением о возмездии в других религиях мира. Но и в таком, весьма упрощенном, значении термин карма не вполне удовлетворял потребностям простонародного китайского буддизма с его ключевой идеологией загробного суда. Наряду с понятием карма, а затем и с большим постоянством здесь применяется понятие «воздаяние» или «загробное воздаяние».

Еще одно идейное основание и последний из элементов базовой триады простонародного китайского буддизма заключают в себе собственно представления о потустороннем мире. Представления такого рода входят в древний добуддийский пласт китайских народных верований. Иной мир вписывается в китайскую картину мира как обитель духов и божеств, царство мертвых в противоположность миру живых. В сфере этих представлений господствует культ Неба как высшего направляющего начала, повелевающего судьбами живых и мертвых. Небо становится также и обителью вземных небесных душ *хунь* тех умерших, кто принадлежал к высоким сословиям при жизни. К началу на-

⁹ Карма — букв.: деяния, поступки; совокупность добрых и дурных деяний, определяющих благоприятную или, напротив, неблагоприятную форму рождения всего сущего.

шей эры окончательно утвердилось представление о подземном Желтом источнике, к которому устремляется душа покойного, точнее сказать, ее «материальная» земная субстанция *по*. Географическое местоположение иного мира, каким он предстает в китайском массовом сознании, довольно неопределенно (север, северо-запад, горы Куньлунь, Тайшань, Суншань, уезд на далеких окраинах Китая и т. д.) и сочетается с вертикальной моделью мира, расчлененной на небо, землю и подземное царство. При этом необходимо отметить, что в буддийских представлениях о потустороннем мире вовсе отсутствуют этические основания, различающие местопребывание душ грешников и праведников.

Иной мир, запечатленный в буддийских *сяшо*, свободно сочетает в себе исконные китайские представления и заимствования из индийской мифологии. В буддийском коротком рассказе на разные лады варьируется образ водной преграды или пограничной реки, разделяющей этот и иной миры. Этот архетипический элемент не теряет своего значения и в сборниках буддийских *сяшо*.

Безусловно китайского происхождения также представления о горах Тайшань и Суншань (совр. пров. Шаньдун и Хэнань) как об обители душ умерших. В этом значении образ запредельного мира приобретает вполне реальные географические очертания. Иногда в буддийских *сяшо* фигурирует некая безымянная гора с весьма приблизительным местоположением. Отдельные детали описания заставляют искать ее прообраз в горе Сумеру, которая воплощает идею мировой вертикальной оси в индобуддийской картине мира. Потусторонний мир протонародного китайского буддизма вообрал в себя и многие другие элементы некоего происхождения: небеса Трайястримша, или Тридцать три небесные сферы, населенные божествами-дева; Дворец семи драгоценностей — обитель небожителей; колесо с крючьями, прикатившее с запада карать грешников, и т. д.

Иноземные заимствования существенно трансформировали образную систему традиционных китайских представлений о потустороннем мире. Главные же трансформации произошли в самой основе или структуре этих представлений. Идея загробного воздаяния, лежащая в основе популярного китайского буддизма, определила дуализм потустороннего мира, выразившийся в противопоставлении рая и ада. Взамен прежней структуры потустороннего мира, ставящей посмертный удел в зависимость от сословной принадлежности при жизни, отныне в китайском массовом сознании господствует дуальная структура, опирающаяся на буддийские моральные ценности.

Преисподняя с неизбежностью ожидает того, чьи грехи перевешивают религиозные заслуги: только испытав на себе отмеренные ему адские мучения, грешник удостоивается последующего рождения. В этом значении ад и уподобляется рядом европейских исследователей чистилищу средневекового христианства, но с одной существенной поправкой: буддийское «чистилище» в отличие от христианского служит промежуточным звеном между прошлым и будущим рождениями. Такое уподобление если и правомерно, то только потому, что в мифологизи-

рованном сознании буддиста-мирянина это промежуточное звено приобретает гипертрофированное, самодовлеющее и едва ли не главенствующее значение.

Для обозначения понятия, которое мы переводим как «ад», «ады» или «преисподняя», в буддийском коротком рассказе употребляется сочетание *диюй* (букв.: «земная или подземная тюрьма, узилище»), которое остается наиболее употребительным начиная с первых веков китайского буддизма по настоящее время. Отдельные эпизоды позволяют предположить, что в сознании необразованного буддиста-мирянина значение термина *диюй* воспринимается в буквальном, прозаическом значении, прямо заимствованном из земной реальности.

Китайское народное сознание легко усвоило классическую символику буддийской inferнальной мифологии: черный цвет и железо в качестве основных элементов семантики доминируют и в китайских картинах ада. Наконец, в представлениях китайского мирянина об аде прочно запечатлелись и те мифологемы — холодные ады, меченосные деревья, кипящие котлы, огнедышащие одры и амбары, адские птицы, кровожадные псы и т. п., которыми избилуют буддийские канонические сочинения — сутры.

Райские картины появляются в сюжетах загробных хождений в основном для контраста и не так часты, как картины ада. Основное предназначение этих сюжетов состоит в том, чтобы предостеречь мирянина от неверия и дурных деяний, повергнуть паству в ужас перед близкой перспективой адских мучений. Тема рая выдвигается на первый план в немногих сюжетах райских видений, даруемых праведнику свыше либо достигаемых в состоянии религиозного экстаза.

Итак, рай предстает в народном сознании полной противоположностью ада, чему соответствует обширный набор семантических оппозиций: верх — низ, небеса — подземелье, свет — тьма, добродетель — порок, блаженство — страдание, наслаждение — мука, божество — обитатель ада, изысканное — грубое, драгоценные металлы — железо и олово, волшебная музыка — шум и грохот, чарующее пение — вопли мучеников, благоухание — дурной запах, тепло — холод и т. д.

Основная оппозиция «верх — низ» обусловила преимущественно вертикальное построение потустороннего мира с раем, или «блаженными небесами», в его высших стратах и адом, или «подземным узилищем», — в низших. В представлении китайского неопита буддийский рай устойчиво ассоциируется с небесными сферами.

Буддийская религиозно-философская традиция изначально не приемлет идеи рая, или потусторонней обители душ умерших праведников, удостоившихся вечного блаженства. Высший религиозный идеал буддийской доктрины — нирвана выстроен на иных религиозно-философских основаниях и уподобления раю явно не выдерживает. В простонародной же ментальности категория нирваны неизбежно замещается образом рая, который, собственно говоря, и становится высшим религиозным идеалом мировоззренческого комплекса простонародного китайского буддизма.

В сюжетах, относящихся к началу V в. (так, по крайней мере, датируются происходящие в них события), содержание представлений о

рае приобретает окончательную определенность и четкую направленность. Отныне рай предстает в образе западной (иногда юго-западной) небесной Страны счастья — Сукхавати (она же: Страна благодати, Мир покоя и радости, Страна вечной жизни), обитатели которой пребывают в вечном и сладостном блаженстве под покровительством Будды беспредельного света — Амитабхи. В преобладании такого рода идей в китайской системе представлений о рае, конечно же, не заключено ничего неожиданного. В рамках одного из основных и наиболее популярных течений буддизма — школы Цзинту, или Чистой земли, а затем дальневосточного амидаизма эти идеи остаются религиозным идеалом китайцев и их восточных соседей вплоть до настоящего времени.

Коллекция буддийских *сяошо* сохранила свидетельство о том, что в воображении буддийского адепта существовал образ и иной райской обители. Мирянин, чудесным образом исцелившийся в совсем юном возрасте, ушел в монахи и долгие годы трудился на религиозном поприще, «постоянно устремляя свои помыслы на рождение в небесах Тушита». Уже в начале V в. в китайском народном сознании сосуществовали представления о рае будды Беспредельного света — Амитабхи и будды Благоволящего — Майтреи.

* * *

То обстоятельство, что в большом ряду буддийских коротких рассказов в том или ином контексте приводятся названия буддийских сочинений, позволяет нам с довольно большой степенью приближения воссоздать канон простонародного китайского буддизма на период IV—V вв. Выясняется, что базовую литературу простонародного китайского буддизма составляют произведения раздела сутр-проповедей, исключая разделы виная-устава, а также шастр-трактатов. Наиболее привлекательными, доступными и авторитетными для буддиста-мирянина оказываются произведения, приписываемые Будде Гаутаме и в силу этой принадлежности более других заслуживающие определения канонических. Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что сутры простонародного китайского буддизма уже раннего периода в основном принадлежат к традиции Махаяны с ее четко выраженной прозелитической направленностью.

Итак, полагаясь на довольно частые упоминания сутр в буддийских *сяошо*, удастся установить круг наиболее популярных и почитаемых буддийских текстов, составляющих своего рода канон простонародного китайского буддизма раннего периода: «Сутра лотоса сокровенного Закона» («Саддхармапундарика-сутра»), «Сутра Владыки всепрорезающего» («Авалокитешвара-сутра»), «Махапраджня-парамита-сутра», «Сутра доблестного сосредоточения-самадхи» («Шурамгама-самадхи-сутра»), «Сутра украшений Страны счастья» («Сукхавативьюха-сутра»), «Махапаринирвана-сутра», «Сутра об алмазной праджня-парамите» («Ваджраччхедика-праджня-парамита-сутра»), «Сутра о величии Цветка» («Аватамсака-сутра»), «Сутра царя морских драконов» («Сагаранагараджапарипрчча-сутра»),

«Сутра совершенного и истинного погружения в самосозерцание». (Если дополнить этот список сутрами, которые реконструируются по inferнальным сюжетам буддийских *сяшо*, то и тогда он не составит более двух десятков названий.)

Вместе с тем очевидно, что и сутры, обладавшие довольно сложным доктринальным содержанием и насыщенные непривычной для китайцев лексикой, вряд ли были доступны массовой аудитории, тем более ее непросвещенной части. Устная буддийская проповедь в Китае с самого начала была приспособлена к запросам и возможностям любой аудитории. Со временем в процедуре проповеди стал принимать активное участие *чандао*-сказитель, призванный возбудить внимание и восстановить интерес у усталых слушателей. Выясняется, что темы повествовательных фрагментов, вводимых сказителем, — пришествие духов-вестников смерти, картины земной темницы-ада, истолкование причин и следствий людских поступков — полностью совпадают с тематикой буддийских коротких рассказов. (От утверждения о том, что буддийские *сяшо* использовались в устной проповеди, останавливает только обстоятельство, что прямые указания об этом отсутствуют в китайских письменных источниках.) Несомненно, фигура *чандао*-сказителя и институт буддийской проповеди в целом должны рассматриваться в качестве опосредующего и интерпретирующего звена, которое и обуславливает восприятие широкой аудиторией доктринальных идей, заключенных в сутрах.

* * *

Частые упоминания божеств в сюжетном ряду буддийских *сяшо* позволяют воссоздать пантеон простонародного китайского буддизма первой половины первого тысячелетия нашей эры. Стихия простонародного буддизма не приемлет строгой упорядоченности, законов жесткой иерархии. Поэтому и наша реконструкция учитывает соподчиненность божеств не в полной мере и окажется поэтому в известном смысле произвольной.

Будда Шахьямуни — *Шицзямуни* занимает центральную позицию в пантеоне раннего китайского буддизма низовых форм. Но если среди ревнителей учения его почитают прежде всего как Первоучителя, открывшего миру Четыре благородные истины и Путь к спасению, то в среде основной массы верующих он определенно обожествляется, приобретает устойчивые признаки божественной персоны. Сама конфессиональная принадлежность буддиста-мирянина определяется краткой словесной формулой «читл Будду», «поклонялся Будде», «уверовал в Будду». Отсутствие таковой конфессиональной принадлежности маркируется теми же терминами, но, конечно же, с противоположным знаком: «не читл Будду», «не веровал в Будду». Всесилие Будды непрекрасимо для правверного мирянина; профан же, усомнившийся в могуществе божества, а тем более посягнувший на него, горько раскаивается в своем неверии.

Бодхисаттва Авалокитешвара — Гуаньшизинь ранее неоднократно упоминался в связи с персонально посвященным ему классом сюжетов, к обзору которого мы и адресуем нашего читателя. Не будет лишним напомнить, что бодхисаттва Милосердия является если не самым почитаемым, то определенно самым популярным божеством в пантеоне раннего китайского буддизма.

Небесный Император — Тянь-ди фигурирует в единственном эпизоде, указывающем на то, что эта божественная персона занимает главенствующее положение в запредельном мире, причем осуществляет свою верховную власть, сообразуясь с буддийскими установлениями. Согласно индобуддийской традиции, Небесный Император является верховным властителем Тридцати трех небес — Трайястримша и однозначно идентифицируется с индийским Шакрой (Индрой). По традиционной же китайской версии Небесный Император отождествляется с высшим божеством китайского пантеона — Шанди — Верховным Владыкой. Единственный эпизод, лишенный точных указаний по идентификации божественной персоны Небесного Императора, не позволяет с уверенностью принять ту или иную версию. Но даже если правомерна вторая из них, то Небесный Император, или Верховный Владыка, приобретает несомненные буддийские признаки, становится божеством буддийского пантеона.

Всеблагой — Пусянь восходит к индобуддийскому прототипу Самантабхадре (другое имя: Вишвабхадра) — бодхисаттве, олицетворяющему первооснову и истинность учения Будды и покровительствующему почитателям «Лотосовой сутры». Традиция Всеблагого — Самантабхадры также тесно связана с «Аватамсака-сутрой» и «Сутрой золотого блеска». В иконографии Всеблагой изображается на белом слоне, его неперменный атрибут — лотос.

Будда Амитабха — Амитофо, или будда Беспредельного света, он же Амитаюс или будда Вечной (Беспредельной) жизни — центральное божество культа Страны Высшего счастья, или Чистой земли, провозглашенного в Трех сутрах: «Сутра украшений Страны счастья», «Амитабха-сутра», «Сутра созерцания Вечной жизни». Согласно давней и до настоящего времени преобладающей в буддологии точке зрения, образ Амитабхи несет на себе следы внебуддийского происхождения, содержит определенные элементы иранского влияния. Разумеется, эта точка зрения активно опровергается в апологетической, особенно японской, литературе, посвященной культу Чистой земли — наиболее популярному направлению буддизма на современном Дальнем Востоке. Персональные упоминания Амитабхи — Амитофо в коротких рассказах связаны с благостными видениями буддийских адептов, а также с райскими картинами, представшими им во сне или в состоянии религиозного экстаза.

Бодхисаттва Всемогущий — Махасатхама — Дашичжи тесно связан с культом Амитабхи и Страны Высшего счастья — Чистой земли. Согласно трем каноническим сутрам школы Чистой земли, Махасатхама персонифицирует всепроникающую мудрость будды Беспредельного света и наряду с Амитабхой, а также Авалокитешварой входит в число

Трех божественных персон Западного рая. В иконографии Всемогущий изображается справа от будды Беспредельного света, в то время как Владыка всепрорезающий занимает позицию слева.

Майтрея — *Милэ*, что означает *Благожелательный, Благоволящий* — бодхисаттва, обитающий на небе Тушита, чтобы через многие грядущие космические циклы-кальпы (что, впрочем, не исключает и сиюминутных мессианских ожиданий в определенной среде буддистов-мирян) явить себя миру в качестве нового будды. Майтрея фигурирует в большом ряду сочинений Махаяны: «Лалитавистара», «Саддхармапундарика», «Вималакирти-нирдеша» и другие сутры; начало культа Майтреи в Китае следует вести с появления в III в. перевода персонально посвященной ему «Сутры о сошествии Майтреи» (санскр. «Майтрея-вьякарана-сутра»).

Мать бесов Харити-Гуйму принадлежит двум традициям. Одна из них восходит к древнекитайской мифологии, где Гуйму предстает бесовкой, утром рожавшей, а вечером поедавшей своих детей. Другая традиция связывает образ Матери бесов — Харити с индийской мифологией, интерпретированной в буддийском духе. Якшиня Харити была матерью многочисленных детей-якшасов, питалась же человеческими детьми. Дабы спасти мааденцев, Будда обратил ненасытную якшнию: он спрятал младшего сына Харити под патру. Не отыскав любимого сына ни на небесах, ни на земле, Харити стала звать к милосердию Будды, и тот обещал вернуть сына при условии, что она навсегда откажется от поедания человеческих детей. Так была обращена в веру Харити, ставшая отныне богиней-дарительницей и покровительницей детей.

Царь исцеления Бхайшаджьяраджа — *Яован*, также: *Сарвасаттваприядаршана*, или *Взирая на которого, радуется все сущее* — старшее из божеств, исцеляющих болезни. Его функции не ограничиваются только целительством. Кроме устранения уродств, он дал обет превращать женщин в мужчин в следующем рождении, наставлять на путь просветления, помогать верующим пищей, одеждой, препровождать на небеса и т. д. В традиции «Лотосовой сутры» Царь исцеления выступает ближайшим сподвижником Будды Шакьямуни, совершившим в предшествующих рождениях великий религиозный подвиг посредством акта самосожжения.

Царь мертвых Ямараджа — *Яньлован* в простонародном китайском буддизме раннего периода ограничивает свои функции лишь главенством на загробном суде, не распространяя их (либо распространяя лишь номинально) на подземное царство иного мира. Отсутствие четких номинаций персоны, главенствующей в загробном суде, исключая единственный эпизод из сборника Лю И-цина «Подлинные события», позволяет предположить, что в раннем китайском буддизме культ Ямараджи еще не оформился окончательно, не достиг своего расцвета. Прочную позицию в пантеоне и верховную единоличную власть в подземных сферах потустороннего мира Ямараджа обретает в китайском буддизме только с VII в., о чем свидетельствует сборник Тан Линя «Загробное воздаяние». В иконографии Царь мертвых изображается сановником в парадных одеждах, небольшого роста, тучным и с черным лицом.

Четыре небесных владыки Чатурмахараджа — Сы тянь ван восходят к индийской мифологии и являются в образе повелителя слонов — на юге, драгоценностей — на западе, лошадей — на севере и людей — на востоке. В китайском буддизме они приобретают титул китайских правителей — ванов, при этом один из них — Владыка Востока — трансформируется в правителя Китая.

Всевидящий Випашьин — Вэйвэй, другое имя Вибхаши, или Всегласный — первый из семи будд, предшествовавших Будде Шакьямуни.

Великодрагоценный — Прабхутаратна — один из будд древности; в «Лотосовой сутре» повествуется о нем и его покрытой балдахином ступе, испускающей сандаловый аромат.

Кашьяпа-Цзяшэ — один из десяти ближайших сподвижников Будды Шакьямуни, отмеченный мудростью и приверженностью монашеской аскезе; хранитель таинств Учения.

Пиндала — Биньтоулу — архат-Хранитель Закона, причисляемый к главным ученикам Будды. Патрон китайского буддизма и его адептов; активный персонаж ряда буддийских сяошо, во исполнение своей миссии способный чудесным образом перемещаться во времени и пространстве.

Змей озера Гунтинху — один из наиболее популярных персонажей китайских легенд II—VII вв. — фигурирует и в ряде сборников буддийских сяошо. Благодаря удачному местоположению его владений на торговых путях, божество местного значения (ныне оз. Поянху в совр. пров. Цзянси) приобретает поистине всекитайскую популярность. Народная фантазия наделяет змея чудовищным обликом, необозримыми размерами и несокрушимой силой; иногда переносит его местоположение ближе к столице — Цзянькану. Буддийская молва связывает происхождение озерного чудища с воздаянием за прегрешения в прошлом рождении и, судя по всему, ассоциирует с индийским драконом — нага. Чудище смиряет свою несокрушимую мощь пред буддийской проповедью, а в другом эпизоде передает в дар на изготовление сутры поднесенные ему пожертвования.

Итак, буддийские сяошо отражают этап становления пантеона китайского простонародного буддизма. Отметим, что большинство из перечисленных в этой традиции божеств имели свои индобуддийские прототипы, но последние подвергались определенной трансформации, будучи перенесенными на китайскую почву. Народное сознание стремилось сделать эти инокультурные персонажи более понятными, как бы подбирая в автохтонной семантике все те элементы, которые бы «подходили по смыслу», тем самым объясняя неизвестное через знакомые образы. Есть явные признаки и встречного движения. Исконные китайские божества и персонажи нативной мифологии приобретают отчетливые буддийские свойства, в итоге сменив конфессиональную принадлежность. Так складываются элементы того причудливого образования, которое обычно именуется китайским религиозным синкретизмом.

* * *

И все же, при всем многообразии персонажей буддийских *сяошо* ключевой фигурой выступает здесь, конечно же, мирянин. Буддийские удивительные истории исходят от мирянина; ему же они главным образом и предназначены. Попробуем же прочесть буддийские *сяошо* в контексте религиозных добродетелей, исповедуемых китайским адептом в миру.

Реализация буддийской морали в повседневной жизни мирянина обусловлена противопоставлением категорий религиозных заслуг и прегрешений. Сюжетный ряд буддийских *сяошо* переполнен сценами загробных судов, в которых соотношением заслуг и грехов мирянина в предшествующей жизни предрешается его последующая судьба, будь то сообразная этому — благоприятная или напротив — форма рождения, адские муки или райское блаженство. Избранная высшим судом мера наказания и поощрения всегда справедлива и чрезвычайно высока, поскольку статусы существования земного и потустороннего далеко не равнозначны. По словам персонажа одного из сюжетов хождений в загробный мир: «Жизнь в миру очень скоротечна: она проносится, как пылинка на ветру. Небесный дворец и земной ад, мучительная кара и благое воздаяние... Эти слова я слышал и прежде. Ныне же я убедился, что все это истинно». Многими своими сюжетами буддийские *сяошо* убеждают в том, что настоящая жизнь — лишь краткий миг в преддверии потустороннего адского мучения или райского блаженства.

Каково же содержание заслуг и прегрешений, определяющих участь мирянина в потустороннем мире? Как раз об этом осведомился некий мирянин, совершивший краткий визит в загробный мир, и ответ тамошнего сановника заключал в себе следующую краткую максиму простонародного китайского буддизма:

— Станьте приверженцем закона Будды, совершенствуйтесь в вере и соблюдайте обеты! Тогда Вы обретете благое воздаяние и Вас не постигнет никакая кара! Карать будет не за что!

Раскрывая эту краткую формулу, следует прежде всего заметить, что сама по себе приверженность закону Будды не освобождает мирянина от действия закона воздаяния, от суда в загробном мире. Вместе с тем такая приверженность только и позволяет надеяться на благоприятное решение загробного суда, ставит буддийского мирянина в привилегированное положение по отношению к адептам иных традиций, наделяет его исключительным статусом в потустороннем мире. В праве на приобретение таких привилегий в пределах настоящего земного существования не отказано самому невежественному профану или злостному противнику буддизма: ему открыт доступ к этим привилегиям посредством обращения в истинную веру. Так, на вопрос визитера в загробный мир, будут ли списаны грехи тем, кто до обращения в буддизм долгое время пребывал в неведении, последовал утвердительный ответ местного большого чина, а персонажем большого ряда сюжетов буддийских *сяошо* выступает приверженец буддизма, прежде исповедовавший иную религию. Таким образом обеспечивался приток неофитов,

пополнение буддийской общины мирян и мирянок, внедрение буддизма в широкую социальную среду.

Основу религиозной жизни мирянина составляет вера в чудо, непосредственное религиозное переживание, далекое от проблем буддийской догматики, теоретических постулатов буддизма. Простонародный китайский буддизм предстает религией чувств. Постигание буддийской доктрины во всей ее глубине, усвоение теоретических положений учения не вменяется мирянину в обязанность, более того, чуждо его религиозному сознанию. Взамен культа книжной премудрости, господствующего в элитарном буддизме монахов-книжников, в простонародном китайском буддизме царит вера во всемогущих и всепобеждающих буддийских божеств, призванных спасти и защитить мирянина от потрясений и несчастий в настоящей жизни, мучений в загробном существовании. Первостепенное значение в этом контексте приобретают акты непосредственного общения мирянина с божествами. Большой ряд сюжетов буддийских *сяшо* сводится к описанию критических ситуаций, в которых страждущий возносит молитву буддийскому божеству и обретает спасение. Непременным условием такого спасения становится вера и упование страждущего на чудодейственную силу божества. Мирянин же, выказавший истинное религиозное благочестие и достигший определенных степеней религиозного совершенствования, вправе рассчитывать на особое покровительство буддийских божеств, обеспечивающее ему определенные преимущества уже в настоящей жизни.

Формы религиозного совершенствования мирянина довольно многообразны и включают в себя чтение или слушание сутр, участие в широко практикуемых религиозных ритуалах, а также содействие монашеской общине, будь то подаяния монаху, устройство монашеских трапез и совместных собраний, сбор пожертвований на нужды монашеской общины и т. д. Следует заметить, что этический идеал буддиста-мирянина вполне уживается с традиционным хозяйственным, бытовым и семейным укладом, не предполагая социального эскапизма. Короткий рассказ запечатлевает не сектантский буддизм, приверженцами которого становятся маргиналы, противостоящие традиционным китайским институтам и установлениям, но в каком-то смысле обывательский буддизм мирян, глубоко интегрированных в социальные институты своего времени. Процесс распространения буддизма в широкой социальной среде шел, конечно же, не путем противоборства, преодоления или отрицания, но главным образом посредством взаимовлияния, приспособления и сочетания с элементами традиционной духовной культуры. В общем случае буддийским *сяшо* чужды мотивы гонений властей на буддизм и мученичества его адептов за веру, а также столкновений и противоборства паствы с внешней небуддийской средой.

Впрочем, и о полном отсутствии таких конфликтов говорить не приходится. Буддийская идея религиозного совершенствования вступает в некоторое противоречие с идеалом государственного служения, в особенности на военном поприще. Буддизм резко восстает и против ритуала кровавых жертвоприношений, отправляемого в шаманских культурах. Ряд сюжетов буддийских *сяшо* не согласуется с привычными ут-

верждениями о традиционной китайской (и тем более буддийской) толерантности. Выясняется, что «низовой» китайский буддизм вступал в серьезные противоречия с религиозным даосизмом в конкурентном социальном пространстве.

Обращение мирянина в буддизм предполагает принятие пяти обетов, содержащих запреты на убийство, кражу, прелюбодеяние, ложь, употребление вина. Соблюдение пяти обетов становится непременным условием религиозного совершенствования мирянина; напротив, нарушение обетов неизбежно влечет за собой жестокую кару в загробном мире. Сюжетный ряд буддийских *сяошо* изобилует описаниями разного рода мучений (здесь и злые псы, и птицы с железными клювами, и черти со щипцами, и меченосное древо, и гора мечей, и огромное колесо с крючьями, и кипящие котлы, и истязание огнем, и холодом, и голодом и т. д.), выпадающих на долю грешников в аду. Пять заповедей возводятся в нравственный закон не только буддийской паствы, но и всего китайского социума в целом. Суровый приговор загробного суда ожидает и тех, кто принял, но не исполнил обеты, и тех, кто обетов не принимал, а нарушал их по злему умыслу или незнанию.

Запрет на убийство — наиболее универсальная и непреложная заповедь простонародного китайского буддизма: ее нарушение неизбежно влечет за собой суровую кару в загробном мире. Убиение живых существ, не исключая домашних животных и мельчайших насекомых, приравнивается к убийству людей, поскольку те и другие пребывают в едином круге рождений и смертей. В этом контексте употребление яиц в пищу приравнивается к убиению живых существ, а охота и рыбная ловля считаются преступным занятием, подлежащим суровому возмездию.

Буддийская мораль предписывает мирянину полнейшее добронравие и сострадание к ближнему и слабому, осуждает проявление жестокости.

Значительное (хотя и вряд ли повсеместное) распространение в религиозной практике простонародного китайского буддизма IV—V вв. получили восемь обетов. Мирянин, принявший эти обеты, обязуется помимо пяти обычных заповедей исполнять три дополнительные: не носить украшений и не употреблять косметику, а также не увлекаться музыкой, танцами и зрелищами; не возлежать на слишком высоком и широком ложе; не есть в неурочное время. Восемь заповедей заимствуют некоторые элементы монашеских обетов; они строже регламентируют повседневную жизнь мирянина, предъявляют более жесткие требования к его благочестию и религиозному совершенствованию. Неукоснительное соблюдение этих обетов обеспечивает ему несомненные преимущества в потустороннем мире.

Между тем было бы большим преувеличением представлять простонародный китайский буддизм религией, предъявляющей своим адептам жесточайшие и чуть ли не непомерные требования. В отношении регулятивной роли буддизма в сфере китайского социума следует заметить, что при ближайшем рассмотрении буддийские заповеди (в том числе в предельном варианте восьми обетов) не оставляют впечатления излишне суровых или тяжелых для мирянина: они вполне уживаются с традиционным хозяйственным, бытовым и семейным укладом.

Представляется существенным также и то, что мирянин, несущий на себе бремя грехов, способен избавиться от него еще при жизни, не дожидаясь приговора загробного суда: уже в раннем китайском буддизме вошла в широкое употребление практика покаяния и очищения от грехов, сколь бы тяжкими они ни были.

Мирянин, исполненный благочестия и строго соблюдающий обеты, достигает высоких степеней святости и удостоивается высшего небесного блаженства, которое в народном сознании подменяет ортодоксальное понятие нирваны. Райское блаженство становится высшим религиозным идеалом простонародного китайского буддизма.

Как мы заметили, основной способ взаимодействия буддизма заключался не в отрицании либо противоборстве, но в интеграции и сосуществовании с традиционными принципами и нормами духовной жизни китайцев. Таким образом, буддизм взаимодействует и с ключевым элементом традиционной китайской культуры — культом предков. Конечно же, буддизм существенно трансформировал предшествующие китайские представления об усопших предках. Отныне посмертная участь усопшего определяется законом воздаяния, учитывающим соотношение добрых и дурных деяний при жизни. В соответствии с этим усопший либо подвергается адским мучениям, возвращаясь затем в круг новых рождений, либо возносится в небесные пределы, где предается вечному райскому блаженству. Казалось бы, в таком значении буддизм — религия индивидуального спасения и личной ответственности за участь в потустороннем мире. Реальность же простонародного китайского буддизма, определенно тяготеющего к Махаяне, существенно расходится с этим идеальным принципом. Благополучие усопших в потустороннем мире помимо собственных заслуг и прегрешений зависит от доброй воли и благодеяний здравствующих родственников. Буддист-мирянин, озабоченный участью своих родных в загробном мире, пользуется широким набором средств, сложившимся в простонародном китайском буддизме уже раннего периода: накопление религиозных заслуг для последующей передачи покойным, пожертвования монашеской общине, которые также могут быть переданы на счет усопших, участие в буддийских обрядах, совершаемых во благо усопшим, главный из которых приходится на пятнадцатый день седьмого месяца, и т. д. Так добродетельный мирянин выступает истовым радетелем за усопших предков. Внося существенную трансформацию в представления китайцев о посмертной судьбе, буддизм вместе с тем уже в первые века нашей эры успешно приспособился к китайскому менталитету, который связывает благоденствие усопших с благоволением и содействием здравствующих родственников и потомков.

* * *

Указав основные ориентиры, предлагаем читателю совершить собственное путешествие в далекое прошлое буддийского Китая. Последующая судьба «Учения, завещанного Буддой» не всегда была счастли-

вой в Китае, не избежала периодов гонений и упадков. Не всегда способствует его возвышению и политическая конъюнктура... Но времена меняются, и вот уже без малого две тысячи лет буддизм зримо присутствует в китайской культуре, во многом определяя китайское массовое сознание. Знакомство с буддийскими чудесными историями будет способствовать познанию великого соседа и созданной им цивилизации.

В западных окрестностях Пекина раскинулся обширный парковый комплекс Сяншань, или Благоуханная гора: дивное сочетание китайских красот природы и архитектуры. Близость столицы, удобный транспорт и сервис обеспечивают постоянный приток посетителей, который увеличивается в благодатные дни золотой пекинской осени. Особенно многолюдно в монастыре у подножия горы: местная достопримечательность открыта для всеобщего обозрения. Радостное оживление царит в зале Сидящего Майтреи: улыбка, запечатленная на лице будды, передалась окружающим. Майтрея — бронзовая статуя внушительных размеров — от головы до пят почернел от времени, и только большой палец левой ноги сияет ослепительным блеском в полутемном помещении. Согласно преданию, достаточно потереть его ладонью, и на тебя снизойдет высшее благоволение. Автор этих строк не преминул совершить сие нехитрое ритуальное действие и тотчас ощутил радостное чувство приобщения к живой вере китайского народа. Пожелаем же нашему читателю испытать то же чувство от прочтения буддийских чудесных историй!

М. Е. Ермаков

**Ван Янь-сю
ПРЕДАНИЯ ОБ
УСЛЫШАННЫХ
МОЛЬБАХ**

Воздаяние за поклонение статуе

Чжан И был приговорен к смерти. Прежде он изготовил золоченую статую Будды, которой поклонялся днями и ночами. Когда настало время казни, меч рассыпался, а шея осталась целой. Чиновники допросили И, и он ответил:

— Таково воздаяние за поклонение статуе.

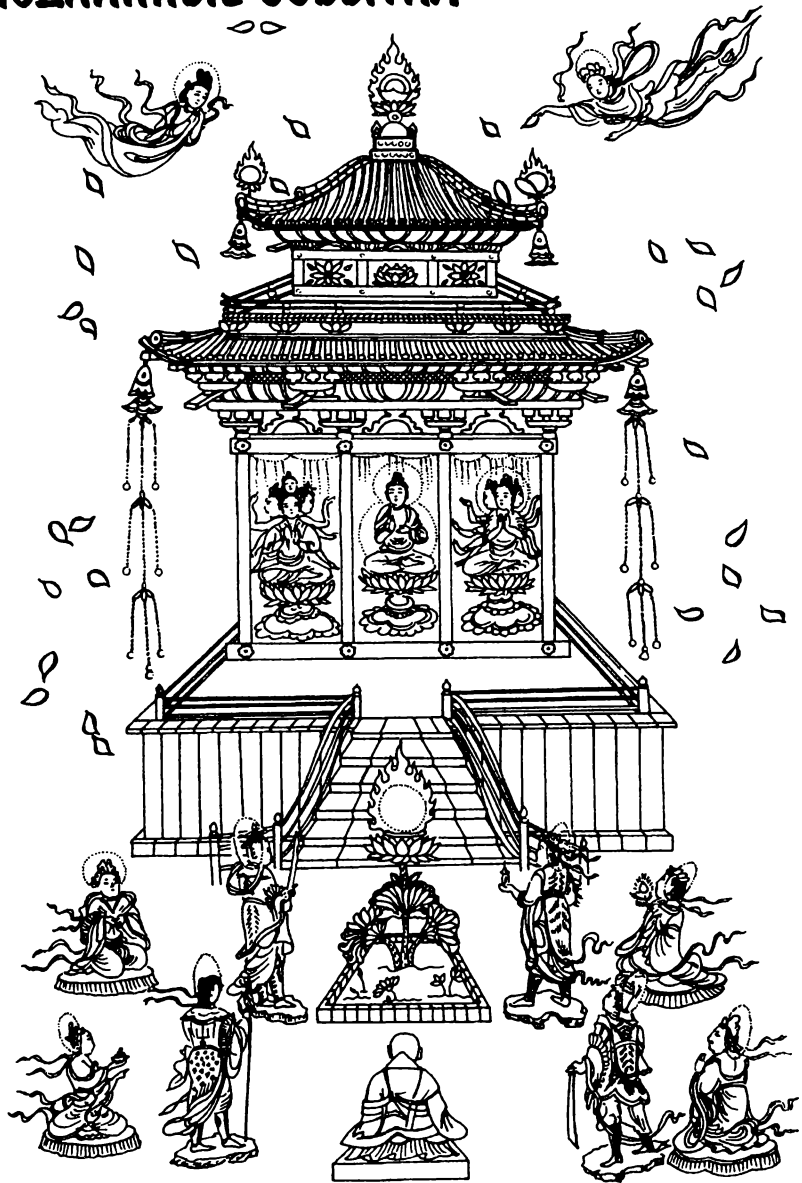
На шее статуи были две отметины цвета крови. Так был спасен И.

Исцеляющий сон Цзяньаньского вана

Династии Ци Цзяньаньский ван¹ страдал геморроем. Он нижайше молил Гуаньшиня-Авалокитешвару² об исцелении. Ночью он увидел бодхисаттву³, передавшего ему лекарство. Наутро опухоль прошла.

Лю И-цин ПОДЛИННЫЕ СОБЫТИЯ

Ракшас в обличии внука

Чжан Юн, по прозванию Мао-юй, был уроженцем округа Бохай. В годы правления династии Цзинь под девизом Всеобщее смирение (275—280) у его сына и невестки родился мальчик. Поначалу он ничем не выделялся, но к семи годам умом и сообразительностью превзошел других детей. Мао-юй любил пострелять из лука. Он приказывал слугам отыскивать и приносить ему стрелы, но те не поспевали. Тогда внук предложил:

— Я сам буду приносить Вам стрелы, дедушка.

Как только начались стрельбы, внук уже был тут как тут: находил все до единой стрелы и возвращал их деду. Присутствующие при этом были удивлены. А когда они вернулись домой, внук вдруг заболел и умер. Позвали шрамана (монаха) воскурить благовония. Появился праведник-варвар и сказал так:

— Поскорее захороните внука! Это — злой демон-ракшас. Он пожирает людей!

Помня о том, как внук хватал стрелы, дед немедля закрыл крышку гроба. И тотчас раздался звук, как будто кто-то внутри ворочается. Домашние были удивлены и крайне напуганы. Они спешно совершили погребение. Потом внук несколько раз являлся деду. Но тот стал исполнять восемь заповедей¹, и видение исчезло.

Монах, убивавший вшей

Однажды в годы правления династии Цзинь под девизом Всеобщее великолепие (405—418) праведники столичного монастыря Хуэй-сян и Фа-сян находились вместе в монастырской зале. В четвертую ночную стражу (1—3 ч.) Хуэй-сян подозвал Фа-сяна к себе. Фа-сян подошел и увидел

Хуэй-сяна, который лежал вверх лицом с руками, сложенными на груди, и вытянутыми ногами.

— Можешь развязать путы на моих руках и ногах? — попросил Хуэй-сян.

— На тебе нет никаких пут, — ответил Фа-сян.

Тогда Хуэй-сян смог двигаться и рассказал, что толпа людей связала его по рукам и ногам и избивала кнутом, приговаривая: «Почему ты убиваешь вшей!» Они сказали Хуэй-сяну, что, если не прекратит, его расплющат между двумя камнями.

После этого Хуэй-сян соблюдал запрет на убиение вшей, но других успехов на религиозном поприще у него не было.

Счастливое избавление

Ань Сюнь происходил из семьи Лу и был уроженцем округа Уцзюнь. В десять лет мальчик тяжело заболел.

Не помогали самые лучшие лекарства: ему день ото дня становилось все хуже. Монах Фа-цзи из Монастыря на террасе Тайсюэ сказал Сюню так:

— Боюсь, что твоя болезнь происходит от дурных поступков-карма? ² И никакой лекарь ее не исцелит. Я, бедный странник, полагаюсь на сутру, которая гласит: «Если попадете в тяжелое положение, положитесь на Три драгоценности (Будда, его учение и община), кайтесь в своих прегрешениях, и вы обретете спасение. Отриньте все дурное и суетное, очиститесь от мирского тлена и сосредоточьтесь на одном! Тогда Вы непременно излечитесь».

Сюнь так и поступил. В собственном жилище он устроил пост Гуаньшيينю-Авалокитешваре ³. С чистыми помыслами обратил он свои мольбы к бодхисаттве ⁴, преодолевая болезнь, отбивал поклоны, сосредоточил мысли на причинах и следствиях. На седьмую ночь Сюнь вдруг увидел золотую статую высотой более чи. Он три раза погладил статую от головы до ног и почувствовал, как болезнь покидает его. Поскольку ему было явлено чудо, Сюнь тут же пожелал уйти в монахи. Он отыскал Монастырь на террасе Тайсюэ, трудился на религиозном поприще, не ведая усталости. Сюнь

зачитывал «Сутру цветка Закона»⁵, питался только овощами, соблюдал долгий пост⁶. В продолжение тридцати семи лет он постоянно устремлял свои помыслы на перерождение в небе Тушита⁷. В шестнадцатом году правления династии Сун под девизом Великая радость (440) он покинул столицу. О последних годах его жизни ничего неизвестно.

Пчелы-хранительницы монастыря

В первом году под девизом правления Великая радость (424) сотня горных разбойников напала на окружную управу в Цзяньгани. Они грабили народ, брали в плен детей и женщин. Разбойники пришли в буддийский храм, чтобы похитить драгоценности. Все подношения хранились в одном помещении. Разбойники распахнули дверь. И тут из высокой бамбуковой корзины с одеждой вылетел рой в несколько десятков тысяч пчел. Пчелы в тот же миг облепили разбойников с головы до ног и стали кусать. Искусали так, что глаз не было видно. Разбойники оставили украденное и бросились бежать. А пчелы летели за ними и жалили по дороге. Разбойники перепугались и ушли насовсем. Дети и женщины, которые были ими пленены, все вернулись в свои семьи.

Чудо в Усине

В годы правления династии Сун под девизом Великая радость (424—453) в округе Усин случился пожар. Дотла сгорело несколько сотен домов. Была лишь соломенная хижина, где зачитывали сутры. Она-то и не сгорела. Люди посчитали это чудом.

Милосердие Будды

Чэ Му отправился в северный поход, был схвачен варварами и находился в плену в лагере разбойников. Его мать принялась поклоняться Будде, поставила пред его ликом семь светильников. Она днем и ночью взывала к Гуаньшииню-Авалокитешваре, молила спасти сына. Прошел год. И вдруг сын вернулся. Семь дней и семь ночей шел он один на юг. Когда небо закрылось тучами, куда было идти — не-

известно. Вдруг он увидел семь факелов и пошел на огни. Казалось, он вот-вот увидит их вблизи, да не тут-то было. Так прошли семь ночей, и он, неизвестно как, оказался дома. Он увидел: мать лежит ничком перед ликом Будды, а перед ней семь светильников. Тогда-то ему все и открылось. Они с матерью обсуждали случившееся и поняли, что им была явлена божественная сила Будды. Му отныне сам просил Будду о милосердии.

Три рубца на шее статуи

Уроженец округа Уцзюнь Шэнь Шэнь был схвачен и приговорен к казни. Доставленный на место казни, он весь день не смыкая уст повторял имя Гуаньшииня-Авалокитешвары. И тогда занесенный над ним меч рассыпался.

Еще рассказывают, что уроженец округа Уцзюнь Лу Хуэй был брошен в тюрьму и приговорен к смерти. Тогда он велел родственникам соорудить статую Гуаньшииня-Авалокитешвары и так спасти его от смерти. Когда пришло время казни, три раза занесенный над ним меч рассыпался. Чиновник допросил его, и Лу Хуэй отвечал, что то была милосердная сила Гуаньшииня-Авалокитешвары. Пошли посмотреть на статую, и на шее у нее увидели три рубца от меча. Был издан указ о помиловании Лу Хуэя.

Избавление от казни

Гао Сюню из Инъяна было уже пятьдесят, когда его арестовали за убийство. Его заточили в кандалы и намеревались предать смерти. Заключение сказали Сюню:

— Будем все разом и с тщанием думать о Гуаньшиине-Авалокитешваре.

— Мое преступление очень тяжелое. Я приму казнь по заслугам. Мне неоткуда ждать спасения, — отвечал Сюнь. Однако заключенные уговорили его, и Сюнь поклялся от всего сердца:

— Я отказываюсь от зла и буду делать только доброе, думать о Гуаньшине-Авалокитешваре не переставая. Если мне будет даровано избавление от смерти, я возведу ступу в пять ярусов, жертвуя собой, пойду в услужение сангхе (монашеской общине).

Десять дней кряду Сюнь приносил клятву, и тогда кандалы сами собой раскрылись. Смотритель тюрьмы удивился и так сказал Сюню:

— Уж если божество Будда охраняет тебя, то казнь не должна состояться!

Когда пришел день казни, занесенный над Сюнем меч рассыпался. Был издан указ о помиловании.

Будда вразумляет ученого мужа

Ши Се слыл ученым. Он чтил Дао и не жаловал Будду. Се говаривал:

— Будда — ничтожное божество, которому и служить-то не стоит!

Всякий раз, когда он видел статую Высокочтимого, то по обыкновению глумился над ней. А потом его разбил паралич — бэри-бэри. Се кому только ни возносил молитвы, но от недуга не исцелился. Его друг Чжао Вэнь посоветовал:

— Блага, дарованные Буддой, — наипервейшие среди благ, даруемых нам! Не попробовать ли тебе изготовить статую Гуаньшиня?!

Болезнь Се ужесточилась, и он по совету друга изготовил статую. Ночью во сне ему явился сам Гуаньшинь, и вскоре болезнь отступила.

Смертоносная стрела

УТан из Люйлина с юных лет любил поохотиться, приманивая животных. Стрелял он без промаха, и семья стала богатеть. Однажды весенним днем он вышел с сыном на охоту. Они набрали на олениху с олененком. Олениха-мать почувствовала приближение людей и велела олененку уходить. Но тому был неведом страх, и он подошел прямо к приманке. Тан выстрелил и убил его. Олениха-мать в не-

утешном горе ходила кругами и не переставая жалобно стонала. Тан спрятался в зарослях травы, а олененка выставил на открытом месте. Олениха подошла прямо к тому месту и стала приближаться к олененку, то поднимая, то опуская голову, то припадая к земле, то поднимаясь вновь. Тан прицелился в олениху-мать. Он натянул тетиву, навел стрелу на цель и выпустил... И вдруг выпущенная из арбалета стрела повернула в обратную сторону и угодила в его сына. Тан отбросил арбалет, обнял сына, гладил его по спине и плакал. И вдруг неизвестно откуда раздался голос:

— У Тан! Разве любовь оленихи к олененку чем-то отличается от твоей любви к сыну?!

Тан затрепетал, услышав сей глас, да так и не понял, откуда он доносится.

Предсказание птенца

Чэн Дэ-ду был уроженцем Учана. Однажды ночью, находясь в Сюньяне, он увидел, что его жилище само собой осветилось. Там было ласточкино гнездо, в котором вдруг появился птенец этак с чи ростом. Был он белым-белым, вышел из гнезда, подошел к ложу Дэ-ду и произнес:

— Через три года ты обретишь долголетие.

Сразу же стало темно, и птенец исчез. Дэ-ду хранил это событие в строгой тайне.

Немые заговорили

У господина Чжоу из Пэйго было три сына, и все трое были немые. Однажды появился странник, просивший подаяния. И тут господин Чжоу услышал голоса своих сыновей. Человек их расспрашивал, а они ему как ни в чем не бывало отвечали. Гость спросил:

— У вас, господа, в прошлом были грехи. Быть может, вы вспомните о них?

Господин Чжоу подивился его словам и понял, что это необычный человек. Сыновья долго думали, а потом сказали:

— Никто из нас не помнит прошлых грехов.

— А вы вспомните свои детские годы, — продолжил гость, затем вошел в дом, принял пищу и сказал так:

— Когда вы были малыыми детьми, в доме было ласточкино гнездо, а в нем три птенца. Мать кормила их, летала за пищей. Вы дотянулись руками до крыши дома и схватили гнездо. Потом вы разворошили его. Птенцы, как обычно, раскрывали клювы, требуя пищи. Вы сорвали колючки и дали их птенцам. Все они умерли. Мать вернулась и не нашла птенцов. Она жалобно защebetала и улетела. Вы обязаны помнить об этом прегрешении.

Гость преобразился в праведника и молвил:

— Теперь, господа, когда вы раскаялись, вина с вас снимается!

И тут же господин Чжоу услышал, что его сыновья разговаривают, как обычные люди. А праведника не стало.

Жестокосердные утратили дар речи

У Ван Дао, уроженца Хэнэй, было три брата. Однажды все они были больны. В их доме было гнездо сорок. С утра до вечера они летали и стрекотали. Шум стоял такой, что невозможно терпеть. Братья разозлились и договорились, что выздоровеют и утихомят этих птиц. Когда они выздоровели, то схватили этих сорок, вырвали им языки и убили. Все братья онемели.

Корова, которая была рабом

В Индии жил монах. У него была корова, которая в день давала три шэна молока. Один человек попросил у коровы молока, и та ответила:

— В прошлом перерождении я была рабом. Я ела тогда тайком, и теперь эта пища хранится в моем молоке. То, что я даю, имеет предел. Это невозможно отдать все без остатка.

Попугай, погасивший пожар

Один попугай прилетел на гору. Птицы и звери на этой горе жили в любви. Попугай порадовался этому, но не мог там долго оставаться и улетел. Через несколько месяцев на горе вспыхнул большой пожар. Попугай это увидел, вошел в воду и смочил крылья. Он поднялся в небо и стал тушить пожар. Небесное божество его вопрошало:

— Разве же этого достаточно, чтобы исполнить твое намерение?!

— Я знаю, что никого не спасу, — отвечал попугай. — Но я бывал на этой горе. Птицы и звери здесь хорошие. Они как братья друг другу. Не в моих силах было безучастно смотреть на происходящее.

Небесное божество расчувствовалось и погасило пожар.

Милосердие фазана

В горах вспыхнул пожар. В горной роще жил фазан. Он вошел в воду и смочил крылья. Затем фазан поднялся в небо и стал гасить пожар. Так он летал туда и обратно до изнеможения, не считая свой труд бесполезным.

Памятное событие

Змей сдох в конце правления династии У (222—280)⁸.

Его Величество глумится над статуей Высокочтимого

Царства У правитель Сунь Хао⁹ был по природе жесток и вершил дела, не считаясь с чувствами людей. Вместе с женской прислугой он осматривал дворцовый парк на предмет приведения его в порядок. В земле он вдруг обнаружил золотую статую чрезвычайно величавого облика. Хао приказал поместить ее в отхожее место, чтобы пользоваться вместо скребка¹⁰. В Восьмой день четвертого месяца¹¹ Хао помогся на голову статуи, при этом со смехом приговаривая:

— Сегодня восьмой день, и вот тебе омовение ко дню рождения!

А потом он стал забавляться со своими прислужницами перед статуей. Через некоторое время его мошонка вдруг вздулась, да так стала болеть, что не было сил переносить. А к утру боль стала такой нестерпимой, что он молил о смерти. Знаменитые врачи применяли лекарства, пытались вылечить его, но ему становилось все хуже. Великий астролог произвел гадание и изрек:

— Причина тому — оскорбление великого божества.

Был издан указ о принесении жертв в императорском родовом дворце. Жертвы были принесены, но опухоль все увеличивалась. Никто не знал, что предпринять.

В женской половине дворца была императорская наложница, которая верила в Будду и была любима императором. Когда она о чем-нибудь рассуждала, то обязательно попадала в точку. Она спросила императора:

— Ваше Величество, Вы молились Будде?

— А Будда — великое божество? — спросил Хао.

— На небе и под ним нет никого, кто был бы славен больше Будды, — отвечала женщина. — Статуя, которую нашли Вы, Ваше Величество, все еще находится в отхожем месте. И я прошу Вас взять ее оттуда и поклониться ей. Ваша опухоль непременно исчезнет.

Боль была очень сильной. Хао приготовил горячей ароматной воды и вымыл статую собственными руками. Он поместил ее в зале. Кланяясь ей и оправдываясь за прошлые прегрешения, он от всего сердца просил о милости. Той ночью боль ослабла, и опухоль тоже уменьшилась. Потом Хао принял пять обетов¹² от Кан Сэн-хуэя и возвел монастырь на большом рынке. Он принес подношения монашеской сангхе.

Правитель смиряется пред мощами-шарира

Во времена Сунь Хао имелось сочинение «Верный путь правителя», где по поводу изложенных выше событий говорится: «Закон Будды должен быть уничтожен. Средин-

ному государству нет пользы от варварских богов!» Сунь Хао приказал собрать всех шрамана и приставить к ним охранников, с тем чтобы затем с ними расправиться. Он призвал закононаставника Кан Сэн-хуэй и изрек:

— Если Будда божество, будем чтить его. Если же в нем нет чудодейственной силы, Вас и монахов ожидает одна судьба.

Кан Сэн-хуэй и монахи ожидали либо смерти, либо изгнания. Тогда Кан Сэн-хуэй устроил пост, на седьмой день было явлено божество. Медную патру¹³ наполнили водой и поставили посреди залы. Посреди полуденной трапезы патра заблестала ярким светом, и все в зале услышали, что из нее доносится какой-то звук. Так были явлены мощи-шарира. Они плавали в патре и освещали все помещение. Хао в окружении свиты пришел посмотреть на чудо и от испуга изменился в лице. Он встал с циновки и приблизился к патре. Кан Сэн-хуэй сказал:

— Ваше Величество! Если, применив силу Мэн Бэня¹⁴, ударить стоцзюневым (1 цзюнь — 18 кг) молотом, то и тогда эти алмазной крепости мощи ничуть не пострадают!

Сунь Хао так и велел сделать. Но прежде Кан Сэн-хуэй пропел гимн, совершил поклонение, разбросал кругом цветы и воскурил благовония. Песнопение гласило:

Святая вера соединит нас
 с Милосердным (Буддой),
 И он придет, не даст нам сгинуть.
 Тогда Закона колесо вращаться будет,
 Оставит здесь божественный свой след.
 Величия у божества достанет,
 Чтобы явить его сейчас.
 Иначе...
 Три драгоценности навеки захиреют.

Силач взял молот и поднял его над головой. Все, кто наблюдал за этим, задрожали в страхе. Молот от удара разлетелся вдребезги, а мощи-шарира остались невредимы. Ясный свет исходил от них, и его многоцветие наполнило помещение.

Преисполненный почтения, Хао пал ниц. Он признал свое поражение, приблизился к вере. Он старательно обустроивал посты и проповеди. На месте этого события, к северу от большого рынка Цзянькана (совр. Нанкин), находится ступа. Впоследствии и она являла благое знамение, излучая свет.

Весной девятнадцатого года под девизом правления Великая радость (443) ступа засветилась в ночи. Большой ярко-красный луч исходил от четвертого яруса ступы. А с юго-западной стороны появилось нечто, похожее на хвост фазана. Этот предмет то двигался, то останавливался, и так беспрерывно. Свидетельства наблюдавших за ним той ночью одни подлинны, другие не совсем. Но более двадцати

дней на городском рынке видели, что на ступе есть большой фиолетовый отсвет.

Возвращение сына

Сунь Цзо был уроженцем Цзюйяна, что в Циге. Он дослужился до должности главного цензора. У него был сын Чжи по прозвищу Фа-хуэй. Чжи с малолетства был умен и сообразителен, чтит Закон. В первый год правления династии Цзинь под девизом Повсеместное процветание (335), находясь в округе Гуйян, Чжи заболел и умер. Было ему восемнадцать лет.

В третьем году под девизом правления Повсеместное процветание (338) Цзо служил в Учане. В восьмой день четвертого месяца повсеместно возводили молельни-бодхимандала, приглашали монахов помолиться Будде, устраивали трапезы и совершали ритуальные хождения¹⁵. Цзо увидел сына в

процессии, выходящей из-за статуи. Он окликнул Чжи; тот ему низко кланялся и подробно рассказал о своем житье-бытье. Вместе с родителями сын пришел в дом. Отец был болен, но Чжи успокоил его:

— Ничего страшного! В пятом месяце Вы выздоровеете.

Сказанное им сбылось точь-в-точь.

Для тех, кто говорит, что благотельно, изгоняя души умерших, спастись от бед, эта история будет полезной.

Гуаньшинь спасает от погони

Мао Дэ-цзу был уроженцем Инъяна. Его войско было разбито в Цзяннани. Дэ-цзу бежал окольными путями. Он увидел, что варвары верхом на конях догоняют его, и упал ничком в траву на обочине дороги. Трава была редкая и невысокая — скрывала его только наполовину. Дэ-цзу был готов принять смерть. Он думал о родных и молча взывал к Гуаньшиню-Авалокитешваре. Внезапно появились тучи, и пошел дождь. Так ему удалось спастись.

Гуаньшинь приходит на зов беглеца

Командир отряда Ли Жу усмирил город Хулао, но был окружен варварами династии Северная Вэй (386—534)¹⁶. Положение было безвыходным, и он подумывал о том, чтобы сдать. Ночью он вышел из города и увидел спящих вповалку разбойников. Жу стал всем сердцем взывать к Гуаньшиню-Авалокитешваре. И тогда он миновал то место, где спали бандиты, а затем перешел высохшее озеро. Разбойники стали его преследовать. Жу вошел в заросли травы и еще не успел укрыться в них, как прямо на него понеслось стадо диких лошадей. Жу страшно испугался; всем сердцем сосредоточился он на Гуаньшине. И лошади вдруг сами разбежались в разные стороны. Жу был спасен.

Нарушенная клятва

Было это в одиннадцатом году правления династии Цзинь под девизом Всеобщее великолепие (416). Го Сюань из округа Тайюань и Вэнь Чу-мао из округа Шуцзюнь дружили с наместником области Лянчжоу Ян Шоу-цзуном. Заговорщики бросили Шоу-цзуна в тюрьму; Сюань и Чу-мао тоже были закованы в кандалы. После того как они десять дней взывали к Гуаньшиню-Авалокитешваре, ночью в третью стражу (11—1 ч.) бодхисаттва явился им во сне и успокоил, сказав, что все предначертано свыше и печалиться не о чем. Тут же они почувствовали, что кандалы стали на прежнее место. Так было несколько раз. Два пленника поклялись друг перед другом: если им удастся избежать казни, каждый из них совершит доброе дело, выделив Монастырю высшей мудрости по сто тысяч монет. Они вместе принесли торжественный обет и были вскоре освобождены. Сюань отослал деньги в монастырь, а Чу-мао нарушил клятву — денег не отослал. Варвар Сюнь поднял мятеж. Чу-мао был при войске. В Чапу в него угодила кем-то выпущенная стрела. Перед смертью он молвил:

— На мне великий грех.

Сказал он так и умер.

Петух со свитком в клюве

Ван Си-чжи из округа Ланье, служивший начальником округа Усин при династии Сун, обладал многими познаниями, любил Лао-цзы и Чжуан-цзы, но не верил в Будду. Его любимым занятием было резать животных. Прежде он служил в гвардии в западных пределах империи Цзинь. Ему очень нравилось угощать гостей, и на этот случай у него была пара привезенных с собой петухов. Си-чжи любил понаблюдать за ними, считая, что так он постигает их нрав. Ночью во сне он вдруг увидел петуха со свитком из этак десяти (склеенных) листов в клюве. Он взял посмотреть свиток — в нем толковались дурные и добрые поступки. Наутро Си-чжи наяву увидел свиток. То была сутра Будды. После этого

Си-чжи больше не убивал, верил искренне, как никто другой. А потом он стал богат и знатен.

Умерший взывает к живым

Наместник в области Ичжоу Го Цюань был уже более двадцати лет мертв, когда в восьмом году под девизом правления Великая радость (432) он в экипаже проследовал по дороге, такой же, как при жизни. Цюань объявился в доме своего зятя Лю И-чжи и сказал:

— Моя участь еще не решена. Приложите все усилия, чтобы созвать собрание сорока девяти монахов и устроить им трапезу. Тогда мне удастся спастись.

Цюань закончил говорить, и вдруг его не стало.

Гуаньшинь смиряет бурю

Юй Вэнь возил соль в Южных морях и попал в шторм. Он стал думать про себя о Гуаньшине, и ветер стих, волны улеглись. Вэнь был в безопасности.

Встреча с Ямараджей

Чэн Дао-хуйэ, про прозвищу Вэнь-хэ, был уроженцем Учана. Его семья исстари не веровала в Будду, из поколения в поколение чтила закон Дао. Всякий раз, когда шрамана приходили к Вэнь-хэ за подаяниями, он осыпал их попреками, рассуждая при этом так:

— В поисках истины и постижении ее проявлений никто не превзошел Лао-цзы и Чжуан-цзы.

А потом он заболел и умер. Повстречавшись с Яньлованом¹⁷, он уразумел, что закон Будды достоин почитания, и (по возвращении в сей мир) стал поклоняться Будде.

Чудо в Пубани

Восьмом году под девизом правления Великая радость (432) в городе Пубань округа Хэдун разразился большой пожар. Ничего не удалось спасти. Только обитатели чистоты — монастыри остались более или менее невредимы. Также оказались нетронутыми сутры и статуи в домах мирян. Народ подивился на это чудо и числом вдвое более прежнего открылся вере.

Лучезарная статуя

Жена Чэнь Сюань-фана госпожа Чжан истово поклонялась Будде. Ее вечным желанием было сотворить золотую статую. Она жертвовала всем, дабы осуществить свое желание. На этом она сосредоточила все свои помыслы, и вдруг по прошествии долгого времени она увидела золотую статую Гуаньшииня. Статуя излучала луч света в пять чи и стояла на высоком постаменте.

Дарование мощей-шарира

Мать Чжан Дао госпожа Ван была преисполнена искренней веры. В Восьмой день четвертого месяца — (День рождения Будды Шакьямуни) во время трапезы она почувствовала, что ей дарованы мощи-шарира. Из рта ее лился свет, и его блики отражались в чаше с едой.

Сновидение физиогномиста

Чжэн Сянь, по прозванию Дао-цзы, был превосходным физиогномистом. Он знал, что жизнь его коротка, и не надеялся ее продлить. Ночью во сне он увидел шрамана и спросил, как продлить жизнь. Шрамана ответил:

— Соблюдайте шесть постных дней (в месяц), отпустите на волю животных, думайте о добром, придерживайтесь постов и исполняйте обеты! Так вы сможете продлить свой век и обретете счастье!

После этого Сянь стал чтить Закон и прожил долгую жизнь.

Возвращение статуи

Лю Ши-чжи из города Пэнчэн сделал пожертвования и отлил статую. Неизвестно как статуя пропала, и Ши-чжи не знал, где ее искать. Ши-чжи ночи напролет думал о том, что то была плата за его прегрешения. В своих мыслях он проник по ту сторону бытия. По прошествии ста дней его статуя вдруг сама собой оказалась на постаменте. Божественный свет озарил помещение. Вся семья возрадовалась и пуще прежнего укрепились в вере.

Видения И-мина

Уроженец города Пэнчэн Лю И-мин с малолетства был приверженцем Конфуция. Исполняя траур по родителям, он прославился своей сыновней почтительностью. Семья И-мина была бедной. Им подарили хижину в роще на западе гор Лушань. И-мин часто болел и, не считаясь с женой и детьми, подолгу пропадал там. С чистыми помыслами он предавался самосозерцанию. В продолжение полугода он видел сначала брови, затем один глаз Будды, затем пробор в его волосах и, наконец, увидел его всего. Говорили, что то была икона. Увидел он одного праведника, который поднес ему блестящий шарик. После этого И-мин выздоровел.

Каря настигаает святотатца

Варвар Хэлянь Бобо¹⁸ захватил область Цзичжоу. В ее пределах были истреблены и праведники, и миряне. Свирепый и буйный от природы, Хэлянь Бобо в жажде убийства не знал удержу. Он добрался до Гуаньчжуна. Число убитых перевалило за половину населения. Кости женщин и младенцев громоздились горами. Хэлянь Бобо в истреблении находил высшее наслаждение. Наконец он изрек:

— Я, Бобо, являюсь Буддой среди людей! Именно мне надлежит поклоняться!

Тут же начертали образ Будды и повесили Бобо на спину. Он восседал так во дворце, а шрамана государства приказал:

— Кланяясь образу на моей спине, вы будете поклоняться мне!

А потом Бобо отправился на прогулку. Поднялся ветер и нагнал тучи: вокруг темным-темно, и обратной дороги не отыскать. Сверкнула молния, и загромыхал гром, сразив Бобо насмерть. После того как его захоронили,

молния пронзила его могильный холм до самого гроба. Вытащили наружу его труп. На спине была надпись: «Злой, беспутный» и так далее. Люди государства ликовали, удостоверившись в его смерти. Вскоре жены и дети, к которым перешел скипетр предводителя дикарей с косичками, были подвергнуты казни.

Статуя карает разбойников-динлинов

В граде Е области Сянчжоу есть медная статуя стоящего Будды высотой в один чжан и шесть чи¹⁹. Разбойники динлины²⁰ нрава были жестокого и необузданного, не имели веры в сердце. Из арбалетов они принялись стрелять в лицо статуи. Кровь полилась ручьями и оставила след на тех драгоценных камнях, которыми была украшена статуя. А еще отобрали пятьсот силачей и приказали им опрокинуть статую на землю, чтобы затем переплавить ее на медь и пустить эту медь на изготовление оружия. И тогда из уст статуи раздался крик, подобный раскату грома. Силачи перепугались до полусмерти, а люди грохнулись оземь и ползали, не в силах подняться от страха. Те, кто были заодно с бандитами, устыдились, и все обратились в веру. А динлины потом кто от болезни, кто был казнен — все умерли.

Ван Янь
ВЕСТИ ИЗ ПОТУСТОРОННЕГО МИРА

Предисловие

Еще ребенком я был в Цзяочжи (северная часть совр. Вьетнама). В тех землях находился закононаставник, высокоправедный и добродетельный монах Сянь. От него я принял пять обетов. Среди преподнесенных ему даров была бронзовая статуя Гуаньшииня-Авалокитешвары. Статуя отличалась от тех, что изготавливают ныне, но не была очень древней: так, примерно, годов под девизом правления Великая радость (424—453). Она была отлита и обработана особым способом, что придавало ей изысканную прелесть.

Я вернулся в столицу и все юные годы вместе с двумя младшими братьями с тщанием предавался вере, соблюдая себя в чистоте. Потом затеяли подновить наш пришедший в ветхость дом, и у нас не стало пристанища. Мы на время переехали в столичный Южный монастырь у горного ручья.

В ту пору всем миром принялись отливать монеты, а кое-кто лил монеты из ворованных буддийских статуй. В монастыре несколько месяцев хранились статуи. Однажды днем я вздремнул и во сне увидел, что со статуями, установленными в углу тронной залы, происходит что-то неладное. День был уже на исходе, когда я стремглав помчался в монастырь удостовериться в своих подозрениях. Оказалось, что под вечер из Южного монастыря у горного ручья были выкрадены десять статуй. Сияние статуй еще долго отражалось в воздухе. Фигуры высотой в три с лишним чи были видны ясно и отчетливо. Их силуэты переливались золотыми бликами, слепившими глаза. Все это видели воочию мои старшие и младшие братья, а также десяток слуг. Но я был тогда совсем юн и не сделал записей. Теперь же, когда я собрался поместить это событие среди прочих, месяц и день, в котором оно произошло, оказались утерянными. Доподлинно, что

было это осенью седьмого года правления династии Сун под девизом Великая мудрость (463).

В последнем году под девизом правления Начало благоденствия (471) я переселился в квартал Черных одежд¹ и принимал у себя монаха, который уверял, что пропавшие статуи хранятся в Монастыре Прабхутаратны². Я на время отправился в Цзянду, а монах продолжил путь в Цзянчу. Почти десять лет я ничего не знал о том, где находятся статуи, и стал опасаться, что божественная драгоценность утеряна окончательно.

В последнем году правления династии Сун под девизом Возвышенная мудрость (478) я плыл через ущелья в верховьях Янцзы. Мой путь проходил через Цзянлин, и здесь я вновь встретил того шрамана (монаха), которому было известно местонахождение статуй.

В том же году я вернулся в столицу и наведаясь в Монастырь Прабхутаратны. Настоятель монастыря, досточтимый Ай, сказал, что таких статуй у него нет. Я вернулся домой и стал думать, что монах меня провел и статуи не вернуть. Меня охватила глубокая печаль. В ту ночь во сне мне явился человек и сказал:

— Статуи в Монастыре Прабхутаратны. Досточтимый Ай забыл об этом. Ты должен взять их себе!

Человек привел меня в монастырь. Мы открыли монастырскую залу и в ее восточной части увидели статуи. В окружении множества статуэток они предстали взору ясно и отчетливо. Наутро я отправился в монастырь и рассказал досточтимому Аю все, что видел во сне. Тогда досточтимый Ай отворил двери в залу, и я, как и прежде во сне, увидел в ее восточной части статуи. Я взял их с собой. Было это в тринадцатый день седьмого месяца первого года под девизом правления Начало свершений (16 августа 479 г.).

Статуи эти у меня под присмотром и служат вечным напоминанием о происшедшем. Я возвращаюсь к тем событиям, и

во мне зреет заветное желание приобщить к этому свидетельству другие записи. Ибо статуи — воистину совершенный образец изъясления наших чувств. А если они еще и являют доброе знамение, то радость множится. Сутры гласят: «Статуи, отлитые из бронзы и вырезанные из дерева, начертанные лики — все суть священный образ. Они могут двигаться и излучать свет».

Ныне в западных краях есть статуи Шакьямуни и Майтреи³, блистающие во мраке и истинноликие. Подобные статуи есть и в Китае. Они постоянно являют свою божественную суть, и некоторым из тех, кто рожден среди людей, дана способность ощутить ее. Изготовленные из дерева и камня с тем, чтобы явить нам тайное, они запечатлевают сокрытый от нас образ, но передают его в точности таким, каков он есть. Поэтому тяжелые каменные изваяния не тонут в воде, и люди в землях Мин и Учжун обращаются в веру. И потому обычная бронза источает влагу, рассеивая беду Пэн Суна. Примеров такого рода — великое множество. И хотя трудно объять их все до единого, приведем большую часть из них, опираясь на свидетельства очевидцев.

Переписка сутр и возведение ступ — превосходная религиозная заслуга. Но таково же и мое намерение. Истории, сходные с предыдущими, будут приведены в кратком изложении.

ДИНАСТИЯ ВОСТОЧНАЯ ХАНЬ (25—220)

Сон императора Мин-ди

Императору Мин-ди (58—75) во сне явилось божество ростом в два чжана: само из золота, а из головы исходят солнечные лучи. Расспросили сановников, и их ответ был таков:

— На Западе есть божество, нареченное Буддой. Обличьем оно напоминает того, кто явился Вашему Величеству во сне. Не был ли это сам Будда?!

Тогда снарядили посольство в Индию, и на обратном пути в Китай были доставлены сутры и статуи. Сын Неба¹ и удельные властители преклонились перед ними. Они услышали, что со смертью ничто не исчезает, и убоялись своих прежних прегрешений. Посланник Цай Ань и прибывший с ним шрамана из западных краев Кашьяпа Матанга поднесли в дар императору образ царя Ашоки² и статую Будды Шакьямуни, в которой император узнал божество, виденное им во сне. Мастерам-живописцам и ваятелям было поручено сделать с них копии, которые затем поместили в башню Цинлянтай³ Южного дворца и в гробницу Сяньцзишоулин⁴, что у врат Гаоянмэнь. А также расписали стены монастыря Белой лошади⁵ тысячью колесниц и десятком тысяч всадников. Вокруг ступы в три ряда поместили статуи Будды. Так об этом сообщают многие записи.

ДИНАСТИЯ ЦЗИНЬ (265—420)

Потерянное колечко

Уроженец округа Тайшань сановник Ян Ю был мудрейшим из министров династии Западная Цзинь (265—316); в славе ему не было равного во всей империи.

Когда Ян Ю было четыре года, он однажды попросил кормилицу принести кольцо, которым когда-то играл. Кормилица удивилась:

— У тебя его и в помине не было. Откуда же ему взяться?!

— Я играл с ним у восточной стены, и оно упало под тунговое дерево, — ответил ребенок.

— И ты сможешь его отыскать? — спросила кормилица.

— Я никогда там не был и места этого не знаю, — отвечал Ян Ю, выходя за ворота и направляясь прямо на восток.

Кормилица пошла за ним. Ребенок пришел к дому некоего господина Ли и под деревом, что росло у восточной

стены, отыскал маленькое колечко. Господин Ли удивлялся и досадовал:

— Это колечко было у моего сына, и он любил играть с ним. Шести лет он внезапно умер, и о том, где колечко, мы так и не узнали. Эта вещь принадлежит моему сыну. Скажите, откуда она у вас?!

Ян Ю уходил с кольцом в руке, и господин Ли последовал за ним, чтобы обо всем расспросить. Кормилица передала ему слова ребенка. Господин Ли не знал, печалиться ему или радоваться. Он хотел попросить Ян Ю быть ему сыном, но соседи отговорили его.

Когда Ян Ю вырос, его стала одолевать головная боль. Хотели обратиться к лекарям, но он возразил:

— На третий день от рождения я лежал головой к двери, выходящей на север, и почувствовал, как мне в темя дует холодный ветер. Говорить, однако, я не умел. Когда болезнь такая застарелая, о лечении нечего и думать.

Потом Ян Ю стал военным наместником в Циньчжоу и усмирил Сянъян. Он предоставил средства монастырю Удансы и, сверх того, на постройку скита. Когда его спрашивали, чем вызваны такие щедроты, Ян Ю хранил молчание. Позже он принес покаяния, по порядку изложив причины и следствия:

— В прошлом перерождении у меня было много грехов. Я отказал в пожертвованиях на постройку этого монастыря. Дабы избавиться от этого греха, я и поднес монастырю обо щедрые дары, — сказал он.

Шрамана Чжу Ши-син

Шрамана Ши-син был уроженцем округа Инчуань, происходил из семьи Чжу. Был он ровного нрава и далеких устремлений, прост в обращении и глубок в помыслах. Повинуясь велению души, шел он напрямик по пути постижения Учения, и ни мирская слава, ни бесчестие не могли его поколебать.

В те времена собрание сутр в Китае было неполным. Существовала лишь сутра «Малое творение»¹, но ее построе-

нию недоставало четкости, а смыслу ясности. В пятом году правления династии Вэй под девизом Благословение неба (260) Ши-син направил свои стопы в Юнчжоу и с запада пришел в Хотан². В поисках Сутрапитаки³ он обошел многие страны в западных краях. Монахи тех краев принадлежали главным образом к последователям Хинаяны⁴. Они прослышали, что Ши-син ищет истинно равные сутры Махаяны, и встревожились. Монахи отказали ему.

— Ты, пришелец, так и не познал Истинного закона и только внесешь лишние раздоры, — говорили они.

— Сутра гласит, что через тысячу лет наступит период конца Учения⁵. Учение должно распространять на Восток. Если вы сомневаетесь, что сие поведано Буддой, прошу вас, испытайте сутру с пристрастием, — ответил Ши-син.

Ши-син поджег хворост, политый маслом, и, когда занялось пламя, с благоговением принял сутру. С плачем отбивая земные поклоны, он возгласил:

— Если сия сутра от Златоустого (Будды), то следует донести ее до земель Хань (Китая). И пусть все будды и бодхисаттвы будут мне в том свидетелями!

Ши-син возложил сутру в огонь. Еще пуще разгорелось пламя. От костра осталась только куча золы, а в ней — неповрежденные письмена. Листы, выделанные из кож, остались нетронутыми.

Вся страна ликовала и оказывала почести Ши-сину. Его не отпускали из западных краев, осыпали дарами. Ши-син доверил своему ученику Фа-чжао доставить индийский текст сутры в Китай. Вернувшись в Китай, тот посетил монастыри в уездах Сюньи и Цанъюань округа Чэнлю и издал там сутру. Было в ней девяносто глав и двести тысяч слов. Упасака (буддист-мирянин) из Хэнани Чжу Шу-лан превосходно понимал язык сутр и китайскую речь, глубоко проник в таинства Закона. Он и принял участие в переводе сутры, которая стала называться «Излучающая сияние сутра о заповедном знании».

Ши-син скончался в возрасте восьмидесяти лет. В соответствии с обрядом джхапита его тело предали огню. По прошествии дня тело все еще оставалось невредимым. Люди страны дивились и восклицали:

— Если он воистину обрел Путь⁶, то тело должно было разрушиться!

От этих возгласов останки тотчас рассыпались в прах. Тогда кости Ши-сина положили в основание ступы.

Праведнику Хуэй-чжи рассказал об этом учитель, а достойный Ши Дао-ань⁷ полностью записал их рассказ.

О том, как Чжао Тай побывал в загробном мире

Чжао Тай, по прозвищу Вэнь-хэ, был уроженцем уезда Бэйцю, что в округе Цинхэ. Его дед был наместником в Цзинчжао. Чжао Тай был представлен от округа в соискатели официальных должностей. Из управы пришло назначение на должность, но Чжао Тай его не принял. Он всецело сосредоточился на классических книгах, был в большой чести у жителей деревни. В последние годы жизни Чжао Тай занимал официальный пост, представлялся к замещению должностей среднего ранга.

Чжао Таю было тридцать лет, когда его поразил сердечный недуг и он скончался. Когда тело опускали на землю, в сердце еще теплилась жизнь, а руки и ноги сгибались и разгибались как у живого. Так он пролежал десять дней. И вот наутро в гортани раздались звуки, подобные шуму дождя. Чжао Тай ожил и рассказал, что произошло с ним сразу по смерти.

Чжао Таю привиделся человек, который подошел и приник к его сердцу. Еще появились двое, восседавшие на желтых лошадях. Эти двое провожатых взяли Чжао Тая с обеих сторон под мышки и повели прямо на восток. Неизвестно, сколько ли они миновали, прежде чем пришли к большому городу, словно вздымающемуся ввысь. Город был черный и весь из олова. Чжао Тай направился в город, прошел двустворчатые ворота и очутился перед черным строением в не-

сколько тысяч этажей. Мужчин и женщин, старых и малых было там тоже несколько тысяч. Они стояли рядами, и служки одевали их в черные одежды. Пять или шесть служек записывали имя и фамилию каждого для представления в соответствующее ведомство. Имя Тай было тридцатым в списке. Вдруг несколько тысяч мужчин и женщин, а с ними и Чжао Тай, все разом двинулись вперед. Глава ведомства сидел, обратясь лицом к западу. Он бегло сверил списки, и Чжао Тая отправили на юг через черные ворота.

Чиновники в темно-красных одеждах⁸ сидели у большого здания и по очереди вызывали людей. Они вопрошали Чжао Тая о содеянном при жизни:

— Какие ты содеял преступления и совершил какие благодеяния? И посмотрим, правда ли то, что ты говоришь! Среди людей постоянно находятся наши представители от Шести отделов⁹. Они по пунктам записывают все доброе и дурное, и упущений не может быть никаких!

— Мой отец и старшие братья служили и получали содержание в две тысячи даней¹⁰. Я же с молодых лет был при семье, предавался ученым занятиям, и только. Не служил и не совершал преступлений, — отвечал Чжао Тай.

Чжао Тая послали служить чиновником по поручениям в водное ведомство. Ему были приданы две тысячи человек, которые вычерпывали со дна песок и укрепляли берега. Трудился он денно и ночью без усталости. Потом из чиновников по водному ведомству его перевели в военные наместники, и он узнал, что происходит в аду. Ему придали конницу и пехоту, поручили совершать обходы и присматривать за порядком в аду.

Те, кто прибывал в ад, подвергались наказаниям и карам разного рода. Или им иглой прокалывали языки, и кровь растекалась по всему телу. Или с непокрытыми и мокрыми головами, голые и босые, они брели, связанные друг с другом, а человек с большой палкой подгонял их сзади. Там был железный одр на медных ножках, под которым разводили огонь. Людей загоняли на одр, до смерти жарили и парили, а затем возвращали к жизни. Был там еще раскаленный докрасна громадный котел. В нем варили грешников. Те-

ла вперемешку с головами разваривались в нем до мельчайших частиц. Кипящее масло бурлило и клочотало, а по краям котла толпились черти с вилами. Триста-четырееста грешников стояли на очереди. Они обнимались и рыдали. Или было там меченосное дерево, высокое и раскидистое, величины необъятной. Корни, ствол, ветви и листья — все было из мечей. Люди, возводившие хулу на других, как будто по собственному желанию взбирались на дерево, цепляясь за ветки. Туловище и голова были в сплошных порезах: раны прямо на глазах становились столь глубокими, что куски тела отваливались.

Чжао Тай увидел в аду деда, мать и двух младших братьев. Они расплакались при встрече.

Чжао Тай увидел в аду деда, мать и двух младших братьев. Они расплакались при встрече.

Как-то, выйдя за ворота ада, Чжао Тай увидел двух служек, принесших документы, удостоверяющие скорое прибытие трех человек, радея за которых, семьи вывешивали в монастырях траурные стяги, возжигали благовония. Этим троим надлежало перевести в странноприимные дома-пуньяшала. Вскоре Чжао Тай увидел тех троих: они вышли из ада и были в своей обычной одежде. Они двинулись на юг и подошли к воротам с надписью: «Большая обитель, открывающая свет». Трехстворчатые ворота осветились и раскрылись. Те трое вошли внутрь. Чжао Тай последовал за ними.

Перед ним был большой дворец в богатом убранстве. Ложе из золота и драгоценных камней блистало ясным блеском. Чжао Тай узрел божество величавое и красоты необыкновенной. Оно восседало на ложе, а по сторонам в великом множестве стояли шрамана-прислужники. К божеству

подходили правители областей и с превеликим почтением исполняли ритуал поклонения. Чжао Тай спросил у служки, кто этот господин, которому правители областей оказывают столь высокие почести.

— Миром почитаемый и людей спасающий наставник, — огласил имя божества служка и продолжил: — Все, кто пребывают на путях порока, выходят послушать его сутры. Все до единого живые существа, пришедшие сюда, чтут его Закон. Хотя некоторым из них и недостает благих деяний, они все же надеются обрести спасение. Потому они и внемлют закону сутр. А через семь дней, согласно добрым и дурным деяниям, совершенным ими ранее, их по очереди отпускают.

За то время, что Чжао Тай провел в обители, десять человек поднялись ввысь и улетели.

Покинув обитель, Чжао Тай увидел город в две сотни ли под названием Город меняющих обличье. Тот, кто завершил пребывание в земном аду, получал в этом городе превращение согласно содеянному. Чжао Тай вошел

в город и увидел земляное здание в несколько тысяч комнат, крытое черепицей. К каждой комнате вела улочка, а посреди города стояло высокое кирпичное здание, обнесенное разукрашенной изгородью. Там было несколько сотен служащих. Сверяясь по бумагам, они губителей живых существ определяли в поденки, рождающиеся утром и гибнущие вечером, грабителей и разбойников — в свиней и баранов, приготовленных на убой, развратников и ленивцев — в журавлей и

уток, кабаргу и оленя, болтунов — в гусей, сов и филинов, должников и ростовщиков делали мулами, овцами и лошадьми.

Дело Чжао Тая вернули на рассмотрение в водное ведомство. Глава ведомства спросил Чжао Тая:

— Вы сын влиятельного лица. За какие же грехи Вы здесь находитесь?

— Мой дед и братья получали жалованье в две тысячи даней. И я был выдвинут на соискание официальных должностей. Меня даже произвели в должность, но я назначения не принял. Я устремлялся к возвышенному и не впитал людские пороки, — был ответ.

— У Вас, сударь, нет в прошлом грехов, и потому Вас прислали в распоряжение водного ведомства. Будь по-другому, Вы ничем не отличались бы от обитателей ада, — заметил Глава ведомства.

— Какие же деяния должен совершить человек, чтобы по смерти обрести благое воздаяние? — спросил Чжао Тай.

— Следуйте Закону, совершенствуйтесь в вере и соблюдайте обеты! Тогда Вы обретете благое воздаяние и Вас не постигнет никакая кара. Карать будет не за что! — молвил только в ответ Глава ведомства.

— Если человек не служил Закону, но позднее стал его слугой, списываются ли ему прежние грехи? — опять вопрошал Чжао Тай.

— Полностью списываются, — ответил Глава ведомства и на том закончил. Он развязал шнурки на футляре и проверил по книге счет годов Чжао Тая. По всем расчетам у того оставалось тридцать лет в запасе. Тогда Чжао Тая вернули к жизни. На прощание Глава ведомства сказал ему так:

— Вы видели, как грехи воздаются в земном аду. Сообщите об этом людям в миру. Пусть все они творят добро! Добрые или злые поступки следуют за человеком, будто тень или эхо. Как же тут не остеречься?!

По возвращении Чжао Тая к жизни его навестили пять или шесть десятков близких и дальних родственников, а также знакомых. Все они выслушали его рассказ. В назидание современникам Чжао Тай оставил запись этого рассказа. Произошло сие в тринадцатый день седьмого месяца пятого

года правления династии Цзинь под девизом Начало благоденствия (360).

Радея за деда, мать и двух младших братьев, Чжао Тай устраивал монашеские собрания, повсеместно производил сбор пожертвований. Сыновьям и внукам тех, кто томился в аду, он передал наказ: отворотиться от прежних помыслов и предаваться Закону с усердием и верой.

Люди прослышали о том, что Чжао Тай после смерти вернулся к жизни, повидав многие кары и воздаяния. Они приходили к нему с расспросами. В доме Чжао Тая однажды собрались восемнадцать человек, среди которых были придворный советник Сунь Фэн из Учэна, Хао Бопин из Чаншани, носивший титул Гуаньнэйхоу, и другие. Они любезно осведомились у него обо всем и пришли в ужас от услышанного. Все они стали чтить Закон.

Загробные скитания монаха Фа-хэна

Шрамана Чжи Фа-хэн жил в начале правления династии Цзинь. Однажды он заболел, а по прошествии десяти дней скончался. Еще через три дня Фа-хэн ожил и рассказал, что с ним произошло, когда он был мертв.

Сначала пришли какие-то люди и увели Фа-хэна. В нескольких местах, с виду похожих на казенные дома, его не согласились принять. Вдруг Фа-хэн увидел железное колесо с когтями, прикатившее с запада. Никем не управляемое, оно носилось с быстротой ветра. Служка вызывал грешников стать на пути колеса, и колесо снова и снова прокатывалось по ним, превратив так несколько человек в месиво. Служка вызвал по имени праведника Фа-хэна и велел ему стать перед колесом. Фа-хэн испугался и стал корить себя за прежнее нерадение, приговаривая:

— Так пусть же будет суждено мне это колесо.

И сразу, как он это молвил, ему было позволено уйти. Фа-хэн поднял голову и увидел отверстие в небесном своде. В мгновение ока Фа-хэн взмыл в небо и, опершись обеими руками о края отверстия, просунул в него голову. Он стал озираться по сторонам и увидел Дворец о семи драгоценно-

стях¹¹ и всех небожителей. Фа-хэн обрадовался, но пролезть в отверстие не смог, как ни пытался. Выбившись из сил, он опустил вниз на прежнее место. Его повели прочь, а люди смеялись ему вслед:

— Он был уже там и не смог взобраться!

Фа-хэна отправили к чиновнику по судовому ведомству. Пригнали лодки и приставили к ним Фа-хэна рулевым. Тот возражал:

— Мне не удержать в руках руль, — но его заставили силой.

Фа-хэн прокладывал путь для нескольких сотен лодок. Однажды он не справился с управлением и посадил лодку на мель. Служки схватили его, приговаривая:

— Ты сбился с пути, и по закону тебя следует казнить.

Фа-хэна выгнали на берег и барабанным боем возвестили о казни. Вдруг появились два пятицветных дракона и столкнули лодку с мели. Служки простили Фа-хэна.

Лодка прошла еще тридцать ли на север. Там, на берегу, Фа-хэн увидел прекрасное селение в несколько десятков тысяч дворов. Ему сказали, что это ссыльное поселение. Фа-хэн с опаской поднялся на берег. В селении было много злых собак, которые так и норовили вцепиться в него зубами. Фа-хэн перепугался. Далеко на северо-западе он увидел строение с залой для проповеди и в нем множество шрамана. Он услышал звуки песнопения и стремглав бросился туда. В залу вели двенадцать ступеней. Поднявшись на первую, Фа-хэн увидел своего прежнего наставника Фа-чжу, восседающего на варварском ложе. Тот, заметив Фа-хэна, воскликнул:

— Никак, это мой ученик! Что ему здесь нужно?!

Он тотчас поднялся с ложа, подошел к Фа-хэну и стал бить его полотенцем по лицу, приговаривая:

— Прочь отсюда!

Фа-хэну очень хотелось подняться вверх по лестнице, но как только он ставил ногу на ступень, учитель прогонял его. Так было трижды, и тогда Фа-хэн отказался от дальнейших попыток.

Потом Фа-хэн увидел на гладком полу колодец глубиной в три-четыре чжана. Его кирпичная кладка была ровной и

без зазоров. Фа-хэн подумал, что это обычный колодец, но люди, стоявшие близ него, сказали:

— Этот колодец — необыкновенный. Разве же мыслимо сотворить такое?!

Фа-хэн последний раз взглянул на Фа-чжу. Тот проводил его взглядом и крикнул вдогонку:

— Идите своей дорогой! Собаки Вас не тронут!

Фа-хэн вернулся на берег реки, но лодки, доставившей его сюда, не нашел. Он почувствовал жажду и хотел напиться из реки. Фа-хэн свалился в реку и тотчас ожил.

Фа-хэн ушел в монахи, соблюдал обеты, питался растительной пищей. Дни и ночи напролет он жил помыслами о безупречном поведении. Шрамана и бхикшу¹² Фа-цяо был учеником Фа-хэна.

Утка со сломанным крылом

Везде Лоцзян, что в округе Цзиньань, есть горы Хошань, заслоняющие солнце. На вершине — каменное ложе, несколько чжанов в объёме, а по нему непрерывно струится полноводный родник глубиной в пять-шесть чи. Древние старцы поведали, что сюда захаживали утолить жажду горные отшельники.

Шрамана Сэн-цунь жил отшельником в тех горах. Выпьет он, бывало, из того родника и уже не ощущает голода, даже к злакам не притрагивается. Наместник округа Цзиньань Тао Ся прослышал об этом и приказал добыть ему воды. Сэн-цунь передавал ему воду, но стоило посыльному спуститься с горы, как она портилась. Тогда Тао Ся сам переправился через озеро и пришел к горе. Небо в этот день было ясное и безоблачное. Но только Тао Ся ступил на гору, как ветер, дождь и кромешная тьма — три непреодолимых препятствия — стали на его пути.

Обитель Сэн-цуня была отделена от родника горным потоком. Утром и на обратном пути вечером он переходил речку по бревну, служившему ему мостом. Как-то утром Сэн-цунь собирался как обычно перейти речку, но увидел утку со сломанным крылом. Положив крыло на бревно, та изги-

бала шею и щелкала клювом. Сэн-цюнь так и не смог через нее переступить. Хотел он было столкнуть крыло посохом, но побоялся, что утка утонет. Так Сэн-цюнь остался без родниковой воды и вскоре скончался от жажды и голода. Говорили, что было ему тогда сто сорок лет. В преддверии смерти Сэн-цюнь так истолковал происшедшее:

— Ребенком я перебил крыло одной утке. Теперь во исполнение Закона причин и следствий¹³ утка послужила мне воздаянием.

Шрамана-индус Ци-юй

Шрамана Ци-юй был уроженцем Индии. Пришел он из западных краев морем, побывал в Гуаньчжуне и Лояне. По дороге в старый Сянъян¹⁴ Ци-юй собирался переправиться на северный берег озера. Лодочник увидел индуса-шрамана в рваной и ветхой одежде и побрезговал им — не пустил в лодку. Лодка еще только подходила к северному берегу, а Ци-юй уже был там. Все, кто были в лодке, изумились. Навстречу Ци-юю, поджав уши и виляя хвостом, вышли два тигра. Ци-юй потрепал их по головам рукой, и те тотчас ушли в заросли. Люди с северного и южного берегов кинулись к Ци-юю с расспросами, но тот не проронил до конца дня ни слова. Когда он продолжил путь, несколько сотен человек бросились за ним вдогонку. Ци-юй шел степенно, не спеша, однако преследователи так и не настигли его.

На исходе правления императора Хуэй-ди (290—307) Ци-юй прибыл в Лоян. Праведные мужи Лояна приходили к нему выразить свое почтение. Бывало, Ци-юй даже не приподнимется им навстречу, а то и обругает за излишества в одежде:

— Вы и ваша братия не принадлежите к истинным и преданным последователям Будды! Вы — пустоцветы, домогающиеся подношений!

Увидев императорский дворец в Лояне, Ци-юй воскликнул:

— Дворец на небесах Трайястримша¹⁵ точь-в-точь такой же! Этот дворец сооружен с такой же сноровкой и умением, что и небесный, но какими тяжкими трудами простых смертных!

Юные Чжи Фа-юань и Чжу¹⁶ Фа-син пришли на поклон к Ци-юю. Ци-юй поднялся, вышел навстречу и приветствовал их. Фа-юань совершил ритуал поклонения, и Ци-юй погладил его по голове, приговаривая:

— Прекрасный бодхисаттва, рожденный среди баранов, явился к нам!

Увидев вошедшего следом в ворота Фа-сина, Ци-юй очень обрадовался и засмеялся. Он вышел ему навстречу, поклонился и обнял, а затем поднял над головой, восклицая:

— Прекрасный бодхисаттва, рожденный среди небожителей, явился к нам!

Один служащий императорского провизорного ведомства болел несколько лет и был при смерти. Ци-юй пришел к нему, осмотрел и промолвил:

— Каким же было грехопадение, вызвавшее такие муки!

Больного положили на пол; под него положили циновку, а на живот поставили патру¹⁷, сверху покрытую полотняной тканью. Ци-юй пропел индийский гимн в три гатхи¹⁸, произнес индийское заклинание в несколько тысяч слов. Тотчас помещение наполнилось дурным запахом, а больной молвил:

— Я еще жив.

Ци-юй велел снять ткань, и все увидели в патре что-то вроде нечистот. Больной сразу же выздоровел.

Наместник в Чанша Тэн Юн-вэнь был истым приверженцем Учения. Вот уже год, как в Лояне его разбил паралич нижних конечностей — бэри-бэри. Ци-юй произнес заклинание, и в тот же миг обе его ноги распрямились. А через несколько дней он уже поднимался и ходил.

В Монастыре на полноводной реке было Дерево, пробуждающее мысль¹⁹. Оно совсем засохло, и Ци-юй стал его заклинать. Через десять дней дерево ожило и расцвело.

В том же монастыре жил монах Чжу Фа-син, которого в искусстве вести беседы равняли с Юэ²⁰. Фа-син повстречал Ци-юя и, преклонив главу, спросил:

— Вы сподобились овладеть Учением. Не угодно ли будет Вам дать мне свои наставления?

— Держите рот закрытым, а свои мысли оставляйте при себе! Не позволяйте себе нарушать это правило и сторонитесь суетного мира, — изрек Ци-юй.

— Тому, кто овладел Учением, не пристало повторять то, что известно каждому, изрекать истины, которые учат наизусть шраманера (послушники). Не то мы надеялись от Вас услышать, — сказал Фа-син.

— Судя по вашим словам, господин, то, что заучил восьмилетний ребенок, не в состоянии исполнить и столетний старец, — молвил с усмешкой Ци-юй. — Люди знают и чтят того, кто овладел Учением. Но неведомо людям, как самим обрести Учение. Я смотрю на это просто. Сокровенный закон — в Вас самих. Как жаль, что Вы об этом не знаете!

Столичная знать и простой люд поднесли Ци-юю в дар несметное множество одежд. Прежде чем покинуть Лоян, Ци-юй изготовил из части даров восемьсот хоругвей, навьючил их на верблюдов и отправил впереди себя с купцами, возвращавшимися в Индию. Еще он принял от шрамана Фасина²¹ монашескую рясу-кашаша, сшитую из целой холстины²², сказав так:

— В стране очень силен грех нововведений. Как бы не пожалеть об этом!

На проводах Ци-юя собралось несколько тысяч человек. Совершив дневную трапезу в одном из монастырей Лояна, Ци-юй отправился в путь. В тот же день из Чанъани пришел человек, который видел там Ци-юя в одном из монастырей. Купцы, отправившиеся в путь ранее Ци-юя, с караваном верблюдов и погонщиками достигли реки близ Дуньхуана. Там один из них повстречал младшего брата, идущего из Индии. Тот сказал, что видел Ци-юя неподалеку, в Дуньхуанском монастыре. Ученик Та-дэн говорил, что он встретился и беседовал с Ци-юем на севере Зыбучих

Песков²³. Было это на десятый день по выходе Ци-юя из Лояна. Пройденный им к этому времени путь равнялся десяти тысячам ли.

Чужеземец Чжу Фо-дяо

Из какой страны происходит шрамана Чжу Фо-дяо, неизвестно. Прибыв в Чаншань, он долгие годы трудился на монашеском поприще, почитая простоту и отвергая излишества. Был он за это всеми почитаем.

В тех местах жили два брата, чтившие Закон. Их дом был в ста ли от монастыря. Жена старшего брата тяжело заболела, и ее поместили неподалеку от монастыря, поближе к лекарям. Старший брат почитал Фо-дяо своим наставником; по утрам и вечерам он бывал в монастыре, принимал наставления учителя и совершал хождение вокруг статуи Будды. Как-то раз Фо-дяо объявился в доме, где жили братья. Младший брат справился у него о болезни жены брата и самом брате.

— Больная уже ходит, а Ваш брат в полном здравии, — отвечал Фо-дяо.

После ухода Фо-дяо младший брат, погоняя коня, помчался рассказать старшему брату о том, что утром приходил Фо-дяо. Старший брат изумился:

— Преподобный с самого утра не выходил из монастыря. Как же могло случиться, что вы виделись?!

Братья заспорили и решили расспросить самого Фо-дяо. Тот ничего не ответил и только посмеивался, так и оставив обоих в недоумении.

Однажды Фо-дяо поднялся высоко в горы. Там он предался отшельничеству, пробив полтора года и имея при себе несколько шэнов засушенного риса. По возвращении рис у него еще оставался.

Какие-то люди ходили за ним следом в горы. Они прошли несколько десятков ли, пока небо не заволокло тучами и не пошел снег. Фо-дяо вошел в пещеру, где обитал тигр. Тигр вернулся и растянулся у входа в пещеру.

— Я захватил твое жилище. Ты на меня не в обиде? — спросил Фо-дяо тигра.

Поджав уши, тигр стал спускаться с горы, а люди, что шли за Фо-дяо следом, шарахнулись от него в разные стороны.

Фо-дяо предрек день своей кончины. Людям, пришедшим к нему из ближних и дальних мест, он поведал свой наказ:

— Издревле существует земля под небом, но и ей положен свой предел. У человека тем более есть предел, но ведь он стремится к вечной жизни! О, если бы он мог очиститься от трех пороков²⁴ и сосредоточиться на истинном и чистом! Пусть непослушна плоть, но сила духа всегда с вами!

Толпа плакала навзрыд. Фо-дяо вернулся в келью, сел чинно, накинул на голову полы одежды и тотчас скончался.

Несколько лет спустя восемь учеников Фо-дяо из мирян пошли в горы Сишань нарубить дров. На высокой скале они вдруг увидели Фо-дяо. Одежания его были чисты, а лик светел. Ученики обрадовались и поклонились Фо-дяо.

— Ведь Вас, преподобный, здесь не было, — обратились они к нему.

— Я бываю там, где пожелаю, — ответил Фо-дяо, затем подробно

расспросил, какие новости у его знакомых, и удалился. Восемь его учеников, отложив дела, вернулись домой и обо всем рассказали единоверцам. Поскольку иного способа удостовериться рассказ у них не было, они разрыли могильный курган и вскрыли гроб. Останков Фо-дяо там не оказалось.

Чудотворец Цзяньтолэ

Цзяньтолэ был уроженцем западных краев. Он пришел в Лоян и пробыл там долгие годы. Его почитали за благое поведение, но глубинной сути Цзяньтолэ никто не изведal. Однажды Цзяньтолэ сказал монахам:

— К юго-востоку от Лояна есть горы Паньлин. В этих горах был в древности монастырь. Его основание сохранилось поныне, и монастырь там можно будет возвести вновь.

Монахи ему не поверили и пожелали убедиться в правильности его слов на месте. Они пришли в горы к тому месту, где была ровная площадка. Цзяньтолэ указал на нее:

— Это и есть основание монастыря.

Стали рыть землю и натолкнулись на основание каменного монастыря. Между тем Цзяньтолэ указал, где прежде находились зал для проповедей, монашеские кельи. И все, что он говорил, подтверждалось. Монахи были удивлены и восхищены. Они сообща заложили на том месте монастырь. Его настоятелем стал Цзяньтолэ.

Монастырь отстоял от Лояна на сотню ли. Каждое утро Цзяньтолэ приходил в город и слушал монашеские проповеди. По окончании проповедей он всякий раз наполнял патру маслом и пускался в обратный путь, чтобы на следующее утро прийти вновь. Так было изо дня в день, и ни разу Цзяньтолэ не нарушил заведенный порядок. Однажды человек, который был способен пройти за день несколько сотен ли, шел следом за ним и попытался его догнать, чтобы продолжить путь вместе. Человек сломя голову бросился за Цзяньтолэ, но так и не догнал. Настоятель обернулся и, смеясь, сказал:

— Держись за мою накидку-кашя да знай поторапливайся!

Тот ухватился за его одежду, и не успели еще сгуститься сумерки, как они были в монастыре. Странник пробыл там несколько дней, отдохнул, а затем вернулся домой. Ему открылось, что Цзяньтолэ — святой. О последующих годах жизни Цзяньтолэ ничего не известно.

Визит убогого монаха

Ли Ши-чан был уроженцем округа Чжуншань. Его семья благоденствовала. В годы правления под девизом Великое спокойствие (280—289) подданным династии Цзинь было запрещено становиться шрамана. Ши-чан чтит Закон,

был его истым приверженцем. Он соорудил в своем жилище тайную обитель и принимал в ней шрамана. Бывал у него и Юй Фа-лань. Кто бы из монахов ни пришел, никому ни в чем не было отказа.

Однажды Ши-чана навестил некий шрамана внешности безобразной, в одежде пыльной и рваной, с грязными ногами. Шичан вышел к нему с поклоном, приказал слуге принести воду и омыть шрамана ноги.

— Тебе, Ши-чан, следует самому омыть мне ноги, — возразил бхикшу.

— Я стар и слаб, — отвечал Ши-чан, — и за меня это делает слуга.

Бхикшу настаивал на своем. Ши-чан про себя обругал бхикшу и прогнал его. И тотчас его взору предстало дивное существо ростом в восемь чи, обличья необычайно величественного, легкой божественной поступью уходящее в небо. Ши-чан, каясь, бил себя в грудь и валялся в грязи. Монахи и монахини, что были в доме, а также пять-шесть десятков прохожих видели божество, парящее над землей в нескольких десятках чжанов. Образ его был чист и ясен, а дивный аромат месяц после этого витал в воздухе.

Юй Фа-ланя почитали выдающимся закононаставником. Его житие приводится в последующих цзюанях (свитках). Юй Фа-лань рассказал об увиденном в доме Ши-чана своему ученику Фа-цзе, а тот пересказал многим другим. И монахи и миряне о том изрядно наслышаны.

Муж, владеющий Учением, испытывает странников

Шрамана Кан Фа-лан провел годы ученичества в округе Чжуншань. В годы под девизом правления Вечная радость (307—312) вместе с четырьмя бхикшу Фа-лан с запада отправился в Индию. Им оставалось пройти тысячу ли по Зыбучим Пескам, когда близ дороги они увидели разрушенный буддийский монастырь с обезлюдевшими залами и кельями; одна полынь, и никого вокруг. Фа-лан и его спутники совершили земной поклон и вдруг увидели в отдельных

кельях двух монахов. Один читал сутру; другого одолевал такой понос, что была загажена вся келья. Монах, читавший сутру, даже не удостоил их взглядом. Фа-лан проникся состраданием к больному. Из остатков риса он приготовил на огне отвар, подмел и вымыл до блеска келью. На шестой день больному стало совсем плохо: понос вконец его одолел. Странники ухаживали за ним, а про себя решили, что он не дотянет до утра. Наутро они пришли на него взглянуть, и что же: лик его был ясен и светел. Болезни как не бывало, а келья благоухает ароматом цветов. Странники поняли, что перед ними владеющий Учением муж, пришедший из потустороннего мира испытать их. Больной меж тем молвил:

— Бхикшу в соседней келье — мой наставник. Он давно уже овладел премудростью Учения. Пойдите и поклонитесь ему.

Странники подозревали монаха, читавшего сутру, в жестокосердии. Теперь они пришли к нему с поклоном и покаянием. Он сказал им так:

— Все вы, господа, устремлены к вере и вместе ступили на Путь. Однако Вам, досточтимый Фа-лан, недостает познаний. Ваши чаяния не сбудутся в этой жизни. Ваша мудрость, — сказал он сотоварищам Фа-лана, — глубока и основательна. Вы обретете желаемое в этой жизни.

С тем он и оставил их.

Впоследствии Фа-лан вернулся в Чжуншань и стал великим закононаставником. Его чтити и праведники и миряне.

Чудодейственный дар Чжу Чан-шу

Предки Чжу Чан-шу были уроженцами западных краев. Семейство вело торговлю и было богатым. В годы правления династии Цзинь под девизом Вечное спокойствие (291—299) оно обосновалось в Лояне. Чан-шу чтит Закон и соблюдал себя в чистоте. С особым тщанием твердил он сутру «Гуаньшинь цзин»²⁵.

Как-то раз у соседей Чан-шу случился пожар. Семья Чан-шу жила в тростниковом доме, а ветер дул в их сторону. Огонь подступил вплотную к дому, и домочадцы решили

выносить вещи: может быть, что-то удастся спасти. Тогда Чан-шу велел им оставить тележку с вещами и не пытаться залить пожар водой, а с чистым сердцем твердить сутру «Гуаньшиинь цзин». Меж тем пламя, охватившее соседний дом, перекинулось на бамбуковую изгородь их дома. Но тут ветер переменялся, и огонь, подобравшийся было к их дому, вдруг погас. Посчитали, что Чан-шу обладает чудодейственным даром.

В деревне жили четверо или пятеро надменных и вероломных юнцов. Они насмеялись над Чан-шу:

— На его счастье ветер переменялся. При чем же здесь божественный дар?! Вот будет сухая ночь, и мы спалим его дом. Как он нам тогда помешает?!

Они дождались, когда установится сухая погода, да к тому же с сильным ветром, тайно собрались и стали бросать на крышу дома Чан-шу зажженный факел: трижды бросали они факелы, и трижды те гасли. Тогда юнцов обуял ужас, и они разбежались по домам. А наутро они один за другим пришли к Чан-шу и рассказали о том, что совершили. Они пали перед Чан-шу ниц, моля о прощении. Чан-шу им отвечал:

— Я — никакое не божество. На самом деле я взывал к Гуаньшииню, и его грозная божественная сила снизошла на меня. Очистите свои помыслы, юноши, и обратите к Гуаньшииню свою веру!

С тех пор соседи и вся округа особо почитали Чан-шу.

Драконовый источник

На западе гор Лушань, что в округе Сюньян, есть Обитель драконового родника. Она основана шрамана Хуэй-юанем²⁶. Хуэй-юань облюбывал эту горную местность, когда переправился через Янцзы и обосновался на юге. Он намеревался соорудить здесь монастырь, но его точное местоположение еще не определил. Хуэй-юань послал учеников на поиски горного родника. Ученики устали в дороге и присели отдохнуть. Их мучила жажда, и они в один голос произнесли клятвенное заклинание:

— Если обители суждено быть на этом месте, то пусть будет явлена чудодейственная сила и здесь заструится дивный родник!

Они разрыли посохом землю, и потекла чистая родниковая вода, образовавшая пруд. У этого пруда и возвели обитель.

Когда наступила великая сушь, Хуэй-юань, дабы ниспослать народу дождь, призвал монахов вращать «Сутру Царя морских драконов»²⁷. Чтение еще не закончилось, когда в роднике появилось нечто, напоминающее громадного змея. Этот змей взмыл в небо и исчез. Внезапно разразился благостный ливень: потоки воды обрушились с высоты и пропитали влагой все окрест. Поскольку тогда было явлено драконово знамение, источник был назван его именем.

Праведники Юй Фа-лань и Дхармаракша

Шрамана Юй Фа-лань был уроженцем уезда Гаоян. Пятнадцати лет он оставил семью, овладел глубочайшими познаниями, соблюдая себя в полнейшей строгости. Монастырь Юй Фа-ланя находился высоко в горах. Ночами шрамана сживал в позе самосозерцания. Как-то раз в келью вошел тигр и, поджав лапы, лег перед ним. Юй Фа-лань гладил тигра по голове, а тот лежал, поджав уши и уткнувшись ему мордой в ноги. По прошествии нескольких дней тигр ушел.

Дхармаракша был уроженцем Дуньхуана. И внешностью и поведением он был под стать Юй Фа-ланю. Переводы сутр с индийского языка²⁸, в таком множестве появившиеся в то время, были неразборчивы и путанны, гатхи переложены беспорядочно. Дхармаракша принялся за исправление переводов и приведение их в порядок. Как и Юй Фа-лань, Дхармаракша обосновался с учениками в горах. Там был чистый родник, из которого он брал воду, чтобы полоскать рот. Пришли сборщики хвороста и замутили воду. Родник истощился, и ручья не стало. Дхармаракша пришел к ручью, стал бродить взад-вперед по берегу и вздыхать:

— Если вода иссякнет, то чем я буду поддерживать жизнь?!

Только он это сказал, как забил родник и ручей наполнился водою.

Оба, и Юй Фа-лань и Дхармаракша, жили при императорах У-ди (265—289) и Хуай-ди (290—307). Чжи Дао-линь²⁹ на картине с их изображением поместил славословие:

Юй, господин, презрел суеты мира;
Связал он воедино форму с тайной сутью.
В уединенье благостном у озера в горах
Единорога с тигром добротой растрогал.

Обрел покой достопочтенный Дхармаракша,
Глубокой праведности кладезь несравненный.
Едва вздохнул над высохшим ручьем,
И вновь родник наполнился водою.

Божество в грязном рубище

Начальник приказа общественных работ Хэ Чун³⁰, по прозвищу Цы-дао, был родом из уезда Луцзян. С малолетства он уверовал в Закон, устремившись к нему всеми помыслами и делами. Хэ Чун установил в трапезной высокое сиденье, завесил его пологом, убрал цветами и украсил драгоценными камнями. На то ушел целый год. Надеялись, что на трон снизойдет божество.

Однажды на большом собрании присутствовало великое множество монахов и мирян. Среди них был какой-то монах в одеянии грубом и грязном, обличья дурного и подлого. Он вышел из толпы и направился прямо к трону. Усевшись на троне, он молча поклонился и далее не проронил ни слова. Собрание пришло в крайнее изумление: не иначе их хотят одурачить. Хэ Чун тоже забеспокоился: на его лице отразилось крайнее недовольство. В продолжение всей трапезы монах восседал на троне, а по ее завершении с патрой в руке вышел из залы. Обернувшись напоследок к Хэ Чуну, он молвил:

— Ваши благие устремления были напрасны!

Тут же он подбросил патру вверх, вознеся сам и исчез. Хэ Чун, монахи и миряне кинулись вслед за ним. Их взору предстал, а затем скрылся из виду светлый, величавый и прекрасный образ. Они досадовали на себя, многие дни подряд били челом и каялись.

Монахиня обращает императора в истинную веру

В хикшуни (монахиня) Чжу Дао-жун, о происхождении которой ничего не известно, жила при монастыре на Черной речке. Она строжайше соблюдала обеты, и ей много раз были явлены божественные отклики. В годы правления цзиньского Минди (322—325) она удостоилась особых почестей, когда обнаружили, что цветы, которыми была устлана ее циновка, не вянут.

Император Цзянь-вэнь-ди (371—373) был сторонником учения Чистой воды³¹ и принимал наставления от мастера, известного в столице под именем Ван Пу-ян³². В покоях наследника император соорудил даосскую молельню. Дао-жун тотчас приступила к проповеди Учения, но император не внимал ее речам. Однако всякий раз, когда император направлялся в даосскую обитель, он видел там божество в образе шрамана. И образ этот заполнил все помещение. Император задумался над тем, что проповедовала Дао-жун, а затем стал исполнять ее наказания. Он стал поклоняться Истинному закону. В том, что династия Цзинь всенародно признала буддийское учение, — заслуга монахини Дао-жун. Дао-жун удостоилась в то время высочайших почестей и была наречена святой. Для нее был возведен императором монастырь Синьлиньсы. В начале правления императора Сяо-уди (373—397) ее следы оборвались: никто не знал, где она почилa. Тогда предали земле ее одеяние и патру. Погребение находится неподалеку от монастыря.

Патра, упавшая с неба

Цюе Гун-цзэ был уроженцем Чжаого. Нрава тихого и строгого, он был всецело предан Закону. Гун-цзэ скончался в правление цзиньского У-ди (265—290) в Лояне. Его единоверцы — и праведники и непосвященные — собрались тогда в монастыре Белой лошади. В ту ночь они вращали сутру. Среди ночи раздался голос ниоткуда, поющий славословие. Собравшиеся обратили взоры кверху и увидели человека: его фигура была величественной, а наряд изысканным.

— Я, Цюе Гун-цзэ, возродился на Западе в Мире покоя и радости³³. Теперь я пришел сюда с бодхисаттвами послушать сутру, — молвил человек.

Все, кто там были, прыгали в восторге от того, что им довелось увидеть такое.

Жил в те времена Вэй Ши-ду из округа Цзицзюнь. Он также был благонравным мирянином и предавался строгому воздержанию. Ши-ду принимал наставления от Гун-цзэ. Мать Гун-цзэ истово верила и была предана Закону, читала сутры и соблюдала долгий пост³⁴. В доме у нее всегда кормились монахи и монахини. Однажды средь бела дня матушка вместе с монахинями вышла из трапезной прогуляться. И вдруг ее взор приковал какой-то падающий с неба предмет. Предмет упал прямо перед ней, и она узнала патру Гун-цзэ. Патра была до краев наполнена искусно приготовленной и дивно пахнущей пищей. Все собравшиеся в торжественном молчании почтили патру ритуалом. Матушка обнесла пищей из патры каждого из сотрапезников, и семь дней кряду никто из них не испытывал голода. Об этой патре рассказывают, что она сохранилась поныне и находится в тех же местах.

Ши-ду, преисполненный благодарности, написал «Покаянную грамоту в отступлении от восьми заповедей»³⁵. Те, кто исполняют заповеди, полагались на это сочинение в продолжение всей династии Цзинь. Ши-ду скончался в году под девизом правления Вечное цветение (322). И по его смерти было явлено чудо.

Хао Сян подробно описывает деяния Ши-ду в сочинении «Жития святых» и утверждает, что он, как и Гун-цзэ, возродился на Западе. Ван Гай из Усина в сочинении «Каждодневные озарения» говорит:

Гун-цзэ вознесся к небосводу;
Ши-ду последовал за ним.
Они в молчанье обрели нирвану;
Отринув плоть, тот и другой бессмертны стали.

Патра нищего странника

Тэн Пу была уроженкой округа Наньян. У нее в роду издавна чтили Закон, верили. Выйдя замуж за господина Цюаня из Уцзюня, она с еще большим рвением предалась очищению от греха. Госпожа устраивала у себя монашеские трапезы, никому не отказывала в приюте. Стоило страннику появиться в ее доме, и она предоставляла ему пищу и ночлег. Однажды дом пустовал, и госпожа послала слугу поджидать странствующих монахов на перекрестке дорог. Слуга увидел шрамана, сидящего в тени ивы, и пригласил в дом. Благой человек³⁶, обносивший гостей едой, опрокинул весь рис из бамбукового короба на землю. Он растерялся и не знал, что делать. Шрамана его успокоил:

— У бедного странника найдется в патре пища для всех.

Он велел госпоже Пу разделить пищу из своей патры. Досыта наелись и праведники и миряне в доме и на улице. Омывшись по окончании трапезы, шрамана подбросил патру вверх и вдруг вознесся, исчезнув в мгновение ока.

Госпожа Пу запечатлела в дереве образ шрамана и по утрам и вечерам совершала перед ним ритуал поклонения. Случись какое несчастье, все в доме падали перед образом ниц.

Сообщается, что Хань, сын госпожи Пу, в награду за участие в подавлении мятежа Су Цзюня³⁷ был пожалован уделом в Дунсине.

Божественный знак

Шрамана Чжу Фа-цзинь был настоятелем монастыря, Открывающего путь к спасению. Он был прозорлив, умел изъясняться на чужеземных языках, его знания были обширны. В столичном граде Ло (Лоян) назревала смута, и Фа-цзинь предпочел жить отшельником где-нибудь у озера в горах. Его всем миром просили остаться, но он ни в какую не соглашался. В большом собрании воскурили благовония, и Фа-цзинь стал прощаться с общиной. И вдруг на высокое сиденье взобрался монах с желтушным лицом, в пыльной и рваной одежде. Фа-цзинь ужаснулся ничтожеству шрамана, тотчас стащил его вниз, но тот не унимался. Трижды Фа-цзинь стаскивал шрамана, и только тогда тот бесследно исчез.

Наконец все расселись по своим местам. Но только приступили к трапезе, как налетел внезапный шквал ветра, поднял облако пыли и опрокинул все яства. Тогда Фа-цзинь покаялся и отменил свой уход в горы. В то время судили об этом так:

— В миру вот-вот разразится большая смута, и Фа-цзинь не должен уходить в горы. Монахи и миряне всем миром настоятельно убеждали его остаться. Потому и был явлен этот божественный знак, заставивший Фа-цзиня изменить свое намерение.

Чудотворная сутра

Чжоу Минь, уроженец округа Жунань, служил при династии Цзинь военным цензором. Семья Миня поклонялась Закону. Во время мятежа Су Цзюня мужи столичного

града разбежались, все побросав. В семье Миня была часть сутры «Великое творение»³⁸ в половину шелкового свитка в восемь чжанов, исписанного с обеих сторон. Сутра «Великое творение» лежала на столике вперемешку с другими сутрами. Нужно было бежать немедленно, но Минь не мог взять с собой все свитки. Сутра «Великое творение» была ему дороже всех остальных, но которая из тех, что лежат на столе, она? Минь в спешке, не разворачивая свитков, искал ее наугад, вздыхая и сокрушаясь. И вдруг непостижимым образом сутра «Великое творение», отделившись от прочих, сама обнаружила себя. Минь изумился и ушел, счастливый, с сутрой в руках. Господин Минь и его потомки очень дорожили этим свитком. Говорят, что эта сутра существует и поныне.

Еще рассказывают, что в том же семействе, у жены Чжоу Суна, госпожи Ху-му, была сутра «Великое творение» на шелковом свитке шириной в пять цуней. Умещался на том свитке один раздел сутры. Были у нее и мощи-шарира, хранившиеся в серебряном сосуде с узким горлом. И сутра и мощи были припрятаны на дне сундука. Спасаясь от смут годов правления под девизом Вечная радость (307—313), Ху-му бежала на юг. Сутра и мощи сами выскочили из сундука. В Цзяндуне случился пожар, и у госпожи Ху-му не было времени вынести сутру из огня. Когда весь дом сгорел дотла, из груды пепла была извлечена оставшаяся невредимой сутра — такая же, как и прежде.

Ван Дао-цзы из Гуйцзи знал Чжоу Суна. Он утверждает, что получил от него сутру в дар, а затем передал на хранение в новый монастырь на острове. Некто Лю Цзин-шу говорил, что много раз собственными глазами видел эту сутру. Иероглифы в ней были величиной с конопляное семя, но искусно выписаны и отчетливо видны. Новый монастырь на острове — это теперешний монастырь Небесного спокойствия. Возможно, сутра написана рукой овладевшего Учением монаха Ши Хуэй-цзэ³⁹. Другие говорят, что сутра находится в монастыре Истого смирения и ее зачитывала монахиня Цзин-шоу.

Пришествие Ши Гуана, покинувшего сей мир

Ши Гуан был уроженцем округа Сяньян. В восьмом году под девизом правления Всеобщий мир (334) он скончался в Учане. На седьмой день по смерти Ши Гуана шрамана Чжи Фа-шань принялся вращать сутру «Малое творение». Когда он притомился и прилег вздремнуть, ему послышалось, что с того места, где была установлена поминальная табличка, доносится человеческий голос. В семействе Ши жила служанка, прозывавшаяся Чжан Син. Она увидела Ши Гуана в его обычном платье и той же круглой шапке, что и всегда. Тот позвал Син и молвил:

— Я вначале был обречен переродиться драконом. Преподобный Чжи Фа-шань, радея за меня, вращал сутру. Тань-ху и Тань-цзянь вышли мне навстречу и вознесли в чистые и радостные пределы седьмых небес⁴⁰.

Тань-ху и Тань-цзянь прежде были послушниками-шрамана у Чжи Фа-шаня, а к тому времени уже скончались.

Когда Чжи Фа-шань пришел в другой раз вращать теперь уже сутру «Великое творение», Ши Гуан вновь появился на том же месте. При жизни он принес в дар монастырю две хоругви, которые теперь там и находились. Ши Гуан велел Син взять эти хоругви и доставить ему.

— Как прикажете, — ответила Син и в тот же миг скончалась.

Син взяла хоругви, и они вдвоем полетели на северо-запад на вершину черной горы, как будто покрытой глазурью. Очутившись на вершине, он увидели небесные врата. Ши Гуан принял от служанки хоругви и приказал ей вернуться. Он передал ей черного цвета благовонное вещество, напоминающее клещевину, и сказал:

— Поднеси это преподобному Чжи Фа-шаню.

Перед тем как вернуться, Син в последний раз оглянулась и увидела вдали Ши Гуана, входившего в небесные врата. Син той же дорогой вернулась в дом и в один миг ожила. В руке у нее не было никаких благовоний, а хоругви так и оставались в монастыре.

Когда Ши Гуан вместе с Син покидали дом, их увидел шестилетний сын Ши Гуана. Указывая на отца пальцем, он крикнул бабушке:

— Батюшка возносится на небо! Ты видишь, бабушка?!

Впоследствии Ши Гуан с десятью и более небожителями много раз навещался в дом: походят-походят и уйдут. При каждом появлении на голове у него была обычная чиновничья шапка, которую он снимал, покидая дом; волосы у него были убраны в узел. Син спросила, отчего он так делает, и Ши Гуан ответил:

— На небесах у меня есть другая шапка. Эту шапку я там не надеваю.

Потом он появился в парадном головном уборе. С ним были небожители. Шествуя под звуки цитры и распевая псалмы, они поднялись в покои матушки. Син спросила, чем вызвано такое их появление, и Ши Гуан отвечал:

— Я прибыл, чтобы поведать вам о причинах кары и благого воздаяния. Заодно и матушку порадую.

Звуки цитры были чисты и прелестны: то была неземная музыка. Все в доме от мала до велика слышали ее. Однако перед взором каждого будто вырастала глухая стена, через которую нельзя было ничего разглядеть. Из всех, кто внимал музыке, одна Син видела все ясно и отчетливо.

Когда пришельцы покидали дом, Син вызвалась их проводить. Она увидела, что Ши Гуан вошел в черную дверь. Вскоре он вернулся и сказал Син:

— Здесь находится дядюшка. Его каждый день подвергают экзекуции, жестоко мучают. Я ходил его навестить. Дядюшка несет кару за то, что убивал при жизни. Теперь ему полагается такое возмездие. Передай дядюшкиной мате-

ри, чтобы она призвала монахов возвращать сутру. Тогда его участь будет облегчена.

Дядей Ши Гуана был командующий легкими колесницами Бао Чжун.

Об обращении Чжан Ина в истинную веру

Чжан Ин был уроженцем округа Лиян. Как повелось у них в роду, Чжан Ин служил невежественным богам, плясал под барабан и приносил кровавые жертвы. В восьмом году под девизом правления Всеобщий мир (334) он пере-

брался в Уху, и там у него заболела жена. Чжан Ин без конца молился за нее, истратил на жертвоприношения едва ли не все свое имущество. Жена была привержена Будде. Она сказала мужу:

— Болезнь меня доконала. Просьбы бесам напрасны. Умоляю Вас, отслужите Будде!

Чжан Ин послушался ее и пошел к скиту, где обитал шрамана Чжу Тань-кай. Чжу Тань-кай сказал ему так:

— Будда подобен лекарству, излечивающему болезни. Если не принять

его, то надежды на излечение напрасны. Но ведь и от лекарства, оставшегося без употребления, польза никакая.

Чжан Ин обещал служить Будде и договорился с Чжу Тань-каем, что придет на следующий день и совершит с ним дневную трапезу.

По возвращении домой Чжан Ин увидел во сне человека ростом более чжана. Тот прибыл с юга, вошел в ворота и обратился к Чжан Ину со словами:

— В твоём доме по-прежнему царит полный хаос! Так ты и не очистился!

За тем господином следовал Чжу Тань-кай и говорил:

— В нём ещё только пробудились благие устремления, и он не подлежит наказанию.

Пробудившись ото сна, Чжан Ин тотчас воскурил свечи и соорудил высокое сиденье, а также алтарь Матери демонов⁴¹. Придя наутро к Чжу Тань-каю, он подробно пересказал свой сон, и тот возложил на него пять обетов. Чжан Ин удалил из дома лики невежественных божеств и всецело предался благотворительности. Жена стала понемногу поправляться, а затем и совсем выздоровела.

Во втором году правления под девизом Всеобщее спокойствие (337) Чжан Ин отправился на лодке в Магоу на закупки зерна и соли. Он вернулся в Уху, причалил к пристани и заночевал там. Во сне он увидел трех человек, которые ловили его железными крючьями.

— Я — последователь Будды, — говорил им Чжан Ин, но те тащили его и отпускать не собирались. При этом они переговаривались:

— Этот раб артачится, а дорога длинная.

Чжан Ин вконец перепугался и взмолился:

— Отпустите меня! Взамен я поднесу вам шэн вина.

Охранники отпустили Чжан Ина, предупредив, что придут за ним позже. Он проснулся: его мучили боли в животе и понос. Чжан Ин добрался до дому еле живой. От его наставника уже давно не было вестей, а болезнь не унималась. Послали за Чжу Тань-каем, но того уже не было в живых. Вскоре Чжан Ин испустил дух. По прошествии дня он ожил и рассказал следующее.

Несколько человек зацепили его железными крючьями, потащили на север и бросили на склоне высокой горы. Под горой Чжан Ин увидел кипящий котел, мечи и орудия пыток. Он уразумел, что перед ним ад, хотел было позвать наставника, но забыл его имя. Все же Чжан Ин крикнул:

— Преподобный отец! Спасите меня!

Взывал он и к Будде. Вскоре с запада пришел человек в чжан или более ростом. В руках у него была булава-ваджра, которой он собирался ударить людей с крючьями.

— Как ты попал сюда, последователь Будды? — спросил он Чжан Ина.

Люди с крючьями в панике разбежались, а большой человек повел за собой Чжан Ина, наставляя его:

— Твоя жизнь подошла к концу. Тебе недолго осталось жить. Ты сможешь лишь на время вернуться в семью, возгласить хвалебные гимны Будде из трех гатх и припомнить имя преподобного. Через три дня твой срок истечет, и ты родишься на небе.

Чжан Ин ожил и был как бы не в себе. Все три дня он соблюдал пост, исполнял гимны. Он послал спросить имя наставника. Ровно в полдень Чжан Ин совершил поклонение Будде и в последний раз пропел гимн. Он попрощался с семьей, совершил омовение и облачился в саван. Скончался Чжан Ин, словно отошел ко сну.

Добродетельный Дун Цзи

Дун Цзи был уроженцем округа Юйцзянь. Его род в трех предшествующих поколениях исповедовал Закон: истовым приверженцем Закона стал и Цзи. Он соблюдал обеты и читал наизусть «Шурамгама-сутру»⁴². Когда в деревне кто-нибудь болел, Цзи приглашали читать сутру, и страждущий излечивался.

В том же уезде жил Хэ Хуан — муж, также чтивший Закон. В годы под девизом правления Всеобщий мир (326—334) с ним случилась болезнь — горное отравление. Он испытывал страшные мучения, и перепуганный старший брат помчался просить помощи у Цзи. Дома семей Дун и Хэ разделяли шестьдесят-семьдесят ли да к тому же большой ручей. В пятую луну в тех местах идут сильные дожди. Когда старший брат переправлялся на ту сторону, вода в ручье еще не прибыла. Цзи, как и обещал, отправился в путь после полудня. Тем временем горный ручей разлился так, что перейти его вброд не было никакой возможности. Цзи не умел плавать. Он походил по берегу, поохал, а затем присел у воды, не решаясь что-либо предпринять. Цзи был верен своему слову и намеревался прибыть на место вовремя. Объятый горем, он утвердился в своем намерении и произнес клятвенное заклинание:

— Не жалея сил и не считаясь с собственной жизнью, спасал я страждущих. Уповаю на то, что Так Пришедший

(Будда) и Великие мужи⁴³ засвидетельствуют мою искренность!

Цзи тотчас разоблачился, сутру положил в мешок, а мешок на голову. Ручей только что был глубиной по самую шею, но, когда Цзи его переходил, воды было едва по колено. Выбираясь на берег, Цзи потерял мешок с сутрой и горько о том сожалел. Он пришел в дом к Хэ Хуану и принес троекратное покаяние перед алтарем, лил слезы и корил себя. Когда же он оторвал голову от земли и поднял взор к алтарю, то увидел лежащий на нем мешок с сутрой. Цзи не знал, печалиться ему или радоваться. Он осмотрел мешок снаружи: тот был насквозь мокрый, от него несло сыростью. Он достал из мешка сутру: та была совсем сухая. Отныне все жители деревни стали чтить Закон.

На северо-запад от мест, где жил Цзи, были высокие крутые горы. В тех высоченных горах во множестве обитала нечисть, наводившая порчу на окрестных жителей. С помощью заповедной силы, заключенной в сутре, Цзи намерился подавить и низвергнуть эту нечисть. У горной черты на площадке в четыре-пять му он срубил деревья и соорудил небольшое строение. Внутри он установил алтарь и стал вращать «Шурамгама-сутру». Так прошло более ста дней. Цзи пребывал в одиночестве и не ведал, что людские беды понемногу прекратились. Потом появились несколько человек и затеяли с Цзи разговор. По ихговору Цзи понял, что это люди не из Юйцзяня: тогда откуда появились они здесь, высоко в горах, вдали от людского жилья? Цзи засомневался, не духи ли говорят с ним?

— А вы, господа, случаем, не духи? — так и спросил их.

— Да, — ответили те. — Мы прослышали, что Ваша добродетель чиста и непорочна, и пришли посмотреть на Вас. К тому же у нас есть к Вам одна просьба. Надеемся, Вы в ней не откажете. Наш род владеет этими горами. Это места нашего обитания. Как только Вы пришли сюда, мы стали думать о том, как от Вас избавиться, да так ничего и не придумали. У нас начались неприятности, и стало беспокойно. Теперь мы намерены отделить наши владения. Разделять нас будут погибшие деревья.

— Ваш слуга искал здесь покоя и уединения. Я только почитываю сутру и не причиняю вам зла. Мы, можно сказать, соседи, и я желаю быть вам полезен, — отвечал Цзи.

— И он еще уверяет, что пришел помочь нам, а не погубить, — сказали напоследок духи и ушли.

Прошла ночь, и все деревья вокруг вырубки засохли, как если бы обгорели в огне.

Цзи скончался восьмидесяти семи лет.

Божественный посланник

Чжоу Дан был уроженцем округа Гуйцзи. Семейство Чжоу почитало Закон. В шестнадцать лет Дан соблюдал запрет на мясную пищу, декламировал и вращал «Сутру, исполненную совершенства»⁴⁴. В первом месяце года Дан созвал монашеское собрание, желая принять на нем восемь обетов. Он ходил в монастырь на рыночной площади и просил его настоятеля Сэн-ми, а также монахов Фа-цзе и Фа-ми в день принятия обетов принести и зачитать сутру «Малое творение». Три монаха явились в назначенный день и час, но забыли принести сутру. Совершив трапезу, они хотели приступить к чтению и только тут вспомнили про нее. Монахи были огорчены до крайности. Деревня Баньши, в которой проживало семейство Дая, находилась в тридцати ли от монастыря. Послать за сутрой было некогда: наступило время всеобщего отдыха⁴⁵, и уже были воскурены благовония. Вся семья сожалела о том, что чтение сутры не состоится, а Сэн-ми горевал всех более. Вдруг раздался стук в дверь, и чей-то голос известил, что сутра доставлена. Дан несказанно удивился. Он открыл дверь и увидел юношу в платье и головном уборе, прежде им не виданных: люди таких не носят. Дан подумал, не божество ли явилось ему, встал перед ним на колени и принял сутру. Он пригласил юношу войти и присесть, но тот отказался, пообещав при этом, что придет послушать сутру ночью. Праведники, вышедшие следом за Даном, юношу уже не застали: лишь дивный аромат наполнял все помещение. Они проверили сутру: то была сутра Сэн-ми. Праведники и миряне были в восторге. Сутра Сэн-

ми находилась в ящике с очень надежным замком. Монахи по возвращении проверили замок: тот оставался нетронутым. Более десяти семей в деревне уверовали тогда в Будду. К Дану стали относиться с еще большим почтением.

Вскоре Дан ушел в монахи и стал прозываться Тань-ни. Он декламировал наизусть сутры в двести тысяч слов.

Сунь Чжи является с того света порадеть о близких

Сунь Чжи, по прозвищу Фа-хуэй, был уроженцем уезда Баньян, что в Циге. Его отец Цзо был советником при династии Цзинь. Чжи с юных лет почитал Закон. В восьмом месяце первого года под девизом правления Всеобщее спокойствие (335) в возрасте восемнадцати лет Чжи заболел и умер. Семейство Чжи впоследствии переселилось в Учан.

В восьмой день четвертого месяца⁴⁶ третьего года под девизом правления Всеобщее спокойствие шрамана Юй Фа-цзе, совершая вынос статуи Достославного (Будды), проходил мимо их дома. Отец и мать, вся семья от мала до велика вышли на улицу. В процессии, сопровождавшей статую, они увидели Чжи. Тот преклонил колени пред отцом и матерью и осведомился здоровы ли они. Затем он прошел за ними в дом. Отец был болен, но Чжи его успокоил:

— Ваша болезнь не опасная. Не пытайтесь исцелиться, и она сама пройдет в следующем месяце.

Чжи сказал так, попрощался и ушел.

В пятнадцатый день седьмого месяца⁴⁷ того же года Чжи вернулся вновь. Он стал перед родителями на колени и справился об их здоровье. Он был таким же, как при жизни, а рассказал следующее.

Дед по материнской линии стал судьей в преисподней гор Тайшань⁴⁸. Он увидел Чжи и назвал имя его матери:

— Ты — сын такой-то. Тебе не полагалось приходить сюда. Так отчего же ты здесь?! — вопрошал он.

— Мой дядюшка прибудет сюда, и я явился, чтобы принять кару взамен его, — отвечал Чжи. Его допросили по

всей форме и собирались наказать плетью, но освободили от наказания по прошению о помиловании.

Старшему брату Жу-ну, по прозвищу Сы-юань, Чжи сказал так:

— Я освободился от прежней плоти и пребываю в довольствии и радости. У меня нет иных занятий, кроме чтения книг. Так что прошу обо мне не беспокоиться. Благополучие сопутствует только тому, кто неустанно совершенствовался в вере, всецело предавался благодеяниям. Я через два года выучусь и буду рожден в царской семье. Вместе со мной в зале Благости проходят обучение еще пятьсот человек. Все они вознесутся на шестое небо⁴⁹. И мне полагалось бы вознестись, но ради спасения предков я перепутал свою судьбу. И вот теперь один только я буду рожден в царской семье.

В седьмой день седьмого месяца пятого года под девизом правления Всеобщее спокойствие Чжи вновь возвратился в дом и во всех подробностях рассказал о разбое, который случится в городе Чжучэн. Все, что он предсказал, сбылось. Семья держала его слова в тайне, и другие о том не знали.

Еще Чжи сказал:

— наших предков ожидает кара за многие грехи, и вам надлежит совершить по ним поминовение. Я ныне принимаю человеческое обличье, и за меня радеть незачем. Порадейте за наших предков! Вам, отец и старший брат, желаю неустанно множить свои заслуги! Когда будете совершать подношение пищи, следите, чтобы она была свежей. Радения о предках совершайте по порядку, начиная с первопредка и переходя к последующим. Если такой порядок не будет соблюден, ваши хлопоты окажутся напрасными. Вы должны радеть за всех одинаково и как будто на их месте вы сами. Блага предков тогда умножатся.

В семье Цзо была служанка. Перед одним из возвращений Чжи она вдруг заболела и была при смерти: все тело ныло от боли. Чжи сказал:

— Эта женщина хотела убежать от нас, не понеся наказание плетью. Но избежать наказания ей так и не удалось!

Служанку допросили, и она призналась:

— Я и вправду хотела бежать: заранее договорилась об этом с одним господином. Но назначенный день прошел, а я так и осталась здесь.

Тщеславие и благочестие

Ли Хэн, по прозвищу Юань-вэнь, был уроженцем Цзяого. Когда он был еще совсем молод, его навещил некий шрамана и сказал:

— Вам уготовано благое воздаяние. Однако впоследствии оно обернется для Вас неудачей. Вы могли бы жить в бедности и предаваться религиозному совершенствованию, а не служить чиновником. Тогда Ваши блага возрастут, а неудачи уменьшатся. Поразмыслите же об этом!

Хэн был не в меру честолюбив да к тому же из бедной семьи. Он расспрашивал шрамана лишь о том, до каких чинов дослужится, а вовсе не о смысле религиозного совершенствования. Шрамана подал ему сутру в один свиток, а он не соглашался ее принять, допытывался только, какие почести и блага его ожидают. Шрамана на это сказал:

— Вы будете одеваться в золото и пурпур и управлять тремя округами. Но лучше бы Вам ограничиться одним округом.

— При таком почете и богатстве разве будешь опасаться грядущих бед?! — воскликнул Хэн.

Шрамана остался у Хэна на ночлег. Среди ночи Хэн поднялся и увидел, что шрамана заполнил собой все ложе. Хэн позвал домочадцев подсмотреть за ним, а тот тем временем превратился в большую птицу, взлетел и уселся на крыше дома. Наутро шрамана принял прежнее обличье и ушел. Хэн хотел было выйти за ворота и проводить шрамана, но того как и не бывало. Хэн понял, что перед ним было божество, и отныне принялся служить Будде. Однако он не сумел соблюсти себя в чистоте.

Впоследствии Хэн стал наместником в округах Сиян, Цзянся и Луцзян, а также военачальником с титулом Бросок Дракона. В годы под девизом правления Великое процветание (318—312) он был казнен за участие в бунте Цзянь Фэна⁵⁰.

Гуаньшинь спасает от плена

Лоу Чжуань был уроженцем округа Хэнэй. В годы под девизом правления Вечный мир (345—356) наместником в Бинчжоу был Гао Чан, а в Цзинчжоу — Люй Ху. Между подчиненными им войсками происходили стычки. Чжуань был на службе у Гао Чана офицером. Войска Люй Ху совершили стремительный набег на противника: в плен были захвачены Чжуань и еще шесть-семь воинов. Их схватили и бросили в узилище, заковали в самые тяжкие оковы, намереваясь со дня на день с ними расправиться. В то время в лагере Люй Ху был шрамана Чжи Дао-шань, знавший Чжуаня. Он прослышал, что Чжуань попал в беду, и пошел к тюрьме в надежде повидаться с ним. Они переговаривались через двери тюрьмы.

— Я на краю гибели! Предел моей жизни вот-вот наступит! Нет ли способа спасти меня?! — взывал Чжуань к шрамана.

— Если бы Вы смогли от всего сердца сотворить молитву, то непременно удостоились бы божественного отклика, — отвечал Дао-шань.

Прежде Чжуань много раз слышал о Гуаньшине и теперь после слов Дао-шаня стал всецело уповать на него. Три дня и три ночи он с полнейшим чистосердечием вверял себя бодхисаттве, а затем глянул на оковы: те как будто ослабли, стали посвободнее, чем прежде. Чжуань дотронулся до них, и те вдруг упали. И вновь он стал всем сердцем взывать к Гуаньшиню:

— Я удостоился Вашего покровительства и ныне свободен от оков. Но со мной мои товарищи, а у меня не было в мыслях уходить одному. Божественная сила Гуаньшиня всеобъемтна! Так пусть же он освободит всех!

Как только он это сказал и стал поднимать товарищей, так с них одни за другими пали оковы, будто разрубленные и отброшенные чьей-то рукой. Тотчас открылась дверь, и они вышли из тюрьмы. Беглецы опасались, что их схватят, но остались незамеченными. Миновав крепостную стену, они пустились прочь из города. Ночь близилась к рассвету. Они прошли четыре-пять ли затемно, а потом стало светать, и

беглецы не могли продолжать путь. Они разбежались, спрятавшись в зарослях. Вскоре беглецов хватились. Пешие и верховые прочесали все окрестности: жгли заросли травы, вытоптали лес. Они добрались до всех беглецов. Лишь тот му земли, на котором прятался Чжуань, был ими обойден. Затем Чжуаню удалось бежать. Он вернулся домой. Жители деревни поверили его рассказу о столь необычайном происшествии и все вместе стали почитать Закон.

Впоследствии шрамана Дао-шань переправился через Янцзы и во всех подробностях рассказал о происшедшем мирянину Се Фу⁵¹.

Целомудрие бхикшуни

Начальник военного приказа Хуань Вэнь на склоне лет всецело предался учению Будды, подносил дары монахам и монахиням. Как-то раз к нему из дальних мест пришла бхикшуни, имя которой неизвестно. От имени всех монахинь она удостоила Вэня званием благодетеля. Своим поведением бхикшуни выказала необычайные дарования, и Вэнь почел за честь принять ее у себя. Бхикшуни пожелала прежде помыться. Вэня обуял соблазн, и он стал за ней подсматривать. Он видел, как она разделась, затем схватила нож, вспорола живот, выпростала утробу, а вслед за этим отрезала себе голову и отсекала конечности. Вэнь испугался и отпрянул, а бхикшуни вышла из умывальни цела и невредима. Вэнь спросил, что это было, и бхикшуни отвечала:

— Если бы Вы, господин, посягнули на меня, казнь надо мной свершилась бы!

Еще когда намерение Вэня только зрело, она все поняла и огорчилась. Из боязни нарушить обеты бхикшуни она вот так и оберегла целомудрие. Она все это рассказала и ушла. Где бхикшуни была потом — неизвестно.

Хождение Ли Цина в загробный мир

Ли Цин был уроженцем Юйцзяня, что в округе Усин. Он служил военным советником при начальнике военного приказа Хуань Вэне. На службе он заболел и по возвраще-

нии домой скончался. Он долго был мертв, а затем ожил и рассказал следующее.

Вначале появились глашатаи с хорутвями и призвали Цина:

— Ваш господин желает Вас видеть!

Цин подумал, что это Хуань Вэнь желает его видеть. Он встал, облачился в парадное платье и вышел. За деревьями он увидел бамбуковый экипаж и сел в него. Двое посыльных помчали его стремглав. Цин прибыл к красным воротам и увидел Юань Цзуна. К тому времени Цзун был уже тридцать лет как мертв. Он спросил Цина:

— Давно ли Вы, сударь, прибыли? Как там моя семья?

Цин отвечал, что семья Цзуна очень бедствует. Цзун стал лить слезы.

— А как там мои сыновья и внуки? — спросил он.

— Все они живы, — отвечал Цин.

— Если мне удастся Вас освободить, Вы позаботитесь о моей семье? — снова спросил Цзун.

— Если Вы это сделаете, я отплачу Вам великим милосердием, — отвечал Цин.

— Праведник Сэн-да — важный сановник, и его здесь очень почитают. Я обращусь к нему с настоятельной просьбой, — сказал Цзун и вошел в красные ворота. Он долго не появлялся. Наконец вышел посыльный и сказал:

— Перед Вами ворота четырехъярусного монастыря, возведенного на государственные средства. Сэн-да приходит сюда рано поутру на поклонение Будде. Тогда Вы и попросите его о снисхождении.

Цин вошел в монастырь и увидел некоего шрамана. Тот сказал:

— Ты был моим учеником семью перерождениями ранее. В продолжение семи перерождений, прошедших с принятия тобою благословения, ты был поглощен мирскими радостями. Ты отвратился от истины и устремился ко лжи! Ты совершил тяжкие преступления! Теперь тебя облегчит только раскаяние! Преподобный выйдет завтра, и я помогу тебе.

Цин вернулся в экипаж. Ночь была холодная, и он весь продрог. На рассвете ворота открылись: это в монастырь пришел Сэн-да. Цин последовал за ним, отбивая поклоны. Сэн-да молвил:

— Ты должен вновь обратить свое сердце к добру: верить свою жизнь Будде, отдаться на волю его закона и довериться монахам-бхикшу! Когда примешь три эти посвящения, можешь не опасаться безвременной кончины. Тех, кто длеет учение Будды, минуют страдания и невзгоды!

Цин сей же час принял от Сэн-да благословение. Он увидел того шрамана, с которым встречался накануне. Шрамана стал на колени перед Сэн-да и принялся просить за Цина:

— Этот человек был моим учеником в одном из прошлых перерождений. Он забыл истину и утратил Закон, за что и принял муки. Ему предначертано судьбой принять ныне посвящение! Я желал бы передать его на Ваше милостивое попечение.

— То, что этот человек был прежде благочестив, облегчает его спасение, — молвил Сэн-да и прошел через красные ворота.

Тотчас появился посыльный и возгласил:

— Советник Ли может удалиться!

Вслед за посыльным вышел Цзун и вынес какую-то темную бамбуковую палку, приказав Цину закрыть глаза и сесть на палку верхом. Цин сделал, как ему было велено, и вдруг оказался у ворот дома.

Из дома доносились громкие рыдания. Односельчане заполнили всю гостиную залу. Как ни хотел Цин пройти внутрь, ничего не получалось. Случилось так, что тем временем принесли доски, закупленные для изготовления гроба: все домашние и гости вышли на улицу поглядеть. Труп оставался лежать в зале. Цин прошел в залу и приблизился к трупу. Он знал, что тело уже оплакали, и втайне сожалел, что вернулся. Возвратившиеся с улицы люди подтолкнули его сзади... и в тот же миг он слился с тотчас ожившим телом.

Цин сразу же взял на собственное попечение семью Цзуна, отделив для нее помещение в своем доме. Он всего себя посвятил Трем драгоценностям (Будде, его учению и общине), истово верил в учение Будды, став его благодарным учеником.

Спасительный огонь

Уроженец округа Яньчжоу Люй Сун, по прозвищу Моугао, проживал в уезде Шифэн. На юге уезда по горным кручам сбегала речка: петляла и извивалась, точно нитка в клубке. Да еще там уйма больших валунов. Так что путники и днем опасались спускаться по ней на лодке. Сун рассказал, как он и его отец плыли по этой речке на отдалении нескольких десятков ли от дома. День клонился к закату, и внезапно поднялся ветер, разразилась буря. Свет померк, стало черным-черно: не видно ни зги. Они решили, что непременно перевернутся и потонут. Напоследок Сун обратил сердце к Гуаньшиню. Он произнес имя бодхисаттвы и только хотел повторить, как на берегу зажегся огонь. Будто кто-то выхватил факел и осветил реку ясным светом. Этот огонь светил им на всем последующем пути до дому, покуда они не отошли от лодки на десять шагов. По возвращении они принимали у себя в гостях Чи Цзя-бина⁵² и обо всем ему рассказали.

Божественный свет Гуаньшиня

Сюй Жун был уроженцем округа Ланье. Однажды, побывав в Дунъяне, он возвращался домой через Диншань. Лодочник попался неопытный, завел лодку на опасную стремнину. Лодку понесло, а сверху на нее обрушилась громадная волна, грозившая гибелью. Жун не чаял спастись и стал напоследок от всего сердца взывать к Гуаньшиню. В тот же миг, неведомо откуда, появились несколько десятков человек и принялись все разом тянуть лодку: вытащили ее со стремнины на тихую воду.

Лодка шла вниз по течению реки. День клонился к закату. Небо стало темным-темно. Подул сильный ветер, и разразился ливень: крошечная тьма и волны бушуют. Жун читал сутру, не смыкая уст, и вскоре далеко на вершине горы стал ясно различим отблеск огня. Лодка пошла на свет и вскоре пристала к берегу. Все, кто был в лодке, почувствовали себя в безопасности. Придя в себя, они увидели, что

огонь на горе больше не светит, и стали сомневаться, люди ли зажгли его. Наутро они расспросили жителей ближайшего селения, кто это ночью развел огонь на горе. Тем было невдомек:

— Ночью был такой ливень с ветром! Как же тут разве-дешь огонь?! Да мы и не видели ничего такого!

Всем стало ясно: то был божественный свет.

Впоследствии Жун служил военным наместником в Гуй-цзи. Се Фу слышал от него, как все было. Вместе с Жун-ном в лодке был шрамана Чжи Дао-юнь, муж безупречной честности. Обо всем увиденном он рассказал Фу Ляну⁵³. Рассказы Дао-юня и Жуна совпали.

Чудесное исцеление шрамана Чжу Фа-и

В годы под девизом правления Обильный мир (363—365) шрамана Чжу Фа-и предавался ученым занятиям в горной обители. В горах Баошань, что в уезде Шинин, он оттачивал свое мастерство на собрании сутр, в особенности же преуспел в «Сутре цветка Закона»⁵⁴. В учениках у него было сто и более человек. Во втором году под девизом правления Всеобщее успокоение (372) он вдруг почувствовал, что внутри него завелась какая-то хворь. Он долгое время пытался вылечиться сам, но проку от этого не было. Вконец обессилив, он отчаялся совладать с болезнью и стал истово уповать на Гуаньшину. Прошло несколько дней, и, задремав, Фа-и увидел праведника, который пришел справиться о его болезни, а затем принялся лечить. Праведник вскрыл его утробу и желудок. Там оказалось великое множество нечистот. Праведник все промыл, вычистил и поместил обратно.

— Теперь ты здоров! — сказал он Фа-и.

Сквозь сон Фа-и почувствовал, что боль его уже не тревожит, а вскоре совсем поправился.

Что касается «Сутры цветка Закона», то в ней говорится, что иногда появляется некто в образе шрамана-индуса. Вероятно, это и есть тот шрамана, который явился досточтимому Фа-и во сне.

Фа-и скончался в седьмом году под девизом правления Великое начало (382).

Шесть историй вслед за той, что произошла с Чжу Чан-шу, кончая последней, собраны первым министром династии Сун (420—479) Фу Ляном. От себя Фу Лян замечает: «Мой покойный отец водил дружбу с Фа-и. Тот много раз рассказывал ему эту историю, каждый раз преисполняясь трепета и благоговения».

Новое рождение любимого сына

Лу Юань, по прозванию Юн-цин, был уроженцем города Фучжоу, что в округе Цзытун. Его семья была большая и богатая. Был у него горячо любимый сын по имени Тянь-бао. В возрасте десяти лет, в третьем году под девизом правления Начало благоденствия (378), Тянь-бао был поражен недугом и умер.

Прошло несколько месяцев. Свинья, которая была у них на откорме, принесла пять поросят. самого жирного из них собрались зарезать по случаю приема в честь нового начальника. Вдруг перед Юанем предстал некий бхикшу.

— Этот поросенок — Ваш сын. Прошло всего сто дней, а Вы его уже позабыли! — сказал бхикшу и тотчас исчез.

Его искали повсюду, но увидели только, как он мчит по небу на запад, удаляясь из виду. Весь день в воздухе витал чудный аромат.

Тан Цзунь возвращается с того света

Тан Цзунь, по прозванию Бао-дао, был уроженцем уезда Шаньюй. В восьмом году правления династии Цзинь под девизом Начало благоденствия (383) Цзунь заболел и умер. По прошествии ночи он ожил и рассказал следующее.

Появились посыльные и позвали Цзуня с собой. Они пришли к городской управе. У ворот управы Цзунь увидел своего двоюродного дядю. Тот вышел из города к нему навстречу и с тревогой в голосе спросил:

— Ты зачем пришел?

Цзунь отвечал:

— Прошло уже несколько лет с тех пор, как мы расстались с тетушкой и сестрами. Вот я и подумал, что неплохо бы их навестить. Утром я только подумал об этом, а ночью пришли несколько человек. С грозными криками они привели меня сюда. Если бы мне удалось вернуться! Но ведь я не знаю обратной дороги!

Дядя сказал:

— Через два года после того как схоронили твою тетушку, сюда приходил и был задержан Дао Вэнь, сын твоей старшей сестры. Когда же его особой милостью отпустили, он остался здесь поразвлечься, вернулся домой не сразу. Через несколько дней он все же вернулся, но к тому времени тело уже возложили в гроб. Вэнь все же проник в гроб и принялся трясти его в надежде, что родные придут на помощь. Гроб тем временем вынесли из дома и установили на катафалк. Родные хотели его открыть, но прежде спросили у гадала. Тот предсказал неблагоприятный исход, и они не решились. Так и не довелось Вэню вернуться к жизни. Ныне он отбывает повинность на песчаных работах: трудится не покладая рук и переносит тяжкие мучения. Ты должен поскорее уйти отсюда! Здесь тебе нельзя задерживаться! Твоя младшая сестра уже скончалась. Они с тетушкой пребывают в аду: мучаются дни и ночи напролет. И неизвестно, какой срок им отмерен, когда придет избавление... Если ты вернешься, то сможешь сказать их сыновьям, чтобы они неустанно множили заслуги и добродетели, тем самым содействуя избавлению матерей.

Дядя показал Цзуню дорогу и на прощание дал наказ:

— То, что тебе удалось вернуться, прими как особое поощрение. Жизнь в миру очень скоротечна: проносится, как пылинка на ветру. Небесный дворец, земной ад, мучительное и благое воздаяние... Все эти слова я слышал и прежде. Ныне же я убедился, что все это истинно. Тебе надлежит

всецело предаться благим деяниям и, радуя о сыновней почтительности, принять Закон и блюсти обеты. Будь осторожен и не позволяй себе ничего греховного! Тот, кто однажды уже покидал свое тело и, придя сюда вторично, все же попадает в ад, подвергается в заточении предельно жестокой каре! Да еще он будет скорбеть о том, что попал сюда по своей воле. Проникнись скорбью и не допускай небрежения! Мои родные не верили в кару и благое воздаяние. Ныне все они страдают от воды и огня, претерпевают мучения от терний и яда. И горят они, и варятся в котле без передышки. Им бы на день возвратиться, дабы зло обратить во благо. Но разве выпросишь этот день! Все, что мне остается, — это уповать на тебя. Постарайся обратить всех домашних в веру, и сообща порадейте за нас!

Дядя сказал так и разрыдался. Они расстались, и Цзунь пошел обратной дорогой.

Цзунь очутился у дома, а в доме уже установили гроб и приступили к возложению тела. Цзунь только слегка прикоснулся к телу, и оно тотчас наполнилось дыханием. Через день ему полегчало, и он принялся убеждать родственников и знакомых предаться Великому закону.

Задолго до того тетя Цзуня вышла замуж за господина Сюй Ханя из округа Наньцзюнь, старшая сестра — за Юэ Юй-юя из округа Цзянся, а младшая сестра — за Янь Ваня из Усина. Путь к ним был далек, а от них давно не было вестей. Слегка подлечившись, Цзунь побывал во всех трех округах и узнал, что и тетушка, и младшая сестра, и сын старшей сестры — все умерли. Старшая сестра к тому же рассказала, что, когда хоронили Вэня, ее мальчика, гроб затрясся и упал с катафалка. Все было так, как рассказывал дядя. Убедившись в этом, Цзунь поведал сестре известные ему обстоятельства безвременной кончины Вэня. Сестра вновь пережила горечь утраты и вторично облачилась в траур.

Сутры и статуи являют миру чудо

Се Фу, по прозванию Цин-суй, был уроженцем уезда Шаньинь, что в округе Гуйцзи, сыном старшего брата

главнокомандующего Се Ю. С молодых лет он выбрал возвышенную стезю: жил отшельником в горах Дуншань. Фу искренне уверовал в Великий закон, прилежно трудился, не ведая усталости, переписывал «Шурамгама-сутру». Жил он при монастыре Белой лошади, который пострадал от пожара. Многие вещи, и среди них сутры, сгорели дотла. Огонь подобрался и к «Шурамгама-сутре», но опалил только бумагу по краям свитка. Иероглифы же остались целы все до единого.

Когда Фу почил, друзья сомневались, обрел ли он Путь. Узнав о том, что случилось с сутрой, они были до крайности изумлены.

На восьмом году под девизом правления Великая радость (431) в городе Пубань округа Хэдун разразился великий пожар. Огонь, разносимый ветром, отрезал город от реки Хуанхэ, и негде было искать спасения. Пламя не пощадило ни присутственные места, ни дома горожан. Не пострадали только многие из монастырей, ступ и чистых обитателей. Остались невредимы и многие из тех помещений, в которых находились сутры и статуи. Одно строение сгорело и рухнуло, но из кучи золы извлекли целую сутру: бумага была в полной сохранности. Горожане изумились и все до единого уверовали.

Листы с чужеземными письменами

Лин Чэн, по прозванию Дэ-шэнь, был уроженцем Цзиньня. В годы под девизом правления Начало свершений (343—344) он был начальником в уезде Ниньинь. В то время женщины с северной границы ходили на ту сторону черпать из колодцев воду. Однажды к колодцу подошли варвары с длинными носами и глубокими глазницами и попросили напиток. Они напились, и их как не бывало. А у одной женщины заболел живот. Боль становилась нестерпимой: женщина кричала и плакала. Потом она очнулась, села и принялась отдавать распоряжения на варварском языке. В селении проживало несколько десятков семей. Все они воочию видели происшедшее.

Женщина велела принести кисть и бумагу, пожелав писать книгу. Она взяла кисть и стала писать по-варварски горизонтальные строки письмен. Она заполнила ими пять листов бумаги, положила листы на землю и велела людям читать сие писание. В селении не оказалось никого, кто бы мог такое прочесть. Был там один мальчик лет десяти. Женщина указала на него. Мальчик взял листы и тотчас стал читать на языке варваров. Люди были изумлены и ничего не могли понять. А женщина тем временем велела мальчику встать и сплясать. Мальчик поднялся, стал на цыпочки, прошелся, а затем остановился по мановению ее руки.

О происшедшем доложили Дэ-шэню. Тот призвал и допросил женщину и мальчика. Те ответили, что были как в дурмане и не сознавали, что делают. Известно также, что Дэ-шэнь провел следствие по этому делу. Он послал служку с книгой в монастырь обещаний, чтобы показать ее там старейшинам-варварам. Варвары были крайне удивлены. Они сказали, что это лакуна буддийской сутры. Иноземцы утеряли ее дальней дорогой в Китай да так и не смогли восполнить. Они помнили и читали ее наизусть, но не полностью. Это как раз и есть та самая часть. Книгу оставили тогда в монастыре на переписку.

Скорь госпожи Се

Дочь господина И из рода Се была женой командующего левофланговым войском династии Цзинь Ван Нин-чжи. Госпожа Се одного за другим потеряла двух сыновей. Она скорбела о них безмерно, плакала навзрыд многие годы. Жизнь стала ей в тягость. Потом она вдруг увидела обоих сыновей вернувшимися. Оба были закованы в кандалы и уговаривали мать:

— Вы должны унять свою боль. У нас обоих были преступления. Так пусть живые направят скорь и жалость нам во благо!

Более госпожа Се не страдала, а множила заслуги.

Наставник вразумляет Чжи Дуня

Шрамана Чжи Дунь, по прозванию Дао-линь, был уроженцем округа Чэнлю. Благодаря моральному совершенству и открытости нрава он стал духовным предводителем тех, кто следовал учениям Лао-цзы и Шахьямуни. Как-то он рассуждал с одним наставником о сути вещей и говорил так:

— Куриное яйцо не есть живность, и расколоть его не значит совершить преступление, равное убиению крохотного животного.

Наставник тут же исчез и вскоре появился перед Чжи Дунем с яйцом в руке. Он бросил яйцо оземь. Яйцо разбилось, и из него появился цыпленок. Цыпленок отряхнулся и пошел своей дорогой. Тут-то Чжи Дунь призадумался и устыдился своих речей. А наставник и цыпленок исчезли, как их и не было.

Летающий шрамана

В горах Лушань есть семь хребтов, соединяющихся на востоке в горный пик. На его отвесную вершину никто и никогда не забирался. В годы под девизом правления Великое начало (376—396) наместник округа Юйдань Фань Нин решил выстроить школу и отправил в те горы дровосеков на заготовку леса. Они увидели человека в одежде шрамана, поднимающегося по воздуху прямо к вершине. Он приблизился к вершине, покружил, а затем опустился на нее. Шрамана долго сидел, наслаждаясь видом облаков, а затем исчез. Было там еще несколько человек, наблюдавших за ним снизу. Мужья-грамотеи пришли в восторг от такого известия, а шрамана Тань-ди сложил в Лушане оду:

Да, было так:

Пронзил он облака

и на вершине горной очутился.

Иначе будь я поражен бельмом

Иль тотчас в царство тьмы низвергнут!

Шрамана Сэн-лан

Шрамана Сэн-лан строжайше исполнял монашеские обеты, был в великом почете и в Срединном государстве (Китае), и у варваров-жунов. Как-то он и еще несколько монахов были приглашены в собрание. На полпути Сэн-лан обратился вдруг к своим товарищам:

— Братья, а ведь одежду и утварь, оставшуюся в монастыре, вот-вот разграбят!

Путники вернулись в монастырь и застigli там грабителей.

В годы правления династии Цзинь под девизом Великое начало в ущелье гор Цзинькюшань в уезде Фэнгаосянь Сэн-лан воздвиг ступу и монастырь, изготовил статую Будды. В последние годы своего правления Фу Цзянь⁵⁵ учинил гонения на праведников. Из всей сангхи он чтит одного только Сэн-лана и потому не посмел разрушить его монастырь.

В монастырь приходили исповедовать буддизм праведники и миряне. За день до их прихода Сэн-лан уже знал, сколько человек придет, и отдавал своим ученикам распоряжения сделать соответствующие приготовления. Все, что он говорил, непременно сбывалось.

В ущелье издавна водилось много тигров, нападавших на людей. С тех пор как Сэн-лан возвел там монастыри, тигры стали как домашние.

Мужун Дэ из племени сяньби⁵⁶ предоставил храму монастыря Сэн-лана средства от налогов с двух своих родовых владений. Теперь то ущелье называют Ущельем Сэн-лана.

Шрамана Ши Фа-сян

Шрамана Ши Фа-сян, уроженец округа Хэдун, жил отшельником в горах, предавался религиозному совершенствованию и аскезе. Птицы и звери собирались вокруг него и были как ручные. В храме гор Тайшань был большой каменный ящик, доверху наполненный драгоценностями. Когда Фа-сян был в тех горах и остановился в храме на ночлег, то увидел человека в темной одежде и шапке военного образца.

Тот приказал Фа-сяну открыть ящик, а сам тотчас исчез. Каменная крышка ящика весила более тысячи цзюней, но только Фа-сян к ней слегка притронулся, как она открылась. Фа-сян взял с собой драгоценности и раздал их бедному люду.

Впоследствии Фа-сян переправился на юг от Янцзы и обосновался в монастыре Юэчэнсы. Фа-сян не считался с приличиями, был невоздержан. Он позволял себе непристойные шутки, грубые выходки, иногда раздевался догола при людях. Был он непочтителен к знатым вельможам. Командующий северными войсками Сыма Тянь возненавидел его за эти непристойности и призвал к себе, чтобы опить вином. Фа-сян одну за другой опорожнил три чаши, но оставался в полном здравии и вел себя как ни в чем не бывало.

Скончался Фа-сян восьмидесяти девяти лет, в последнем году правления под девизом Великое процветание (404).

Туаньшинь спасает от неминуемой гибели

Чжан Цзун был уроженцем уезда Дулин округа Цзинчжао. С молодых лет он чтит Закон. В годы правления династии Цзинь под девизом Великое начало (376—396), когда Фу Цзянь потерпел поражение, жители Чанъани, более тысячи семейств, бежали на юг принять подданство династии Цзинь. На границе они были задержаны охраной. Их объявили разбойниками и нарушителями границы и приговорили мужчин, достигших совершеннолетия, к казни, а их сыновей и дочерей — к продаже в рабство. Цзуна и еще пятерых с закованными в кандалы руками и ногами столкнули в вырытые ими же ямы глубиной по пояс и на расстоянии

двадцати шагов одна от другой. На следующий день воинов ждала потеха: стрельба на полном скаку по пленникам. Цзун с тоской думал о том, что ему пришел конец, и обратил свои чистые помыслы на Гуаньшиня. Среди ночи кандалы распались да сами и отвалились. Цзун немедля бежал, и ему удалось спастись.

Цзун поранил ноги, но продолжал путь. Он пришел к какому-то монастырю и вновь назвал имя Гуаньшиня. Преисполняя глубочайшей преданности, он совершил поклон и, стоя перед каменной глыбой, прочел заклинание:

— Ныне я собираюсь переправиться в Цзяндун и пожаловаться императору династии Цзинь на беззакония, призвать к ответу убийцу безвинных людей, спасти жен и детей убиенных. Если моим чаяниям суждено сбыться, то пусть эта глыба расколется надвое!

Цзун завершил ритуал поклонения, и глыба тотчас раскололась.

Вскоре Цзун прибыл в столицу, отправился к Чаше белого тигра⁵⁷ и представил императору список семей невинно погибших. Император всем семьям оказал благодеяния, а тех, кто был продан в рабство, перевел в податное сословие.

Праведник Чжи-шэн был тому свидетелем.

Упование на Три драгоценности

Ван И, по прозвищу Чжун-дэ, был уроженцем округа Тай-юань, командовал боевыми колесницами и конницей. Его семья в том поколении исповедовала Закон. Его отец Мяо, наместник в Чжуншани во времена Фу Цзяня, был убит динлинами⁵⁸. Чжун-дэ и его старший брат Юань-дэ подались с матерью на юг. Они поднялись на отвесную скалу, выбившись из сил, еда у них кончилась. Им не оставалось ничего другого, как уповать на Три драгоценности (Будду, его учение и общину). И вдруг их взорам предстал мальчик, погонявший черную корову. Мальчик увидел, что Чжун-дэ и его спутники голодны, и каждого накормил. Тотчас после этого он исчез.

Затем надолго зарядил дождь, и все вокруг покрылось водой. Перед ними простерлась безбрежная водная гладь, в которой не отыскать было брода. Вдруг появился белый волк, ходивший перед ними кругами. Волк ходил по воде и останавливался против них, как бы приглашая следовать за ним. На третий раз они пошли за волком. Сначала вода доставала им до колен, а потом они вдруг оказались на суше. Они пришли на юг в подданство династии Цзинь. Впоследствии Чжун-дэ стал начальником Пяти воинских приказов⁵⁹, а затем наместником в Сюйчжоу.

Однажды Чжун-дэ устроил монашескую трапезу. Накануне в доме все вымыли и вычистили, расставили благовонные свечи и цветы, поместили в зале Закона сутры и статуи. Вдруг из залы донеслись звуки: кто-то чистым и звонким голосом зачитывал сутру. Чжун-дэ поспешил туда и перед тронем Будды увидел пятерых шрамана величавой внешности и необычных манер. Чжун-дэ понял, что это не простые монахи, и преисполнился радостного трепета. Шрамана обернулись и посмотрели на него так, словно виделись с ним прежде. Не проронив ни единого слова, они выпрямились, поднялись в воздух и исчезли. Родственники и сослуживцы Чжун-дэ были при этом в великом множестве. Они пришли в неописуемый восторг и укрепились в вере.

Затробные скитания Вэнь-хэ

Чжэн Дао-хуэй, по прозвищу Вэнь-хэ, был уроженцем Учана. Как повелось у них в роду, он исповедовал Учение о Пяти доу риса⁶⁰ и не верил в существование Будды. Вэнь-хэ говаривал:

— Истинное учение пришло из древности, и по сию пору никто не превзошел Лао-цзы. Как же мне не верить, что варвары вводят меня в заблуждение, говоря о каком-то «всепобеждающем учении»!

В пятнадцатом году правления под девизом Великое начало (391) он заболел и умер. Но в сердце еще теплилась жизнь, и похороны откладывались. Через несколько дней он ожил и рассказал следующее.

Тотчас по его смерти появились этак десяток человек, занесли его имя в списки, связали и увели. Им повстречался бхикшу, который сказал:

— У этого человека благие поступки-кармы. Связывать его нельзя!

Тогда Вэнь-хэ освободили от пут.

Дорога была прямая и ровная, а по обеим сторонам — заросли терновника, такие густые и колючие, что невозможно ступить. Всех преступников прогоняли через эти заросли. Терновые иглы вонзались в ступни, и люди пронзительно кричали. Они видели Вэнь-хэ, идущего по гладкой дороге, и завидовали ему:

— О, ученик Будды, идущий по дороге! Вы поистине всемогущи!

— Я не чтил Закон, — отвечал Вэнь-хэ.

— Вы, достойнейший, все позабыли, — смеялись грешники.

И Вэнь-хэ сразу вспомнил, что в одном из предшествующих перерождений чтил Будду, но по прошествии пяти перерождений и смертей растерял свои изначальные устремления. На этом веку он с детства попал к дурным людям, но в ложных истинах погряз не до конца, все еще сомневаясь в праведности избранного ныне пути.

Тут он подошел к управе большого города и увидел человека лет сорока-пятидесяти, сидевшего лицом к югу. Тот заметил Вэнь-хэ и удивленно воскликнул:

— Разве этого господина следовало сюда приводить?!

Человек со списком имен в руках, одетый в простое платье и тюрбан, ответил:

— Этот человек обвиняется в разрушении алтарей земли и убиении людей. Потому он здесь.

Бхикшу, которого Вэнь-хэ встретил по дороге сюда, вошел следом и стал рьяно доказывать его правоту:

— Разрушение алтарей не есть преступление. У этого человека чрезвычайно благая карма. Убийство хотя и тяжкое преступление, но время принять за него возмездие еще не настало.

Человек, сидевший лицом к югу, велел наказать писарей; он усадил Вэнь-хэ подле себя и стал извиняться:

— Чертенята допустили недосмотр и по ошибке занесли Вас не в тот список. И все из-за того, что Вы забыли предшествующие перерождения и Вам неведомо почтение к Законоучению великому и истинному!

Он отослал Вэнь-хэ к чиновнику по досмотру за адом. Вэнь-хэ с радостью последовал за чиновником.

Путь их пролегал через города, и города эти были земным адом. Народу там было великое множество, и каждому воздавалось за прегрешения. Были там сторожевые псы, кусающие людей куда ни попадя. Куски живой плоти валялись на земле, пропитанной потоками крови. Еще там были птицы с клювами, как острые копья. Они с лёта вонзали свои клювы, и в кровь людей проникал яд. Птицы то влетали людям в рот, то клевали их тела. Те уворачивались и истошно вопили, а их кости и мышцы устилали землю.

Все остальное, увиденное Вэнь-хэ в аду, более или менее совпадает с тем, что рассказали Чжао Тай и Са-хэ⁶², и не нуждается в повторении. Отличаются только две эти кары, и потому они подробно описаны.

Вэнь-хэ все осмотрел и отправился в обратный путь. Он вновь повстречался с бхикшу. Тот подал ему вещицу, по виду напоминающую маленький колокольчик, и сказал:

— Когда Вы, господин, подойдете к дому, оставьте эту вещицу за воротами. Не смейте вносить ее в дом! В такой-то день и месяц такого-то года придет Ваш конец. Зареки-тесь отдавать его! В число отпущенных Вам лет входят цифры девять и десять.

Семья Вэнь-хэ жила на южной стороне большой улицы столицы. Он добрался до Конюшенного моста и увидел трех своих родственников. Те ехали на повозке и переговаривались: сокрушались о смерти Вэнь-хэ. У ворот он увидел служанку. Та шла на рынок и плакала. Ни родственники, ни служанка его не видели. Вэнь-хэ хотел было войти в ворота, но вспомнил о колокольчике и повесил его за воротами на дереве. От колокольчика стало исходить и разливаться по небу сияние. Когда сияние угасло, Вэнь-хэ вошел в ворота. Его стал обволакивать и дурманить трупный запах. Меж тем гости спешили выразить семье покойного последние соболез-

нования; все плакали. Вэнь-хэ было некогда раздумывать. Он вошел в свое тело, и оно тотчас ожило.

Вэнь-хэ рассказал, как встретил родственников на повозке и служанку, что в точности совпало с их собственными описаниями.

Впоследствии Вэнь-хэ стал судьей при Верховной судебной палате, выслушивал тяжбы в Западном зале. Но первое время после возвращения он жалобно стонал и горевал, не узнавая людей. Полегчало ему не скоро. Он считал дни до того срока, который ему определил праведник. Вскоре Вэнь-хэ стал правителем области Гуанчжоу. Умер Вэнь-хэ на шестом году правления под девизом Великая радость (430) в возрасте шестидесяти девяти лет.

Са-хэ возвращается в сей мир

Шрамана Хуэй-да происходил из семьи Лю, его мирское имя было Са-хэ, уроженец уезда Лиши, что в округе Сихэ. Он вырос при войске и до того, как стать монахом, не слыхивал о Законе Будды: был по духу воином и любил поохотиться. В тридцать лет он вдруг заболел и умер. Но тело Са-хэ оставалось теплым, и родные откладывали похороны. На седьмой день Са-хэ ожил и рассказал следующее.

Когда наступила смерть, пришли двое, связали Са-хэ и увели по направлению к северо-западу. Дорога шла в гору и привела на ровную местность. Там стоял стражник с луком в руках и мечом на поясе. Он остановил их и приказал вести Са-хэ на запад, где было великое множество строений с белыми стенами и красными колоннами.

Са-хэ вошел в один из домов. Там была девушка, прекрасная собой. Только он попросил у нее поесть, как неведомо откуда раздался голос:

— Не давать ему есть!

Из-под земли выскочил человек с железным посохом и замахнулся на Са-хэ. Тот опрометью умчался. Са-хэ входил в десяток домов, но так и остался ни с чем. Он продолжил путь на северо-запад и увидел старушку, ехавшую на повоз-

ке. Та протянула ему свиток, и Са-хэ принял его. Он пошел на запад и пришел к дому.

Дом снаружи был великолепен, а у дверей сидела старуха с тигровыми, выступающими вперед зубами. В самом доме было ложе с пологом изумительной красоты, бамбуковая циновка и темный столик. Там была девушка, которая спросила Са-хэ:

— Вы принесли свиток?

Са-хэ подал ей свиток, и она сличила его с таким же своим. Вдруг Са-хэ увидел двух монахов. Те спросили:

— Ты узнаешь нас?

Са-хэ отвечал, что не узнает.

— Отныне и навсегда ты вверяешь себя Будде Шакьямуни, — воскликнул шрамана, и тотчас на Са-хэ снизошло просветление. Он продолжил путь вместе со шрамана. Вскоре они увидели город размером этак с Чаньянь. Однако цвета он был черного и весь из железа. Люди там были большущего роста: тела их казались покрытыми черным лаком, волосы на голове отросли так, что волочились по земле.

Шрамана сказали:

— Это демоны — обитатели ада.

Было там очень холодно, и ветер трепал одежды демонов. Лед, будто циновка, устилал все вокруг. Он лежал повсюду и падал на тех людей: упадет на их головы — и головы отваливались, упадет на ноги — и отваливались ноги.

— Это ледяной ад, — сказали шрамана.

И Са-хэ вдруг осенило. Он вспомнил одно из своих предшествующих перерождений и узнал этих шрамана, своих наставников во времена будды Випашьина⁶³. Он был тогда послушником-шраманера, но совершил злостные проступки и не удостоился принять монашеские обеты. Хотя Будда и явился миру, Са-хэ так и не стал его последователем. Затем он вновь обрел человеческое обличье: однажды переродился среди цянгов⁶⁴, а ныне при династии Цзинь.

В том аду Са-хэ повстречал дядю. Дядя сказал:

— Прежде в землях Е я не ведал о служении Будде. Были люди, совершавшие омовение Будды⁶⁵. Они пробовали и меня понемногу научить, но я отказывался обратиться в веру. Потому я ныне и принимаю кару. А ведь участие в омовении Будды — достаточная заслуга, чтобы благополучно возродиться на небе.

Потом Са-хэ побывал на адовой горе мечей. Один за другим он прошел все ады, повидал их в великом множестве. В каждом городе был свой ад; ады были отделены один от другого. Людей в них было что песчинок, которым несть числа. Правила, по которым их приговаривали к пыткам, и сами разновидности пыток в основном соответствуют описанным ранее.

Бредя по аду, Са-хэ пошел на отблеск света. И вдруг его взору открылось золотое сияние, свет яркий и чистый. Он увидел человека этак в два чжана ростом, прекрасного собою и всего как бы из золота. Из его свиты донеслось:

— Великий муж, взирающий на мир!

Все поднялись бодхисаттве навстречу и почтили ритуалом. Два шрамана, один под стать другому, пошли на восток, а Са-хэ совершил ритуал поклонения бодхисаттве. Бодхисаттва прочел проповедь в более чем тысячу слов и закончил так:

— Благополучие умершего закладывается его отцом и матерью, старшими и младшими братьями, а также в продолжение семи поколений родней и родственниками жены, друзьями или просто знакомыми, будь они при монашеской обители или при семье. Благодаря им умерший избавляется от страданий. Шрамана принимает постриг в пятнадцатый день седьмого месяца. В это время подношение даров осо-

бенно благотворно. Если же вы подносите утварь, то наполните ее пищей и непременно снабдите такой надписью: «Во благо такого-то родители нижайше подносят Будде, его учению и общине». Тогда заслуги умершего умножатся и блаженство придет к нему скорее. Шрамана и миряне могут без утайки открыть перед сангхой свои разного рода дурные поступки, совершенные в прошлом, а также в предшествующих перерождениях. Ревностным и чистосердечным покаянием они уничтожают свои грехи. Если же человек стыдлив и робеет открыть сангхе свои прегрешения, ему дозволяется в укромном месте записать их, не оглашая. Если ничего не будет упущено, его грехи также списываются. Если же будут упущения из желания что-либо утаить, то он не добьется полного избавления от мучений, но получит возмездие более легкое. Если же грешник не в состоянии раскаяться и не испытывает угрызений совести, то его зачисляют в злостные нечестивцы, которых по истечении жизни низвергнут прямо в ад. Если же кто-то жалуется на строительство ступы или храма пусть даже горсть земли или деревце, то такие подношения и помощь от чистого сердца обеспечивают ему великое множество заслуг. Если же кто-то при посещении храма видит сорняки или грязь и как ни в чем не бывало проходит мимо, то заслуги, приобретенные им от поклонения Будде, иссякнут.

Еще бодхисаттва сказал:

— Сутры — это предначертания Высокопочтимого (Будды), указующие путь к обращению! Первая по заслугам — «Праджня-парамита-сутра»⁶⁶. За ней следует «Шурамгама-сутра». Если благочестивый человек декламирует отрывки из этих сутр, то местом его пребывания становится трон Ваджра⁶⁷. Однако все живые существа, обладающие физическим зрением, не способны этого увидеть. Тот, кто умеет прочесть сутру, не будет низвергнут в ад. Подлинный текст «Праджняпарамита-сутры» и патра Так Пришедшего (Будды) со временем предстали Востоку, прибыли в земли Хань (Китай). Тот, кто единственным добрым делом способствовал утверждению здесь сутры и патры, обретает благое воздаяние: переродиться на небесах и вдвое умножить свои заслуги.

Речь божества была чрезвычайно обширной и приводится в кратком изложении. На прощание бодхисаттва сказал Са-хэ:

— Тебе полагалось бы принять карающее воздаяние в продолжение многих калып⁶⁸. Но для того чтобы ты понял, что Закон рождает в сердце радость, тебя подвергнут легкому воздаянию. Примешь кару один раз и будешь свободен. Ты вернешься к жизни и станешь шрамана. В пяти местах: Лояне, Линьцзы, Цзянье, Маоине и Чэнду есть ступы царя Ашоки, а еще два каменных изваяния будд, которые царь Ашока предназначил демонам и божествам, есть в Учжуне. Эти изваяния получились весьма доподлинными. Пойди туда и соверши поклонение. Тогда не будешь низвергнут в ад.

Бодхисаттва закончил на этом свою речь и пошел на восток. Са-хэ проводил его поклоном и расстался с ним. На юг вела большая дорога шириной более чем в сто шагов. Идущих по ней путников было несметное множество. У края дороги было возвышение в несколько десятков чжанов, на котором восседал шрамана, окруженный рядами монахов. С северной стороны стоял секретарь с кистью в руке. Он обратился к Са-хэ с вопросом:

— Ты зачем убил оленя в Жаньяне?

Са-хэ рухнул на колени и отвечал:

— Оленя убил не я. Я его только ранил, да к тому же не ел его мясо. На каком основании вы хотите подвергнуть меня каре?!

И тотчас Са-хэ увидел то место в Жаньяне, где он убил оленя. Заросли травы, деревья и горный ручей вдруг встали у него перед глазами. Черная лошадь, на которой ехал Са-хэ, к тому же умела говорить. Она подтвердила, что такого-то дня такого-то месяца и года Са-хэ убил оленя. Са-хэ опешил, не смея возразить. Его подцепили на вилы и бросили в кипящий котел. Са-хэ видел, как его собственные конечности разрушаются и разваливаются. Вдруг подул ветер, согнавший эти ничтожные останки на край котла. В один неуловимый миг Са-хэ стал таким, как прежде.

— Ты еще застрелил фазана да к тому же убивал гусей, — продолжил секретарь. И вновь Са-хэ насадили на вилы, бросили в кипящий котел и варили тем же способом.

Когда он сполна принял воздаяние, ему велели идти прочь. Са-хэ пришел в большой город. Жители города сказали:

— Ты принял легкое воздаяние, да еще и возвращаешься к жизни! Все это благодаря твоим заслугам в предшествующих перерождениях. Отныне не совершай преступлений!

Они послали с Са-хэ провожатого.

Еще издали увидев свое покоящееся тело, Са-хэ раздумал возвращаться. Провожатый затолкал его силой, и он долго-долго соединялся со своей плотью, прежде чем ожил.

Са-хэ чтит Закон с полнейшим тцанием. Он сразу же ушел в монахи и в монашестве прозывался Хуэй-да. В последние годы под девизом правления Великое начало (376—396) он жил в столице, а затем отправился в Суйчан. О последних годах его жизни ничего не известно.

Гуаньшинь приходит на зов

Шрамана Чжу Фа-чунь был настоятелем монастыря Прощавление праведности, что в уезде Шаньинь. В годы правления династии Цзинь под девизом Великое процветание (402—404) он отправился на лодке через озеро купить лес для постройки ограды монастыря. Лес ему продала одна женщина. Они вдвоем отправились в путь, чтобы посмотреть товар на месте. На закате дня Фа-чунь и его спутница сели в лодку и вышли на середину большого озера. Подул сильный ветер: волны вздымались величиной с гору. Лодка понемногу уходила под воду: еще один миг, и все будет кончено. Фа-чунь думал только о том, за какой неблагоприятный поступок обрушилась на него такая напасть. Но с ним была женщина, и, чтобы отвратить от нее беду, он обратился к сутре «Гуаньшинь цзин». И вдруг они увидели большую лодку, несущуюся им навстречу. Настала ночь, и переправа была уже закрыта. Фа-чунь подумал, что лодке неоткуда было взяться. У него появилось сомнение, не божественное ли это явление. Фа-чунь и женщина пересели в большую лодку, а их маленькая лодочка затонула. Большая лодка легко заскользила по волнам и благополучно пристала к берегу.

Тигр, явивший божественную силу Гуаньшиня

Во втором году правления под девизом Величавое спокойствие (398) шрамана Ши Кай-да, собиравший сухую траву на холме, был схвачен цзянами. В те годы разразился великий голод, и варвары-цзяны стали поедать себе подобных. Они заперли Кай-да за забором и собирались съесть. С ним были еще десять человек, и цзяны каждый день приносили в жертву кого-нибудь из них. Наконец в живых остался один Кай-да. С первого дня заточения Кай-да стал неустанно зачитывать сутру «Гуаньшинь цзин». Когда же настало утро того дня, когда Кай-да должны были съесть, появился огромный тигр. Тигр бросился на толпу цзянов; он был разъярен и рычал. Цзяны перепугались и разбежались в разные стороны. Тогда тигр прогрыз в заборе дыру, через которую мог пролезть человек, и не спеша удалился. Увидев, что тигр грызет забор, Кай-да подумал, что пришла его гибель. Но поскольку тигр не полез в образовавшееся отверстие, Кай-да стал подумывать, не Гуаньшинь ли это явил свою силу. Прежде чем вернулись цзяны, Кай-да бежал через дыру в заборе. Он шел ночью, а днем прятался. Так ему удалось спастись.

Упование на Гуаньшиня

Уроженец округа Уцзюнь Пань Дао-сю двадцати с небольшим лет стал военачальником и совершил карательный поход на север. Войско потерпело поражение. Дао-сю скрывался, но его схватили и били палками. Он перебивался у нескольких хозяев в разных городах, но не оставил надежды вернуться на родину. С молодых лет Дао-сю уверовал в Закон Будды. Теперь он по велению сердца взывал к Гуаньшиню и по ночам зрил его образ. Потом Дао-сю бежал на юг. Но путь ему был неведом, и он заблудился. На высокой горе он вдруг увидел Истинный образ наподобие статуи, установленной на повозке⁶⁹. Дао-сю тотчас совершил ритуал поклонения, и после этого видение не покидало его.

Ему удалось отыскать дорогу и вскоре вернуться на родину. Дао-сю предался религиозному совершенствованию с еще большим рвением. Скончался он без малого в шестьдесят лет.

Гуаньшинь спасает от огня и воды

Откуда родом Луань Сюнь — неизвестно. С малолетства чтивший Закон Будды, он стал начальником уезда Фупин. Но прежде, участвуя в карательном походе против Лу Сюня⁷⁰, Луань Сюнь потерпел поражение в одном из боев. На лодке возник пожар, а враги наседали со всех сторон. Лодка вышла на середину реки, когда на нее обрушились порывы ветра. Сюня обуял смертельный ужас, и он стал твердить имя Гуаньшиня. Вдруг он увидел человека, по пояс в воде стоящего посредине реки. Сюнь уразумел, что его мольбы услышаны. Спасаясь от огня и врагов, Сюнь бросился в реку. Он выплыл на поверхность и стал ногами на дно. Лодка, посланная на выручку отступающим, подобрала Сюня. Так ему удалось спастись.

Милосердие Гуаньшиня

Когда шрамана Ши Фа-чжи был еще мирянином, он шел однажды по дороге к большому озеру. Внезапно налетел свирепый огонь: все вокруг пылало, и бежать было некуда. Тут Фа-чжи обратил сердце к Гуаньшиню, и огонь сразу же отступил. Трава, что росла на берегу озера, сгорела вся до единого стебелька. Не сгорела трава только в том месте, где стоял Фа-чжи. Фа-чжи проникся тогда величайшим почтением к Великому закону.

Впоследствии Фа-чжи стал генералом у Яо Сина⁷¹ и отправился карательным походом на «дикарей с косичками»⁷². При отступлении он упал с лошади и был окружен врагами. Фа-чжи скрылся в овраге в зарослях терновника. Зарывшись в них с головой, он принялся, вождедея всем сердцем, взывать к Гуаньшиню. Люди, жившие по ту сторону оврага, заметили его и окликнули уходящее войско. Было приказано прикончить Фа-чжи. Воины все обыскали, но Фа-чжи

так и не нашли. А когда они ушли, ему удалось скрыться. Вскоре после этого он ушел в монахи.

Гуаньшинь спасает обреченного

Наньгун Цзы-ао был уроженцем уезда Шипин. Он служил в охране города Синьпина, павшего под ударами Чаньюэ-гуна, отпрыска варварского рода Бобо⁷³. Все население города — несколько тысяч человек — было истреблено. Цзы-ао был готов разделить их участь, но напоследок обратил мольбы к Гуаньшиню. Настал его черед. Клинок много раз обрушивался на него, но проходил то выше, то сбоку. Палач, орудовавший мечом, выбился из сил: руки и ноги не слушались его. К месту казни подошел Чаньюэ-гун и в испуге спросил, что происходит.

— Я умею превращаться в конское седло, — ответил невпопад Цзы-ао. Его отпустили, а он так и не понял, что значили эти слова⁷⁴.

Впоследствии Цзы-ао изготовил статую Гуаньшиня, поместил ее в футляр из благовонного дерева и носил на голове.

Народ вверяет себя Гуаньшиню

Лю Ду был уроженцем города Лячэн округа Пинъюань. В городе жило свыше тысячи семей, и все они чтит Великий закон, отливали статуи Будды, совершали подношения монахам и монахиням. То было время, когда главой варваров стал Мумо⁷⁵. Мумо был очень рассержен на город, в котором нашли приют много беглых, и намеревался его полностью уничтожить. Горожан охватил ужас: участь всех и каждого была предрешена. Тогда Ду, совершив омовение и преисполнясь чистосердечием, побудил народ вручить судьбу Гуаньшиню. В тот же миг взору Мумо предстало нечто, упавшее с неба и обвившееся вокруг колонны его дворца. Мумо удивился и посмотрел, что же это такое. То была сутра «Гуаньшинь цзин». Мумо приказал прочитать ему сутру и был от нее в величайшем восторге. Он отменил казни, и город благодаря этому избежал уничтожения.

Мольбы, услышанные бодхисаттвой

Го Сюань-чжи был уроженцем округа Тайюань. В четвертом году под девизом правления Всеобщее великолепие (408) тогдашний военный наместник в Лянчжоу Ян Сы-пин обвинил Фань Юань-чжи и других в беззакониях. Был брошен в тюрьму и Сюань-чжи. Он доверил свою судьбу Гуаньшииню и на исходе ночи увидел во сне бодхисаттву, озарившего тюрьму ясным светом. Сюань-чжи обратил взор на бодхисаттву, совершил ритуал поклонения, молил и клятвенно заклинал его о спасении. Затем видение исчезло. Сюань-чжи единственный из всех обвиняемых был помилован и отпущен на свободу. Явленный ему образ Сюань-чжи запечатлел в иконе, а также возвел чистую обитель. Впоследствии Сюань-чжи служил в Линлине, Хэньяне и умер в чиновном звании.

Пришелец с того света

Юй Шао-чжи, в детстве носивший имя Дао-ду, был уроженцем Синье. Он стал наместником в Сяндуне. Его близким другом был двоюродный брат Сун Се из Наньяна. На исходе правления под девизом Всеобщее великолепие (405—418) он вдруг предстал перед Се. И сам он, и его одеяние были такими же, как при жизни. Но на ногах у него были кандалы. Он подошел ближе и, прежде чем сесть, сбросил кандалы на землю.

— Неужели Вам разрешили вернуться?! — спросил его Се.

— Я получил разрешение лишь на временную отлучку. Мы были дружны, и потому я решил проведать Вас, — ответил Шао-чжи.

Се стал расспрашивать его о бесах и божествах, но Шао-чжи был не очень склонен об этом распространяться. Говорил он Се следующее:

— Истово совершенствуйтесь в вере и не смейте убивать живые существа! Если ж Вы не в состоянии исполнять это правило полностью, то хотя бы не убивайте коров! Употребляя в пищу мясо, ни в коем случае не ешьте сердце!

— Разве внутренности — не то же мясо? — удивился Се.

— Сердце — этоместилище благого духа. Есть его — самое тяжкое преступление, — изрек Шао-чжи. Он подробно расспросил о родственниках, побеседовал с Се о делах житейских, а напоследок попросил вина. Се подал свое любимое кизиловое вино, но Шао-чжи не притронулся к чашке, сказав, что у этого вина очень сильный запах.

— Неужели Вы так этого боитесь? — недоумевал Се.

— Этого бояться все низшие чины, а не только я один, — отвечал Шао-чжи.

У Шао-чжи был при жизни очень громкий голос. Его голос и теперь не стал тише и потому привлек внимание Суй-чжи, младшего сына Се. Услышав звук приближающихся шагов, Шао-чжи пришел в крайний испуг и впопыхах промолвил:

— Когда Ваша жизнь подойдет к концу, не пытайтесь ее сохранить. Мы с Вами расстанемся на три года.

Он вскочил, вышел за дверь, прихватив с собой кандалы, и исчез. Се стал крупным чиновником, а через три года действительно умер.

Шрамана Фа-ань, усмиривший тигров-людоедов

Шрамана Ши Фа-ань состоял монахом при монастыре в горах Лушань, был учеником закононаставника Хуэйюаня. На исходе годов правления под девизом Всеобщее великолепие (405—418) в уезде Янсинь повсюду свирепствовали тигры. В том уезде близ алтаря Земли росло большое дерево. Под ним соорудили кумирню, а вокруг кумирни располагались жилые строения, более ста дворов. Не проходило и ночи, чтобы тигры не губили то одного, то двух местных жителей. Фа-ань странствовал по тем местам и как-то на закате дня наведаясь в деревню. Народ, страшась тигров, рано запирает ворота домов и деревни. Фа-аня никто не знал и не согласился впустить. Шрамана ушел прочь и сел под деревом, проведя всю ночь в самосозерцании. Под утро появились тигры, несущие на спинах людей. Тигры подошли к де-

реву с северной стороны и, увидев Фа-аня, запрыгали от радости. Они покорно легли перед Фа-анем, а он прочитал им проповедь и принял от них обеты. Тигры лежали на земле не шелохнувшись, а потом ушли. Когда рассвело, деревенские жители пришли в поисках трупов к тому дереву и увидели Фа-аня. Они очень удивились и нарекли его Божественным Человеком, которого не трогают тигры. Но убедившись в том, что тигры отныне прекратили свои злодеяния, они чтили его еще более. Весь уезд стал поклоняться Закону.

Фа-ань желал начертать на отвесной скале образ Будды, но не смог добыть пористой синьки⁷⁶. Он хотел изготовить ярь-медянку⁷⁷, но и меди у него не было. Ночью ему приснилось: к ложу, на котором он спит, подходит человек и говорит:

— Здесь есть два медных колокола. Ты можешь их взять себе.

На рассвете Фа-ань разрыл землю, достал колокола и изготовил краску. Впоследствии закононаставник Хуэй-юань затеял отливать статую Будды. Фа-ань подарил ему один колокол. Второй колокол взял посмотреть, да так и не вернул Сюн У-хуань, служивший наместником в Учане.

Шрамана Чжу Тань-гай спасает народ от засухи

Шрамана Чжу Тань-гай, уроженец округа Циньцзюнь, был истинным аскетом. Отправляясь в путь с патрой и посохом, он все лишнее оставлял четверем разрядам⁷⁸ общины. Поселившись в горах Цзяншань, Тань-гай исповедовал мудрость-праджня⁷⁹, но особенно преуспел в искусстве божественных заклинаний-дхарани, не однажды явив чудо. Сыма Юань-сянь⁸⁰ весьма почитал его и преклонялся перед ним. Начальник охраны Лю И⁸¹ прослышал о его совершенствах, пригласил в город Гушу и почувствовал к нему глубочайшую приязнь.

В пятом году под девизом правления Всеобщее великолепие (409) разразилась великая засуха: пересохли озера и водоемы, сгорели хлебные всходы. В продолжение многих де-

сятков дней молились и приносили жертвы духам гор и рек, но безуспешно. Тогда Лю И пригласил монахов для отправления поста. Среди приглашенных был и Тань-гай. Пост подходил к концу, когда на деревьях выпала роса, а реки и ручьи наполнились влагой. Гражданские и военные мужи, простой люд со всей области пришли в собрание. В их присутствии Тань-гай воскурил благовония, совершил ритуал поклонения и, преисполняясь душевного трепета, принялся читать «Сутру Царя морских драконов». Только он развернул сутру и возвысил глас, как в небе появились тучи; прочел до половины — вокруг образовались болота; завершил чтение — и полился ливень. В озерах и на полях скопилась влага, и тот год стал урожайным. Лю Цзун-шу был начальником охраны дворцовых ворот в удельном царстве Лю И. Он присутствовал на этом собрании и видел все происшедшее воочию.

Происшествие в семье Фэн-жэня

Шян Цзин, по прозвищу Фэн-жэнь, был уроженцем округа Хэнэй. Семья Фэн-жэня жила в округе Усин, когда умерла его малолетняя дочь. Болезнь еще только начиналась, когда девочка играла с маленьким ножиком. Мать вырвала у нее ножик, но при этом поранила себе руку. Через год по окончании траура мать родила еще одну дочь. Когда дочери было четыре года, она спросила у матери:

— Не у Вас ли сейчас тот нож, которым я играла когда-то?

— У меня нет никакого ножа, — ответила мать.

— Ведь Вы выхватили его у меня и поранили себе руку.

А говорите, что его у Вас нет, — настаивала дочь на своем.

Мать была крайне изумлена и обо всем рассказала мужу.

Тот спросил:

— А тот нож все еще у тебя?

— Я храню его в память о покойной дочери, — ответила жена.

— Нужно положить этот ножик вперемешку с другими.

И пусть она сама его отыщет, — посоветовал Фэн-жэнь.

Дочь обрадовалась, схватила тот самый нож, воскликнув:

— Вот он!

Отец и мать, взрослые и дети поняли тогда, кем она была в предшествующем перерождении.

ДИНАСТИЯ ПОЗДНЯЯ ЧЖАО (319—350)

Хождение Ши Чжан-хэ в потусторонний мир

Ши Чжан-хэ был уроженцем уезда Гаои, что в Чжаого. Девятнадцати лет он заболел и по прошествии месяца умер. Семья Чжан-хэ была бедная и не смогла захоронить его в срок. Прошло четыре дня, и Чжан-хэ ожил. Вот его рассказ.

Когда наступила смерть, Чжан-хэ пошел на юго-восток. В пятидесяти шагах перед собой он видел двух человек, указывающих ему путь. Чжан-хэ шел то медленнее, то быстрее, и те двое то замедляли, то убыстряли ход, оставаясь в пятидесяти шагах от него. По обеим сторонам дороги рос терновник, колючий, как ястребиный коготь. Несметные толпы людей брели через терновник: все были сплошь в ранах, кровь струилась по земле. Они увидели Чжан-хэ, одиноко бредущего по гладкой дороге, и разом воскликнули в восхищении:

— Один сын Будды¹ идет Великим путем!

Впереди Чжан-хэ увидел черепичные разноцветные строения этак в несколько тысяч этажей. В верхнем этаже самого высокого из них сидел у окна человек величественной наружности в черном четырехполом халате². Чжан-хэ ему поклонился, а человек крикнул с высоты дворца:

— Прибыл господин Ши! Две тысячи лет минуло со дня расставания!

Чжан-хэ представил себе это время и сразу вспомнил то расставание. Он знал Мэн Чана из Маму и его жену, теперь уже давно покойных.

— Вы знали Мэн Чана? — спросил человек из дворца.

Чжан-хэ ответил, что знал.

— При жизни Мэн Чана? — спросил человек из дворца.

Чжан-хэ ответил, что знал.

— При жизни Мэн Чан был неспособен совершенствоваться в вере и теперь служит у меня мусорщиком. Жена Мэн Чана в вере совершенствовалась и ныне пребывает в месте самом благостном, — сказал господин и поднял руку, указывая на один из домов на юго-западе:

— Она живет здесь.

Меж тем жена Мэн Чана открыла окно в своем доме и увидела Чжан-хэ. Она радостно его приветствовала и подробно расспросила, какие новости у нее в семье.

— Когда вернетесь, господин Ши, сразу же напишите им в письме обо всем здесь увиденном, — попросила она.

Тотчас из западного дворца появился Мэн Чан с метлой и совком в руках и тоже расспросил о своей семье. Затем человек с вершины дворца обратился к Чжан-хэ с вопросом:

— Известно, что Вы верите в перевоплощение и спасение, уповаете на совершенствование в вере. А каким образом Вы соблюдали себя?

— Не ел рыбу и мясо, не брал в рот вина, постоянно зачитывал сутры Высокочтимого, спасался от всяческих страданий, — отвечал Чжан-хэ.

— Судя по тому, что передавали, Вы говорите правду, — сказал господин и, прервав беседу с Чжан-хэ, обратился к Хранителю главного списка:

— Проведите дознание по делу господина Ши! Не была ли допущена ошибка?

Хранитель сверил списки и сказал:

— Ему осталось жить тридцать лет.

— Вы желаете вернуться? — спросил господин.

Чжан-хэ ответил, что желает. Господин приказал Хранителю списка снарядить конную повозку и послать с Чжан-хэ двух служек. Чжан-хэ раскланялся, сел в повозку и тронулся в обратный путь. По пути их следования были заблаговременно оповещены постоянные дворы и слуги, приготовлены запасы.

Скоро Чжан-хэ прибыл домой. Его отвратил идущий от тела запах, и он не пожелал соединиться с ним. Он стоял у изголовья, когда младшая сестра сзади подтолкнула его. Чжан-хэ упал ничком на труп и сразу ожил.

Прежде чем уйти в монахи, праведник Чжи Фа-шань услышал рассказ Чжан-хэ. Тогда-то он и утвердился в намерении вступить на Путь. Фа-шань жил во времена правления под девизом Всеобщий мир (326—334).

Отшельник Шань Дао-кай

Шрамана Шань, по прозванию Дао-кай, был неизвестно откуда родом. В его отдельной биографии говорится, что он происходил из Дуньхуана, родом из семьи Мэн. Дао-кай в молодые годы ушел от мира, желая уединиться где-нибудь в пещере на высокой скале. Поэтому он заранее приучил себя обходиться без знаков³. Сначала Дао-кай питался пшеничной мукой, через три года перешел исключительно на сосновую смолу, а через тридцать лет глотал лишь маленькие камушки. Он отказывал себе в вине, сушеных овощах и фруктах. Когда его донимал ледяной ветер, он жевал горный перец. Силы понемногу оставляли его, кожа становилась глянцевой, а поступь невесомой. Горные божества несколько раз испытывали его, но так ничего и не добились. К нему наведывались горные отшельники, но, избегая общества, Дао-кай жевал чеснок, дабы отпугнуть их. Сидя недвижно, предавался он самосозерцанию, дни и ночи напролет не ведая сна.

Дао-кай долгое время обитал в Баохани. Во втором году правления Ши Ху⁴ под девизом Установление преемственности Дао-кай направился в Сипин, прибыл в град Е. Не в

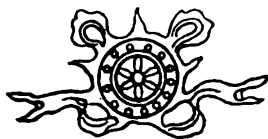

экипаже или в лодке, а пешком он проходил за день более семисот ли. Проходя Наньань, он обратил в веру и произвел в послушники-шраманера мальчика лет тринадцати-четырнадцати. В пути тот еле поспевал за Дао-каем.

По прибытии на место Дао-кай остановился на жительство в буддийском храме Прославления добродетели. Он ходил в груботканом рубище, спина оставалась голой. В помещении монастыря он соорудил шатер высотой в восемь-девять чи, навесил на него шелковый полог и украсил орхидеями. В этом шатре он предавался самосозерцанию. В продолжение семи лет он отказывался от эляков, пользовался разного рода снадобьями с запахом сосновой смолы или лекарственного гриба. Дао-кай превосходно лечил глазные болезни. Он обходил грады и веси, повсюду излечивая простой люд. Высшая знать присылала ему множество даров из близких и далеких мест. Дао-кай принимал эти дары и раздавал бедным, не оставляя себе ни толики.

К концу правления Ши Ху, предвидя последовавшие вскоре распри, Дао-кай с учениками ушел на юг в Сюйчан. В третьем году под девизом правления Устроение порядка (360) Дао-кай пришел сначала в Цзянье, а затем перебрался в Паньюй, горы Лоуфушань. Он ночевал под сенью деревьев в лесной чащобе, обретая радость в одиночестве.

В седьмом месяце того же года Дао-кай умер. Он завещал упокоить тело в лесу, не предав земле, и ученики исполнили его волю. В первом году под девизом правления Обильный мир (363) наместником в Наньхае стал Юань Янь-бо⁵. Вместе со своим сыном Ин-шу он взошел на горы Лоуфушань и почтил прах Дао-кай: они воскурили благовоения и совершили ритуал поклонения.

ДИНАСТИЯ РАННЯЯ ЦИНЬ (351—394)

Гуаньшинь спасает от казни

Сюй И был уроженцем уезда Гаолу. Сюй И с молодых лет чтит Закон. Он служил начальником канцелярии при Фу Цзяне. После гибели Фу Цзяня вспыхнули солдатские бунты. Мятежники схватили Сюй И и приготовились казнить: ноги зарыли в землю, а волосы привязали к дереву. Ночью И принялся молить Гуаньшиня об избавлении, а потом в изнеможении заснул. Во сне ему привиделся человек.

— Твои дела плохи, а ты вздумал спать, — сказал он.

Сюй И тотчас проснулся и увидел, что воины, поставленные сторожить его, уснули. Тогда Сюй И попробовал освободиться. Свободными руками он отвязал волосы и, вытянув ноги из земли, бросился бежать. Пробежав сотню шагов, он спрятался в невысокой траве и тотчас услышал, что за ним гонятся. С факелами в руках плотными рядами долго кружили преследователи в тех зарослях, да так и не нашли И. Наутро мятежники разбрелись кто куда, а Сюй И отыскал прибежище в одном из монастырей города Е. Так он и спасся.

Гуаньшинь вызволяет из беды

Ви Лань был уроженцем уезда Дунпин. С малолетства он чтит Закон. С войском Мужун Чуя ходил Лань в северный поход. Он был окружен варварами, когда от него бежала лошадь. Враги скакали за ним по пятам. Лань стал всем сердцем взывать к Гуаньшиню, и ему удалось скрыться. Он поднялся высоко в горы и сбился с пути. И вновь Лань доверился Гуаньшиню. Ночью он увидел праведника в уставной одежде с посохом в руке. Праведник указал ему тропинку. Ланю удалось выйти на дорогу и благополучно добраться до дому.

ДИНАСТИЯ РАННЯЯ СУН (420—479)

Предсказание шрамана

Шрамана Фа-чэн перед смертью сказал: — Один человек в горах Суншань сообщил мне: «Полководец из Цзяндуна Лю Юй примет мандат Неба». В залог этот человек оставил тридцать два яшмовых кольца и одну золотую монету.

Будущий основатель династии Сун (Лю Юй) узнал об этом и приказал монаху Хуэй-и отправиться в горы Суншань. Тот семь дней и ночей кряду совершал ритуальное хождение, а потом увидел во сне длинноволосого старца, давшего ему указания. Пробудившись ото сна, Хуэй-и уже в точности знал место, где находятся эти вещи. Он раскопал землю и достал их.

Индуc Гунаварман

Гунаварман, что означает «Доблесть и добродетель», сын правителя, был родом из Кашмира. В молодые годы он ушел в монахи, был наречен «Наставник в Трипитаке». В начале правления династии Сун он пришел в Китай, в великом множестве изложил переводы из буддийского собрания. Гунаварман исполнял монашеские установления безупречно и с достоинством: равного ему в том не было. Шрамана Хуэйгуань восхитился его нравом и пригласил на жительство в столицу, в монастырь Джетавана. Все посещавшие Гунавармана не сомневались в том, что он необычный человек, но измерить прелести божественного дара во всей его глубине и таинстве были не в состоянии. Однажды Гунаварман был приглашен в горы Чжуншань, в монастырь Роцца самадхи. Праведники и миряне собрали цветы и положили их монахам на циновки, желая отыскать среди них воистину святого. Цветы, на которых восседали другие монахи, завяли и смялись. И только цветы с циновки Гунавармана оставались

цветущими и свежими, как прежде. Вся столица стала чтить Гунавармана лучше прежнего.

Гунаварман скончался в восемнадцатый день девятого месяца восьмого года под девизом правления Вечная радость (426). Он совсем не болел. Сидел он, как обычно, поджав скрещенные ноги ступнями вверх, запахнув полы халата и сплетя пальцы рук. Так прошла ночь, а он оставался недвижим. Думали, что он погрузился в самосозерцание. Но когда с циновки Гунавармана подняли завещание, в котором говорилось, что он достиг второго плода святости¹, все поняли, что учитель мертв. Ученики стали у праха учителя, всех известили о его кончине, воскурили фимиам. В столицу приехали более двухсот человек. Они ночь напролет твердили сутры, толпой стояли за дверьми кельи и по всей лестнице. Перед сожжением останков в юго-западной стороне неба поднялась облачная дымка, и вдруг появилось некое существо длиной этак с пи (рулон ткани). По сожжению останков всем собравшимся рассказали, что при жизни Гунаварман написал послание в тридцать гатх и вручил ученикам с наставлением: «Отправьте это монахам Индии».

Загробная история Чэнь Ань-цзюня

Чэнь Ань-цзюнь был уроженцем уезда Сяньян. Старший брат его отца смолоду был шаманом: плясал под барабан и совершал жертвоприношения. Лицами божеств и алтарями наполнилось его жилище. Только отец Ань-цзюня верил в закон Шакьямуни, днем и ночью соблюдал обеты. Дядя умер, а сына у него не было. Отец определил ему в наследники Ань-цзюня. Ань-цзюнь жил в доме у дяди, но его помыслы и деяния были чисты. Он раз и навсегда прекратил непристойные жертвоприношения. Вскоре Ань-цзюнь тяжело заболел. Но когда домашние затевали свои «божественные» песнопения, он терял сознание, впадал в беспамятство. Так прошел год. Ань-цзюнь еще крепче утвердился в своих намерениях, дал клятву:

— Если я нарушу заповедь, не исполню завета «не убий», то быть мне в неоплатном долгу. Я скорее отрежу свои конечности и принесу их в жертву!

Родственники увещевали Ань-цзюня, но тот не внял их уговорам. Прошло еще два года. В первом году под девизом правления Вечное начало (420) Ань-цзюнь снова заболел. Дыхание оборвалось, но в сердце еще теплилась жизнь, и родные откладывали похороны. А на седьмую ночь тем, кто присматривал за ним, почудилось, будто ветер прошелся по его ногам и тронул погребальную накидку. И сразу же Ань-цзюнь ожил и подал голос. Родные вначале попадали от страха, а затем разбежались кто куда. Вскоре Ань-цзюнь мог двигаться и наконец попросил есть и пить. Родственники обрадовались и спросили, откуда он пришел. Ань-цзюнь рассказал обо всем, что с ним случилось.

Сразу же появился человек, с виду посланник, в сопровождении нескольких десятков воинов с мечами и приказал увести Ань-цзюня. Сопровождавшие его воины собирались связать Ань-цзюня, но посланник их остановил:

— У этого человека есть заслуги. Не связывайте его!

Они прошли более трех сотен ли и прибыли к прекрасному дворцу. То была городская управа. Посланник провел Ань-цзюня через помещения, похожие на присутственные места. В последнем Ань-цзюню вручили бумагу и кисть.

— Двадцать четыре раза напишите имя, которое Вы носили до смерти, — приказали ему.

Ань-цзюнь, как ему было велено, принялся писать свое имя. Он написал его лишь несколько раз, когда вошел чиновник для поручений и крикнул громовым голосом:

— Ань-цзюнь, войдите!

Когда он вошел, ему объяснили приказ о переводе в следственную тюрьму. Служки заспорили:

— В большие колодки его! — говорил один.

— У этого человека много благодеяний. Ограничимся колодками в три чи, — возражал ему другой. Служки долго препирались, да так ничего не решили. Они принялись смотреть бумаги, долго их изучали и наконец надели на Ань-цзюня колодки в три чи. Потом Ань-цзюнь увидел знатного

и прекрасного собой господина со свитой в несколько десятков человек.

— За что ты попал сюда? — спросил он Ань-цзюня.

Тот подробно и по порядку рассказал свое прошлое, и знатный господин сказал:

— У твоего дяди были преступления. Однако записями подтверждается, что у тебя были кое-какие благодеяния. Поэтому тебе разрешено пока располагать собой по своему усмотрению. Теперь ты сможешь обжаловать решение в суде. Я с детства дружил с твоим отцом и видел тебя еще маленьким. Ты можешь, как когда-то, пойти со мной погулять.

Служки ада не соглашались снять с Ань-цзюня колодки, говоря:

— Мы не имеем на то распоряжения начальства, а самоуправствовать нам не позволено.

— Доверьте его мне. Я не дам ему бежать, — настаивал господин, и тогда служки освободили Ань-цзюня. Вместе со знатным господином Ань-цзюнь обошел многие ады, обозрел разные виды мучений. Эти мучения сходны с теми, о которых было рассказано в предыдущих записях. Они обошли еще не все ады, когда появился глашатай и изрек:

— Начальник управы вызывает к себе Ань-цзюня!

Ань-цзюнь перепугался и умолял знатного господина заступиться за него.

— Ты сам не совершал преступлений. Так что говори все как есть и ни о чем не печалься, — успокоил его господин.

Ань-цзюнь подошел к управе и увидел несколько сотен человек, закованных в кандалы. Он вошел в управу вместе с ними. Ань-цзюнь был третьим по списку. Они подошли к ступеням. Человек в парадной одежде и с короной на голове встал перед узниками и зачитал перечень их преступлений. О первом он говорил, что, вступая в брак, тот поклялся супруге не оставить ее, даже если у них не будет сына. Этот человек был из рода Возливающих вино²; жена его также чтит Дао. Вместе они руководили народом. У него была ученица — девушка из знатной семьи. Он совратил ее, а от жены отказался. Та подала на него жалобу в суд. Начальник управы объявил приговор:

— Ты нарушил клятву великой верности, данную супруге. Однако одно преступление не карается дважды, а один раз ты уже наказан. Учителя чтят наравне с отцом и государем, а ты совратил девушку. Ты нисколько не лучше отца, развратившего сына! Передать его в отдел наложения наказаний!

Вторым зачитали донесение на женщину, фамилию и имя которой Ань-цзюнь запомнил только, что ее семья живет в деревне Хуаншуй, уезда Гуаньцзюнь,

округа Наньян. В семье она управлялась у плиты, и ей благоволил бог домашнего очага Цзао³. Однако женщина любила поспать, а младенец тем временем ползал на четвереньках взад-вперед и гадил в посуду. Женщина просыпалась, принималась молиться богу Цзао, а затем только все мыла и чистила до блеска. Свекор ругал ее бранными словами, говоря, что нет никаких законов Неба и духов умерших, если боги позволяют разводить такую грязь. Начальник Приказа домашнего очага узнал об этом и доставил женщину сюда. Начальник управы сказал:

— Спать сверх меры не есть преступление, а с малого несмышленного дитяти спрос невелик. К тому же она уже просила богов быть к ней милостивой. Здесь нет преступления. А вот свекор, отринувший Путь и возведший хулу на души умерших, должен быть доставлен сюда!

И вскоре привели свекра, связанного красной веревкой.

Настала очередь Ань-цзюня. Стоявший подле ступеней зачитал донесение на его имя, к которому присовокупил обвинения, предъявленные его дяде. Начальник управы изрек:

— Этот человек служил Будде. Он человек великой добродетели. Его дядя губил невинные жертвы, вводил в заблуждение простой люд. Преступления дяди уже были подвергнуты тщательному расследованию, но поскольку у него были кое-какие заслуги, ему не вменялись в вину отягчаю-

щие обстоятельства. Ныне же он еще и возвел напраслину на безвинного!

Начальник приказал немедля схватить и притащить сюда дядю, а Ань-цзюню велел возвращаться:

— Когда вернешься, добром послужи правому делу упорения Закона. Тебе отмерен срок в девяносто три года. Неукоснительно его соблюди! И не смей приходить еще раз раньше времени!

На выходе из управы Ань-цзюня остановил начальник канцелярии:

— Вы, господин, должны быть исключены из списка умерших.

Ань-цзюнь подождал, когда его имя вычеркнут из списка, и собрался пойти на то место, где они расстались со знатным господином. Но господин сам нашел его и сказал:

— Я знал, что так оно и будет. Удостоиться возвращения — прекрасная участь! Неустанно совершенствуй свои добродетели! Мои прошлые заслуги ничтожны, и я не сподобился переродиться на небе. Здесь я помогаю начальнику управы. Я весел, беспечен и богат: живу и радуюсь тому, как прекрасен путь, предначертанный богами! Моя семья живет в Юань: фамилия такая-то, зовут так-то. Когда вернешься, передай им от меня привет. Всемерно чтить Закон и не смей нарушать заповедей Будды! Обо всем, что здесь видел, расскажи другим.

В сопровождении трех служек Ань-цзюнь вышел за ворота. Не прошли они и нескольких шагов, как их догнал нарочный, вручивший Ань-цзюню верительную бирку. При этом он сказал:

— Владейте этой биркой, господин. Покажите ее, когда будете проходить через пограничную заставу. И не пытайтесь проскользнуть незамеченным! Нарушитель наказывается каторжными работами! Если Вам встретится водная преграда, бросьте в нее эту бирку, и Вы сможете ее преодолеть.

Ань-цзюнь принял бирку и тронулся в обратный путь. Шел он долго и пришел к большой реке: переправиться через нее не было никакой возможности. Как было велено, он бросил бирку в реку и... сразу в глазах у него помутилось. Очнулся он в своем доме.

Ань-цзюнь услышал, как рыдает вся его семья. Служки, которые сопровождали Ань-цзюня, требовали, чтобы он немедленно вернулся в свое тело. Ань-цзюнь меж тем отказывался:

— Тело уже оплакивали, и я не могу в него вернуться!

Служки его толкнули, и он упал ничком в ноги трупа.

По выздоровлении Ань-цзюнь захотел свидеться с женщиной из деревни Хуаншуй. Он отправился в уезд Гуань-цзюнь и стал ее там разыскивать. Наконец он нашел ту женщину: они встретились как старые знакомые. Она рассказала, что и после смерти вновь вернулась к жизни, а свекор в тот же день скончался. Все рассказанное ею совпадало с тем, что видел и слышал сам Ань-цзюнь.

Ань-цзюнь принял пять обетов от уроженца Сяньяна наставника Сэн-хао. В последние годы тот жил в Чанша, а был с Ань-цзюнем из одной деревни родом. Этот рассказ Сэн-хао слышал из уст самого Ань-цзюня и его кончину видел своими глазами. Было Ань-цзюню девяносто три года.

Шрамана Сэн-гуй на загробном суде

Шрамана Сэн-гуй был приписан к Монастырю в горах Удань. В одном с ним уезде жил Чжан Юй родом из Цзинчжао. Он часто принимал Сэн-гуя у себя дома и делал ему подношения. В пятый день двенадцатого месяца первого года под девизом правления Вечное начало (421), будучи в полном здравии, Сэн-гуй внезапно скончался в доме Чжан Юя. Через два дня он ожил и рассказал следующее.

Ночью в пятую стражу⁴ Сэн-гуй услышал на улице у ворот какой-то шум. Вошли пятеро с факелами и хоругвями и стали орать на Сэн-гуя. Сэн-гуй лежал, оцепенев от страха, а они связали его красной веревкой и увели прочь. Они пришли к горе, вокруг которой ни травинки, ни дерева и лишь земля черным-черна. Была та гора из породы твердой, как железо, а по обеим сторонам от нее — груды белых костей. Еще через несколько десятков ли они подошли к развилке трех дорог и увидели человека очень большого, закованного в латы и вооруженного. Тот спросил конвоиров Сэн-гуя:

— Скольких вы привели?

— Только одного, — ответили конвоиры и повели Сэн-гуя по одной из дорог. Они пришли к окраине города: несколько десятков строений, пришедших в ветхость. Перед одним из домов был установлен столб высотой более десяти чжанов, а на нем железная перекладина наподобие колодезного журавля с наполненными землей ящиками по обеим сторонам. Мера земли в ящиках была различна: от десяти ху до пяти шэнов. Появился человек в красной одежде и тюрбане и сказал Сэн-гую:

— Какие преступления и благодеяния были в твоей предшествующей жизни? Говори мне всю правду и без утайки!

Сэн-гуй так перепугался, что не мог вымолвить ни слова. Человек в красной одежде, видно, был здесь главным начальником:

— Откройте приходно-расходную книгу его преступлений и благодеяний, — приказал он, и тотчас служка подошел к высокому столбу, взял ящик с землей и навесил на железное коромысло. Наблюдая за колебаниями коромысла, служка говорил Сэн-гую:

— Это весы, устанавливающие меру преступлений и благодеяний. У Вас благодеяний мало, а преступлений много. Придется Вам прежде принять кару.

Вдруг появился важный господин в парадной одежде.

— Ты ведь шрамана, а почему не молишься Будде? Я слышал, что покаявшийся в грехах минует напасти, — обратился он к Сэн-гую. Сэн-гуй принялся от всего сердца звать к Будде, а человек в парадном облачении приказал служке:

— Для этого человека произведите повторное взвешивание. Он ученик Будды, и ему, быть может, удастся спастись.

Служка вновь взвесил сундук. На этот раз весы стали ровно. Сэн-гуя тотчас повели к чиновнику-цензору на следствие. Цензор с кистью в руке просмотрел книгу записей, пришел в недоумение и долго не отпускал Сэн-гуя. Пришел еще один чиновник в ярко-красной одежде и черном головном уборе: на нем был пояс с печатью на шнурке, а в руках яшмовая резная дощечка. Он доложил цензору:

— Имени этого человека нет в списках умерших.

Цензор растерялся и приказал своим приближенным выйти вон. Привели пятерых связанных конвоиров Сэн-гуя, и цензор принялся бить их кнутом, приговаривая:

— Духи-убийцы! Почему, не разобравшись, вы привели сюда этого человека!

Появился посыльный и известил:

— Небесный Император призывает праведника к себе!

Сэн-гуй прибыл в Небесный дворец. Все, что предстало его взору по пути сюда, блистало золотом и драгоценностями, да так ярко, что слепило глаза. Приближенные императора были в красных одеждах и в головных уборах, украшенных драгоценными камнями, все в цветах и жемчуге. Император обратился к Сэн-гую со словами:

— Отчего же ты вопреки долгу позволил ничтожным духам вот так запросто схватить тебя?!

Сэн-гуй бил челом всем буддам, взывал к их милосердию, просил о помощи, а император продолжил:

— Срок твоей жизни еще не истек. Ныне ты должен вернуться к жизни. Непрестанно радей и всецело совершенствуйся в вере! И не смей часто бывать в домах мирян! Духи-убийцы хватают людей, кого ни попадя. Так случилось и с тобой.

— Каким же образом мне избежать этой участи и не быть схваченным? — встревожился Сэн-гуй.

— Повсеместно твори благие дела. Это самое лучшее! Если же не располагаешь средствами, то блюди восемь заповедей! Тогда при жизни не причинишь никому непредвиденного зла, а по смерти избежишь ада. Так с тобой будет в следующий раз, — заключил император и велел Сэн-гую отправляться в обратный путь.

На обратном пути в небольшом отдалении от дворца Сэн-гуй увидел обитель, а в ней множество шрамана. Там были закононаставник Чжу-бо из монастыря в горах Уданы, его ученик Хуэй-цзинь и другие. Они жили в помещении просторном и ухоженном: у них было все, чего ни пожелаешь. Сэн-гуй просил позволения жить с ними, один шрамана ответил ему так:

— Это Земля счастья. Вам, господин, досталась иная земля.

Провожатые вернули Сэн-гуя в дом Чжан Юя и удалились.

Бычьеголовый эпан забирает нечестивого в ад

Хэ Тянь-чжи, уроженец округа Дунхай, был начальником налогового ведомства. Он не веровал в Закон, провозглашенный в сутрах, свершил много злодеяний. В годы под девизом правления Вечное начало (420—422) он заболел и увидел черта. Черт был большой, с бычьей головой и человеческим телом, в руках у него были железные вилы. Он сторожил Тянь-чжи днем и ночью. Тянь-чжи был в отчаянии. Он велел даосам изготовить письма-амулеты и печати с заклинаниями, надеясь отвести от себя напасть. Однако все осталось по-прежнему. У Тянь-чжи был знакомый шрамана Хуэй-и. Шрамана прослышал о том, что Тянь-чжи нездоров, и пришел его навестить. Тянь-чжи поведал ему о своих видениях, и Хуэй-и сказал на это так:

— Это бычьеголовый эпан⁵. Он не отличает преступлений от благодеяний, а только забирает людей в ад. Вы, сударь, можете обратить свои устремления к Закону, и этот черт сам по себе исчезнет.

Но Тянь-чжи упорствовал в своем невежестве и очень скоро умер.

Призрак шрамана, любившего поесть мяса

Шрамана Чжу Хуэй-чи, уроженец Синье, состоял монахом при Четырехъярусном монастыре в Цзянлине. На втором году под девизом правления Вечное начало (421) Хуэй-чи скончался. Ученики Хуэй-чи собрались на семидневное поминовение⁶. На закате дня, когда завершалось воскурение благовоний, шрамана Дао-сянь пришел повидаться с учениками Хуэй-чи. Подойдя к зале, он увидел едва

различимый человеческий силуэт. Вглядевшись, он обнаружил, что это сам Хуэй-чи. Его облик и одеяние были такими же, как при жизни.

— А вкусное ли мясо Вы ели сегодня утром? — спросил Хуэй-чи у Дао-сяня.

— Вкусное, — отвечал Дао-сянь.

— И я ел мясо при жизни, — молвил Хуэй-чи. — А ныне мой удел — обличье голодного пса в аду.

Дао-сянь растерялся и не знал, что ответить, а Хуэй-чи, повернувшись к нему спиной, молвил:

— Посмотри, если не веришь!

Перед Дао-сянем была собака рыжей масти трех оттенков: то ли пес, то ли осел. Красные глаза пса ярким светом озарили помещение монастыря, а вид был такой, будто он вот-вот укусит Дао-сяня. Тот оторопел от страха и лишился чувств. По прошествии долгого времени он очнулся и рассказал о происшедшем.

Мальчик по имени Аранья

Ван Лянь, по прозванию Сюань-мин, был уроженцем округа Ланье, занимал пост при дворе династии Сун. Его отец Ван Минь, по прозванию Ли-янь, был начальником канцелярии при династии Цзинь. Отец водил знакомство с индусом-шрамана. Тот поражался изысканной внешности Миня, благоговел перед ним. Он говаривал своим ученикам:

— Если в ближайшем перерождении я удостоюсь быть сыном этого человека, считайте, что мое последнее желание исполнено.

Минь узнал об этом и усмехнулся:

— Подобаает ли закононаставнику с такими талантами и заслугами быть сыном своего ученика?

Вскоре шрамана заболел и умер. А по прошествии года родился Лянь. Он стал понимать чужеземную речь, как только заговорил, знал названия диковинных драгоценностей, привезенных из дальних стран, серебряной утвари, жемчуга, раковин, прежде им не виденных; знал он, откуда они доставлены. Еще в нем от природы была заложена родственная

любовь ко всем индусам и вера в их превосходство над кита́йцами. Люди поговаривали, что он был шрамана в предыдущем перерождении. Потому-то отец и дал ему имя Алянъ (Аранья), которое он впоследствии прославил.

Гуаньшиинь дарует сына

Сунь Дао-дэ, уроженец области Ичжоу, поклонялся Дао, был Возливающим вино. Ему уже минуло пятьдесят, а мужского потомства у него не было. Дао-дэ проживал неподалеку от монашеской обители. В годы под девизом правления Великое благоденствие (423—424) шрамана поведали ему:

— Чтобы иметь сына, Вы должны с полнейшей преданностью исполнять ритуал прочтения сутры «Гуаньшиинь цзин». Тогда Ваши надежды свершатся!

Выполняя их завет, Дао-дэ не служил отныне Дао, а с чистым сердцем обратился в истинную веру, доверился Гуаньшииню. Очень скоро ему было явлено во сне видение, что жена забеременела. А потом у нее родился мальчик.

Вера и благочестие продлевают жизнь

Ци Сэн-цинъ родился в Цзянлине, в семье, почитавшей Закон. Когда Сэн-циню было десять лет с небольшим, один знаток-физиогномист увидел его и сказал:

— Жить ему осталось от трех до шести лет.

Отец, мать и братья Сэн-циня опечалились, а сам он умножил рвение: строже исполнял обеты и соблюдал себя в чистоте. В годы правления под девизом Великое благоденствие семнадцатилетнего Сэн-циня поразил тяжелейший недуг. Родные стали неукоснительно соблюдать посты, а также, домогаясь милостей, прибегли к недозволенным жертвоприношениям. Объявилась шаманка и сказала им так:

— Жизненная сила этого юноши внезапно окрепла. И злые духи гор, рек и прочие здесь ни при чем. У юноши есть

свои добрые божества, оберегающие его. Однако болезнь была долгая, и его жизни положен скорый предел. Я с малых лет служу небесным божествам и хорошо знаю их предначертания. Ради вас попробую разузнать у них о юноше.

Семь дней и семь ночей шаманка совершала в поле подношения вином и сушеным мясом, сжигала бумажные деньги, а потом молвила:

— Мне было явлено видение. Я лицезрела всех добрых божеств и молила их о юноше. Его жизнь будет увеличена на два срока! Болезнь непременно отступит. Ни о чем не печальтесь!

Сэн-цинь скоро выздоровел и приумножил свое религиозное рвение. А через двадцать четыре года он скончался. Таким образом, срок, о котором говорила шаманка, равнялся двенадцати годам.

Лотосовый пруд в Стране Амиабхи

Вэй Ши-цзы, уроженец округа Лянцзюнь, чтит Закон и совершенствовался в вере. Дети шли по стопам отца, и лишь жена блуждала в потемках: не верила в учение Шакьямуни. В первые годы под девизом правления Великая радость (424—453) заболела и умерла четырнадцатилетняя дочь Ши-цзы. Через семь дней она ожила и велела установить высокий трон и возложить на него «Амиабха-сутру»⁷. Ши-цзы все в точности исполнил. Дочь соблюдала прежде обеты, совершала ритуал поклонения Будде, однако «Амиабха-сутры» никогда не видела. Теперь же она воссела на трон и принялась голосом чистым и без запинки вращать сутру. Закончив чтение, она сошла с трона и обратилась к отцу:

дочь Ши-цзы. Через семь дней она ожила и велела установить высокий трон и возложить на него «Амиабха-сутру»⁷. Ши-цзы все в точности исполнил. Дочь соблюдала прежде обеты, совершала ритуал поклонения Будде, однако «Амиабха-сутры» никогда не видела. Теперь же она воссела на трон и принялась голосом

чистым и без запинки вращать сутру. Закончив чтение, она сошла с трона и обратилась к отцу:

— По смерти я направляюсь в страну Амитабхи⁸. Там мы трое и встретимся: Вы, бабушка, мой старший брат и я. Там на середине пруда растут большие цветы лотоса. Впоследствии мы переродимся среди них. И только матушки не будет с нами. Не в силах перенести этого горя, я вернулась уведомить Вас об этом.

Сказала она так и вновь отошла. А мать отныне стала исповедовать учение Будды.

Гуаньшинь приходит на зов пленницы

Чжан Син, уроженец округа Синьсин, истово верил в закон Будды. Он был в услужении у шрамана Сэн-юна и Тань-и, принял от них восемь обетов. Однажды Син был схвачен мятежниками, но бежал. Его жену бросили в уездную тюрьму, били и пытали много дней подряд. В тюрьме вспыхнул пожар, и узников отвели на безопасное место у края дороги. Случилось так, что в это время по дороге шли Сэн-юн и Тань-и. Когда они проходили мимо, жена Сина увидела их и взмолилась:

— Ачарья⁹! Прошу вас, спасите меня!

— Мы, нищие праведники, так немощны. Как же мы спасем Вас?! Вам остается уповать на Гуаньшиня, и он принесет Вам избавление, — отвечал Сэн-юн.

Женщина в ту же ночь приступила к молитвам: молилась десять дней и десять ночей. А потом она увидела во сне: какой-то шрамана толкает ее ногой и приговаривает:

— Эй, эй! Поднимайся!

Женщина проснулась и встала. Замки на шейных колодках и наручниках сей же миг открылись, и она бросилась к воротам. Но ворота были закрыты и охранялись стражниками. Из тюрьмы было не выбраться. Опасаясь, что кто-нибудь проснется, женщина вновь надела колодки. Вскоре она опять заснула и увидела во сне того же шрамана.

— Ворота уже открыты! — подсказал он ей.

Женщина проснулась и бросилась к воротам. Охранники спали беспробудным сном. Осторожно ступая, женщина прошла мимо них. Ночь была темным-темна. Женщина про-

шла несколько ли и вдруг столкнулась с каким-то человеком. Она с перепугу рухнула на землю. Человек заговорил с ней, и она узнала голос мужа. Супруги обнялись и разрыдались от счастья. Той же ночью они пришли к монаху Тань-и и попросили у него прибежища. Тань-и спрятал их у себя. Так им удалось спастись. Было это в начале годов под девизом правления Великая радость (424—453).

Гуаньшинь спасает путников от напасти

Шраманера Таньуцзе из города Хуанлун читал наизусть сутру «Гуаньшинь цзин», был целомудрен, предавался строгому воздержанию. В годы под девизом правления Великая радость (424—453) Таньуцзе и пятьдесят два его сподвижника¹⁰ отправились в страну Будды. Путь их лежал через пустынные гиблые места, но странники были непреклонны в достижении своей цели. В Индии, на подходе к Шравести¹¹, они натолкнулись на стадо диких слонов. Таньуцзе стал зачитывать сутру, что была при нем, звать по имени бодхисаттву Гуаньшиня, вверял ему свою судьбу. И вдруг из лесу вышел лев, и слоны в страхе разбежались. В другой раз в поле странникам преградило путь стадо диких буйволов. Они с ревом неслись навстречу на погибель людям. Таньуцзе, как и прежде, вверил свою судьбу Гуаньшиню. Налетел большой ястреб. Буйволы в страхе разбежались, а люди были спасены.

Будда карает святотатца

Тан Вэнь-бо был уроженцем уезда Ганьюй, что в округе Дунхай. Его младший брат любил азартные игры и промотал все семейное состояние. В их деревне был монастырь. Кто ни пройдет мимо монастыря, непременно оставит монетку Будде. Брат не однажды крал эти монетки. Так продолжалось долгое время, а потом он заболел проказой. Гадатель сказал на это:

— Верните те деньги, что Вы украли у Будды!

Вэнь-бо пришел в ярость и воскликнул:

— Если Будда воистину божество, то мои дети вернут ему все сполна! А я попробую еще раз его ограбить. Посмотрим, сможет ли он насладиться болезнью на меня?!

Незадолго до того жена начальника уезда Хэ Синь-чжи поднесла в дар монастырю четыре куска ткани для драгоценного полога. Вэнь-бо украл эту ткань и сделал себе из нее пояс. Не прошло и ста дней, как его охватил злой недуг. У него на теле как раз на том месте, где он носил пояс, стали открываться язвы. Было это в первые годы правления под девизом Великая радость (424—453).

Видения шрамана Дао-цзюна

Шрамана Ши Дао-цзюн был уроженцем уезда Хаочжи, что в округе Фуфэн, происходил из рода Ма. Он предавался ученым занятиям, его устремления были чистыми и возвышенными; он прославился еще в юные годы.

В девятом месяце второго года под девизом правления Великая радость (425) в Лояне собрались сорок праведников и мирян для отправления поста Вишвабхадры¹². На седьмой день поста внезапно появился человек в платье для верховой езды и штанах верхом на лошади. Он подъехал к зале для проповеди, слез с лошади и совершил ритуал поклонения Будде. Дао-цзюн говорил с ним как с обычным человеком, не почтил ритуалом. Тот вскочил на лошадь, взмахнул плетью... и на том месте, где он только что был, воссияло красное зарево, да так, что обагрилось все небо. Долго сияло зарево, прежде чем погаснуть.

В двенадцатом месяце третьего года под девизом правления Великая радость Дао-цзюн в другой раз отправлял пост Вишвабхадры. Близилось завершение поста, когда появились двое шрамана в обычном монашеском одеянии и исполнили ритуал поклонения Будде. Все, кто был там, подумали, что это обыкновенные монахи, и поинтересовались только, где они проживают.

— Неподалеку от деревни, — ответили шрамана.

Был тогда в толпе некий Чжан Дао. Он почувствовал в монахах что-то необычное, кланялся им с особым почтением. Шрамана вышли на улицу. Не прошли они и двух десятков шагов, как подул ветер и пыль столбом поднялась в небо. Бросились смотреть, где монахи, но тех и след простыл.

В седьмом году Дао-цзюн с сотоварищами отправился в столицу. В тот год начальник цензора Хэ Шан-чжи соорудил Южный монастырь у горного ручья. Дао-цзюн остановился в нем. Ночью вдруг появились четверо, ехавшие на новой повозке; другие четверо следовали за ними пешком. Глашатаи вошли в обитель и приказали Дао-цзюну собираться в путь. Дао-цзюн испугался их ночному приходу. У него были сомнения, но он не посмел возражать. Он лишь закрыл глаза, и в то же мгновение непонятно как очутился на повозке. Вскоре они оставили позади здание управы, а затем миновали мост, нависающий над пропастью. Дао-цзюн увидел знатного господина в тюрбане и одежде простого покроя, расшитой письменами. Господин восседал на ложе под балдахином, напоминающим покрывало из цветов. Его свита исчислялась несколькими сотнями человек; все были в желтом одеянии. Они увидели Дао-цзюна и удивились:

— Праведник, идущий по пути мудрости-праджня! Твоя отточенная мысль проникает в далекие пределы. А тебе все еще невдомек, где ты находишься! Зачем ты пришел сюда?!

Дао-цзюна с провожатыми отправили обратно. Они подошли к воротам обители, и провожатые исчезли. Ворота, как и прежде, были на запоре. Дао-цзюн долго стучался и кричал во весь голос. Монахи в обители переполошились и впустили его только после долгих расспросов. Осмотрели двери в келье Дао-цзюна: они были наглухо закрыты.

Даос Ли Дань, повидавший ада

Ли Дань, по прозванию Ши-цзэ, был уроженцем округа Гуанлин. Безупречная сыновняя почтительность Ли Дая была общеизвестна: его имя было в большой чести в деревне. В четырнадцатый день первого месяца третьего года под девизом правления Великая радость (426) он вдруг за-

боле и скончался. Но тело еще не остыло, а через семь дней он ожил: глотнул рисового отвара, проспал ночь и пришел в себя.

Он рассказал, что посыльный с именным верительным стягом подошел к изголовью и известил его:

— Мой господин требует Вас к себе!

Дань сейчас же пошел вслед за ним. Они направились прямо на север, шли по очень гладкой и чистой дороге и наконец прибыли в город с дворцами такими высокими и величественными, как дворец правящего ныне императора. Перед тем как расстаться с Данем, провожатый преподал ему Учение, поблагодарил за труды и пригласил войти. Дань вошел в большое присутствие и увидел там три десятка сидящих в ряд мужей в легкой одежде и черных тюрбанах. С восточной стороны, облокотясь о столик, сидел господин в халате, а по сторонам от него стояли более сотни телохранителей. Господин взглянул на Дая и обратился к заседавшим:

— Пусть ему покажут ад. В миру должны знать об этом!

Внимая его словам, Дань поднял голову и огляделся. Все виденное им дотеле исчезло и превратилось в земной ад. Взору Дая предстали толпы грешников; они принимали воздаяние за грехи, стонали и мучались так, что вынести это зрелище не было мочи. Затем появился глашатай и известил:

— Мой господин верит в Вас и разрешает вернуться! Мы с Вами непременно еще раз встретимся.

Только он это сказал, как Дань вернулся к жизни.

По пришествии первого месяца шестого года Дань снова умер. Через семь дней он ожил и рассказал обо всем, что с ним произошло. А произошло с ним приблизительно то же, что и в прошлый раз, да еще там были узники ада, поручившие Даню передать родным, чтобы они творили благие дела ради тех, кто при жизни совершал преступления. Они назвали свои имена и прозвания, имена своих родных, знакомых и односельчан. По их описаниям Даню удалось всех разыскать. Он поведал им также:

— В год под циклическим знаком цзя-шэнь (444) будет свирепствовать проказа. Погибнут все порочные люди. Последователи Будды! Соблюдайте восемь обетов и вершите добрые дела! Так вы обретете спасение!

Дань принадлежал к даосскому роду, происходил из семьи Возливающих вино, однако и прежде желал расстаться с талисманами-реестрами¹³ и отстраниться от руководства даосским людом. После второго происшествия он обратился в буддийскую веру и принял восемь обетов.

Предсмертное слово Чжан Сянь-чжи

В один из дней четвертого года под девизом правления Великая радость (427) помощник первого министра Чжан Сянь-чжи в составе императорской свиты совершил выезд к родовым погребениям правящей династии. Вечером по возвращении в столицу Сянь-чжи вдруг скончался. Его предсмертные слова были такими:

— Срок моей жизни истек давно. Мне надлежало покинуть сей мир многим раньше. К счастью, в последние годы я проникся верой в закон Будды. Благодаря милосердным поступкам и благим делам, составившим мои религиозные заслуги, кончина была отсрочена на несколько лет. Ибо воздаяние, будь оно скрытым или явным, преследует вас, как тень или эхо! Отриньте же суетные устремления и приникните сердцем к Великому закону!

Наизнатнейшие особы были при этом и слышали предсмертное слово Сянь-чжи.

Возмездие настигает святотатцев

Чжоу Цзун был уроженцем уезда Фэйжу, что в округе Гуанлин. В седьмом году под девизом правления Великая радость (430) он отправился в северный поход с армией под началом Ли Янь-чжи. Государево войско было разбито. С шестью своими земляками Цзун спасался бегством. К северу от Пэнчэна они набрели на монастырь, в котором не оказалось ни монахов, ни послушников. Только посредине стояла статуя Будды, изготовленная из хрусталя. Недолго думая, они забрали ее с собой и в деревне поменяли на еду. Среди них был один, кто более всех страдал от голода. Однако он отказался от своей доли. Вскоре все они возврати-

лись домой. А через три-четыре года Цзун и другие пятеро вслед друг за другом заболели проказой и умерли. Спасся только тот, кто не взял свою долю.

Умерший отец приходит за помощью

Го Цюань, по прозвищу Чжун-хэн, был уроженцем уезда Шуньян. При династии Цзинь он был наместником области Ичжоу, а в первые годы под девизом Всеобщее великолепие (405—418) был казнен за участие в заговоре Хуань Сюаня¹⁴. По прошествии почти тридцати лет, в восьмом году правления династии Сун под девизом Великая радость (432), Цюань неожиданно объявился в экипаже и с многочисленной стражей в доме зятя Лю Нин-чжи из Наньяна.

— Во искупление грехов я должен принять собрание сорока монахов и тогда обрету избавление, — молвил Цюань и исчез.

Нин-чжи посчитал, что с ним говорил злой дух, и не придавал его словам значения. На следующую ночь Цюань явился во сне дочери и сказал:

— Мне будет вынесен приговор. Я уже оповестил твоего мужа о том, чтобы он устроил монашеское собрание. Почему же вы так и не сжалились надо мной?!

Утром дочь поднялась и увидела отца, который, выходя за дверь, бросил в гнев:

— Вы так и не сообразовали прийти мне на помощь. А сегодня меня покарают.

Женщина запричитала, бросилась отцу в ноги, умоляя его не уходить. Она спросила, где устроить трапезу.

— В моем жилище, — ответил отец и исчез.

Нин-чжи спешно изыскал средства на то, чтобы принять монахов.

По окончании монашеской трапезы появился человек, посланный Цюанем с вестью для Нин-чжи.

— Тесть преисполнен благодарности за Вашу щедрость и доброту. В его деле появились смягчающие обстоятельства, — передал человек и удалился. Видения с того времени прекратились.

Голодный дух в доме Сыма

Сыма Вэнь-сюань, уроженец округа Хэнэй, истово верил в закон Будды. В девятом году под девизом правления Великая радость (433), когда семья была в трауре по покойной матушке, скончался младший брат Вэнь-сюаня. Через пятнадцать дней у таблички с именем покойного Вэнь-сюань увидел своего брата таким же, каким он был при жизни. Тот извивался в корчах и издавал стоны, слезно моля накормить его. Вэнь-сюань дал ему поесть, но при этом спросил:

— При жизни ты осуществлял десять добродетелей¹⁵. Согласно сутрам ты должен был обрести рождение на небе или на стезе людей. Отчего же ты родился среди демонов?!

Задумавшись, тот согласно кивал головой, но так ничего и не ответил. Ночью во сне Вэнь-сюань вновь увидел своего брата. Тот молвил:

— Я при жизни осуществлял десять добродетелей и удостоился переродиться на небесах. Тот демон, что появился утром у алтаря, — это голодный дух-скиталец, а не я сам. Опасаясь, как бы Вам не впасть в заблуждение, я пришел Вас вразумить.

Наутро Вэнь-сюань позвал монахов вращать «Шурам-гама-сутру» и приказал слугам схватить и связать голодного духа. Тогда дух скрылся под алтарем, а затем выскочил в дверь. При этом вид его был отвратителен. Все семейство страшно перепугалось, принялось криками отгонять его прочь. А дух все повторял:

— Я голоден и хочу есть.

Прошло много дней, прежде чем он исчез.

Вскоре на ложе покойной матушки появился еще один дух: весь ярко-красный и телом велик. Старший из сыновей Вэнь-сюаня, по имени Лао-цзу, перемолвился с ним. Они поговорили о том о сем, близко познакомились. Поначалу семья побаивалась духа, но в конце концов успокоилась и стала к нему привыкать. Глядя на них и тот понемногу освоился. Он жил у них, уходил и приходил, как к себе домой. По столице тем временем пошла слухи, и в дом стали навещаться любопытные: и на улице, и у ворот — везде были

следы их ног. Монахи Монастыря в Южной роше и Монастыря божественного аромата, а также шрамана Сэн-хань очень мило беседовали с духом. Тот сказал им так:

— В прошлом перерождении я стал знатен и богат, совершив при этом многие преступления. Я принял воздаяние еще не сполна и пребываю в обличье вот этого духа! В году под циклическим знаком бин-инь (427) большое нашествие проказы, обойдя стороной праведников, поразило тех духов четырехсот разрядов, кому надлежало исчерпать свою меру несчастий. Преступников воистину великое множество, но ведь и благодетелей, радеющих за них, тоже немало. Потому и послан я сюда для надзора.

Монахи поднесли духу еду, но тот отказался:

— У меня есть собственные запасы. К этой пище мне нельзя притрагиваться.

Сэн-хань спросил духа:

— А знаете ли Вы о том, из кого я переродился и как мне стать праведником?

— Вы переродились из людей, ушли в монахи, и Вам предначертано судьбой исполнять монашеские обеты, — отвечал дух.

Монахи расспросили духа обо всем, что их интересовало: что такое жизнь и не-жизнь, рождение и смерть. Тот на все дал им ответ, приведя в доказательство события в мире ином. Доводы следовали один за другим и в таком изобилии, что привести их здесь не представляется возможным.

Сэн-хань спросил духа:

— Стезя людей и духов различна. Ведь Вы не просите еды. Так что же Вас здесь удерживает?

Дух отвечал:

— Здесь есть одна девочка. Ее полагалось бы забрать в мир иной. Однако она в точности исполняет буддийские обеты и потому мне трудно ее заполучить. Так день за днем и затягивается мое пребывание здесь. Однако же я смущаю вас своим видом и в том немало повинен.

Сей же миг дух стал почти не виден. Те, кто приходили посмотреть на него, могли только слышать и говорить с ним.

В двадцать восьмой день третьего месяца десятого года под девизом правления Великая радость (434) дух обратился к Вэнь-сюаню:

— Я остановился у вас ненадолго, но вся ваша семья оказывала мне такие благодеяния, что я задержался у вас.

Лао-цзу на это возразил:

— Пусть бы ты жил у нас, но зачем отбирать подношения, предназначенные усопшим?!

— Каждый из умерших в вашей семье получил то, что ему причитается. Эти алтари вы установили зря. Я потому и предпочел поселиться у вас, — сказал дух, попрощался и ушел.

Упования на Чистую землю

Шрамана Тань-юань был уроженцем уезда Луцзян. Его отец Вань-шоу служил помощником цензора и личного секретаря императора. Тань-юань истово чтит Закон и принял обеты бодхисаттвы¹⁶. В девятом году под девизом правления Великая радость (433), когда Тань-юаню было восемнадцать лет, скончался его отец. Тань-юань занемог от горя, стал как неживой. Он стонал и бился в отчаянии, но, уповав на Чистую землю¹⁷, молил о ниспослании знамения. В числе нескольких монахов, приглашенных Тань-юанем, был и наставник Сэн-хань. Тань-юань каялся перед ним за грехи в предшествующих перерождениях: он опасался, что отягощенная карма воспрепятствует его мольбам. Сэн-хань его всячески приободрял, убеждая не оставлять усилий. В шестнадцатую ночь второго месяца десятого года под девизом правления Великая радость монахи закончили вращать сутру и заснули. В четвертую стражу вдруг раздался голос Тань-юаня, славословившего нараспев. Сэн-хань очнулся и спросил Тань-юаня, что случилось. Тот воскликнул:

— Я вижу Будду! Он весь из золота! Обличья и роста он такого же, какой бывает у статуи на повозке! Вокруг него на чжан и более разливается золотое зарево! Приверженцы Будды с хоругвями и цветами в руках заполнили все вокруг. Зрелище такой дивной красоты и великолепия, что нет слов выразить это!

Тань-юань находился в западной галерее. Будда явился ему с запада, и сам он стоял в ожидании, обратясь на запад

и взывая. Еще днем Тань-юань был совсем слаб и не проявлял признаков жизни, а теперь воспрял духом. Он поднялся и омыл руки. Сэн-хань вложил ему в ладони благовония. К тому же он нарвал в саду цветы и осыпал ими статую Будды. Матушка обратилась к Тань-юаню со словами:

— Ты теперь как будто не с нами. Вспомнишь ли ты обо мне?!

Тань-юань ничего не ответил. Он вдруг рухнул на пол и уснул. Семья давно уверовала, а теперь, лицезря чудо, вся прониклась радостным благоговением, легче перенесла несчастье. В пятую стражу Тань-юань скончался. В помещении несколько дней витал чудный аромат.

Тяжкое возмездие

В хикшуни (монахиня) Ши Чжи-тун состояла при столичной Обители смиренной чистоты. Она была молода и привлекательна, веровала неискренне. В девятом году под девизом правления Великая радость (433) умер ее наставник, и она отступила от праведного пути: вышла замуж за Лянь Цюнь-пу из округа Вэйцзюнь. Чжи-тун родила мальчика. Мальчику было семь лет, а семье по бедности не из чего было сшить ему платье. В бытность монахиней Чжи-тун имела несколько шелковых свитков «Амитабха-сутры» и «Сутры цветка Закона». Из этих свитков она сшила сыну платье. Прошел год, и Чжи-тун заболела. Ее бил озноб и сводило судорогой. Тело покрылось язвами, какие бывают при ожогах, да еще с мельчайшими белыми червячками. День за днем болезнь сжигала ее, а муки становились все нестерпимее. Чжи-тун стонала день и ночь. И тогда, неизвестно откуда, прозвучали слова:

— Ты извела сутры на платье! Так прими же сие тяжкое воздаяние!

И тут же Чжи-тун скончалась.

Сестры из рода Мин уходят в монахини

Ж или две девочки из рода Мин — уроженки уезда Цзэнчэн, что в округе Дунгуан. Они были младшими сестрами Ши-цзу¹⁸. В девятом году под девизом правления Великая радость (433) одной из сестер было десять лет, а другой — девять. В тех местах обитал темный и невежественный народ юэ¹⁹, не ведавший о Законе сутр.

В восьмой день второго месяца обе девочки вдруг пропали. Появились они через три дня и сказали только, что видели Будду.

В пятнадцатый день девятого месяца сестры вновь исчезли, а через десять дней вновь объявились. Теперь они знали иноземные языки, декламировали сутры и другие индийские сочинения. Появится шрамана из западных краев, и они принимаются толковать с ним о Законе.

В пятнадцатый день первого месяца следующего года сестры исчезли вновь. Люди, работавшие в поле, рассказали, что видели, как они по ветру возносятся на небо. Родители перепугались и в надежде на счастливый исход принялись приносить жертвы богам. Девочки вернулись по прошествии месяца с обритыми как у монахинь головами и в уставной одежде. Остриженные волосы они поднесли родителям и рассказали им, что видели Будду в окружении бхикшуни. Будда сказал им так:

— Согласно вашим предшествующим перерождениям ныне вы должны стать моими ученицами.

Он прикоснулся дланью к их головам, и волосы тотчас пали наземь. Сестер нарекли уставными именами: старшую стали звать Фа-юань, а младшую — Фа-цай, а на прощание напутствовали:

— Соорудите чистую обитель, и тогда вам будет дарован Закон сутр!

Вернувшись домой, сестры разрушили бесовские алтари, а на их месте возвели монашескую хижину. Во мраке ночи они декламировали в той обители сутры, и к горной вершине, подобно пламени светильника, поднималось сияние пяти цветов.

Изысканностью манер и правильностью речи сестры были отныне под стать столичным жителям. Наместники Вэй Лан и Кун Мо приходили к ним с подношениями и, внимая их речам, проникались почтением. Тогда в окрестных деревнях поняли, что такое поклоняться Закону.

Вещий сон узника

Юй Цю, по прозванию Шу-да, был уроженцем округа Тай-юань, служил начальником округа Фулин. В девят-

том году под девизом правления Великая радость (433) округ был захвачен разбойниками. Цю заточили в тюрьму: связали цепью, накрепко заковали в кандалы. Он и прежде устремлял свои помыслы к Закону, а теперь стал уповать на него с полным тщанием. В тюрьме было более сотни узников; многие из них голодали. Всю свою еду Цю отдавал им, сам же, изо дня в день соблюдая пост, истово взывал к Гуаньшииню. Однажды ночью ему приснилось, что он поднялся на возвышение и шрамана вручил ему свиток, озаглавленный так: «Лучезарное и путеводное творение с именами всех бодхисаттв». Цю развернул свиток и принялся читать. Имя первого бодхисаттвы выпало у него из памяти, вторым был Гуаньшиинь, третьим — Махасатхама²⁰. Еще Цю увидел колесо, про которое шрамана сказал ему:

— Это колесо пяти стезей-гати²¹ сущего.

Когда Цю проснулся, цепи уже лежали на земле. Цю убедился, что божественная сила снизошла и пребудет с ним. Он тотчас приковал себя вновь. А через три дня Цю был отпущен на свободу.

Нечестивый даос и его сообщники получают по заслугам

Лю Ли, о происхождении которого ничего не известно, проживал в деревне Лучэнцунь, что на востоке округа Цзиньлин. Он весьма почитал Закон: в своем доме отвел помещение под чистую обитель и устраивал в нем монашеские трапезы. В двадцать седьмой день третьего месяца девятого года под девизом правления Великая радость (433) его отец вдруг занемог и умер. Шаман предсказал, что в семье умрут еще трое. По соседству с Ли жил даос — Возливающий вино по фамилии Вэй и имени По. Своими письментами-амулетами он морочил головы селянам. Ли он сказал:

— Несчастья в Вашем доме еще не кончились. И происходят они от поклонения варварскому божееству! Только служением Великому Дао обретете Вы божественное покров-

вительство. Если же не измените своих намерений, то погубите всю семью!

Ли предоставил свой дом для отправления обряда возлияния жертвенного вина. Он отступил от веры, не поклонялся более Закону. А даос По научал его:

— Ты должен сжечь все эти сутры и статуи! И тогда беды минуют тебя!

Ли затворил двери обители и поджег ее. Пожар полыхал весь день, но сгорело само помещение, и только. Сутры и хоругви остались нетронутыми, а раскаленные в огне статуи светились в полночной тьме ярко-красным цветом. Более двадцати даосов, возливавших жертвенное вино, пришли в ужас от такого божественного знамения и скрытно оставили собрание. Только По и его подручные не унимались. С распущенными волосами носились они вприпрыжку по деревне, выхватив ножи и размахивая веревками:

— Пусть Будда возвращается в свою варварскую страну! Не позволим ему остаться в Китае народу на погибель!

Той ночью словно кто-то бил Ли головой о землю. Родные подняли Ли с земли: он дышал, но тело было неподвижным. Его разбил паралич — бэри-бэри. Тем временем в теле даоса Вэй По образовался внутренний нарыв. За день из него выходило два шэна гноя. Не прошло и месяца, как он умер в мучениях. Все сообщники По заболели проказой.

Живший по соседству уездный начальник Шуй Цю-хэ рассказал о происшедшем Уи из Дунъяна²². Было много очевидцев этого события.

Видения праведного Ма Цянь-бо

Ма Цянь-бо был уроженцем уезда Ланчжун, что в округе Баси. В юные годы он уверовал в закон Будды. В двенадцатом году под девизом правления Великая радость (436) Цянь-бо служил начальником уезда Сюаньхань. В седьмом месяце он увидел во сне: три мужа ростом в два чжана, обличья величественного и грозного, появились на не-

босклоне, а из-за облаков показались божественные девы, пение которых наполнило небеса. Неведомо откуда донесся глас:

— Тебя ожидает погибель в Цзинчу в четвертый день восьмого месяца года под циклическим знаком моу-инь. Если ты уединишься у озера в горах, то отведешь беду. Соблюдая посты и обеты среди людей, ты также сумеешь спастись. Миновав сей предел, ты обретешь Путь!

Цянь-бо опустил взор долу и увидел своего знакомого Ян Сяня и еще семерых человек. Они были связаны цепью и закованы в кандалы. К тому же он увидел даоса Ху Лао. Тот был по пояс закопан в землю. Божества, пребывавшие посредине и по краям небосклона, предрекли всем восьмерым год и месяц кончины, а даосу сказали так:

— Если сумеешь обрести религиозные заслуги, то продолжишь отмеренный тебе срок!

Сянь и другие семеро умерли в назначенный срок, а Лао, немало испугавшись, стал чтить Закон. Уйдя в горы, он в неустанных трудах проводил свои дни.

Цянь-бо стал впоследствии служащим военного управления области Лянчжоу. Область была тогда под началом Сяо Сы-хуа²³. Сяо Сы-хуа повернул войска на южных маней²⁴: отдал приказ выступать. Цянь-бо услышал в приказе слово «Цзинчу» и страшно перепугался. Он стал просить Сяо Сы-хуа об отставке. На подходе к горам Хэншань Сяо Сы-хуа отклонил его просьбу. В конце шестого месяца пятнадцатого года под девизом правления Великая радость (439), что соответствует году под циклическим знаком моу-инь, Цянь-бо заболел, а в четвертый день восьмого месяца был при смерти. И вдруг в сумерках ясное видение открылось его взору. Вдали на западе он увидел трех мужей ростом в два чжана. Передний был в тюрбане, надетом на спадающие волосы, вокруг темени светился нимб. От мужей, что были позади него, исходило золотое сияние. В строгой и чинной позе застыли они в нескольких жэнях над землей. Приглядевшись, Цянь-бо узнал в них тех мужей, что прежде являлись ему во сне.

Вскоре видение исчезло, и только дивный аромат долго витал в воздухе. И вдыхали его все от мала до велика в до-

ме, где находился Цянь-бо. Тотчас все тело Цянь-бо покрылось испариной, и он стал понемногу поправляться. Пристанище Цянь-бо было жалким и убогим, а тут ему вдруг привиделось, что он во дворце, стены и галереи которого излучают сияние, как будто сложены из драгоценных камней. После этого он полностью исцелился.

Гуаньшинь спасает от бури

Шрамана Чжу Хуэй-цин, родом из Гуанлина, совершенствовался на стезе самосозерцания, строжайше исполняя монашеские предписания. В двенадцатом году под девизом правления Великая радость (436) в областях Цзинчжоу и Янчжоу стояла большая вода: реки сровнялись с холмами. Хуэй-цин на маленькой лодочке поплыл в Лушань. В пути его застала буря. Попутчики Хуэй-цина уже пристали к берегу, а его лодочка не причалила. Порывом ветра ее отнесло на середину реки. А ветер все крепчал, волны вздымались все круче, грозя неминуемой гибелью. Преисполненный надежды, Хуэй-цин с чистым сердцем принялся твердить сутру «Гуаньшинь цзин». На виду у людей, находившихся на берегу, лодочка Хуэй-цина поднялась на волне, застыла на ее гребне, а затем, как будто подчиняясь усилиям десятков людей, была вынесена на высокий берег. Вместе со своими попутчиками в одной большой лодке Хуэй-цин переправился на тот берег.

Ткачиха и будда Амитабха на Млечном Пути

Гэ Цзи-чжи был уроженцем уезда Цзюйжун, потомком Чжи-чуаня²⁵. Его жена происходила из рода Цзи — уроженцев тех же мест. Она была преисполнена благочестия и высочайшей супружеской добродетели. Как и вся семья Гэ, гопожа Цзи служила учению даосов-бессмертных²⁶, однако в душе лелеяла закон Будды, таила в себе непреклонную веру. В тринадцатом году под девизом правления Вели-

кая радость (437) госпожа Цзи сидела как-то раз за ткацким станком. И вдруг солнце и облака заблестали; воздух стал чистым и прозрачным. Госпожа отложила челнок, подняла голову и огляделась по сторонам. На западе она увидела истинно-сущий образ Так Пришедшего (Амитабхи) под драгоценным балдахином и с хоругвями, заслонявшими Млечный Путь.

— Не тот ли это будда Амитабха²⁷, о котором говорят сутры?! —

ошутив на сердце радость, воскликнула и принялась кланяться. Цзи-чжи все это увидел, встал и подошел к жене. Госпожа рукой указала ему в сторону будды. Цзи-чжи посмотрел вверх и увидел силуэт будды, балдахин и хоругви. Внезапно темная пелена спала. Облака и солнце заиграли яркими красками в сиянии пятицветия. Многие соседи и родственники Цзи-чжи лицезрели сей образ. Несколько раз появлялся он ненадолго, а затем исчез. Многие селяне стали с тех пор исповедовать Закон.

Бхикшуни Хуэй-му

Бхикшуни Хуэй-му из рода Фу ушла в монахини одиннадцати лет и приняла малые обеты²⁸. Пребывая в монастыре деревни Чжуицунь округа Лянцзюнь, она приступила к чтению сутры «Великое творение». В день Хуэй-му зачитывала два цзюаня (свитка).

В монастыре была зала для чтения сутр, основанная наставником Хуэй-чжао. Являясь на поклон к наставнику, Хуэй-му видела в северо-восточной части залы шрамана в черной одежде. От шрамана исходило золотое сияние, и ногами он не касался земли.

Бывало, Хуэй-му зачитывала сутру и ночью, во время сна. Однажды во сне она перенеслась на запад и увидела пруд для омовений, наполненный цветами лотоса. Возродившиеся люди сидели рядами на тех цветах. Там был один большой все еще пустующий цветок лотоса. Хуэй-му хотела

сесть на этот цветок, принялась тянуть его к себе. И тут в забытьи стала читать сутру голосом чистым и звонким. Мать подумала, что дочь мучают кошмары, встала и разбудила ее.

Мать Хуэй-му была очень стара: у нее не осталось во рту ни одного зуба. Хуэй-му жевала, а затем выплевывала пищу и тем постоянно

кормила матушку. У нее не было возможности соблюдать монашеский запрет на послеполуденное прикосновение к пище, и потому она не удостоилась принятия больших обетов даже по достижении установленного для этого возраста. Когда мать скончалась, Хуэй-му соорудила алтарь на земле, очищенной от травы²⁹, и пригласила наставника принять у нее

обеты. Внезапно и земля и небо над алтарем воссияли золотым светом. Обратив взор на юго-запад, Хуэй-му увидела небожителя в узорных ярко-желтых одеждах. Он то приближался к ней, то отдалялся, пока, наконец, совсем не исчез из виду. Все, кто видели сие чудо, хранили его в тайне, никому о нем не рассказывали. Старший брат Хуэй-му, ставший монахом, слышал о происшедшем, но решил дознаться у сестры.

— Ты ступила на Путь много лет тому назад, а так и не сподобилась чуда. Быть может, тебе отрасли волосы да и оставить монашескую стезю?! — стал он хитростью выпытывать у нее признание. Хуэй-му приняла слова брата всерьез, страшно перепугалась и вкратце рассказала ему об увиденном. Прослышав о праведности и добродетелях Хуэй-му, монахиня Цзин-чэн пришла ее навестить. Они подружились, и однажды Цзин-чэн вежливо осведомилась у Хуэй-му о том событии. Хуэй-му подробно рассказала ей обо всем.

Однажды Хуэй-му и другие монахини совершали обряд поклонения будде Амитабхе. По завершении обряда Хуэй-му так и осталась лежать ничком на земле. Монахини подумали, что она заснула, растолкали ее и стали расспрашивать. Хуэй-му ничего им не говорила и только на настойчивые расспросы ответила:

— Когда я лежала ничком на земле, мне приснилось, что я прибыла в Страну благополучия и видела будду Амитабху. Он излагал мне сутру «Малое творение». На четвертой главе сутры меня стали толкать, и я очнулась, о чем теперь очень сожалею.

Хуэй-му скончалась в четырнадцатом году под девизом правления Великая радость (438), когда ей было шестьдесят девять лет.

Подвиг монаха Ши Сэн-юя

Монах Ши Сэн-юй был уроженцем уезда Юйхан, что в округе Усин, происходил из рода Чжоу. По достижении совершеннолетия³⁰ он ушел в монахи и стал известен благодаря божественному разумению и неукоснительному соблюдению аскезы. Был он в том неизменен до скончания своих дней.

В пятнадцатом году под девизом правления Великая радость (439) Сэн-юй вместе с монахами Тань-вэнем и Хуэй-гуаном странствовал в горах Лушань. Странники были строгого нрава, соблюдали себя в чистоте, предпочитали

жить в уединении. На юге гор Лушань они возвели монашескую обитель, которая ныне известна под названием Обитель, зовущая к уединению. Сэн-юй рассудил так:

— В три скверны ввергают нас желания и плоть. Желания мои иссякли, а плотское я отринул. Так отчего же все еще недосыгаем для меня подвиг Царя Исцеления³¹?!

И тогда Сэн-юй многократно принес клятву, гласившую, что он подвергнет себя самосожжению. Было ему тогда срок четыре года.

В третий день шестого месяца второго года под девизом правления Утверждение сыновней преданности (455) Сэн-юй осуществил свое намерение. К месту сожжения устремились монахи и миряне, нескончаемая вереница экипажей. Сэн-юй возглавил процессию, совершившую ритуальное хождение³², передал свои предсмертные наставления. Но тут внезапно сгустились тучи и стал собираться дождь. Сэн-юй произнес торжественное заклинание:

— Если мои намерения воистину чисты, то пусть небо станет ясным и безоблачным! Если же мне недостает искренности, то пусть тотчас хлынет ливень! И тогда в четырех разрядах сангхи станет известно, что я не удостоился божественного отклика!

Как только он это сказал, тотчас небо просветлело. Пламя костра объяло Сэн-юя, а он стоял выпрямившись, со сложенными в мольбе ладонями. Над струями дыма поднялось ввысь, а потом исчезло небесное сияние.

По прошествии четырнадцати дней в келье Сэн-юя выросли два тунговых дерева-близнеца с мощными корнями и раскидистыми ветвями, сплетенными воедино. Деревья пробили кровлю кельи, поднялись ввысь, став деревьями-исполинами. Памятуя о драгоценных деревьях Шала³³, сведущие мужи уподобили смерть Сэн-юя вступлению в нирвану Будды Шакьямуни, а с тем чтобы запечатлеть сие событие, нарекли его «Шрамана — парные дерева тунга».

Чжан Бянь из Уцзюна был в это время начальником в Наньпине. Он был свидетелем этих событий и изложил их, снабдив послесловием.

Как Жуань Чжи-цзуна отучили от рыбной ловли

Жуань Чжи-цзун был уроженцем округа Хэдун. В шестнадцатом году под девизом правления Великая радость (439) он был в округе Чжунли при окружном наместнике Жуань Ине. Жуань Инь вместе с Чжи-цзуном прибыл в глухую деревню. Их сопровождал окружной чиновник по тайному надзору Бянь Дин. Они пришли к людям, которые заснули, да так и не могут проснуться. Народ этот считался мертвым. Всем скопом они высыпали из ворот и уложили Чжи-цзуна в гроб. По прошествии ночи он мог говорить. Чжи-цзун рассказал, что вначале появились более ста человек. Они связали Чжи-цзуна и увели. Пройдя несколько десятков ли, они пришли к буддийской обители, при которой состояли монахи, совсем такие же, как на земле. Один из них сказал Чжи-цзуну:

— Ты любишь половить рыбу, и тебе за это воздастся!

Сейчас же с Чжи-цзуна содрали кожу, срезали мясо; разделали его, как если бы он был животным — диким или домашним. Затем его опускали в воду на большую глубину, оттуда крючками за рот вытаскивали, разрезали на части, мелко разделявали, а потом варили и жарили в печи в большом котле. Сначала его кромсали, а затем возвращали в прежний вид: мучения при этом он испытывал поистине жесточайшие. Он трижды принял муки, а потом его спросили, не хочет ли он жить. Чжи-цзун кланялся праведникам в ноги и умолял вернуть ему жизнь. Праведники усадили его на землю и стали поливать водой, приговаривая:

— Один полив смывает пять сотен преступлений!

Чжи-цзун настойчиво просил полить его побольше, но ему отказали:

— Три раза достаточно.

Они увидели нескольких муравьишек, и праведник, указуя на них, молвил:

— Это хотя и ничтожные с виду насекомые, но и их убивать нельзя! Они ничем не отличаются от тех, кто велик размером. Только когда рыба сама гибнет, ее можно есть! В

дни же постов всем надлежит надевать новую одежду. Если же ее нет, то следует выстирать старую!

— Мы путешествовали втроем. Почему же меня одного подвергли мучениям? — спросил Чжи-цзун.

— Те двое уже ведают о преступлении и благодеянии, знают, за что будут наказаны. Ты один глух и слеп, не помышляешь о воздаянии. Потому тебя и покарали, — ответил праведник.

Чжи-цзун сразу ожил, но несколько дней не мог подняться. Впредь он не ловил рыбу.

О злключениях мирянина Син Хуай-мина

Син Хуай-мин, уроженец уезда Хэцзянь, был военным советником при командующем армией династии Сун. Он сопровождал Чжу Сю-чжи, наместника в Наньцзюне, в северном карательном походе и вместе с ним попал в плен. Дождавшись удобного случая, они бежали из плена. Беглецы шли по ночам, а днем прятались. Минуло три дня, но они все еще боялись, что их настигнут и схватят. Человек, посланный на разведку к варварам, несколько дней не возвращался. Той ночью собирался дождь, и было темным-темно. Человек вернулся под утро и в страхе промолвил:

— Я издали увидел очень яркий свет огня, который привел меня к вам. Отчего же, когда я уже здесь, вновь стало темно?!

Чжу Сю-чжи и остальные страшно перепугались, а Хуай-мин давно уже читал Закон. В поход он взял с собой и держал на голове сутру «Гуаньшинь цзин», без конца ее твердил. И в эту ночь, когда он твердил сутру во мраке, все засомневались — не божественная ли сила, заключенная в ней, была им явлена. Все вместе они принялись возносить молитвы Гуаньшиню, и вскоре им удалось спастись.

Хуай-мин жил в столице (Цзянькан). В семнадцатом году под девизом правления Великая радость (441) его навестил некий шрамана и сказал:

— Мне, бедному праведнику, в этом переулке и в Вашем доме почудился запах крови. Пора убираться отсюда!

Шрамана сказал так и ушел. Хуай-мин хотел было догнать его, но тот, как только вышел за ворота, сразу исчез. Хуай-мин был в ярости. Но прошло двадцать дней, и его сосед Чжан Цзин-сю ранил отца и убил отцовскую наложницу. Хуай-мин решил, что запах крови исходил оттуда, понадеялся, что все обойдется. Ближайшими соседями Хуай-мина были Лю Бин и Лю Цзин-вэнь, жившие в одном с ним переулке. В том же году они вступили в сговор с Лю Чжанем³⁴. Были казнены они и их сородичи.

Младенец из ласточкина гнезда

Чэн Дэ-ду был уроженцем округа Учан. Его отец Даохуэй был наместником в Гуанчжоу. Дэ-ду служил в гвардии и находился в Сюньяне при Линьчуаньском вана³⁵ в качестве военного советника. В доме, где он жил, было ласточкино гнездо. Однажды ночью в помещении стало вдруг светло, а из гнезда вышел младенец этак с чи ростом. Дэ-ду видел его совершенно отчетливо, а тот подошел к ложу Дэ-ду и молвил:

— В последующие два года Вы, господин, обретете средство к долголетию.

Младенец в тот же миг исчез, а Дэ-ду втайне недоумевал.

В семнадцатом году под девизом правления Великая радость (441) Дэ-ду с войском Линьчуань-вана усмирал Гуанлин. Там он повстречал наставника в самосозерцании Ши Дао-гуна, стал его учеником и проявил выдающиеся способности. А весной девятнадцатого года под девизом правления Великая радость в пустующем жилище Дэ-ду в Учане появилось чудное благоухающее облако. Облако растеклось по дорогам всей страны до самых дозорных башен. Через три дня оно исчезло.

Наказ Линдолы

Лю Чэнь-чжи, уроженец округа Пэйцзюнь, как-то раз повстречал в Гуанлине шрамана, и тот ему сказал:

— В Вас, господин, закралась хворь, но Вы не умрете. Нужно только на сотню-другую приобрести пищи и всласть накормить ею монахов. И тогда Вы спасетесь от напасти!

Чэнь-чжи не верил в Закон, и сердце его наполнилось гневом. А шрамана меж тем заключил:

— Уверуйте и не смейте гневаться!

Они разошлись на двадцать шагов, и шрамана не стало. А по прошествии семи дней Чэнь-чжи поразил недуг. На девятый день в полдень не то во сне, не то наяву он увидел ступу в пять ярусов, возведенную на его сердце, а вокруг нее двадцать монахов, совершающих ритуал. Чэнь-чжи проснулся и ощутил великую благодать. Он стал понемногу выздоравливать.

Впоследствии Чэнь-чжи жил в столице и встретился с еще одним шрамана. Тот вошел прямо в дом Чэнь-чжи и спросил:

— Вы приобщились к Закону. Так почему же не совершенствуетесь в вере?!

Чэнь-чжи рассказал шрамана о предшествующей встрече, и тот молвил:

— То был Пиндола³⁶.

Сказав так, шрамана ушел неизвестно куда.

Летом семнадцатого года под девизом правления Великая радость (441) Чэнь-чжи увидел в Гуанлине обитель Накопления благ, а перед ней в великом множестве хоругви и балдахины. Не было там только статуй. Чэнь-чжи стремглав бросился к обители, но только приблизился к воротам, как видение исчезло.

Огонь на берегу

Шу Вань-шоу, уроженец округа Пинчан, в девятом году под девизом правления Великая радость (433) служил в

гвардии и исполнял обязанности военного советника в Гуанлине. Возвращаясь с отдыха, он и его спутники в четвертую стражу переправлялись на лодке через Янцзы. В начале переправы на реке была легкая волна, но на середине реки подул ветер со скоростью летящей стрелы. Была кромешная тьма: куда править — неизвестно. Вань-шоу давно уже с полным усердием чтит Закон. Он всего себя вверил Гуаньшииню, непрерывно молил о спасении. И вдруг несколько человек в лодке одновременно увидели огонь на северном берегу. Такие огни обычно горят в деревнях.

— Так это же огонь в селении Оуян! — радостно переговаривались в лодке.

Они повернули лодку в направлении огня и были на берегу еще до наступления утра. Местные жители на их расспросы отвечали, что ночью огня в селении никто не зажигал. Тогда только путники уразумели, что им было явлено чудо, а по прибытии на место устроили монашескую трапезу.

Гуаньшиинь умиряет бурю

Гу Май, уроженец округа Уцзюнь, чтит Закон с великим тщанием. Он служил в должности военного советника от гвардии. В девятнадцатом году под девизом правления Великая радость (443) он возвращался из столицы в Гуанлин. Май вышел из города Шитоу, и его путь лежал через озеро. С севера дул встречный ветер. Его порывы все усиливались, но лодочник упорно вел лодку вперед. Лодка вышла на середину Янцзы, когда поднялась настоящая буря. Май был один в лодке, и ему не в ком было искать поддержки. Он стал зачитывать сутру «Гуаньшиинь цзин». Когда Май прочитал с десятков фраз, порывы ветра потихоньку стихли и буря улеглась. А посредине реки разлился и не исчезал дивный аромат благоуханий. Май возликовал и продолжал не переставая читать сутру, пока лодка благополучно не пристала к берегу.

Гуаньшинь покровительствует шрамана Дао-цзюну

О том, из каких мест происходит шрамана Дао-цзюн и какого он рода, сообщается в предшествующих записях³⁷. В восемнадцатом году правления императора династии Поздняя Цинь (384—417) Яо Сина под девизом Великое начинание (416) наставник Дао-и послал Дао-цзюна в горы Хошань за сталактитами. С ним пошли Дао-лан и еще трое. Освещая путь факелом, они спустились в пещеру и прошли три ли, прежде чем набрали на протекающую глубоко внизу речку. Они стали переходить ее по переброшенному стволу дерева. Дао-цзюн прошел первым, а под теми, кто шел за ним, ствол обломился. Все они погибли. Факел был у них, и теперь настала темень, какая бывает глубокой ночью. Не помышляя о спасении, Дао-цзюн сквозь рыдания истово зывал к Гуаньшиню, заклиная:

— Если мне будет суждено выйти отсюда, то пусть в собрании сотен людей явятся божества во всем их величии!

Он забылся сном, а когда проснулся, увидел отблеск света, какой исходит от светлячка. В пещере стало светло, и Дао-цзюн нашел из нее выход. Затем он спустился со скалы. После того, что с ним случилось, Дао-цзюн еще более укрепился в вере, и ему много раз было явлено чудо.

В девятнадцатом году под девизом правления Великая радость (443) Линьчуаньский ван усмирил Гуанлин и принял Дао-цзюна на свое попечение. В девятом месяце того же года в западных покоях дворца был учрежден десятидневный пост Гуаньшиня. Прошло девять дней, заканчивалась четвертая стража. Все монахи спали, а Дао-цзюн встал и совершил ритуал поклонения. Он собирался вновь сесть в позу самосозерцания, как вдруг на четырех стенах залы увидел бесчисленное множество шрамана. Тела их были видны наполовину, а Будда с уложенными в узел волосами весь был виден ясно и отчетливо. Был там и высокий человек, собой весьма грозный: круглый тюрбан на голове, штаны и платье из расшитой ткани, длинный меч в руках. Он растер в ладонях благовония и подал Дао-цзюну. Дао-цзюн не решался принять этот дар, но шрамана говорили ему со стен:

— Вы, Дао-цзюн, можете принять благовония! Этим Вы защитите Вашего господина Линьчуаньского вана!

И вдруг видение исчезло. Как все это случилось, не увидел ни один из собравшихся монахов. И только стоявшие в ряд статуи Будды Шакьямуни предстали их взору.

Бай-юй уходит в монахини

В хикшуни Ши Тань-хуэй родилась в уезде Чэнду округа Шуцзюнь в семье Цингян и от рождения носила имя Бай-юй. Семи лет она любила сживать в позе самосозерцания и всякий раз достигала иных пределов³⁸. Но было сие не подвластно ее разумению, и она думала, что видит сон.

Тань-хуэй спала вместе со старшей сестрой. Как-то ночью она погрузилась в самосозерцание. Сестра увидела ее сидящей за ширмой: Тань-хуэй словно одеревенела и к тому же не дышала. Сестра испугалась и позвала родителей. Родители принялись тормошить Тань-хуэй, подносили к телу огонь, но она не пробуждалась. Побежали за шаманом, и тот сказал, что все это происки духов.

Когда Тань-хуэй было одиннадцать лет, в Шуцзюнь пришел наставник в самосозерцании Калаяшас³⁹. Однажды Тань-хуэй пригласила его и рассказала о своих видениях. Поскольку ее видения совпали с его собственными, Калаяшас пожелал обратить Тань-хуэй в свою веру, побуждая уйти в монахини. Тань-хуэй собирались выдать замуж: был уже назначен день свадьбы, но ведь монашеский устав и воспитание детей несовместимы. Тань-хуэй и ее наставник договорились, что она тайно покинет дом и уйдет в монахини. Семья дозналась об этом и решила выдать ее замуж насильно. Тань-хуэй отказывалась:

— Если не сбудется мое заветное желание ступить на Путь и я буду насильно выдана замуж, то непременно брошусь в огонь или отдам себя на съедение тигру! Так я избавлюсь от своего оскверненного тела! И пусть будды десяти сторон света⁴⁰ будут мне в том порукой!

Наместник Чжэнь Фа-чун был преисполнен веры в Истинный закон. Он прослышал о решении Тань-хуэй и встретился с нею. Были приглашены также начальственные чины и их помощники, а также добродетельные шрамана. Они наперебой задавали Тань-хуэй трудные вопросы. Та отвечала без запинки и привела всех присутствующих в восхищение. Чжэнь Фа-чун разрешил Тань-хуэй покинуть семью мужа, позволил ступить на Путь. В девятнадцатом году под девизом правления Великая радость (443) Линьчуань-ван пригласил Тань-хуэй в Гуанлин.

Исцеляющая вера

Чжао Си, уроженец округа Хуайнань, служил офицером гвардии. В двадцатом году под девизом правления Великая радость (444) он заболел. Шло время, а он все не избавлялся от напасти. Свою судьбу Си с трепетом в сердце вверил Будде, и вот однажды ночью он увидел во сне человека. Редким по красоте обличьем тот человек был подобен божеству. Он достал с балки дома маленький сверток и подал его Си вместе с ножиком.

— Примите это лекарство, разрезав сверток ножиком, и Вы непременно поправитесь! — сказал человек.

Си тотчас пробудился: нож и сверток были при нем. Он принял лекарство и выздоровел. Си ушел в монахи, принял в монашестве имя Сэн-сю. Умер он восьмидесяти лет.

Наставник Ши Хуэй-цюань и его ученик

Наставник в самосозерцании из Лянчжоу шрамана Ши Хуэй-цюань учил Закону. У него было пятьсот учеников и среди них один грубого, необузданного нрава. Он был у Хуэй-цюаня на плохом счету, и когда стал утверждать, что достиг просветления, наставник нисколько ему не поверил. Потом Хуэй-цюань заболел, ученик пришел ночью справиться о его здоровье. Дверь в келье Хуэй-цюаня оставалась при этом запертой. Хуэй-цюань был удивлен до крайности и, желая проверить ученика, велел ему прийти вечером следующего дня. Перед его приходом он наглухо запер окна и двери, поставил двойные засовы. Ученик пришел ночью, приблизился к постели Хуэй-цюаня.

— Наставник-ачарья может убедиться, что я уже здесь, — молвил ученик, а затем продолжил: — Ачарья по смерти, должно быть, родится в семье брахманов.

— Я совершенствую карму, предаваясь самосозерцанию, а ты говоришь мне о каком-то ином перерождении, — возразил Хуэй-цюань.

— Ачарья верует, но неискренне, — сказал ученик. — Да к тому же Вы не сполна отринули иные учения. Хотя у Вас и благая карма, успеха Вам не достичь! Если Вы устроите большое собрание и сподобитесь сделать подношение святому, то, быть может, достигнете просветления.

Тогда Хуэй-цюань созвал собрание, а ученик сказал ему напоследок:

— Вам нужно будет поднести монашескую мантию-сангхати тому, кто пожелает принять ее от Вас! И пусть Вас не смущает его возраст!

К концу собрания, когда подошло время дарения одежд, появился послушник-шраманера и стал просить сангхати у

Хуэй-цюаня. Хуэй-цюань принял его за своего ученика и сказал:

— У меня было намерение поднести дар святому монаху, а ты здесь при чем?!

Но тут он вспомнил прежний уговор вручить дар любому, кто пожелает, и тотчас с радостью отдал сангхати. На другой день он повстречал послушника и спросил, не велика ли подаренная одежда. Шраманера отвечал:

— Я бы ни за что не посмел принять такой дар. Да к тому же случилось так, что мне помешали дела, и я, к своему стыду, не принял участия в собрании.

Только тогда Хуэй-цюаню открылось, что тот шраманера в собрании был перевоплощением святого. Ученик Хуэй-цюаня прожил долгую жизнь, а когда покидал мир, не явил более чудес. Только над могильным холмом разлилось во все стороны белое сияние.

Хуэй-цюань был еще жив в двадцатом году под девизом правления Великая радость (444), обитал у Винного источника⁴¹.

Прогулка в горы Суншань

Ван Ху был родом из Чанъани. В третьем году под девизом Великая радость (427) в семью неожиданно вернулся дядя, умерший несколько лет назад. Он стал допытываться, сколь бережливо и рачительно ведет хозяйство его племянник. Семейные дела были в расстройстве, и дядя наказал Ху пятью ударами палки. Случайные прохожие и соседи слышали их разговор и удары палки. Они видели и отметины от палок на теле Ху. Однако лицезреть дядю удостоился лишь Ху. Дядя говорил Ху так:

— Мне после смерти была заказана божественная стезя; ведаю я составлением подушных списков умерших. Ныне со мной большая свита служек и воинов. Я опасался, как бы они не разнесли деревню, и потому не дозволил прийти сюда.

Повсюду за деревней Ху увидел беспорядочные толпы духов. А дядя так сказал ему на прощание:

— В будущем году седьмого дня седьмого месяца я наведаюсь к тебе снова и проведу по тайной стезе. И тогда ты уразумеешь, что зло и добро воздаются! Да не вздумай трагиться на угощение! Если уж ты так хочешь мне услужить, то принеси чаю.

К условленному сроку дядя вернулся и сказал домочадцам Ху:

— Я пойду прогуляться с Ху. После прогулки он вернется домой. Ни о чем не беспокойтесь.

Ху меж тем недвижно лежал на топчане, как будто был совсем неживой. Дядя повел его в горы. Вдоволь насмотревшись на духов и чудищ, они пришли наконец в горы Суншань. Духи встречали Ху и потчевали яствами, которые по вкусу не отличались от того, что едят люди, но с приторным запахом имбиря. Ху подумал про себя, что пора возвращаться, но все вокруг засмеялись:

— Отведав такой пищи, непозволительно собираться восвояси!

Затем Ху увидел строение с великолепными просторными залами, занавесями и бамбуковой дорожкой безупречной чистоты. Жили в нем два молоденьких монашка. Ху был у них с визитом, и они угощали его всевозможными фруктами: плодами арековой пальмы и другими.

Прогулка Ху была очень долгой; он обозрел все виды воздаяний, будь то кара или благодать, страдание или наслаждение, и только тогда распрощался с дядей. Дядя так напутствовал Ху:

— Ты уже знаешь, как творить благие дела. Так можешь ли ты оставаться в семье?! Белый Араньяка достойнейшим образом исполняет обеты, и ты мог бы стать его учеником.

Чанъаньский праведник, о котором говорил дядя, был совершенно седым, и потому современники прозвали его Белый Араньяка. Он был в большом почете у варваров династии Вэй⁴². Сам вождь варваров служил ему как наставнику.

Ху исполнил наказ дяди. В монастыре Белого Араньяки оказались те двое молодых монахов, которые обучали его во время странствий по горам Суншань. Ху очень обрадовался такой встрече, стал рассказывать им о своей дальнейшей судьбе, а затем спросил, как они здесь очутились. Монахи отвечали:

— Мы, бедные праведники, всегда жили в этом монастыре и не помним, чтобы когда-нибудь встречались с господином.

Ху напомнил им о встрече в горах Суншань, но те упорствовали:

— Господин ошибается. Разве могло быть такое?!

На следующий день монахи исчезли. Тогда Ху подробно рассказал шрамана монастыря обо всем, что видел когда-то в горах Суншань. Монастырская братия была изумлена и отправилась на поиски молодых монахов. Но тех нигде не было, и они поняли, что это были божества.

В последние годы правления династии Сун под девизом Великая радость (447) чаньаньский монах Ши Тань-шуан пришел на юг от Янцзы и рассказал все, как было.

Гуаньшинь дарует мужское потомство

Господин Бянь Юе-чжи был уроженцем округа Цзинь, привлекался на службу при дворе, жил в Чаогуо. Он прожил пятьдесят лет, но не имел мужского потомства. У него были жены и наложницы, но вот уже многие годы они не беременели. И тогда в мольбах о наследнике он принялся тысячекратно вращать сутру «Гуаньшинь цзин». По совершении нескольких молебнов его наложница вдруг забеременела. А потом у нее родился сын. Было это в двадцать восьмом году под девизом правления Великая радость (451) или в год под циклическим знаком цзи-чоу.

Как Ши Тань-дянь побывал в загробном мире

Когда шрамана Ши Тань-дянь был мирянином и было ему тридцать лет, он вдруг заболел и умер. По прошест-

вии семи дней он ожил и рассказал, что двое посыльных унесли его прочь и заставили возить на тележке рис. Вместе с ним возили рис несколько тысяч человек, и все без сна и отдыха. Однажды появились два праведника и сказали Тань-дяню:

— Мы твои главные наставники в пяти обетах.

Они стали утешать его и подробно расспросили о содеянном. Потом праведники отправились к главе ведомства и доложили следующее:

— Этот наш ученик пока еще не совершил большого греха, а отмеренный ему срок еще не вышел.

Тань-дянь был тотчас отпущен, и праведники проводили его до дому. Они усадили его на повозку и обо всем с ним условились: велели непременно стать шрамана и совершенствоваться в вере. Закончив наставления, они сняли Тань-дяня с повозки и протолкнули под мышки мертвое тело. В тот же миг Тань-дянь ожил.

Тань-дянь впоследствии ушел в монахи, а в четырнадцатом году под девизом правления Великая радость (438) умер.

Запоздалое прозрение

Ван Чжунь-чжи, по прозвищу Юань-цзэн, был уроженцем округа Ланье. Происходил он из семьи конфуцианцев и не верил в закон Будды. Чжунь-чжи говаривал:

— Если тело и душа после смерти полностью исчезают, тогда при чем же здесь Три периода⁴³?

В годы под девизом правления Великая радость Чжунь-чжи был правителем округа Даньян, а в десятом году заболел и испустил дух. Вскоре он на время ожил. Правитель Цзянькана Хэ Дао-ли пришел навестить больного, склонился над его ложем. Чжунь-чжи промолвил:

— Я только сейчас понял, что учение Шакьямуни не ложно! Душа существует после смерти, и я получил тому доказательства!

— Вы, господин наместник, всю жизнь рассуждали иначе, — возразил Дао-ли, — так что же заставило Вас изменить свои убеждения?

Чжунь-чжи смежил воспаленные веки и напоследок изрек:
— Дух воистину беспределен, а не верить в учение Будды недопустимо!

Гуаньшиинь спасает обреченного на гибель

Шрамана Хуэй-хэ был монахом столичного монастыря, возведенного сангхой. При смутах года правления Всеобщая радость (466)⁴⁴ он был еще мирянином и служил в войсках под предводительством Лю Ху⁴⁵. Однажды Лю Ху послал отряд в несколько десятков человек на восток в разведку. Хуэй-хэ был в составе отряда. На подходе к Цяочжу отряд столкнулся с правительственным войском, идущим на запад. Разведчики разбежались, попрятались в траве у озера. Хуэй-хэ удалось бежать в Синьлинь, где он раздобыл у одного старика лохмотья. Хуэй-хэ снял с себя платье для верховой езды и положил в корзину, перекинутую через плечо. В тех лохмотьях он стал похож на крестьянина, работающего в поле. Тем временем разъезды, высланные правительственными войсками, охотились за разбежавшимися разведчиками. Воины увидели Хуэй-хэ и заподозрили неладное. Его стали допрашивать, а он отвечал невпопад. Тотчас Хуэй-хэ избил бамбуковыми палками и решили казнить. Хуэй-хэ шел на казнь, а сам непрерывно твердил сутру «Гуаньшиинь цзин». В последний миг он взмолился еще отчаянней. Воин занес было меч над Хуэй-хэ, и меч выпал у него из рук. Трижды он выхватывал меч, и трижды мечи рассыпались в прах. Воины пришли в ужас и отпустили Хуэй-хэ. Тогда-то Хуэй-хэ и ушел в монахи, стал служить на духовном поприще.

Свидание на небесах

Шрамана Хуэй-юань был монахом монастыря округа Чанша в граде Цзянлин. Наставник Хуэй-инь был знатоком дхьяны⁴⁶; его так и нарекли — Наставник в дхьяне. Поначалу Хуэй-юань носил синюю повязку на голове: был

слугой у Хуэй-иня. Прозывался он тогда Хуан-цянем. Когда Хуэй-юаню исполнилось двадцать лет, Хуэй-инь, всякий раз погружаясь в самосозерцание, стал видеть его своим наставником в предшествующем перерождении. Тогда-то Хуэй-инь и произвел Хуэй-юаня в свои ученики.

Хуэй-юань часто останавливался в доме Ян Дао-чана на западной окраине Цзянлина. Более года совершенствуясь на пути мудрости-праджня, он изрядно преуспел. За один день он обходил десять и более домов, где отправлялись посты, а ночью еще и совершал ритуальное хождение, врацал сутры. Во всех домах, где бы ни побывал Хуэй-юань, ему оказывали особые почести. Люди полагали, что он обрел Путь.

В один из дней второго года под девизом правления Утверждение сыновней преданности (455) Хуэй-юань предсказал срок своей смерти.

— Ночью в Вашем доме я оставляю сей мир, — сказал он Дао-чану.

Дао-чан, соблюдавший восемь обетов, оставил гореть светильник на всю ночь. С начала и до середины ночи Хуэй-юань в сопровождении мирян как обычно совершал ритуальное хождение, а с приходом четвертой стражи сказался усталым и прилег поспать. Цвет лица его слегка изменился, и вскоре дыхание прекратилось.

В городе учредили трехнедельный пост, возвели ступу, которая стоит и поныне. А по прошествии немалого времени праведнику Тань-сюню явился в монастыре Прабхутаратны призрак Хуэй-юаня.

— В двадцать третий день второго месяца будущего года мы свидимся с тобой на небесах, — молвил призрак и исчез.

В продолжение девяноста дней Тань-сюнь соблюдал пост в зале для самосозерцания монастыря округа Чанша, жертвуя собой в этой жизни и уповая на воздаяние в будущем перерождении. К назначенному дню он принялся что было сил задерживать дыхание, дабы быть уверенным в своей кончине. Он отовсюду созвал праведников и мирян и устроил многолюдное собрание. В третью стражу он воскликнул, обращаясь к сангхе:

— Вы что-нибудь слышите?!

Те ничего особенного не почувствовали, а Тань-сюнь продолжал:

— Откуда-то доносятся звуки музыки и исходит чудный аромат. Это Хуан-цзянь подает знак, что ныне мы встретимся с ним.

Монахи стали возвращаться в зал, чтобы занять свои места, и тогда Тань-сюнь скончался.

Чудо, явленное в монастыре Средоточие радости

Вдовствующая императрица Лу-чжао в четвертом году правления под девизом Великая мудрость (461) соорудила белого слона с восседающим на нем в драгоценном паланкине бодхисаттвой Вишвабхадрой. Изваяние установили в зале для самосозерцания монастыря Средоточие радости и устроили по этому случаю чтение проповедей. В восьмой день десятого месяца того же года завершился пост, и присутствующие готовились покинуть свои места. Монахов собралось две сотни человек. Монастырь тогда еще только начали возводить. Император был его попечителем. Совершая императорские выезды, он посещал его по четыре раза в десять дней. Монастырская братия приводила помещение в образцовый порядок; императорская охрана была сурова и торжественна.

В тот день монахи давно уже восседали на своих местах, погружившись в самосозерцание. Вдруг на одном из мест появился монах прекрасного обличья. Присутствующие в зале были поражены и смотрели на него не отрываясь. Устроитель поста обратился к монаху, и они обменялись более чем

сотней слов. И вдруг монаха не стало. Все, кто сидели рядом на циновках и лицезрели его, поняли, что это было божество.

Знамение, явленное в императорском дворце

В годы под девизом правления Великая мудрость (457—464) настоятель монастыря закононаставник по имени Дао-вэнь пребывал в уезде Молин. То было время, когда императорские вдовы Жуй-цзянь, Чун-мин и Шэн-фу жили, уединяясь от мира и всей душой предаваясь очищению от грехов. Известили о том, что во внутренних покоях дворца состоится служба по чужеземному обряду. Были изготовлены литые и резные скульптуры, украшенные узорами из чудесных цветов, отлиты и раскрашены превосходные скульптуры Вишвабхадры в драгоценных одеяниях небожителей, составившие убранство залы, где совершались проповеди и пост. В восьмой день месяца согласно составленному и высочайше утвержденному списку прибыли приглашенные и заняли свои места. Несколько мест пустовало. День выдался пасмурный. Собравшиеся до полудня вращали сутру и вдруг увидели необычного монаха. Монах сел на заранее приготовленное место, держался превосходно, наружности был великолепной. Он окинул взором собрание монахов, но знакомых среди них не нашел. Устроитель поста спросил:

— Как Вас зовут, преподобный отец?

— Мое имя — Мудрость Прозрения, — молвил тот, а на вопрос, из какого монастыря прибыл, отвечал:

— Небесное спокойствие.

Сказал он так, и тут же его не стало. Присутствующие в собрании испытали душевный трепет, принялись приводить в порядок циновки, полагая, что были свидетелями благого знамения. Меж тем мгла надолго рассеялась, и стала видна гора Цзышань и цветочная беседка неподалеку от нее. Так было возведено о том, что искренняя вера способна вернуть свет, воздействуя на ход небесных светил, а чистые устремления сдвигают каменные глыбы, освобождая источники.

При этом императорская добродетель пополнилась, заслуги Августейшего приумножились, человеколюбие простерлось вдаль, а установления распространились повсеместно. Поэтому и удельные цари, и ученые мужи наперебой славил императора, правящего под девизом Великая мудрость, а им внемя, дивный образ был явлен в зале Взлета дракона⁴⁷. Были и такие суждения:

— Государево прозрение освещает моря и земли, а мудрость Его Величества озаряет солнце и луну. Поэтому и удельные цари и ученые мужи наперебой славил императора, правящего под девизом Великая мудрость, а им внемя, дивный образ был явлен в зале Взлета дракон⁴⁷. Были и такие суждения:

— Государево прозрение освещает моря и земли, а мудрость Его Величества озаряет солнце и луну. Поэтому Мудрость Прозрения есть человеческое имя. Его Величество взошли на престол по велению Неба, и милости Его беспредельны. Поэтому Небесное спокойствие есть название монастыря.

Божественная опора трона все более расширялась, и праведное правление все более утверждалось. Девять владений⁴⁸ извели благоденствие, а под людскими кровлями царили покой и радость.

Столь почтительные речи были представлены в уезд Молин в обоснование покровительства, оказываемого трону Небом.

Указ Небесного Императора

Цзян Сяо-дэ был уроженцем уезда Цзянлин, служил управляющим делами при военном наместнике области Чжу Сюне. Он с юных лет обратился в веру, отличался тщанием и упорством. Чжу Сюнь не мог нарадоваться на своего подчиненного. Всякий раз, когда предстояли служения закону Будды, ведать ими поручалось Сяо-дэ, и тот неизменно справлялся со своими обязанностями. В последний год под девизом правления Великая мудрость (464) Сяо-дэ заболел и умер. Ночью в третью стражу, когда тело собира-

лись обрядить и возложить во гроб, Сяо-дэ ожил и рассказал следующее.

Появились посланники и зачитали приказ правителя доставить Сяо-дэ. Сяо-дэ последовал за ними и вскоре прибыл на место. Правитель сказал:

— Вы, сударь, отличались прилежанием и скрупулезностью в служении Великому закону. Небесный Император издал особый указ: в знак Ваших особых заслуг ускорить Ваше перерождение в Землях благодати. Однако счет Ваших лет еще долог. И потому мне было приказано пригласить Вас до срока и спросить, готовы ли Вы возрадоваться на небесах.

Сяо-дэ охотно согласился, и правитель продолжил:

— Вы можете пока что вернуться в семью. Если Вы пожелаете оставить распоряжения или добавить заслуг, то делайте это побыстрее! Через семь дней приходите снова.

Сяо-дэ выслушал правителя и стал возвращаться. Дорога привела его к местности, где был маленький домик, совсем низенький и ветхий. У дома он повстречал досточтимого Наня из Нового монастыря, своего давнего знакомого. Они поздоровались, и Нань рассказал ему следующее.

— Я, бедный праведник, не притрагивался к вину с тех пор, как ушел в монахи. Ныне правящий император⁴⁹ приблизил к себе досточтимого Ланя. Уступив настоятельным просьбам Его Величества, досточтимый выпил шэн вина. Это случилось на приеме у правителя, и Лань не мог ему отказать. Если бы я, бедный праведник, не оказался на месте Ланя, то должен был переродиться на небе. Ныне же я прозябаю в этом захудалом месте и только через три года поднимусь на небо.

Сяо-дэ пришел домой и захотел во всем удостовериться: той же ночью он послал человека справиться о здоровье досточтимого Наня. Выяснилось, что днем он прилег поспать на ложе досточтимого Ланя, а когда настала ночь, исчез. Сяо-дэ поправился и семь дней кряду совершал благие подношения. К назначенному сроку он внезапно умер.

Чжу Сюнь освободил его семью от воинской повинности.

Лань и Нань — монахи, состоявшие при Новом монастыре. Нань выделялся среди монахов праведным поведением и полнейшим целомудрием.

Казнь святотатцев

Шэнь Сэн-фу был родом из округа Усин. В последнем году под девизом правления Великая мудрость (464) в тех местах начался голод. В поисках провизии Сэн-фу дошел до Шаньяна. Днем он добрался до деревни, где ему удалось раздобыть пищу, а на обратном пути остановился на ночлег в крохотном скиту неподалеку от монастыря. В то время в монастырях Шаньяна было множество маленьких медных фигурок Будды. Сэн-фу и несколько его односельчан-попутчиков их выкрали, доверху наполнив три-четыре мешка. По возвращении домой они переплавили их на деньги. Дело открылось. Их схватили и повели в город. Только их посадили в лодку, как они закричали:

— Смотрите, люди! Огонь сжигает нас!

Они голосили весь день и ночь, вопили, что не вынесут таких мук. Они умерли, еще не прибыв на место казни. Все тела их были изъедены огнем, будто горели на костре.

Чжу Хэн из округа Усин лично знал Сэн-фу и был свидетелем этого события.

Бхикшуни Ши Хуэй-юй

Бхикшуни Ши Хуэй-юй из Чанъани трудилась с истым усердием, безукоризненно исполняла монашеские обеты. Как-то в чанъаньском монастыре Сюешаншусы она в продолжение десяти дней наблюдала бело-красное свечение. В празднества Восьмого дня четвертого месяца к ним в монастырь прибыл шрамана Шестиярусного монастыря и в том месте, откуда исходило свечение, обнаружил золотую статую Майтреи высотой этак с чи.

Впоследствии Хуэй-юй перебралась на юг в земли Фань и Ин, затем состояла монахиней при обители святости в Цзянлине. Ночью десятого месяца четырнадцатого года под

девизом правления Великая радость (438) она увидела багровое сияние, исходящее от дерева к востоку от монастыря и осветившее всю рощу. Она сказала об этом своей соученице Мяо-гуан и другим, однако никто из них этого свечения не увидел. Более двадцати дней наблюдала его Хуэй-юй, а потом настоятельница монастыря Ши Фа-хун стала возводить под тем деревом залу для самосозерцания. Она посмотрела наверх и в ветвях дерева увидела золотую статую сидящего Майтреи высотой также в чи с небольшим.

Божественная монахиня

Шэй Цзун-сянь с молодых лет истово уверовал в Закон, а по достижении тридцатилетия умножил свое усердие. В третьем году под девизом правления Начало благоденствия (468) он принял обеты бодхисаттвы. Пост он отправлял в доме Се Хуэй-юаня. В продолжение двадцати четырех суток дни и ночи без сна и отдыха слушал Цзун-сянь сутры, стоя на коленях перед курильницей «сорочий хвост»⁵⁰. В третий вечер от начала поста он увидел человека необычной внешности. Тот подошел прямо к курильнице, взял ее и унес. Цзун-сянь видел, стоя перед курильницей на коленях, что та осталась на своем прежнем месте. А ведь он ясно видел человека и то, как он взял и унес курильницу. Цзун-сянь понял, что ему было явлено чудо. Он подумал, что ему подобало быть при этом в выстиранном платье, но все на нем и без того было чистым. Разве что следовало вынести плевательницу, стоявшую поблизости. Вернувшись, он вновь застал человека перед курильницей и увидел две курильницы, которые затем слились в одну. Остался лишь силуэт той курильницы, которую уносил человек-божество.

Цзун-сяню как-то рассказали, что в монастыре, Простирающем благо, есть бхикшуни Сэн-цинъ, истовым тцанием обретшая Путь. Цзун-сянь жил в радостном предчувствии встречи с этой монахиней. Однажды он отправлял пост в одном доме и ночью, в третью стражу, увидел наконец бхикшуни. Бхикшуни была строгой внешности и чинного поведения; на ней была монашеская накидка-кашя багряного

цвета. Она стояла в отдалении от того места, где совершался пост, а затем исчезла. Потом Цзун-сянь был представлен этой бхикшунни. По облику и одеянию он узнал в ней божество, которое видел когда-то.

Тунговый щит

Хэ Цзин-шу из округа Дунхай с молодых лет чтит Будду. В годы под девизом правления Начало благоденствия (465—471) он сопровождал сяньжоуского наместника Лю Тао в инспекторской поездке в уезд Инпу. Ему попалось сандаловое дерево, годное для изготовления статуи Будды. Статуя была изготовлена, а дерева для киота не нашлось. При всем старании Цзин-шу так ничего и не смог подыскать. Опершись о столик, он забылся сном. Во сне ему явился шрамана в локутной рясе и с посохом, который сказал так:

— В семье Хэ, проживающей в этом уезде, есть тунговый щит. Он прекрасно подойдет для твоего киота. Семья Хэ очень им дорожит, но ты постарайся заполучить его.

Цзин-шу проснулся и стал расспрашивать местных жителей. В конце концов он разыскал семью Хэ и стал просить продать ему щит. Глава семьи удивился:

— У нас действительно есть щит, но мы им очень дорожим. Откуда Вы, Ваша светлость, узнали о нем?!

Цзин-шу во всех подробностях рассказал свой сон. Хозяин обрадовался и поднес ему щит.

Встреча старых друзей

Юань Бин, по прозвищу Шу-хуань, был уроженцем округа Чэньцзюнь. В последний год под девизом правления Начало благоденствия (471) Шу-хуань был начальником уезда Линь-сянь. Прошли годы после его смерти, и он перед рассветом будто во сне явился своему другу Сыма Суню. Он по порядку рассказал, что с ним произошло за долгие годы разлуки, расспросил, что да как, а потом поведал Суню следующее:

— Мы с Вами всю жизнь держались мнения, что гонка за должностями — тяжелая повинность, а смерть — отдых. Ныне же я стал понимать, что все иначе. Люди пребывают в миру в вечных муках, пекутся о славе и алчут злата, подносят друг другу дары. И на загробной стезе все происходит так же, повторяясь вновь и вновь.

— А действительно ли зло и добро воздаются? — спросил Сунь.

— То, что я здесь увидел, не совсем соответствует тому, что толкует закон сутр. Ибо Мудрейший (Будда) вынужден был говорить так в миру. Теперь я вижу, что разница между добром и злом не столь велика. Однако убийство живых существ все-таки тяжкое преступление. Будь осмотрителен и не нарушай этот запрет! — предостерег Шу-хуань.

— Дабы запечатлеть Ваши подлинные свидетельства, могу я сообщить о них господину министру? — осведомился Сунь.

— Прекрасная мысль! — воскликнул Шу-хуань. — И попрошу засвидетельствовать господину министру мое дружеское к нему расположение.

В то время управитель общественных работ досточтимый Ван Цзян-му⁵¹ вступил в должность министра чинов. И Шу-хуань и Сунь были дружны с министром, бывали у него в гостях. Потому о нем и зашла речь. Друзья поговорили о том о сем, обменявшись, быть может, несколькими сотнями слов, и Шу-хуань стал прощаться.

— Разлука была такой долгой, и Вам так не просто изложить все свои впечатления. Почему бы Вам не остаться у меня на время? — предложил Сунь.

— Я пришел ненадолго и не могу у Вас задерживаться. К тому же я не получал полномочий вести такие беседы, — сказал Шу-хуань и ушел.

Когда пришел Шу-хуань, была темная ночь. Сунь был в забытьи, но образ друга предстал перед ним в светлой яви. Когда Шу-хуань собрался уходить, Сунь встал с ложа проводить его. Но только он надел сандалии, как снова стало темно. Там, где прежде стояли ступни Шу-хуаня, он увидел свечение в чи с небольшим. Отблеск света падал на ноги Суня, вокруг же был мрак.

История павшего монаха

Шрамана Дао-чжи был монахом Северного монастыря умножения драгоценностей. Сангха назначила его хранителем монастырской ступы, а он тайком крал пологи, балдахины, другие драгоценности и украшения. Наворовал он очень много, а потом еще выкрал жемчужины из брови Будды. Затем он проделал отверстие в стене, дабы свалить пропажу на грабителей со стороны. Потому сангха и не смогла его уличить. По прошествии десяти дней Дао-чжи заболел: ему стало являться чудище, вонзающее в него копьё. Чудище то уходило, то возвращалось, и каждый его приход сопровождался истошными воплями истекающего кровью Дао-чжи. Вначале такое случалось раз-два на дню, а затем болезнь ужесточилась. Чудище с копьём стало приходить часто: все тело Дао-чжи покрылось ранами. Монастырская братия заподозрила, что у Дао-чжи были преступления, и пожелала принять от него покаяние. Тот поначалу отмалчивался, но вот прошли два, а затем три дня, и он во всем признался. Рыдая, он умолял братию:

— Я, глупец, заблуждался, когда успокаивал себя тем, что меня минует скверна ада! Потеряв бдительность, я совершил преступление и навлек на себя беды и страдания. Меня при жизни подвергли истязанию, а после смерти пути, мечи и котел доконают меня! Уповаю только на ваше сострадание! После меня ничего не останется — лишь одежда да войлочные тапочки. Этого будет достаточно для устройства монашеского собрания, на котором прошу вас каяться и молить за меня. Я украл две жемчужины со статуи Будды. Одна принадлежит теперь моей матушке, и вернуть ее невозможно. Другую я отдал в залог в семью Чэнь Чжао. Ее можно выкупить.

Когда Дао-чжи умер, монахи сообща собрали деньги и выкупили жемчужину. Они совершили пост с покаяниями. Когда мастер принялся устанавливать жемчужину на прежнее место, ему это не удалось, как ни крутил он ее, как ни прилаживал. Монахи еще раз совершили поклонение Будде и воскурили благовония, и тогда жемчужина стала на место.

Через год товарищи Дао-чжи услышали в темной ночи какие-то звуки. Они прислушались и узнали голос Дао-чжи.

— После смерти мне были уготованы тяжкие муки! Ближиться завершение кальпы, а я так и не избавлюсь от мук ада. Благодаря вашему заступничеству и покровительству, а также тому, что вы выкупили жемчужину, меня на время отпустили. Я на себе ощутил, как беспредельно ваше милосердие, и пришел благодарить вас, — закончил на этом Дао-чжи. Когда Дао-чжи говорил, в воздухе витал тошнотворный запах гнилого мяса. Столь тяжкими были муки, претерпеваемые им. И еще долго стоял этот запах, прежде чем исчезнуть.

Эти события происходили в последний год под девизом правления Начало благоденствия (471). Летописцы из того монастыря расписали их во всех подробностях.

Ночное видение Чэнь Вэй-юаня

Чэнь Вэй-юань был родом из округа Инчуань, служил судьейским чиновником в Сянчжоу. Однажды он гостил в уезде Линьсянь. Вэй-юань с юных лет уверовал и чтит Три драгоценности; не ослабевала его вера и теперь, на склоне лет. В седьмом месяце второго года под девизом правления Полное великолепие (475) с наступлением ночи он лег спать, а перед сном стал раздумывать о том, что все сущее в его бесконечном многообразии умирает и рождается вновь и круговорот этот бесконечен. Подумал он и о том, откуда произошел сам, и собрался было спать. Совсем стемнело. Светильника в комнате не было, но вдруг Вэй-юань увидел у изголовья свет, как будто излучаемый светлячком. Ясный лучезарный свет разлился во мраке, а затем погас. И вдруг вся комната осветилась как на заре. Вэй-юань поднялся и сел, сложив ладони в молитве. На высоте четырех-пяти чжанов над входной дверью он увидел висящий в воздухе мост с красными перилами и беседкой. Неведомая сила подняла Вэй-юаня вверх, и он очутился на мосту. По мосту туда-сюда ходили мужчины и женщины. Их одежда покроем не отличалась от той, что носят в миру. Последней была

женщина лет тридцати. На ней была черная куртка и белые полотняные штаны. Она подошла и стала слева от Вэй-юаня. Вскоре появилась еще одна женщина: вся в белом, волосы связаны в узел, в руках цветы и благовония. Она стала перед Вэй-юанем и молвила:

— Вы хотели увидеть свое прежнее обличье? Это я и есть! Эти цветы я поднесла Будде и потому перевоплотилась в Вас.

Она повернулась к седой женщине:

— А это мое предшествующее обличье, — сказала она и удалилась. После того как она ушла, моста не стало, а сам Вэй-юань неведомо как очутился внизу на прежнем месте. Свет сразу же померк.

О том, как нерадивый монах побывал в аду

Шрамана Чжи-да состоял монахом при обители Одиночества, что в области Ичжоу. Поведения он был весьма нестроного, но знал сутры и хвалебные песнопения. Двадцати трех лет в шестом месяце третьего года под девизом правления Полное великолепие (476) Чжи-да заболел и умер. Но тело Чжи-да еще теплилось, и похороны откладывались. По прошествии двух дней он мало-помалу стал возвращаться к жизни, а утром третьего дня смог рассказать об увиденном. Из его рассказа следовало, что на пороге смерти появились двое в платье для верховой езды из желтого полотна. Один встал у дверей, а другой подошел прямо к постели и обратился к Чжи-да:

— Святой отец, Вы должны идти. Вы сможете подняться?

— Я сделался совсем немощен и не гожусь для пеших переходов, — отвечал Чжи-да.

— Вы можете сесть в экипаж, — предложили ему, и тотчас во дворе появился экипаж. Чжи-да сел в него, сознавая, что отныне не увидит родных и свой дом. Он во все глаза глядел по сторонам, и его взору открылась дорога, пролегающая по местности пустынной и суровой. Им указали путь, и посыльные, не переводя дух, примчали его к красным воротам. Ворота были красоты необычайной. Чжи-да

вошел во внутренний двор. В судебном зале восседал знатный господин в красных одеждах и тюрбане, обличья крайне торжественного и чрезвычайно грозного. По сторонам от него за рядом ряд стояла сотня охранников: все в красном и с мечами наперевес. Увидев Чжи-да, господин приосанился и сурово спросил:

— Человек, ушедший в монахи! Почему у тебя так много грехов?!

— С тех пор как я стал сведущ в Законе, мне не приходилось помышлять о грехе, — возразил Чжи-да.

— А обеты почитать Вы не перестали? — спросил господин.

— К принятию монашеского сана я все без исключения обеты заучил наизусть. Последнее время я постоянно исполняю на проповедях обязанности возвращающего сутру. Потому и перестал читать обеты, — отвечал Чжи-да.

— Если шрамана не читает обеты, разве же это не преступление! Ну а сутру Вы можете прочитать? — продолжал допытываться господин.

Чжи-да начал было читать «Сутру цветка Закона», но произвел лишь тоекратный повтор и умолк. Знатный господин приказал слугам, доставившим Чжи-да:

— Отведите его напрямиком в землю преступников! Но не смейте мучить слишком жестоко!

Слуги выволокли Чжи-да за двери. Они прошли несколько сотен ли: все явственнее слышались во мраке грохот и гвалт, клокотанье и рев. Дорога петляла и терялась во мраке. Наконец они пришли к иссиня-черным воротам высотой в несколько десятков чжанов. Те ворота были железными; такими же были и стены. Чжи-да подумал про себя, что это и есть та адова земля, о которой рассказывается в сутрах. И тогда он стал горько сожалеть о том, что при жизни не соблюдал себя в строгости.

Когда Чжи-да прошел в ворота, гвалт вначале усилился, а затем прекратился. Он понял, что то были людские вопли. За воротами сгущалась тьма: снова не видно ни зги. Свет пламени то угасал, то разгорался, и тогда Чжи-да видел впереди себя узников, а за ними людей, истязавших их щипцами. Кровь лилась ручьями.

Среди узников оказался дядя Чжи-да. Они узнали друг друга и хотели было перемолвиться, но дядю истязали так, что он от боли не мог вымолвить ни слова.

Чжи-да прошел две сотни шагов и увидел нечто похожее на рисовый амбар высотой в чжан или более. Охранники затащили Чжи-да на крышу амбара. Внутри горел огонь, и пламя охватило Чжи-да: его тело обгорело наполовину. Боль была нестерпимой. Он свалился с амбара на землю и долго не приходил в сознание. Затем охранники увели его.

Чжи-да увидел десять больших железных котлов, в каждом из которых варились грешники. Они то погружались в кипяток, то всплывали на поверхность, а у котлов стояли люди, истязующие их щипцами. У тех грешников, кто все же выбирался из котла, глаза были вытаращены, язык вывалился изо рта на целый чи, тело было покрыто язвами и ожогами. Но смерть так и не брала их. Все котлы были заполнены, и только один оставался пустым.

— Вам сюда, святой отец, — сказали охранники, и Чжи-да обомлел от испуга.

— Господа! Уважьте бедного праведника! Один только раз позвольте поклониться Будде! — взмолился он и принял что было мочи отбивать поклоны Будде, моля об избавлении от мук. Только он пал оземь и единожды покался, как страшное видение исчезло. Его взору ясно и отчетливо предстала равнина с деревьями в цвету. Однако охранники не отпустили Чжи-да. Они привели его к высокому и узкому столбу, на вершине которого еле уместился один человек. Человек сказал Чжи-да:

— Вы, шрамана, получили легкое воздаяние. Вам еще есть чему радоваться!

Только что Чжи-да был у столба и вдруг очутился в собственном теле. Ныне Чжи-да все еще пребывает в обители Одиночества. Он стал строже соблюдать обеты, занимается самосозерцанием и чтением сутр с большим усердием.

Похождения Сы-ду на том свете

Юань Ко, по прозванию Сы-ду, был уроженцем округа Чэньцзюнь. В годы под девизом правления Полное ве-

ликолепии (473—476) Сы-ду был помощником начальника округа Уцзюнь. Он заболел и несколько дней был при смерти, однако дыхание его не прервалось. Были приготовлены погребальные принадлежности, но на третий день Сы-ду шевельнулся и поднял веки, а потом рассказал следующее.

Появился посланник и приказал Сы-ду следовать за ним. Они пришли к городскому рву. Башни с бойницами в этом большом городе были высоки и неприступны, а лестницы и ворота величавы и прекрасны. Сы-ду было приказано войти в город. С южной стороны сидел владыка, а на ступенях лестницы — многочисленная охрана в доспехах и шапках. Оруженосец указал место, где сесть Сы-ду. Ему в холодном и горячем виде поднесли вино, жареное мясо, фрукты, соленые овощи, мясные и рыбные закуски. Он все отведал: ни одно блюдо ни по виду, ни вкусом не отличалось от тех, что едят в миру. Отпив вина, владыка обратился к Сы-ду:

— С главой моего счетного ведомства случилось несчастье, и теперь его место пусто. Зная Ваш ум и способности, я ускорил Вашу кончину, полагая, что Вы примете на себя эти заботы.

Сы-ду сознавал, что находится в загробном мире, и наотрез отказывался: он, мол, не подходит для этой должности, его малые дети останутся сиротами, а братья разъехались кто куда и не имеют постоянной службы. Сы-ду просил смилостивиться над ним. Владыка увещевал его:

— Вас смущает, что здесь подземный мир. А между тем у Вас будет щедрое жалованье, и Вы ни в чем не будете нуждаться. Ваше довольствие, наряды и выезд будут такими, о которых при жизни Вы не могли и мечтать. Очень многие домогаются такой службы и живут надеждой на то, что их желание когда-нибудь сбудется.

И вновь Сы-ду настоятельно просил:

— Мои мальчики и девочки останутся одни-одинешеньки. А ведь они еще так малы! Если Ваш слуга примет назначение, то кто за ними присмотрит и кто их вырастит?! Неужели же отцовские чувства не заслуживают снисхождения?!

И он стал лить слезы и отбивать поклоны.

— Если Вы, сударь, против, я Вас не неволю. Достоин сожаления, что Вы не пошли навстречу нашим желаниям, —

молвил владыка, тотчас взял со стола свиток с записями гражданских дел и сделал в нем соответствующую пометку. Сы-ду стал благодарить владыку за оказанную ему милость, а тот предложил напоследок:

— А не угодно ли Вам, сударь, проявить заботу об умерших прежде Вас родителях?

С Сы-ду послали провожатого, и тот повел его по присутственным местам, пока наконец они не добрались до городской стены. Ворота города были воротами тюрьмы. Сы-ду провели внутрь прямо в дальний угол тюрьмы. Там было много ветхих убогих строений, тесными рядами стоявших друг за другом. Последним был дом, в котором Сы-ду увидел свою мать, урожденную Ян. Вид у нее был несчастный, совсем не такой, как при жизни. Она увидела сына и обрадовалась. У окна стояла женщина вся в ранах и рубцах, изуродованная до неузнаваемости. Она позвала Сы-ду, но тому было невдомек, кто с ним разговаривает.

— Это же госпожа Ван. Разве ты не узнаешь ее?! — удивилась мать, а госпожа Ван молвила:

— В миру я не верила в воздаяние. Хотя у меня было не так много грехов, однажды я наказала прислугу плетью. Ныне я принимаю кару за это. С самой смерти меня мучили терниями, не давая перевести дух. Только теперь мне выпало свободное мгновение. Я слышала, как сюда вызывают по имени твою старшую сестру, и надеялась, что она заменит меня. Но ничего не получилось, и нам придется мыкаться вместе.

Она закончила говорить и зарыдала. Госпожа Ван была главной женой отца. Старшая сестра Сы-ду в это время стояла неподалеку.

Провожатый увел Сы-ду. Они прошли улицей через тянувшиеся один за другим кварталы: люди в миру живут в таких же. В последнем была хижина за бамбуковой изгородью. Там Сы-ду увидел отца в платке; он сидел, опершись о столик. Сы-ду вошел в двери, но отец замахал руками, отослав его со словами:

— Твое испытание закончилось! побыстрее возвращайся! И не смей больше приходить!

Сы-ду попрощался с отцом, преклонив колени. Провожатый довел его до дому и ушел.

Ныне Сы-ду служит конюшим императорского наследника.

Гуаньшинь освобождает от оков

Родом из каких мест Хань Хуэй — в точности неизвестно. Жил он в уезде Чжицзян. В последние годы правления династии Сун его дядя Ю-цзун служил при военном наместнике области Сянчжоу. В первом году под девизом правления Возвышенная мудрость (477) цинчжоуский наместник Шэн Ю-чжи поднял солдат в восточный поход. Сянчжоуский военный наместник Гэн Пэй-юй занял оборону, но не знал, откуда ждать удара. Он заподозрил Ю-цзуна в измене и убил его. Обезглавил он также его жену и детей, а племянника Хуэя заточил в тюрьму. Хуэя заковали в кандалы, надели на него деревянные колодки, намереваясь установить его сообщников, а затем уничтожить. Хуэй ждал неминуемого конца, даже не помышляя о побеге. Он как всегда служил Будде и читал наизусть сутру «Гуаньшинь цзин». За ночь он прочитал сутру несколько сотен раз. И тогда кандалы разлетелись с таким треском, какой издаст черепица на огне. Хуэй осмотрел кандалы: замки на них открылись сами собой. Он испугался, что тюремный надзиратель обвинит в том его, и стал кричать. Тюремщик хотя и удивился до крайности, но вновь заковал Хуэя в кандалы. Тот продолжил чтение сутры, и по прошествии дня оковы вновь пали. Тогда тюремщик обо всем доложил военному наместнику. Гэн Пэй-юй тщательно осмотрел кандалы, выслушал подробные показания Хуэя. Он был растроган и тотчас отпустил Хуэя на волю.

Хуэй жив поныне и с полнейшим усердием предается религиозному служению.

О том, как монах исправлял «Нирвана-сутру»

Ши Хуэй-янь был монахом Дунъяньского монастыря в столице. Он изведal сокровенный смысл Закона и был

в почете у праведников и мирян. Однажды ему показалось, что великая «Нирвана-сутра»⁵² излишне многословна, и он принялся ее сокращать. У него получилась сутра всего из нескольких свитков, с которой он сделал несколько списков и раздал единоверцам. Завершив дело, он прилег поспать и в полудреме увидел господина грозного вида ростом более двух чжанов. Господин молвил:

— Высокочтимая «Нирвана-сутра» — главная из всех сутр Трипитаки! Да как же ты, скудоумный, посмел вносить в нее собственные поправки?!

Хуэй-юань огорчился, но не внял предостережению, полагая, что и его сутра заключает в себе истину, содержит в себе многие откровения. На следующий вечер перед сном он вновь увидел того же господина. Тот был разгневан.

— Понятая и исправленная ошибка уже не есть ошибка. Вчера я предупредил тебя, но ведь тебе все нипочем! Твоя сутра непригодна для обращения в миру! В будущем она зачтется тебе во грех!

Хуэй-юань тотчас пробудился в полном замешательстве. Еще до наступления утра он разослал письма с просьбой вернуть ему списки, а по получении все их сжег.

Об этом событии известил нас монах Ши Дао-янь из обители Отреченных от сует мира.

Награда за благочестие

Младшая жена Ло Сина госпожа Фэй была уроженкой округа Нинду. Ее отец Юе Сун был наместником в области Нинчжоу. Госпожа уверовала с юных лет. По многу лет не сворачивая свитка, читала она «Сутру цветка Закона». Потом она заболела. В непрерывных муках ожидала она исполнения судьбы. Родные были в смятении и только подносили шелковую вату, дабы удостоверить ее смерть⁵³. А та про себя повторяла:

— Я читала сутры в надежде на благое покровительство. Но мои надежды не сбылись, и смерть близка.

Вскоре она забылась сном и то ли во сне, то ли наяву увидела в окне Будду. Будда дотронулся до нее рукой, и

тотчас ей стало легче. Мужчины и женщины, слуги и служанки, присутствовавшие при этом, узрели золотое сияние и ощутили благоухающий аромат. Двоюродная сестра Сина, она же жена моего прадеда по материнской линии Фэй Аня, служившего по ведомству чинов, находилась у постели больной и видела все своими глазами. Она преисполнилась великой радости и прониклась верой: отныне и до конца жизни соблюдала обеты. Те, кому было явлено сие чудное знамение, поведали о нем своим сыновьям и племянникам.

Гуаньшиньн внемлет мольбам узника

Пэй Цзы-цяо из уезда Иян служил главным делопроизводителем при областном наместнике Шэнь Вэнь-луне. В первом году под девизом правления Начало свершений (479) он был обвинен в преступлениях и взят под стражу. В молодые годы Цзы-цяо пришлось уйти в монахи. Хотя впоследствии он вернулся к жизни в миру, но продолжал твердить вслух сутру «Гуаньшиньн цзин». Вэнь-лунь был до крайности разгневан на Цзы-цяо, заточил его в такие тяжкие кандалы, которые положены смертникам. Цзы-цяо обуял страх. Не ведая, как спастись, он искренне уповал на сутру. Затвердив ее более сотни раз, он к ночи притомился и заснул. Спали и те десять заключенных, которые были брошены в тюрьму вместе с ним. В тюрьму был брошен и чиновник из уезда Сянси Ду Дао-цэ. Ему не спалось: то заснет, то проснется. Внезапно появилась и стала парить над Цзы-цяо пара белых журавлей, а затем один журавль опустился рядом с ним. И еще явился на миг образ прекрасного мужа. Дао-цэ поднялся и увидел, что кандалы находятся у ног Цзы-цяо, а следы от них остались на его теле. Дао-цэ изумился увиденному. Цзы-цяо тоже пробудился, и они вдвоем тщательно осмотрели кандалы.

— Снилось ли Вам что-нибудь? — спросил Дао-цэ.

— Не снилось, — ответил Цзы-цяо.

Тогда Дао-цэ рассказал ему все, что видел сам. Цзы-цяо не надеялся выжить, но на всякий случай позаботился о том, чтобы не навлечь на себя подозрения тюремщика. Он скре-

пил кандалы у себя на ногах. А по прошествии четырех-пяти дней Цзы-цяо был отпущен на свободу.

Мой старший брат Лянь был знаком с Цзы-цяо и Дао-цэ и слышал от них обоих рассказ о том, как все это было.

Последнее рождение мальчика с родимым пятном

О том, из каких мест родом Дун Цин-цзянь, неизвестно. Его отца звали Сянь-мин; в первый год под девизом правления Начало свершений (479) он служил начальником легкой кавалерии. Когда мать Цин-цзяня госпожа Цзун была беременна, ей приснился человек и сказал:

— Ты непременно родишь мальчика. На теле у него будет синее родимое пятно, и назвать его можно будет Цин-цзянь (Представший с родимым пятном).

Родился мальчик, точь-в-точь как было предсказано, и его так и назвали. Мальчик был мил, прекрасно говорил и смеялся. Он был от природы мягок и податлив. Родителям не случалось видеть его недовольным, а все, с кем он общался, были от него в восторге. В четырнадцать лет он вступил в должность главного делопроизводителя при областном наместнике. В первом году под девизом правления Начало свершений наследник престола усмирил земли Фань и Хань и произвел Цин-цзяня в должность советника по водному ведомству. В шестнадцатый день седьмого месяца второго года под девизом правления Начало свершений Цин-цзянь захворал и слег. Он понял, что ему уже ничто не поможет. На восемнадцатый день, чуя смертный час, он присел на постели и так сказал своей матери:

— Близятся к концу мои мучения и грядет счастливая пора! Настает вечный предел моей жизни! Я желал бы, чтобы Вы, матушка, не печалились, расставаясь со мной!

Цин-цзянь семикратно громко разрыдался, а когда затих, его жизнь оборвалась. В ночь перед тем, как родные собирались неподалеку от дома предать тело земле, из гроба раздался глас:

— Пути живых и мертвых расходятся! Так не смейте же помещать гроб близ жилища! Придет праведник, сотворивший статую Будды, и укажет место погребения!

На следующий день действительно пришел праведник, назвавшийся Тань-шунем. Как и повелел голос, родные обратились к нему за разъяснениями. Тот представился:

— Я, бедный праведник, живу в Монастыре южной рощи. Я заканчиваю статую Будды высотой в восемь чжанов. Ваш сын получил о том благою весть. К

западу от монастыря есть небольшой пустующий участок земли. Можно будет совершить погребение там.

Тогда Цин-цзяня захоронили неподалеку от монастыря. Через три дня мать и с десяток родственников пришли на могилу принести жертвы. К востоку от могилы они увидели Цин-цзяня такого же, как при жизни.

— Я прошу Вас, матушка, не горевать более и вернуться домой. Я возвратился с того света и живу в этом монастыре, — сказал он.

Мать уняла рыдания и вернулась домой. Вся семья стала питаться только овощами и соблюдать долгий пост. В одиннадцатый день добавочного месяца високосного года отец увидел во сне Цин-цзяня, и тот ему сказал:

— Я прошу Вас, батюшка, перейти в восточную комнату.

Сянь-мин совершил омовение благовонной горячей водой и перебрался в восточную комнату. В четырнадцатую ночь месяца он услышал зов сына, тотчас встал и вышел во двор. У входа стоял несколько не изменившийся Цин-цзянь.

— Где ты живешь? — спросил его отец.

— С наступлением смерти я живу во дворце, где обучаются божества, а по истечении ста дней должен буду переродиться на небесах Трайястримша. Мне невыносимо было видеть, как Вы, отец, мать и братья скорбите и убиваетесь по мне. Тридцать семь дней

я отбивал поклоны буддам и бодхисаттвам, упрашивал Четырех небесных правителей⁵⁴ и мне было позволено на время вернуться к вам. Я хотел бы, чтобы отныне Вы, батюшка и матушка, не оплакивали меня и не приносили жертвы на моей могиле. Желание матушки увидеться со мной скоро исполнится. Пройдет немного времени, она уйдет из жизни и переродится там же, где и я. Вам, батюшка, отмерен судьбою срок в семьдесят три года. По его истечении Вам придется три года подвергаться карающему возмездию. Избежать возмездия можно только посредством истового радения на религиозном поприще, — наставляя Цин-цзянь.

— Ты пришел ночью, а отчего же тогда так светло? — спросил отец.

— Вместе со мной сошли на землю бодхисаттвы и небожители. Это они излучают свет, — отвечал сын.

И еще отец спросил:

— Ты встретился на небесах с кем-нибудь из знакомых?

— Я встретился с конником Ваном, Чжаном из Усина и дедом по материнской линии Цзуном из Сихэ, — ответил Цин-цзянь, а затем продолжил: — Я родился не только в Вашей семье. В течение сорока семи лет по сию пору я умирал и рождался семь раз. И только теперь обрел я четвертый плод⁵⁵. Прежде я дал семь обетов по собственному желанию родиться среди людей. Потому я и прошел через рождение и смерть. Отныне перерождениям положен вечный предел. Я освободился от семи мучений. Когда настала моя последняя смерть, передо мной прошли все предшествующие перерождения. И потому я семь раз громко разрыдался, расставаясь с Вашей семьей.

— В каких семьях ты рождался? — спросил отец.

— В семьях Цзяна, служившего по министерству чинов, Яна из Гуанчжоу, Чжана из Усина, Вана, служившего в кавалерии, Сяо из Усина, слуги Ляна и, наконец, Дуна, служившего начальником кавалерии, — отвечал Цин-цзянь. — Лишь это последнее перерождение длилось семнадцать лет. Остальные — три-пять или немногим более. Все эти долгие годы я подвергался пагубному влиянию, но неустанно приумножал религиозные заслуги. Я видел, как люди из этого мира после смерти низвергаются в три скверны. Возрождающихся на небе совсем немного. Только посредством религиозного совершенствования возможно обрести избавление от страданий! Я дал обет, родившись на небе, встретиться с Вами! Если этого не случится на небе, я встречу с Вами где бы то ни было!

И еще отец спросил:

— Твоя мать истосковалась по тебе. Теперь она при смерти. Быть может, ты повидаетсяь с ней?

— Лучше этого не делать. Не будем беречь её душу. Однако Вы, батюшка, передайте ей, о чем мы говорили с Вами. Но вот уже небожители уходят! Мне не позволено здесь долго находиться, — сказал Цин-цзянь, и вид его при этом был печален. Вдруг его не стало.

После его ухода ближняя бамбуковая роща благоухала ароматом, и все семейство наслаждалось им.

Полные имена глав семейств, в которых рождался прежде Цин-цзянь, следующие: Цзян Чжань, Ян Си, Чжан Юн, Ван Сюань-мо, Сяо Хуэй-мин, Лян-Цзи-фу.

Сянь-мин вскоре ушел в монахи и принял в монашестве имя Фа-цзан.

ДИНАСТИЯ ЦИ (479—502)

Барышня Сы-нян встречается с тетушкой на том свете

Урожденная Ван, по имени Сы-нян, в третьем году под девизом правления Вечная мудрость (485) заболела и умерла. Тело опустили на пол и обрядили. Однако сердце еще билось, и похороны отложили. По прошествии двух ночей тепло разлилось по телу, и к Сы-нян постепенно возвратилось дыхание. Вот она уже могла говорить и поведала следующее.

Двое посыльных занесли ее имя в список и увели прочь. Они привели Сы-нян к большим воротам. Там был шрамана, восседающий на варварском ложе. Шрамана увидел Сы-нян и очень удивился. Он спросил, зачем она пришла, а затем набросился на посыльных:

— Вы схватили человека по ошибке и получите сорок ударов плетью каждый! Ну а Вы, барышня, — обратился он к Сы-нян, — можете быть свободны.

Сы-нян отвечала, что, как привели ее сюда, не помнит, что дорога домой ей неведома, и попросила проводить ее. Шрамана тут же дал ей провожатого. В небольшом отдалении Сы-нян увидела высокую башню, а на ее вершине — умершего прежде нее слугу. Тот удивился и спросил:

— Сы-нян, как Вы сюда попали? Не хотите ли повидаться с Синь-фу?

Сы-нян попросила слугу тотчас отвести ее к Синь-фу, но тот отвечал:

— Я не могу этого сделать. Но Вы идите себе по дороге, и она сама приведет Вас к Синь-фу.

Слуга вручил Сы-нян хлыст со словами:

— Держите его бережно, и Вы будете знать дорогу.

Пройдя несколько ли, Сы-нян увидела Синь-фу, свою тетушку. Та теперь отбывала тяжелую повинность: руки и ноги были у нее связаны. Подобно гусю или утке, она ковыляла у

обочины дороги. Тетушка увидела Сы-нян и стала жалобно кричать. О себе она рассказала, что при жизни совершила преступление, чем и навлекла на себя эту жестокую кару. Прося о снисхождении и взывая к милосердию, тетушка пыталась ударить себя по щеке, но руки ее были крепко связаны. В стороне раздавались крики мучеников, однако их самих не было видно.

— Кто это так кричит? — спросила Сы-нян.

— Это — беспутные монахи. Они нарушали посты и преступали обеты, и их настигло жестокое возмездие. Они-то и кричат, — ответила тетушка.

Сы-нян отправилась в обратный путь и вскоре пришла домой. Она увидела свои останки и почувствовала к ним отвращение. У нее пропало желание вернуться к жизни. Вдруг какой-то человек толкнул ее сзади: она упала на свои останки, слилась с ними и постепенно ожила.

Тот человек здравствует и поныне.

Монах Ши Хуэй-цзин

В годы правления под девизом Вечная мудрость (483—493) в монастыре Старейшины¹ жил монах Ши Хуэй-цзин. В детстве он был бойким и общительным мальчиком; в четырнадцать лет на него внезапно снизошло просветление, и он ушел в монахи: питался только растительной пищей и носил грубую одежду. Хуэй-цзин торжественно поклялся неустанно и с полным тщанием читать «Сутру цветка Закона», невзирая на болезни держать свиток в руках. Тогда же он дал обет собрать сутру в сто разделов и тем самым преодолеть кармическую преграду². Вначале он собрал тысячу шестьсот монет. К нему заявили разбойники и стали искать, чем бы поживиться. Хуэй-цзин показал им деньги, отложенные на сутру. Разбойники растрогались и ушли восвояси.

После того как Хуэй-цзин собрал сутру в сто разделов, его болезни отступили. Приступив к чтению собранной им сутры, он ощутил, что его желания в этой жизни полностью удовлетворены, а последующее чтение сутры способствует

рождению в райской Стране покоя и радости. И тогда он услышал неведомо откуда:

— Твое желание уже исполнено! Ты удостоился там переродиться!

Хуэй-цзин умер, хотя и был в полном здравии. Было ему восемьдесят с лишним лет.

ИСТОРИИ РАЗНЫХ ЭПОХ

Неведомое существо

Шрамана Ань Фа-кай был уроженцем Севера. Однажды он увидел, как с крыши дома упало на землю, ползало и извивалось, а затем исчезло неведомое существо длиной в три чи.

Происшествие в Пубани

В восьмом году под девизом правления Великая радость (432) в городе Пубань случился большой пожар. От одного небольшого дома остались одни головешки. Но из-под кучи золы достали целую сутру: бумага была такой же, как и прежде.

О юнцах, испытавших грозную силу Гуаньшиня

При династии Цзинь жил выходец из Индии Чан-шу¹. Он всецело посвятил себя декламации сутры «Гуаньшинь цзин». Чан-шу жил в землях У. В городе разразился пожар. Пылали балки и стропила домов; черепичная кровля и карнизы — все сгорело дотла. Дом Чан-шу стоял как раз на пути огня. Когда огонь подобрался совсем близко, Чан-шу принялся всем сердцем звать к Гуаньшиню. Внезапно ветер переменился, и пламя, охватившее было жилище Чан-шу,

угасло. Так был спасен дом Чан-шу. Весь уезд подивился на это чудо и восхитился божественным даром Чан-шу.

Были дурные юнцы, которым показалось странным, как это старик-варвар вызвал чудо: видно, огонь сплеховал. В ночь, когда подул сильный ветер, юнцы стали бросать факелы на крышу дома Чан-шу. Четыре раза бросали они факелы, и всякий раз огонь потухал. Юнцы опешили, а наутро пришли к Чан-шу, били челом и винулись перед ним. Тот им сказал:

— Сам я не обладаю чудодейственной силой. Я уповаю на Гуаньшииня, и мне всегда удастся избежать опасности.

Чудотворная статуя

При династии Цзинь в столичном монастыре Глиняных гробов² жил шрамана Сэн-хун. В двенадцатом году под девизом правления Полное великолепие (417) вышел государственный запрет на литейные работы. Сэн-хун поклялся отлить статую в чжан и шесть чи:

— Если отливка удастся, я и смерть приму без сожаления!

И он тайно приступил к изготовлению статуи. Отливка была закончена, но статуя все еще оставалась в литейной форме, когда надзиратели схватили Сэн-хуна. Его заточили в тюрьму и заковали в самые тяжкие оковы. Все свои помыслы Сэн-хун обратил к Гуаньшииню. Днем он сотни раз зачитал сутру, а во сне увидел, что отлитая статуя с ним в тюрьме. Статуя дотронулась рукой до головы Сэн-хуна и промолвила:

— Не печалься.

А из груди статуи била на один чи kloкочущая струя цвета меди. В день, когда Сэн-хуна заточили в тюрьму, произошло следующее. Все коровы и лошади в государстве не захотели входить в загоны. Люди посчитали это дурным знаком. Через десять дней в Пэнчэн, где был в заточении Сэн-хун, пришел указ об освобождении. Тем временем статуя сама явилась в свет, разрушив литейную форму.

Высокоученый Ши Се склоняется перед Гуаньшиинем

Ши Се слыл ученым. Он чтил Дао и не жаловал Будду. Ши Се говаривал:

— Будда — ничтожное божество, служить которому нет резона!

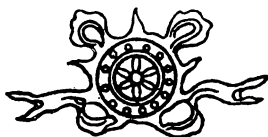
Всякий раз, когда он видел статую Высокочтимого, то по обыкновению глумился над ней. А потом его разбил паралич — бэри-бэри. Ши Се кому только ни возносил молитвы, но от недуга не исцелился. Его друг Чжао Вэнь посоветовал:

— Блага, дарованные Буддой, — наипервейшие среди благ, даруемых нам! Не попробовывать ли тебе изготовить статую Гуаньшииня?!

Болезнь Ши Се ужесточилась, и он по совету друга изготовил статую. Ночью Ши Се явился во сне сам Гуаньшиинь, и вскоре болезнь отступила.

Исполнение желания

Жена Чэнь Сюань-фаня, госпожа Чжан, самозабвенно чтила Будду. У нее было заветное желание изготовить статую. Она всю жизнь жертвовала, надеясь на исполнение своего желания. В один из дней, когда госпожа Чжан сосредоточенно думала об этом, вдруг на высоком постаменте появилась статуя Гуаньшииня, испускающая сияние в пять чи.

Хоу Бо
ДОСТОПАМЯТНЫЕ
ПРОИСШЕСТВИЯ

Опухоль в срамном месте Его Величества

Во времена династии У (222—280) в Цзянье (совр. Нанкин) в укромном месте заднего парка императорского дворца обнаружили золотую статую. Стали доискиваться, каково ее происхождение, и выяснили, что она изготовлена при царе Ашоке, что соответствует началу правления династии Чжоу¹. Пребывала же статуя при дворе, правящем на Янцзы. Как знать, почему она там оказалась?! Ведь при династиях Цинь, Хань и Вэй² закона Будды не было в южных пределах Срединного государства. Как же случилось, что статуя была захоронена в земле?!

Сунь Хао стал обладателем статуи, но был лишен веры. Он отнесся к ней не слишком почтительно: поместил в отхожее место и держал вместо скребка. В Восьмой день четвертого месяца (День рождения Будды) он пришел справить нужду и решил позабавиться.

— Это и будет омовением Будды в Восьмой день! — сказал Хао и помочился на голову статуе. Сразу же он стал опухать, а в срамном месте опухоль была самой большой. Хао кричал и звал на помощь, не в силах стерпеть боль. Великий астролог произвел гадание и изрек:

— Это является следствием оскорбления, которое было нанесено великому божеству!

Тут же принялись приносить жертвы божествам, но они не дали результата. Дворцовая наложница, искренне верившая в Будду, сказала правителю:

— Будда — великое божество. Ваше Величество, Вы осквернили Будду и ныне в опасности. Ваше Величество, попросите у него прощения!

Хао поверил ей. Он бил челом об изголовье, вверяя себя Будде, каялся и почтительнейше просил о милости. Через некоторое время ему полегчало. Тогда Хао в конном экипаже встретил шрамана Кан Сэн-хуэя и доставил во дворец. Ароматной водой он омыл статую. Хао глубоко раскаялся в содеянном, умножая религиозные заслуги, щедро облагодетельствовал Монастырь достижения умиротворения. Боль в потаенном месте понемногу прошла.

Дарование статуй

В первый год правления династии Западная Цзинь императора Минь-ди под девизом Утверждение процветания (313) в устье реки Худу в уезде Усянь округа Уцзюнь было много рыбаков. Они увидели двух человек, плывущих по морю, и подумали, не есть ли то морские божества. Позвали шамана прочесть заклинания и подготовить жертвенное животное для встречи тех божеств. Поднялся ветер, и море разбушевалось. Шаман испугался и убрался восвояси. Еще там были последователи учений Пяти доу риса, Желтого императора и Лао-цзы³.

— Это Небесные наставники⁴, — утверждали они, и все вместе пошли навстречу божествам. Как и раньше, поднялась буря. Читвший Будду мирянин Чжу Ин из уезда Усянь прослышал о случившемся и воскликнул:

— Не великое ли прозрение ниспослано нам?!

Тогда он исполнил обет очищения и вместе с монахинями-бхикшуни Монастыря благоволения Востоку и несколькими людьми, верившими в Будду, пришел к устью реки Худу. Склонив головы, они пошли навстречу божествам. Ветер стих, и море было покойно. Два плывущих человека на волнах прилива приближались к берегу и были видны все отчетливее. То были каменные статуи. Думали, что поднять статуи даже силачам не под силу, но попробовали — и легко их подняли. Их тут же погрузили на тележку и отвезли в Монастырь постижения сокровенного. На спине одной статуи была вырезана надпись Випашьин⁵, а на спине второй — Кашьяпа⁶. Никто не смог разобрать надпись об императоре и эпохе правления, однако следы ее были видны отчетливо. Высота каждой статуи была семь чи. В монастыре возвели трон Закона и хотели установить на нем обе статуи. Как ни пытались несколько десятков человек сдвинуть статуи с места, им не удалось. Тогда перед этим к статуям обратились с просьбой — и они легко стали на место.

О происшедшем представили доклад двору. Толпа мужей, уповающих на Будду, заполнила девять из десяти помещений монастыря. Шрамана Ши Фа-кай, сам пришедший из за-

падных краев, поведал, что в сутрах говорится о двух статуях в землях Востока. Во времена, когда царь Ашока возводил ступы, такие статуи подносили в дар при ритуале представления императору. Тем самым устранили накопленные грехи.

В отдельной биографии говорится, что двенадцать индусов-шрамана отправили статуи в округ Уцзюнь. Эти статуи и не тонули в воде. Об этом был доклад трону, и вышел указ оставить их в округе Уцзюнь.

Божество озера с беседкой

Во времена династии Цзинь близ реки Янцзы у озера с беседкой в Янчжоу (близ столицы Цзянькан, ныне г. Нанкин) обитало божество. Было оно очень жестоким и злым. В то время жил также странствующий монах из рода брахманов по имени Фа-цзан, который превосходно читал заклинания — дхарани, изгоняющие злые существа. Тому имелись многие свидетельства. К тому же был юный монах, который обучался у Фа-цзана заклинаниям. За несколько лет ученик добился успехов и также был способен подчинять себе все дурные и злобные существа. Поэтому он отправился в храм божества озера с беседкой провести там ночь за чтением заклинаний и повергнуть божество ниц. Той ночью божество появилось, и юный монах умер. Наставник Фа-цзан услышал о том, что его ученик умер за чтением заклинаний, и был разгневан. Однажды ночью он сам пошел в храм божества. С гневом в голосе читал он заклинания, но божество появилось, и наставник тоже встретил свою смерть.

В том же монастыре был монах, который превосходно владел учением мудрости-праджня. Он узнал, что наставник и ученик умерли, и пришел к тому месту, где обитало божество. Ночью в храме он читал «Алмазную сутру»⁷. В середине ночи он услышал сильный шум ветра и вскоре увидел огромное существо, которое вызывает страх и изумление. Существо было необыкновенное и страшное, с острыми длинными зубами и глазами, сверкающими, как молния. А обо всех разного рода превращениях божества и рассказать

невозможно... Монах сидел прямо и сосредоточенно читал сутру, не отрываясь ни на мгновение. Он не ощущал страха и всем своим видом это показывал. Увидев его спокойную наружность, божество смирило свою грозную силу. Оно подошло к монаху, преклонило правое колено и, сложив руки, с почтением до самого конца внимало сутре. Монах спросил:

— Благодетель-данапати⁸! Что вы за божество? Вначале Вы были таким грозным, а теперь так послушны.

— У меня, мой учитель, дурная карма. Это и есть мое воздаяние — быть божеством этого озера. Но я чту и уповаю на Вас, учитель, — ответило божество.

— Если Вы так преданны и почтительны, то откуда появилось у Вас желание убить тех двух монахов? — продолжал расспросы наставник в сутре.

— Причина смерти двух ваших предшественников в том, что они не овладели сутрами Махаяны. Со злобным сердцем читали они заклинания. Когда я появился, они осыпали меня бранью, желая унизить дурными словами. Но Ваш ученик не подчинился, и тогда, узрев мое дурное обличье, они умерли от страха. У Вашего ученика не было намерения убивать тех двух монахов, — отвечало божество.

Монахи и миряне из ближайших окрестностей знали, что два монаха были убиты. Они думали, что и этот монах уже мертв. Собравшись вместе, они пошли посмотреть. И вот они видят, что он в безопасности, а вид его безмятежен. Люди были удивлены до чрезвычайности и принялись наперебой расспрашивать монаха, в чем причина его счастливого избавления. В своем ответе монах объяснил случившееся во всех подробностях: причина воистину в грозном величии мудрости-праджня, а святое учение истинно. После этого люди обратились к овладению сутрами, воплотившими мудрость-праджня.

Отшельник с горы Человеческая Голова

Во времена династии Северная Вэй в монастыре Сяньцаосы, что на горе Человеческая Голова пика Тай⁹, жил монах Чжи-чжань. Он был уроженцем уезда Шаньжэнь-

сянь, что в Цичжоу. Его наставником был досточтимый Лан. Чжи-чжань был безупречного поведения, несуетлив и немногословен. Монастырь Сяньцаосы, при котором он состоял монахом, был основан Гунабхадрой¹⁰. Чжи-чжань странствовал в окружении диких птиц и зверей: они не боялись и не убегали от него. Чтение «Сутры цветка Закона» («Саддхарма-пундарика-сутра») было его постоянным занятием. Когда Чжи-чжань заканчивал свои дни, шрамана Бао-чжи¹¹ доложил династии Лян императору У-ди¹²:

— На Севере в монастыре Сяньцаосы, что в уезде Шаньжэньсянь, живет монах. Это святой — сротапанна¹³. Ныне он вступает в нирвану.

Праведники и миряне в Яндоу узнали о докладе Бао-чжи трону и издалека отправились к нему на поклон. Чжи-чжань закончил жизнь, сидя в прямой позе. На каждой из рук у него было раскрыто по одному пальцу. Там был монах с запада Индии, который объяснил:

— Если бы это был святой, обретший второй плод-сакридагамин, то на каждой руке у него было бы раскрыто по два пальца. Чжи-чжань раскрыл по одному пальцу. Это означает первый плод.

Все собравшиеся на горе Человеческая Голова возвели ступу и упокоили в ней Чжи-чжаня. Птицы и звери не осквернили его останков. Они на том же месте по сию пору.

А еще в области Юнчжоу был один монах, который также зачитывал «Сутру цветка Закона». Он жил отшельником на горе Белого Оленя. О нем заботился один отрок, который приходил к нему с подношениями. Когда он умер, его останки лежали под горой и все сгнили. Только язык долгие годы оставался невредим.

Оскопленный вновь обретает мужское достоинство

В первый год правления династии Вэй родоначальника¹⁴ под девизом Великая гармония (477) в столице Северных династий (г. Пинчэн) был подвергнут осклопению чи-

новник. Чиновник скорбел о своем увечье, сторонился людей. Он подал прошение об отставке с тем, чтобы уйти в горы и совершенствоваться в постижении Учения. Вышел указ разрешить ему отставку. У чиновника был один раздел «Аватамсака-сутры»¹⁵. Он зачитывал ее днями и ночами, приносил покаяния, не отрываясь ни на мгновение. С наступлением лета он ушел в горы. К концу шестого месяца у него появилась растительность на лице, а затем мужской признак. Его мужские достоинства стали в точности такими же, как и прежде. Обо всем случившемся был извещен император. Он умножил веру. Внутренний дворец (жен императора) пришел в изумление. «Аватамсака-сутра» пустила пышные всходы в государствах Северных династий.

Таинственная обитель

В начале правления династии Ци императора Гао-ди (479—482) шрамана Ши-гун — муж, обитающий на вершинах гор Суншань, из рожи направился на гору Белого Оленя и заблудился в дороге. Миновал полдень, когда он вдруг услышал звон колокола. Ши-гун пошел туда, где звонил колокол, и был уже совсем близко, когда путь ему преградил скалистый пик. Он взобрался на него и достиг цели. Ши-гун увидел монастырь, одиноко стоящий в густой роще. Ворота монастыря выходили строго на юг, были ослепительно красивы. А перед воротами он увидел деревянную доску с надписью: «Монастырь гриба долголетия».

За воротами было пять-шесть псов размером с быка, с белой шерстью и черными мордами. Одни ходили, другие лежали, косясь глазом на Ши-гуна. Ши-гун испугался и отошел. Вскоре он увидел откуда-то пришедших монахов-варваров. Ши-гун позвал их. Они не ответили и даже не повернули головы, а прямо вошли в ворота. Псы последовали за ними внутрь. Долгое время Ши-гун больше не видел людей. Он тихонько прошел в сле-

дующие ворота. Кругом во всех помещениях двери и окна были открыты. Ши-гун подошел к зале для проповедей и увидел только плетеные топчаны и высокое седалище внушительного вида. Он вошел с юго-западной стороны и сел на топчан. Прошло много времени, и вдруг Ши-гун услышал шум, доносившийся откуда-то с вершины опорного столба залы. Он поглядел наверх и увидел: через отверстие великой с колодезь один за другим слетают вниз бхикшу (странствующие монахи). Их прибыло пятьдесят-шестьдесят человек. Они заняли отведенные места и стали расспрашивать друг друга о том, кто из каких мест присутствует сегодня на трапезе. Называли Юйчжан, Чэнду, Чаньянь, Лунъю, Цзибэй, Линнань, Пять стран Тяньчжу¹⁶ и многие другие. Не было мест, откуда бы не прибыли бхикшу, пусть даже за десять миллионов ли. Самым последним спустился с неба один монах, и все стали его расспрашивать, почему он так поздно. Тот отвечал:

— Сегодня в Монастыре достижения другого берега-парамита на востоке города Сянчжоу наставник в дхьяне Цзянь читал проповедь в собрании. Каждый предлагал собственное толкование. Один весьма смысленный молодой человек задавал трудные вопросы. Его остроумные высказывания были так интересны, что я и не заметил, как наступил вечер.

Наставник в дхьяне Цзянь был в прежние времена отцом-наставником¹⁷ Ши-гуна. Ши-гун надеялся принять участие в общем разговоре, дабы продлить свое пребывание в этом изысканном обществе. Он привел в порядок платье, встал и обратился к собранию со словами:

— Цзянь — мой отец-наставник.

Монахи лишь взглянули на Ши-гуна, и монастыря, в котором он только что находился, не стало. Он одиноко сидел на камне у срубленного дерева, а там, где стояли монастырские строения, ничего не было. Лишь стая птиц парила над ущельем и нарушала тишину своим щебетом.

Покинув горную обитель, Ши-гун повстречался с закононаставником Шан-туном, и тот ему сказал:

— Этот монастырь возведен закононаставником Фо Ту-дэном¹⁸ во времена правления Ши Ху династии Поздняя Чжао¹⁹. То было в давние года, и обитали в нем мудрецы и святые. Они жили в монастыре не как обычные монахи. Одни плавали на лодках, другие уединялись в горах, проводили жизнь в странствиях и не имели постоянного жилища.

И ныне путники слышат звон колокола в тех горах.

Останки отшельника, читавшего «Лотосовую сутру»

В правление династии Ци императора У-ди (483—493) один человек копал землю у подножья горы Дунканьшань в Бинчжоу и натолкнулся на останки отшельника. Они были желто-белого цвета. Человек и те, кто были поблизости, пришли в удивление. Разглядывая останки, они увидели одну необычную вещь. Обе губы и язык между ними были ярко-красного цвета. О случившемся доложили правителю. Справились у даосов, но те ничего не знали. Шрамана-закононаставник Да-тун доложил трону:

— Это — чтец «Сутры цветка Закона». Всякому, кто зачитал ее тысячу раз, будут явлены такие знаки!

Тогда правитель приказал своему секретарю Гао Чжэню:

— Вы, сударь, будете моим доверенным лицом. Пойдите и удостоверьтесь во всем сами! Если будет явлено чудо, то распорядитесь перенести останки в подходящее место и устройте пост с подношениями.

Во исполнение приказа Чжэнь прибыл на место. Там собрались шрамана — чтецы «Сутры цветка Закона». У каждого в руках был сосуд с благовониями, приготовленными для возжигания и омовения. Они читали заклинание:

Те времена от нас уже далеко,
Когда вступил в нирвану Будда.
Ныне Закон подобия²⁰ повсюду обретает.
И дабы даровать его престолу без огрехов,
Пусть будет явлено нам чудное знаменье!

Едва были произнесены первые слова заклинания, как губы и язык одновременно задвигались. Они хотя и не издали ни звука, но как будто читали сутру. У всех, кто это видел, волосы встали дыбом. Чжэнь обо всем происшедшем извещил правителя. Был издан указ захоронить останки в каменной гробнице и перенести в горную хижину.

Сутра и статуя спасителя всех сущих

В годы правления рода Юань династии Восточная Вэй под девизом Небесное спокойствие (534—537) вербовщик Сунь Цзун-дэ отправлялся на защиту северной границы. Он отлил золотую статую Гуаньшиня и намеревался, вернувшись через год, совершить поклонение бодхисаттве. А потом Цзун-дэ вопреки приказу отступил перед грабителями и разбойниками. Его заточили в столичную тюрьму. Цзун-дэ не выдержал пыток, и его приговорили к казни через отрубание головы. Казнь была назначена на следующее утро. В ту ночь Цзун-дэ кланялся и каялся бодхисаттве, лил слезы ручьями. Он говорил бодхисаттве:

— Ныне тело мое истерзано. Это за то, что в прошлом я истязал других. Я даю обет, заплатив сполна свои долги, более такого не совершать.

Прошло немного времени после того, как он это сказал, и вдруг ему будто во сне является шрамана, читающий нараспев сутру о спасителе всех сущих Гуаньшине. Имя Будды, приведенное в сутре, Цзун-дэ должен повторить тысячу раз, и тогда будет вызволен из беды. Цзун-дэ вдруг почувствовал, что путы, которые прежде связывали его, более не препятствуют ему подняться из почтительности. Время близилось к рассвету, и когда охранник повел его за веревку на рыночную площадь, Цзун-дэ успел произнести имя только сто раз. Он повторял его по дороге и перед самой казнью, успев произнести тысячу раз. Палач опустил меч, но тот сломался на три части, не оставив на теле Цзун-дэ никакого следа. Сменили меч, и он снова сломался. Было так трижды,

и все три раза меч ломался, как прежде. Чиновники, надзиравшие за казнью, подивились на это чудо. Обо всем происшедшем был извещен двор. Канцлер Гао Хуань подал прошение по этому делу, и вскоре Цзун-дэ был помилован. Высочайше утвержденная рукопись той сутры дошла до нас. Ныне она называется «Сутра высокочтимого правителя Гуаньшииня»²¹.

Цзун-дэ вернулся домой и принял пост во исполнение обета. Подойдя к статуе, он увидел на ее шее три раны от меча. Селяне, жившие по соседству, тоже это видели и удивлялись, сколь сострадателен будхисаттва.

Безымянный монах

В Монастыре пяти князей-хоу уезда Фаньян жил монах, имя которого утеряно. Он постоянно читал нараспев «Сутру цветка Закона». Его тело временно захоронили под насыпью, а потом перенесли на место погребения. От него остались только иссохшие кости, и лишь язык был невредим.

Наставник в обличи сына

При династии Восточная Вэй правящего рода Юань жил наставник в дхьяне Чэн. Он принял на свое попечение «Сутру цветка Закона» и неустанно трудился на этом поприще. На исходе жизни Чэн был на содержании в семье господина Се из Хэдуна, а по смерти стал его пятым сыном. Сын от рождения мог говорить и перечислять по порядку свои предшествующие существования. Он не стремился к мирскому и суетному. Его отец вступил в должность наместника в Сычжоу и в пути следования на новое место службы остановился в монастыре Цидисы, что в Чжуншани. Там мальчик встретился с учеником этого монастыря и разговаривал с ним так:

— Разве ты не помнишь, как следом за мной переправился через реку и направился на Волчью гору? Я есть наставник в дхьяне Чэн! Вынесите из комнаты этот столик с погребальной табличкой!

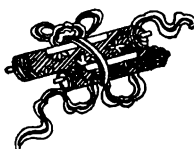
Отец с матерью испугались, что их сын уйдет в монахи, и не выпускали его из дома.

Потом он стал забывать события предшествующего перерождения, но радовался жизни вдали от соблазнов, придерживался принципа недеяния, жил безмятежно.

Тан Линь ЗАГРОБНОЕ ВОЗДАЯНИЕ

Предисловие

Все, что наделено дыханием и жизнью, обладает сознанием-виджняна. От сознания-виджняна происходит поведение, и в зависимости от того, доброе оно или злое, наступает воздаяние. Это подобно тому, как сеет земледелец: что посеешь, то и пожнешь. Это неизменный принцип всего сущего, не подлежит сомнению. Высший из мудрецов постигает его в самих истоках; он познает его без ложного воззрения-дришти. Низший из глупцов неспособен видеть его следы; он сбивается с пути и не возвращается. Это две крайности. Обычный человек все же неспособен к самостоятельному постижению: окружающие влияния-пратья побуждают к ложным воззрениям-дришти, а ложные взгляды рожают сомнения-вичикитса. Поскольку сомнения и ложные взгляды имеют много проявлений, каждый придерживается собственных убеждений. Буддийский канон истолковывает эти расхождения: всего существует шестьдесят два ложных воззрения¹. От них и происходит весь вред!

Я, Линь — последний из обычных людей — по счастью, уразумел ничтожную долю истины. Я сподобился узреть, что все, кто не верит в причину и следствие² — буде они во множестве толкуют о ложных взглядах, — сходятся в том, что добро и зло не воздаются.

Вообще говоря, существуют три теории «невоздаяния». Первая — «стихийная» (природная): поскольку нет причин и следствий, то поступать должно в соответствии со своими желаниями, и только. Вторая — «полное уничтожение» — утверждает, что тело со смертью уничтожается, не оставляя вместилища для сознания. Если «тело и сознание конечны», то кто же воспримет страдания или радость? А если не воспримет, то убедится, что нет причин и следствий! Третья теория — «отсутствие воздаяния» — утверждает, что мы

видим среди современников, совершенствующихся на пути добродетели, и тех, кто беден, или занимает низкое положение, или умирает молодым. Напротив, те, кто поступают преступно, богаты и знатны, живут долго. В силу такого положения вещей существует убеждение, что нет причин и следствий.

Я, Линь, осмелюсь от себя заметить, что в сочинениях ученых-конфуцианцев немало толкуется о воздаянии за добро и зло. Близкое воздаяние совершается тотчас; среднее — через несколько лет; далекое — при потомках.

Примеры воздаяния, совершаемого тотчас, таковы: Чуский ван проглотил пиявку — и его застарелые недуги прошли³; Сунский гун не вознес молитву — и упали зловещие звезды (кометы)⁴; Нао Чи совершил злостное предательство — и незамедлительно подвергся казни⁵; Чжао Гао посеял смуту — и вскоре весь его род был уничтожен⁶.

Примеры воздаяния через несколько лет следующие: Вэй Кэ выдал замуж наложницу — и в конце концов спас армию⁷; Суньшу Ао закопал змею — и в итоге жил счастливо⁸; императрица Люй династии Хань тайно отравила вином Жу-и — и встретила беду в образе седого пса⁹; Циский гун убил Пэн-шэна, но тот явился кабаном, усугубив его вину¹⁰.

Примеры воздаяния во времена потомков таковы: Фуфу Хэ (и его сын) трижды благоговейно следовали приказу — и путь Конфуция широко распространился¹¹; Дэн Сюнь в один год сберег тысячу человек — и императрица Хэ-си была облагодетельствована¹²; Чэнь Пин участвовал в тайном заговоре — и сам знал, что у него не будет потомков¹³; Луань Янь был невоздержан — и его сын Ин ощутил пагубные последствия¹⁴.

Подобно тому Юй Шунь наследовал трон благодаря истинной сыновней почтительности¹⁵, а Вэнь-ван династии Чжоу получил мандат благодаря человеколюбию и мудрости¹⁶; Цзе и Чжоу из-за жестокости потеряли свои царства¹⁷, а Ю и Ли из-за своего распутства закончили худо¹⁸. Заслуги и добродетели правителей Трех эпох¹⁹ долго передавались во благо подданным, однако Циньский император (Цинь Ши-хуан-ди) был спесив и жесток, и империя закончила существование при его сыне.

Воистину великое множество таких примеров! Они чем-то отличаются один от другого, но все являются свидетельствами того, что добро и зло отплачиваются.

В простой беседе, однако, неуместно говорить о делах, которые касаются Пути Правителя и принципов, связанных с Мандатом Неба. То, что я ныне излагаю — это по большей части подробные свидетельства непосредственных очевидцев. Я надеюсь преподать такие примеры, которые будут переданы нашим потомкам и станут им известными. Все они о том, что скрывается между людьми и духами-гуи, и не более того.

Как буддисты объясняют свое учение, это не что иное, как причины и следствия. Поскольку совершается действие, постольку есть и воздаяние. Не существует дхарма без причины, и не существует причина без воздаяния. Однако в их объяснениях воздаяние различается трех родов. Первого рода — воздаяние в настоящей жизни. Когда в этой жизни совершаются добрые или дурные поступки-карма²⁰ и воздаются при этой же жизни — это и называется воздаяние в настоящей жизни. Второго рода есть воздаяние при рождении. При этом разумеется, что воздаяние за поступки-карма не следует при этой жизни, однако в соответствии с содеянным — было ли оно благим или дурным — каждый рождается на одной из стезей-гати²¹. Это и называется воздаяние при рождении. Третьего рода есть воздаяние в будущем. При этом разумеется, что добрые или дурные поступки-карма обретают последствия-воздаяния во многих последующих жизнях. Вместо того чтобы немедленно получить воздаяние за поступки-карма, совершенные в настоящем, его получают либо в последующем, либо в будущих — пятом или десятом — рождениях. Все это и будет воздаяние в будущем. Внутри этих трех родов воздаяния заключены все дхармы: нет ничего, что бы они не объяли. Они способны привести все ложные взгляды к Великому просветлению, однако все еще есть мужи в мире, которые в них сомневаются.

Многие изучают причины, но забывают следствия: не доверяют своим ушам и верят своим глазам. Так, если они слышат толкование о воздаянии в будущем, то думают, что

оно либо существует, либо нет. Но если они видят ему подтверждение в действительности, то вздыхают от удивления и обращаются в веру.

В прошлом были Се Фу, муж высоких нравственных достоинств династии Цзинь (265—420), Фу Лян, глава ведомства государственных дел при династии Сун (420—479), Чжан Янь, главный секретарь на службе законного престолонаследника, и Лу Гао, помощник распорядителя по делам культа и просвещения династии Ци (479—502). Каждый из этих мужей был знаменит и почитаем современниками, и все они создали «Записи свидетельств о Гуаньшине-Авалокитешваре»²². Еще был Цзинлинский ван Сяо Цзы-лян династии Ци, который написал «Подлинные события»²³, а также Ван Янь, написавший «Вести из потустороннего мира». Все эти записи подтверждают и поясняют, что добро и зло воздаются, предупреждают людей о будущем. Воистину, они побуждают слушателей всем сердцем обратиться в веру.

Я восхищаюсь манерой изложения и содержанием этих сочинений и также думаю предостеречь людей. Я отважился записать услышанные мною истории и собрать их воедино. Подробно и по порядку изложив полученные мною сведения, я указываю, как и кем они были услышаны и увидены; не приукрашивая эти доподлинные свидетельства, в точности передаю истинно происшедшие события. Пусть обратят на них внимание будущие читатели!

Шрамана Ши Синь-син

Шрамана великой добродетели Ши Синь-син²⁴, проживавший в столице (Чанъань) династии Суй²⁵, был прежде монахом монастыря Хранилище дхарм в Сянчжоу. Его мать была поначалу бездетна и долгое время горевала. Некий шрамана посоветовал ей помолиться бодхисаттве Гуань-шииню-Авалокитешваре. Она молилась днями и ночами и потом забеременела, родив Синь-сина.

Синь-син был с малолетства умен и сообразителен, изучил сутры и шастры, превзойдя других в их понимании. Он полагал, что сутры, провозглашенные Буддой и посвященные спасению, указуют людям истинный путь согласно их основной природе, но при этом приспособляясь к обстоятельствам и требованиям времени. Мы так далеки от Мудрейшего Будды: и основа человеческой природы, и времена уже не те. Заурядные люди пытаются следовать Высшему Закону, но Закон не соответствует их основной природе, что допускает возможность ошибок и утрат. Переписав и собрав сутры и шастры, тщательно рассмотрев Закон на предмет пригодности для изучения людьми, Синь-син составил сочинение в тридцать шесть цзюаней (свитков), озаглавленное «Собранные для людей записи»²⁶.

В начале правления династии Суй под девизом Основание царствования (581—600) первый помощник главного министра и Циский гун²⁷ проведаль о славе Синь-сина и подал на высочайшее имя императора Вэнь-ди (581—604) доклад с предложением призвать его на жительство в столичный монастырь Воистинное упокоение, самим же Циским гуном построенный. Также основываясь на сутрах и шастрах, Синь-син написал сочинение «Закон-Дхарма трех стадий»²⁸ в четыре свитка. Его основной смысл заключается в том, чтобы побудить к всеобщему поклонению Закону и распознать истоки зла. Природа Будды видна по-

всюду, и когда случаются болезни, для их излечения имеются лекарства. Это было учение о немедленном прозрении — Единая колесница-Экаяна²⁹. С этого времени бесстрашные духом и совершенные в познаниях ученые мужи всей Поднебесной признали его патриархом.

Синь-син исполнял обет странствующего монаха, просящего подаяние, совершал обряд поклонения шесть раз на день. Он направлял свои усилия на погружение в самосозерцание, освобождаясь от плоти и наполняя разум, и только. Когда он сидел в позе самосозерцания или рассуждал о Законе-Дхарме, то часто видел отроков, которые стояли с цветами близ него.

Однажды Синь-син вместе со своими учениками сидел в зале дхьяны-медитации. Каждый вдруг ощутил удивительное благоухание, и луч света осветил залу. Посчитали сие странным и обратились с расспросами к Синь-сину. Тот велел обратиться к своим ученикам Сэн-юну и Хуэй-жу. Сэн-юн сказал так:

— Я только что видел воплощенного Будду, явившего себя из пустоты. Он встал перед нашим учителем в дхьяне досточтимым Синь-синем, возложил руки ему на голову и предсказал обретение-вьякарана буддства³⁰!

Хуэй-жу тоже сказал, что Будда возложил руки на голову Сэн-юну и предсказал ему обретение буддства. И в остальном он говорил то же, что и Сэн-юн.

Впоследствии Сэн-юн и его ученики жили в уединении в горах Тайбошань. Однажды утром Сэн-юн сказал другим монахам:

— Вы должны вместе со мной вернуться в столицу!

Все почитали Сэн-юна и согласились с ним. Они спустились с гор и провели ночь в Угуне.

— Мы должны спешить изо всех сил, — сказал Сэн-юн своим попутчикам, когда они еще до наступления рассвета отправились в путь. — Мы должны войти в город до наступления ночи!

Когда солнце садилось, они подошли к реке Вэй и услышали звуки барабана³¹. Сэн-юн изрек:

— Ворота города уже закрыты.

Они остановились на ночь на постоялом дворе, и когда совсем стемнело, Сэн-юн принялся плакать и причитать вне себя от горя:

— Мы опоздали!

Спросили, отчего он горюет, но Сэн-юн ничего не ответил.

Рано утром они вошли в город и отправились в монастырь Воистинное упокоение. Синь-син испустил последний вздох прошлым вечером, когда стемнело. Монастырская братия была удивлена и спросила, почему пришел Сэн-юн. Тот ответил:

— Когда я был на горе Тайбошань, то увидел много людей с благовониями и цветами, хоругвями и балдахинами. Они пришли с запада и входили в Ворота, открывающие дали, ведущие к монастырю Воистинное упокоение. Я пришел потому, что засомневался, не желает ли наставник в дхьяне уйти от нас. Ночью, когда стало темно, я увидел, как в сопровождении свиты он уходит на запад. Он повернулся ко мне и попрощался. Так я понял, что мы опоздали.

Прежде среди наставников столицы были те, кто сомневался в учении Синь-сина. Теперь они собрались вместе и начали диспут. Согласно «Сутре причинной связи» передачи Хранилища Закона-Дхарма³², если уши у человека прямо напротив друг друга, это значит, что он услышал Истинный закон. Они вместе осмотрели череп Синь-сина и обнаружили, что его уши прямо напротив друг друга. Наставники униженно каялись и приняли веру.

Последователи Синь-сина состояли при пяти столичных монастырях. Позже они проникли повсюду, но сегодня их все еще именуют Мастером дхьяны пяти монастырей.

Старый монах и мой дядя по материнской линии рассказали мне эту историю.

Шрамана Ши Хуэй-жу

Шрамана Ши Хуэй-жу столичного монастыря Воистинное упокоение был усерден и благочестив смолоду. Он был учеником Ши Синь-сина, и после смерти учителя со смирением принял и соблюдал его учение.

В годы правления династии Суй под девизом Великие деяния (605—616) Хуэй-жу сидел в неподвижной позе полного самосозерцания в продолжение семи лет. На него смотрели с изумлением, полагая, что он погрузился в состояние полного сосредоточения-самадхи. Когда Хуэй-жу наконец открыл глаза, из них полились слезы. Монахи были обескуражены и спросили, что произошло. Хуэй-жу ответил:

— Меня жег огонь и мои ноги болят! Подождите, пока понемногу не уймется боль, и я все расскажу.

Все были удивлены больше прежнего и продолжали допытываться. Хуэй-жу им поведал следующее:

— Я был призван Владыкой Ямараджей-Яньлованом³³. Когда я исполнил семидневное ритуальное хождение³⁴, владыка спросил:

— Хотели бы Вы увидеться с Вашими прежде умершими знакомыми?

— Я ответил, что хотел бы увидеть только двоих. Владыка призвал одного из них, но я увидел перед собой только черепаху. Она лизала мои стопы, а из ее глаз капали слезы. Потом черепаха ушла. Что до второго знакомого, то было объявлено, что он повинен в таких тяжких грехах, что не может быть призван. Мне было приказано пойти и самому посмотреть на него. Посланники привели меня к наглухо закрытым воротам тюрьмы и вызвали охранника. Я услышал, как кто-то ответил, и посланник предупредил меня:

— Наставник, быстро отойдите! Не стойте перед воротами!

— Я начал было отходить назад, когда ворота открылись. Великое пламя выплеснулось из ворот, как из железной кузницы, и одна искра попала на мою ногу. Я смахнул ее своей накидкой и только тогда поднял глаза, чтобы посмотреть, что там в воротах. Но ворота были уже закрыты, и мне так и не удалось увидеться со вторым знакомым. Владыка пожаловал мне тридцать пи (штук) шелка. Когда же я стал упорно отказываться, он не принял отказа, говоря, что они уже переправлены в заднюю залу монастыря.

Монахи поспешили в заднюю залу и нашли там шелк, покоящийся на ложе.

Ожог на ноге Хуэй-жу был размером с медную монету и зажил только через сто дней.

Хуэй-жу умер в начале правления династии Тан (618—907) под девизом Воинственная добродетель (618—626). Монастырь Воистинное упокоение в настоящее время известен как Обитель обращения в веру и спасения.

Этот монастырь был возведен дедом по материнской линии Цзиским гуном, и я часто посещал его. Я много раз слышал от дяди по материнской линии³⁵ об этих событиях.

Монах Ши Сэн-чэ

С молодых лет монах великой добродетели Ши Сэн-чэ из Цзянчжоу был чист и непорочен. Он соорудил залу на западном склоне гор Гушань (горы в излучине р. Хуанхэ; совр. пров. Шаньси), где было множество деревьев и благоприятный для проживания рельеф горной местности.

Однажды, прогуливаясь в горах, Ши Сэн-чэ в земле, в пещере, увидел прокаженного: его гниющие язвы были отвратительны и издавали ужасный запах. Когда прокаженный стал просить пищу, Сэн-чэ пожалел его, предложил выбраться из ямы и пойти с ним. Близ своей обители чистоты-вихара он выкопал пещеру для больного, дал ему пищу и одежду. Сэн-чэ стал учить прокаженного читать нараспев «Лотосовую сутру».

Прокаженный не умел читать и был от природы упрям и неотесан. Сэн-чэ втолковывал ему фразу за фразой. Затрачивая огромные усилия, он никогда не ссылался на усталость. Когда прокаженный был в состоянии зачитывать около половины сутры, ему приснился сон: явился человек научить его. Разумения после этого у прокаженного прибыло. Заучив пять-шесть свитков, он заметил, что его язвы проходят. Сразу после того как прокаженный научился читать сутру полностью, снова стали расти брови и борода, а тело стало упитанным, как у обычного человека. Он к тому же приобрел умение лечить болезни у других людей.

Однажды я страдал от опухоли. Сэн-чэ прислал этого человека, и его заклинания возымели действие. Человек рассказал мне свою историю.

Фан Жэнь-юй вступил в должность правителя Тайчжоу и дал обители чистоты-вихара, построенной Сэн-чэ, официальное название Монастырь с родником во впадине. На том месте не было воды, и Сэн-чэ должен был ходить далеко под гору за водой для своих нужд. Но однажды утром в земле образовалась впадина и из нее забил родник.

Сэн-чэ посвятил себя благим трудам и совершенствованию на поприще дхьяны-медитации. Люди из дальних и ближних земель чтили его и поклонялись ему, как отцу.

Во втором месяце второго года правления династии Тан под девизом Вечное великолепие (651) Сэн-чэ неожиданно

созвал всех своих последователей и объявил о своей кончине. Тотчас он сел в прямую позу на веревочное ложе, закрыл глаза и стал неподвижен. Сразу же с чистого безоблачного неба стали подобно снегу падать цветы, благоухающие неистощимым ароматом. На более чем ли окрест листья на деревьях стали белыми, как каломель³⁶. Через три дня листья стали обычного цвета, и тогда наступила кончина Сэн-чэ. Прошло три года после его смерти, но он все еще сидит, как и прежде³⁷. Его тело не смердит и не разлагается. Говорят только,

что слезы капаят из его глаз.

Об этом рассказали мне Ши-цинъ и другие ученики Сэн-чэ, а также люди из Тайчжоу.

Бхикшуни из Хэдуна

В Хэдуне (часть совр. пров. Шаньси) жила бхикшуни (монахиня) безупречного поведения, которая читала «Лотосовую сутру». Она пригласила переписчика сделать список этой сутры. При этом она заплатила ему во много раз боль-

ше обычного и предоставила отдельную чистую келью. Когда бы переписчик ни брался за кисть, его одежды пропитывались ароматом воскуренных благовоний. Затем в келье, где изготовлялась сутра, было проделано отверстие в стене, в которое вставили бамбуковую трубку. Переписчику было велено каждый раз, когда он делает выдох, брать бамбуковую трубку в рот и через нее выдыхать из себя воздух наружу. Когда через восемь лет переписка семи свитков сутры была закончена, бхикшуни отметила сие свершение щедрыми подношениями и почтила с глубоким благоговением.

Монах Фа-дуань из Лунмэня в большом собрании читал проповеди по «Лotosовой сутре». Поскольку сутра бхикшуни была столь совершенна, он послал гонца попросить о ней. Однако бхикшуни ответила решительным отказом передать сутру. Фа-дуань порицал ее и настаивал на своем. Бхикшуни ничего не оставалось, как лично вручить ему сутру. Когда Фа-дуань и его присные открыли сутру с тем, чтобы зачитать, то увидели желтую бумагу и никаких писем на ней. Они раскрыли остальные свитки, но обнаружили то же самое. Фа-дуань и его присные были унижены, напуганы и немедленно послали вернуть сутру бхикшуни. Бхикшуни приняла сутру, обливаясь скорбными слезами. Она вымыла футляр ароматной водой и, сама омывшись, совершила ритуальное хождение вокруг статуи Будды, благоговейно поддерживая сутру. Семь дней и семь ночей бхикшуни совершала ритуал, не останавливаясь передохнуть, и только затем раскрыла сутру. Иероглифы были такими же, как и прежде.

Во втором году правления династии Тан под девизом Надежное призрение (628) Фа-дуань лично сообщил обо всем происшедшем. Я хотел было записать имя бхикшуни, но запомнил и запомнил лишь сами события.

Проповедник Ши Дао-сунь

Ши Дао-сунь, монах монастыря Гуманность и долголетие в Пучжоу (часть совр. пров. Шаньси), был смолоду умен и полон учености. Он был чтим народом и, прочитав более восьмидесяти проповедей по «Нирвана-сутре», стал

весьма искусным ее знатоком. Во втором году правления династии Тан под девизом Надежное признание (628) Цуй И-чжэнь вступил в должность начальника уезда Юйсянсянь. Уездные жители пригласили Дао-суня прочитать проповедь по сутре. Но только Дао-сунь огласил заглавие, как стал лить горестные слезы:

— Мы далеки от Священного (Будды), — сказал он всем собравшимся. — Его сокровенные слова сокрыты от нас и утрачены. Достойно ли звание наставника то, что я, ничтожный глупец, передаю вам?! Только если вы вверитесь всем сердцем Будде, то обретете прозрение внутри себя. Эта моя проповедь закончится главой «Лев»³⁸. И с этого момента я настоятельно прошу вас внимать сердцем сказанному мной.

Дао-сунь зачитал проповедь до главы «Лев», а на следующее утро умер, хотя и не был болен. И монахи и миряне были потрясены и опечалены. Цуй И-чжэнь лично босым сопровождал тело к северному склону гор на юге уезда Юйсянсянь.

Был одиннадцатый месяц, и земля была мерзлая. Когда же тело Дао-суня предали земле, то на ней появились цветы. Цветы походили на лотос, но были меньше. Они росли на том месте, где покоились голова, руки и ноги Дао-суня. Цуй И-чжэнь подивился на это чудо и приставил на ночь охрану. Однако охранники утомились и заснули. Пришел кто-то и украдкой сорвал цветы. На следующее утро, когда люди пришли посмотреть на цветы, те уже вновь взошли вокруг тела Дао-суня. И было их более пятисот. Они не вяли семь дней.

Об этом рассказали мне сам И-чжэнь и другие миряне и монахи.

Странный монах Ши Дао-ин

С юных лет шрамана Дао-ин из Хэдуна посвятил себя дхьяне-медитации, полагая ее основой духовного совершенствования. Он не придавал значения строгому соблюдению правил монашеского поведения, однако не было таких

темных мест в сутрах и виная, которые он не мог, раз услышав, тотчас растолковать. Монахи и монахини из далеких и близких мест наперебой обращались к нему с расспросами. Дао-ин говорил им в ответ так:

— У вас нет и никогда не было сомнений. Вам бы подумать о своих сомнениях! Только когда окажется, что они действительно существуют, приходите и спрашивайте у меня.

Вопрошавшие уединялись и принимались тщательно рассуждать о возникших у них затруднениях. Посредством таких рассуждений многие находили собственное решение и уходили прочь. Те же, кто посредством рассуждений так и не достигли понимания, вновь приходили с расспросами. Дао-ин объяснял самую суть вопроса, и каждый уходил, восхищаясь собственной способностью к пониманию.

Однажды Дао-ин вместе с попутчиками ехал на лодке по реке Хуанхэ. На середине реки лодка стала тонуть, и все готовились к гибели. Монахи и миряне издали с берега увидели, что Дао-ин тонет. Они горько оплакивали его. Был конец зимы: лед на реке как раз начал таять, но близ берега все еще оставался прочным. Дао-ин пошел по воде, разломал лед и вышел на берег. Люди были удивлены и обрадованы. Они наперебой предлагали Дао-ину свою одежду, но тот отказывался:

— Внутри я еще теплый. Нет нужды менять одежду.

Он неспеша пошел домой, по-видимому, совсем не ощущая холода. Если же внимательно всмотреться, то на его теле были видны ожоги. Сведущие люди поняли, что эти ожоги от погружения в дхьяну-медитацию.

Иногда Дао-ин пас рогатый скот, ему не принадлежащий, управлял повозкой, в еде и питье не соблюдал предписанных ограничений. Иногда он носил мирскую одежду, и его волосы были несколько цуней длиной.

Однажды Дао-ин пришел в монастырь Гуманность и долголетие, где его с почестями принял Дао-сунь³⁹ и дал ему приют. Дао-ин просил пищу каждое утро и вечер⁴⁰. Дао-сунь сказал ему:

— Хотя Высшая добродетель и не сводится к тому, как мы едим, но почему бы Вам не отдохнуть от насмешек и подозрений?!

Дао-ин засмеялся и отметил:

— Ваши мысли, досточтимый, мчатся стремглав, не останавливаясь на отдых ни на мгновение. Вы же попусту морите себя голодом. Зачем так мучить себя?!

Дао-сунь вздохнул и подчинился доводам Дао-ина.

Дао-ин скончался в период правления под девизом Надежное призрение (627—649).

Рассказали мне о нем Фа-дуань⁴¹ и другие монахи и миряне.

Подвиг шрамана Ши Чжи-ваня

Шрамана Ши Чжи-вань из Ючжоу (совр. Пекин и окрестности) был безупречного поведения и обладал ученостью. В годы правления династии Суй под девизом Великие деяния (605—616) он дал обет посвятить себя изготовлению и хранению каменных сутр, дабы воспрепятствовать уничтожению Закона⁴². Чжи-вань прорубил пещеры в отвесной скале гор на юге Ючжоу и вырезал сутры по четырем сторонам. Также он переписал сутры на квадратных каменных глыбах и поместил на хранение в те же пещеры. Когда все пещеры были заполнены каменными сутрами, он завалил двери камнями и залил железом.

В это время династии Суй император Ян-ди (605—616) совершил поездку в Чжоцзюнь. Помощник главы имперской канцелярии Сяо Юй⁴³, младший брат императрицы, искренне веровал в закон Будды. Он поведал сестре о подвиге Чжи-ваня, и та пожертвовала для его свершения одну тысячу пи (штук) шелка и другие дары, а также деньги. Сяо Юй также пожертвовал пять сотен пи шелка. Когда придворные и люди с мест прослышали об этом, то принялись

наперебой подносить дары. Поэтому Чжи-вань был в состоянии благополучно продолжить свой труд.

Много мастеров участвовало в работах, а праведники и миряне все прибывали толпами. Чжи-вань намеревался построить из дерева зал Будды, а также столовую и спальное помещение. Но из-за трудностей с черепицей и древесиной и дополнительных расходов по их приобретению он не мог начать строительство. Однажды ночью разразилась ливень с громом и молнией, сотрясающими горы. Когда на следующее утро прояснилось, несколько тысяч стволов сосен и кипарисов лежали под горой рядом с дорогой, принесенные рекой. На востоке гор был редкий лес, а сосны и кипарисы были там совсем малочисленны. Монахи и миряне были удивлены и не могли взять в толк, откуда появились деревья. Проследив их путь, они обнаружили, что эти деревья из далеких мест к западу от гор. Поваленные деревья скатились по берегу и спустились вниз по течению на то место, где теперь находятся. Люди из далеких и ближних мест восхитились, полагая в этом божественное содействие. Чжи-вань велел мастерам отобрать нужный им лес, а оставшийся поделить между жителями ближайшего селения. Жители были обрадованы и сообща помогли в строительстве залы. Вскоре постройка была завершена в том виде, в каком задумывал Чжи-вань.

Каменные сутры наполнили уже семь пещер, когда Чжи-вань умер. Это было в тринадцатом году правления под девизом Надежное призрение (639). Ученики продолжили его труды.

Помощник министра двора Сянли Сюань-цзян и помощник главы высшей судебной палаты Цай Сюань-мин рассказали мне о подвиге Чжи-ваня. В девятнадцатом году я сопровождал императора в Юнчжоу и осведомился у местных жителей о том же. Они поведали мне ту же историю, однако из-за военной ситуации я не смог пойти удостовериться на месте.

Заживо похороненный

В конце династии Восточная Вэй (534—549) несколько человек из ближних к столице Е земель (совр. пров. Хэ-

бэй) пришли в западные горы добывать серебро. Они выходили из шахты, но перед тем как все выбрались наружу, она обвалилась. Шедший последним был отрезан от входа каменными глыбами. Он не мог выбраться наружу, но остался невредимым. В месте обвала имелось небольшое отверстие, через которое едва проникал солнечный свет. Не чая когда-нибудь выбраться наружу, несчастный всем сердцем взывал к Будде.

Отец узнал, что сын завален в шахте и откопать его тело невозможно. Семья была очень бедная, у нее не было средств для пожертвований в пользу усопшего. Отец взял глиняную чашку грубого риса и пошел в монастырь просить монаха вкусить его в качестве постной пищи. Монахи в большинстве своем привыкли к богатым подношениям и не соглашались есть грубый рис. Отец держал чашку в руках и громко рыдал. Один монах сжалился и согласился на его просьбу. Закончив есть рис, он прочел молитву, и тогда отец ушел.

В тот же день сын вдруг увидел шрамана (монаха) в луче мерцающего света, проникающего через отверстие. Он вошел внутрь шахты через узкую щель и подал несчастному глиняную чашку с рисом, принесенную с собой. Поев риса, тот более не испытывал голода и, сев прямо, сосредоточился на молитве.

Прошло более десяти лет. По восшествии династии Северная Ци⁴⁴ императора Вэнь-сюань-ди (550—559) на западных горах был построен летний дворец. Когда работники расчищали каменные завалы, то обнаружили в шахте все еще живого человека. Его вытащили наружу, и он вернулся домой. Его родители были изумлены и обрадованы. Вся семья уверовала.

Лу Чэн-е, главный военачальник области Юнчжоу, рассказал мне эту историю. Она была поведана потомкам главой составительского бюро (придворный историограф) Дэн Луном.

Просяная каша

В правление династии Северная Ци (550—577) некий человек из Цзичжоу служил в армии, отправившейся в по-

ход против династии Лян (502—556). Армия была разбита, человек попал в плен и стал рабом. Отец и мать не получили от него никаких известий и думали, что он убит. Совершая благие деяния в пользу умершего сына, родители принялись строить ступу. По завершении строительства ступы они приготовили трапезу, пригласив несколько сотен монахов и мирян. Когда гости расселись и принялись есть, раздался стук в дверь. Хозяин дома пошел посмотреть, кто пришел, и увидел монаха весьма изысканной внешности. Монах сказал хозяину:

— Я приму от Вас немного просяной каши, которую Вы вкушаете. Не могли бы Вы положить ее в платок из хлопка? И еще попрошу от Вас пару туфель.

Хозяин пригласил монаха остаться и вкушать пищи, но тот отказался:

— Я спешу. У меня нет времени на еду.

Хозяин сделал, как и просил монах: положил просяной каши в платок из хлопка и дал ему пару туфель. Монах взял то и другое и удалился.

В тот же день, когда совершалась трапеза, к югу от Янцзы сын пас хозяйских быков на заливном лугу. Вдруг к нему подошел монах со свертком каши и парой туфель.

— Есть ли у Вас желание пойти домой и увидеть своих родителей? — спросил монах.

Раб расплакался и ответил:

— Я не смею даже помышлять об этом.

Монах дал ему кашу и велел съесть. Когда раб закончил есть, монах дал ему туфли и велел их надеть. Потом монах расстелил свою накидку-кашаша на земле и велел рабу сесть на нее. Монах ухватился за четыре угла накидки, собрал их вместе, поднял накидку вместе с рабом и бросил ее. Пролетев этак два чжана, раб очутился на земле. Когда он открыл глаза и осмотрелся, то не увидел ни монаха, ни его накидку-кашаша. Вместо этого он обнаружил прямо перед собой ворота отцовского дома.

Он вошел в ворота и увидел, что приглашенные все еще заняты трапезой. Родители были удивлены и обрадованы. Когда они расспросили, что же случилось, тот рассказал во

всех подробностях. Они обнаружили в платке остатки каши, а еще увидели туфли. Это были те самые вещи, которые поднесли монаху. Селяне были изумлены и принялись наперебой выказывать рвение в вере. Поскольку этот день был шестым днем месяца, ступу называли Ступой шестого дня.

Эта ступа все еще существует, и люди, живущие поблизости, рассказывают эту историю.

Бедный ученый муж

Когда династии Лян (будущий) император У-ди⁴⁵ был юн, он познакомился с бедным ученым мужем. Впоследствии, когда он взошел на престол, то, наслаждаясь прогулкой по парку императорского дворца, увидел знакомого ученого мужа, тянувшего на бечеве лодку. Император расспросил его и выяснил, что тот беден, как и прежде. Император повелел:

— Завтра Вы придете на аудиенцию, и Мы предоставим Вам должность начальника округа.

Бедный муж во исполнение приказа императора отправился на аудиенцию. Но что-то случилось, и ему не удалось лицезреть императора. Он много раз возвращался, но происходили какие-нибудь события, и муж так и не удостоился аудиенции. Полагая сие странным, бедный муж пришел осведомиться об этом у шрамана Бао-чжи⁴⁶. Бао-чжи в это время читал проповедь по сутре в большом собрании. Там было несколько тысяч слушателей, и бедный ученый муж не мог проникнуть внутрь залы. Бао-чжи обратился к слушателям:

— Там кто-то желает войти и задать мне вопрос. Пожалуйста, расступитесь и пропустите его!

Толпа расступилась, и бедный ученый прошел вперед. До того как он подошел к Бао-чжи, тот сам двинулся ему навстречу и молвил:

— Не затем ли пришли Вы сюда, чтобы задать вопрос об упущенной возможности занять должность начальника округа? Вы никогда не получите должность! Это только пустые мечтания! Когда-то император был устроителем трапезы, и Вы присутствовали на ней. Тогда Вы дали подписку на

пожертвование пяти сотен монет, но так и не отдали деньги. Теперь Вам обещана должность, но Вы ее никогда не получите!

После таких слов бедный муж перестал ходить во дворец. Император же никогда о нем более не спрашивал.

Эта история до сих пор ходит среди монахов и мирян в Цзяндуне.

Лotosовый Янь

Янь Гун, уроженец Цюаньчжоу, проживал в Янчжоу (совр. пров. Цзянсу). Его семья была очень богатой. У него не было ни братьев, ни сестер; и отец и мать очень его любили, ни в чем не отказывали.

В первые годы правления династии Чэнь⁴⁷ под девизом Великое установление (569—582) Гун вступил в совершеннолетие. Он попросил от родителей пятьдесят тысяч монет, которые намеревался взять с собой в Янчжоу и вложить в торговое предприятие. Родители согласились с его планами.

Гун погрузил деньги на лодку и отправился вниз по течению Янцзы в Янчжоу. Когда он прошел несколько десятков ли, то встретил лодку, груженную морскими черепахами, предназначенными на продажу. Расспросив торговцев, Гун обеспокоился, что черепахи умрут. Он просил продать их.

— Мои черепахи большие, — ответил хозяин, — и Вы можете получить их по тысяче монет за штуку.

Гун спросил, сколько у него черепах, и тот ответил, что пятьдесят. Гун ответил:

— У меня с собой как раз пятьдесят тысяч монет, и я покупаю всех.

Владелец черепах обрадовался, взял деньги, передал Гуну черепах и уплыл. Гун выпустил черепах в реку и продолжил путь в Янчжоу в пустой лодке.

Прежний владелец черепах, расставшись с Гуном, проплыл всего лишь более десяти ли, когда лодка пошла на дно, и он утонул.

В тот день родители Гуна были дома. На закате солнца пятьдесят облаченных в черные одежды путников вошли в

ворота дома и попросились на ночлег. Они поднесли отцу Гуна пятьдесят тысяч монет.

— На рынке в Янчжоу Ваш сын поручил нам вернуть эти деньги, — сказали они. — Просим Вас принять эту сумму.

Отец был удивлен и заволновался, жив ли его сын. Когда он осведомился об этом, путники ответили:

— С Вашим сыном ничего не случилось. Ему эти деньги лишние, и он поручил передать их.

Отец взял деньги, заметив, что это те же самые, которые он дал сыну, но при этом смоченные водой. Путники были приглашены остаться, и им была предоставлена пища. Они провели в доме ночь, а наутро попрощались и ушли.

По прошествии более месяца Гун вернулся домой. Родители очень обрадовались. Когда же они стали спрашивать о деньгах, которые он передал, Гун ничего не смог ответить. Родители описали появление путников и назвали день, когда они передали деньги. Это был тот самый день, когда Гун купил черепах. Тогда все они поняли, что пятьдесят путников были теми выкупленными Гуном черепахами. Отец и сын вздохнули от изумления.

Они вместе отправились в Янчжоу, где построили обитель чистоты-вихара и всецело посвятили себя переписке «Лотосовой сутры». Впоследствии семья переехала в Янчжоу и приумножила богатство. Они возвели большое строение, в котором отвели помещения для переписывания сутр. Это было великолепного строгого вида строение, приспособленное для одновременного проживания с полным обеспечением нескольких десятков ученых-книжников. Янь Гун широко снискал славу среди монахов и мирян Янчжоу и удостоился прозвания Лотосовый Янь.

Однажды близкий знакомый Гуна попросил взаймы десять тысяч монет из тех денег, что предназначались на переписывание сутр. Тому ничего не оставалось, как дать ему взаймы. Знакомый взял деньги в лодку и поплыл домой. На полпути лодка опрокинулась. Деньги упали в воду, хотя никто из тех, кто был в лодке, не потонул. В тот же день Гун вошел в свое денежное хранилище и обнаружил десять тысяч

монет. Они были такие мокрые, как будто только из воды. Гун посчитал сие странным. Позже он увидел своего знакомого-должника и понял, что мокрые деньги были теми, что дал займы.

Однажды некий торговец прибыл на место поклонения божеству озера Гунтинху (оз. Поянху), сделал пожертвования пищей и вином, поднес дары. Ночью торговцу приснилось, что божество возвращает ему дары со словами:

— Не затруднит ли Вас, господин, вручить эти дары Лотосовому Яню, чтобы он употребил их на сутры?

Утром торговец обнаружил все поднесенные божеству дары прямо перед собой. Он вздохнул от удивления и доставил их Гуну, присовокупив от себя щедрые подношения.

Позднее Гун пришел на рынок купить бумагу для сутр и обнаружил, что ему не хватает денег. Вдруг появился человек с тремя тысячами монет и вручил их ему со словами:

— Теперь Вы, господин, сможете купить бумагу.

С этими словами человек исчез, но деньги остались с Гуном.

Такие чудеса случались с Гуном много раз.

Гун умер в последние годы правления династии Суй под девизом Основание царствования (581—600). Его сыновья и внуки продолжили его благие труды.

На закате правления династии Суй (581—618) разбойники вошли в Цзянду⁴⁸. Они заключили договор друг с другом не вступать в квартал города, где жил Лотосовый Янь. Благодаря Лотосовому Яню жителям квартала удалось спастись. Его семья не прекращает переписывать сутры по настоящее время.

Все люди окрестных земель были свидетелями этих событий, и многие столичные мужи также знали эту историю. Муж дочери императора и Сунский гун Сяо Жуй⁴⁹ рассказал мне об этом во всех подробностях.

ЦЗЮАНЬ II

Цуй Янь-у вернулся к мужу

В годы правления династии Суй под девизом Основание царствования (581—600) Цуй Янь-у из Болина был правителем области Вэйчжоу (часть совр. пров. Хэбэй). Он совершал ежегодный инспекционный объезд вверенных ему земель, и его путь пролегал через один город. Вдруг он вскрикнул от изумления и обратился к своим сопровождающим с такими словами:

— В прошлом рождении я жил в этом городе и был женой одного господина. И теперь я знаю, где находится мой дом.

Повернув коня, он последовал поворотам и изгибам узкой улочки, пока не прибыл к дому. Янь-у постучал в дверь, и хозяин, господин в почтенных годах, вышел и склонился перед высоким гостем. Войдя в дом, Янь-у сразу прошел в главный зал и взглянул на восточную стену. На высоте шести-семи чи над полом была выпуклость в стене. Янь-у обратился к хозяину:

— «Лотосовая сутра», которую я часто читал, спрятана здесь вместе с пятью золотыми шпильками для волос. Последний лист седьмого (склеенного) свитка сгорел, и часть сутры была утеряна. Даже сегодня, когда я читаю наизусть сутру, то, доходя до конца седьмого свитка сбиваюсь и не могу вспомнить, что будет дальше.

Янь-у приказал своим подчиненным взломать стену, и они действительно нашли футляр. Раскрыли футляр и обнаружили сутру с обгоревшим седьмым свитком и золотые шпильки для волос, о которых говорил Янь-у. Хозяин принялся лить слезы и причитать:

— Когда моя покойная супруга была еще жива, — сказал он, — то часто зачитывала эту сутру. Шпильки для волос тоже принадлежали моей супруге. Однако моя жена умерла при родах, и я не знал, что случилось с этими вещами. Кто бы мог подумать, что Вы, господин, укажете, где они находятся?!

Тогда Янь-у указал на акацию во дворе и сказал:

— Перед родами я обрезал мои волосы и положил их в дупло этого дерева.

Он приказал посмотреть, что там находится, и на самом деле нашли волосы.

Хозяин был и рад и опечален. На прощание Янь-у оставил ему щедрые дары из одежды и другие вещи.

Эта история была мне рассказана главой военного ведомства Цуй Дунь-ли, а несколько лет спустя ее же поведал мне Лу Вэнь-ли с той разницей, что человек был правителем области Цзичжоу, а его имя неизвестно. Последняя версия не столь подробна, и я воспользовался для этих записей тем, что рассказал Цуй.

Монах-странник

В годы правления династии Суй под девизом Великие деяния (605—616) жил странствующий монах. Странствия привели его к храму на горе Тайшань (совр. пров. Шаньдун). Когда он попросился на ночлег, хранитель храма сказал:

— Здесь нет свободных помещений. Единственное место, где Вы можете остановиться на ночлег, — крытая галерея храма. Однако все, кто в последнее время там заночевали, неожиданно скончались.

— Меня это не волнует, — ответил монах-странник.

Хранитель храма не мог запретить монаху поступать по своему и приготовил ему постель в галерее. Когда наступила ночь, монах сел в прямую позу и принялся нараспев читать сутру. По прошествии этак двух часов он услышал изнутри строения звук яшмовых колец на парадном поясе. Вскоре божество вышло наружу и почтительно склонилось перед монахом.

— Я слышал, — молвил монах, — что те, кто недавно останавливались здесь, уже мертвы. Не Вы ли, благодетель-данапати, погубили их? Я прошу Вашего покровительства.

— Они достигли той поры, когда их смерть приспела сама собой, — ответило божество. — Когда они услышали

мой голос, учитель, они поумирали от страха. Я не убивал их и прошу Вас, учитель, не беспокоиться!

Монах пригласил божество сесть и долго говорил с ним, как разговаривают человек с человеком. В заключение монах спросил:

— Люди в миру говорят, что горами Тай повелевают духи-гуи. Так ли это?

— К несчастью, повелеваю ими я, Ваш ученик, — ответило божество. — Хотели бы Вы увидеть кого-нибудь из тех, кто уже ушел из жизни?

— Были два монаха — оба мои соученики, — и они уже мертвы, — сказал монах. — Я бы хотел увидеться с ними.

— Как их зовут? — спросило божество.

Монах полностью назвал их имена, и тогда божество сказало:

— Один уже родился вновь в мире людей, а другой — в земном узилище. Его грехи были велики, и он не может прийти увидеться с Вами. Однако мы можем пойти и посмотреть его сами.

Монах был очень благодарен за такое предложение. Они встали и вышли за ворота. Неподалеку они увидели несколько монастырей и тюрем в ярком свете широко раскинувшегося пламени. Божество привело монаха во двор, и они издалека в языках пламени увидели человека. Мученик лил слезы и вопил так, что был не в состоянии вымолвить ни слова. Его облик так изменился, что невозможно узнать: кровь и плоть обгорели и смердели. Зрелище было душераздирающее.

— Это он и есть, — сказало божество. — Вы, мой учитель, вероятно, не захотите еще что-нибудь здесь смотреть?

Монах был опечален и удручен. Он попросил божество разрешить ему покинуть узилище.

Вскоре они прибыли в храм горы Тайшань и вновь сели вместе.

— Я бы хотел спасти моего соученика, — сказал монах. — Есть ли какой-нибудь способ сделать это?

— Это можно сделать, — сказало божество. — Если Вы сможете переписать «Лотосовую сутру», то он будет свободен.

Перед самым рассветом божество попрощалось с монахом и вошло в залу.

Утром хранитель храма увидел живого монаха и был весьма удивлен. Монах рассказал о происшедшем, а потом незамедлительно отправился переписывать «Лотосовую сутру». Когда сутра была переписана, он взял ее и пошел в храм вновь провести там ночь.

В эту ночь божество явилось, как и прежде, радостно склонясь в приветствии и любезно осведомясь о цели визита. Монах стал говорить, но божество его прервало:

— Я, Ваш ученик, уже знаю об этом. Когда Вы, учитель, только приступили к переписке сутры и начертали название, Ваш соученик уже был свободен. Он давно уже пребывает в новом рождении и его здесь нет. Этот храм горы Тайшань — место нечистое и не может служить для хранения сутры. Прошу Вас, учитель, вернуться и взять с собой сутру в монастырь.

Они долго беседовали о том о сем. Перед тем как рассвело, божество попрощалось и вошло внутрь храма. Монах же с сутрой пошел в монастырь.

Помощник ревизора в Ханчжоу, ранее занимавший должность в Яньчжоу Чжан Дэ-янь знал об этом событии и лично поведал мне о нем.

Чудеса в благородном семействе Сяо

Глава высшего училища знатных отпрысков государства Сяо Цзин, уроженец Ланьлина, был правнуком династии Лян императора У-ди и пятым сыном Лянского вана Гуя. Когда династия (Поздняя) Лян¹ была присоединена династией Суй, его старшая сестра стала августейшей супругой императора Ян-ди (605—617). Цзин родился и вырос в благороднейшей и богатейшей семье, поклонявшейся закону Будды.

Цзин постоянно зачитывал «Лотосовую сутру». Основываясь на ней, он в годы правления династии Суй под девизом Великие деяния (605—616) соорудил ступу Прабхутаратны². Она была высотой более трех чи, изготовлена из

сандалового дерева. С квадратной вершиной, она расширилась у основания. Цзин также изготовил из дерева образ Прабхутаратны.

Несколько лет спустя старший сын Цюань еще жил в родительском доме. Однажды утром, пробудившись от сна, он во дворе на траве увидел сандаловый балдахин, а под ним — латунную статуэтку Будды. Статуэтка была изготовлена не в Среднем государстве (Китае): Будда был похож ликом на варвара-ху. Его глаза из серебра с темными зрачками искрились чистым светом, как живые. Цюань бросился рассказать об этом отцу, и когда Цзин увидел эти чудесные дары, то был изумлен и обрадован. Он принес балдахин в дом и стал пытаться приладить его на ступу Прабхутаратны. Балдахин встал, как если бы был для этого предназначен. Хотя цвет дерева слегка отличался, но вид ступы стал прекраснее прежнего. Латунную статуэтку Будды поместили в ступу, и она как будто для этого была изготовлена. Цзин возрадовался, полагая, что ему явился отклик на его чистую и искреннюю веру.

Внутри статуэтки был ящичек, в котором находилось более сотни мощей-шарира. Младшая дочь Цзина была монахиней. Она втайне сомневалась в том, правду ли говорят монахи о том, что останки Будды не рассыпаются под ударами молота. Дабы самой убедиться в этом, она взяла тридцать останков-шарира, положила на камень и ударила по ним толором. Мощи-шарира исчезли. Девушка бросилась на землю, стала их разыскивать, но смогла отыскать только три-четыре. Остальные пропали — нигде не видать. Испугавшись, она рассказала обо всем отцу. Когда он пошел посмотреть внутри ступы, то обнаружил, что останки на прежнем месте. С этого события и всю оставшуюся жизнь Цзин зачитывал «Лотосовую сутру» ежедневно.

В одиннадцатом году правления под девизом Надежное призрение (637) Цзин тяжело заболел. Императрица Сяо, младшие братья и племянники пришли его проведать. Цзин принял всех, велел каждому воскурить благовония и попрощался. Он попросил остаться только младшего брата Юя³ и дочь-монахиню. Он велел им воскурить благовония и читать нараспев сутру. Затем он обратился к дочери-монахине:

— Я расстаюсь с жизнью, и бодхисаттва Самантабхадра-Всеблагод⁴ прибыл встретить меня в восточной части сада. Пойди и встреть бодхисаттву.

Монахиня, как ей и было велено, пошла встретить Самантабхадру, но прежде чем она вернулась, Цзин молвил:

— Наш двор — нечистое место, и Самантабхадра не пожелал прийти. Я должен сам пойти к нему. Прощайте!

Цзин попрощался с Юем и всеми другими родственниками, поднялся со своего ложа, встал на колени, сложив ладони в приветствии-вандана, и обратился лицом к западу. После этого он повалился на пол и умер.

Цзин оставил посмертное повеление использовать только одну повозку для перевозки его тела, которое должно быть облачено в те же обычные одежды, что и при жизни. Женщинам не следовало участвовать в похоронах; жертвы вином и пищей не допускались. Как только будет вырыта могила, следует тотчас опустить в нее гроб. Придворные и простой люд восхитились его предсмертным озарением, а семья почтительно исполнила его наказ.

Чжун-гуй⁵ — младший брат Сяо-се — был главным делопроизводителем в высшей судебной палате, и он рассказал мне эту историю. Я слышал ее также от жителей той области.

Сыновняя почтительность мирянина Чжун-гуя

Вэй Чжун-гую из Линьцюна были дарованы от природы сыновняя почтительность и уважение к старшим. Он был в чести у соседей, а когда ему было семнадцать лет, правитель области отметил его выдающиеся качества, произведя в должность начальника уезда Мэнъян.

Отец Чжун-гуя был бескорыстен и честен, ушел со службы по старости с должности помощника округа Цзыян. В годы под девизом правления Воинственная добродетель (618—626) отец заболел. Чжун-гуй взял на себя заботы об отце с великим тщанием, трудился, ни на миг не снимая шапку и пояс. После продолжительной болезни отец скончался. Чжун-гуй оставил жену и наложниц, поселился в хи-

жине у могилы отца. Он был почитателем учения Будды и зачитывал нараспев «Лотосовую сутру». Днем Чжун-гуй копал землю для могильного холма, а ночи напролет читал нараспев сутру. Исполненный искренности и неустанный, он не возвращался домой, пока не истекли три года⁶.

Тигры однажды пришли к его хижине и приникли к земле, внимая сутре. Они долго оставались там, пока Чжун-гуй не подумал про себя:

— Я не желаю, чтобы эти дикие звери мне досаждали.

Тогда тигры встали и ушли. На следующее утро Чжун-гуй увидел: семьдесят два древесных гриба (символ счастья и долголетия) взошли вокруг могилы. Они располагались рядами перед могилой, как если бы были кем-то посажены. У них были красные ножки и пурпурные шляпки, этак пять цуней шириной, излучающие дивное сияние. Местные жители доложили об этом в уезд и округ.

В это время Синь Цзюнь-чан был начальником округа, а Шэнь Юй — его помощником. Когда они вместе пришли на могилу, перед ними неожиданно появилась птица, похожая на утку. У нее в клюве была пара карпов⁷ длиной каждый этак с чи. Она подлетела к Цзюнь-чану, положила перед ним рыб и улетела. Цзюнь-чан и все остальные охнули от удивления. Сорвали древесные грибы и послали трону с докладом. Императорским приказом подвиг Чжун-гуя был увековечен в мемориальном столбе у ворот деревни.

В седьмом году под девизом правления Надежное призрение (633) я был по официальным делам в Цзяндуне, и мне рассказал эту историю мастер по иглоукалыванию Чэнь То из Янчжоу.

Сунь Бао, побывавший в раю

Сунь Бао был родом с Севера, но в конце правления династии Суй (581—618) он переселился в Цзянду. Он умер молодым, но его тело после смерти долго оставалось теплым. Спустя более сорока дней он жил и рассказал следующее.

Он был сразу же взят под стражу и доставлен в казенное учреждение. Здесь он вдруг увидел мать, которую держали под стражей. Увидев ее, он был и опечален, и обрадован. Мать рассказала, что ее по смерти надолго взяли под охрану, да так и не отпускают. У нее не было никаких оснований подать прошение.

На следующее утро главный делопроизводитель повел Бао на прием к главному чиновнику.

— Вы не совершили преступлений, — сказал сановник Бао, — и будете освобождены.

Бао спросил сановника:

— Я так и не уяснил себе, обязательно ли воздаются добро и зло, совершенные при жизни?

— Обязательно воздаются, — ответил сановник.

— Если кто-то совершал и добро и зло, — продолжил расспросы Бао, — то устраняет ли одно другое?

Чиновник ответил утвердительно.

Бао продолжил:

— У меня был сосед такой-то и такой-то. У него за всю жизнь набралось добрых поступков совсем ничего, а злых — не счесть! А теперь я здесь вижу его на свободе. А вот у моей матери грехов было мало, а добродетелей — множество. И вот ее долго держат под стражей! Если существует неперемное воздаяние, то почему так происходит?

Сановник призвал главного писца и расспросил. Тот ответил:

— У меня нет ничего по этому делу.

Тогда вызвали мать Бао и учинили допрос, установив, что у нее добродетелей много, а грехов мало. Сановник вынес порицание главному писцу. Тот оправдывался тем, что записи утеряны и не была известна тяжесть совершенных грехов. Сановник проверил другие документы и удостоверил подлинность всего сказанного матерью Бао. Тогда он дал распоряжение освободить ее и признал достойной рождения в Палатах радости.

Мать и сын вышли от сановника, и Бао сопровождал мать к месту ее нового рождения. Палаты Радости были похожи на великолепный дворец с просторными залами и помеще-

ниями, в которых мужчины и женщины жили, предаваясь удовольствиям. У Бао не было намерения возвращаться в мир людей. Он прогуливался по палатам и только развлекался.

По прошествии месяца или около того ему случилось встретить дядю — старшего брата отца. Тот стал его укорять:

— Ты еще не соединился со смертью! Почему же ты не спешишь возвратиться к жизни?!

— Я не хочу возвращаться, — ответил Бао.

— Когда люди умирают, — разгневался дядя, — каждый получает воздаяние в соответствии со своими поступками-кармой! Твоя карма дурна, и ты недостойн родиться в Палатах радости! Если бы ты по-настоящему умер, чиновник взял бы тебя под стражу и поместил куда следует! Вольно ли тебе здесь разгуливать только потому, что ты еще не соединился со смертью?! Разве тогда было бы дозволено тебе встретиться с матерью?!

Дядя облил Бао водой из кувшина. Все тело стало мокрым, и только одно место на руке осталось сухим, когда вода совсем кончилась. Дядя указал пустое помещение и приказал Бао войти внутрь. Тот вошел и сразу ожил.

Место на руке, не смоченное водою, стало гнить и отваливаться кусками. Даже теперь видна голая кость.

В седьмом году под девизом правления Надежное призрение (633) я был по делам службы в Цзяндуне, и Чэнь То рассказал эту историю. Бао еще жив.

Две отметины

Чжан Лян был управляющим делами командующего войском в Ючжоу (близ совр. Пекина), высоко чтил закон Будды. Однажды, войдя в монастырь, Лян увидел статую Будды одного с ним роста и совершил ей особые подношения.

По прошествии какого-то времени Лян сидел в главной зале своего дома. Рядом стояли две служанки. Вдруг он услышал раскаты грома. Лян боялся грома и всем сердцем стал уповать на статую Будды одного с ним роста. Через мгновение вновь загредел гром, потрясший колонны залы. Одна из служанок бросилась бежать и на лестнице была сражена на-

повал. Колонна рухнула и ударила Ляну по лбу, не причинив при этом особой боли. На лбу был только красный шрам, а деревянная колонна разломилась надвое и лежала на земле, как если бы ее разрубили топором.

Вскоре Лян вновь отправился в монастырь и увидел, что на той самой статуе на лбу имеется большая отметина, как будто от удара чем-то тяжелым. На том же самом месте, где был шрам и у Ляна! Лян и все монахи монастыря охали от удивления.

Лян рассказал об этом чуде Гао Юю. Люди из Ючжоу также о нем знают.

Авалокитешвара в облике шрамана

Государственный цензор с высочайшими полномочиями Лу Вэнь-ли из Фаньяна прежде служил в Юньяне (совр. пров. Хэбэй). Его послали по служебным делам в Цзинчжоу, и на обратном пути к югу от Янцзы он тяжело заболел. Его живот надулся и стал как камень. Он не мог ни есть, ни пить. Врачи и лекарства не помогли, и Вэнь-ли готовился к смерти. Не надеясь остаться в живых, он все же принялся всем сердцем взывать к бодхисаттве Гуаньшииню-Авалокитешваре. Через несколько дней он впал в забытие, как будто заснул глубоким сном. Вдруг он увидел шрамана, который подошел к нему и сказал, что он бодхисаттва Авалокитешвара.

— Вы что было мочи взывали ко мне, — сказал бодхисаттва Вэнь-ли, — и я пришел спасти Вас. Я изгоню болезнь из вашей утробы.

Он обломил с дерева ветку и прикоснулся к животу Вэнь-ли. Из живота вышло наружу более трех шэнов отвратительной жижи, испускавшей гнусную вонь.

— Вы излечены, — сказал бодхисаттва.

Вэнь-ли тотчас пробудился, и живот совершенно перестал его беспокоить. Он поел и смог подняться. Все другие донимавшие его недуги тоже прошли. Вэнь-ли и поныне крепок здоровьем.

Мы вместе с Вэнь-ли служили цензорами, и он лично рассказал мне о случившемся.

Высокий покровитель Суй Жэнь-цяня

Суй Жэнь-цянь был уроженцем Ханьдэня, что в округе Чжаоцзюнь. В юные годы он посвятил себя изучению классических книг и не верил в духов-гуй и божества-шэнь. Он стремился удостовериться, существуют ли они в действительности, и надеялся, что кто-нибудь его научит. Однако по прошествии более десяти лет он так и не смог такого человека встретить.

Вместе с семьей он направлялся в уезд и по дороге встретил господина. По виду тот был сановник высокого ранга. Производили впечатление его шапка и халат, а также его великолепный конь; при нем состояла свита из более чем пятидесяти всадников. Господин посмотрел на Жэнь-цяня, но ничего не сказал. Потом Жэнь-цянь встречал того господина несколько раз, и вид того был неизменен. В продолжение десяти следующих лет они встречались несколько десятков раз. При последней встрече господин вдруг остановил коня и обратился к Жэнь-цяню:

— В последнее время мы часто встречались с Вами. Я стал испытывать к Вам родственные чувства. Предлагаю Вам свою дружбу.

Жэнь-цянь поклонился и спросил, кто этот достойный господин.

— Я — дух-гуй, — был ответ. — Мое родовое имя — Чэн, а собственное — Цзин. Я родом из Хуннуна, и в годы правления династии Западная Цзинь (265—316) был помощником начальника округа. Теперь я служу помощником начальника приказа в государстве Линьху⁸.

Жэнь-цянь спросил о том, где находится это государство, и имя его правителя.

— Государство Линьху — все земли к северу от Желтой реки, — ответил Цзин. — Столица — к северо-западу от Лоуфань⁹ в пустыне. Правителем ее был Улинский ван династии Чжао¹⁰. Он и теперь правит государством, но во

всем подчиняется преисподней горы Тайшань. И каждый месяц высшие сановники отправляются на прием ко двору в горы Тайшань. Вот почему я много раз проезжаю по этой дороге и встречаюсь с Вами.

— Однако пути людей и божеств различны, — возразил Жэнь-цянь. — Почему Вы так дорожите дружбой со мной?

— Вы, господин, опасаетесь, что я принесу Вам несчастье, — сказал Цзин. — Напротив, я могу быть полезен, предвидя любые несчастья и беды, ожидающие Вас. Таким образом Вы сможете их избежать. Вы будете избавлены и от неожиданных напастей. Предопределение жизни и смерти, великая радость и беда, обретаемые посредством воздаяния — только они не могут быть преодолены!

Жэнь-цянь согласился с доводами Цзина, и тот приказал управляющему делами Чану из своей конной свиты выйти вперед и предоставил его в распоряжение Жэнь-цяня. Если по ходу дел у того возникнут затруднения, он должен немедленно докладывать Чану. Если же Чан не знает, как поступить, то пусть приходит с докладом к Цзину.

Затем они распрощались.

Управляющий Чан сопровождал Жэнь-цяня повсюду, как если бы был его слугой. Когда появлялась необходимость спросить его о чем-либо, он всегда и все знал заранее.

В первые годы под девизом правления Великие деяния (605—616) Цэнь Чжи-сян из Цзянлина был начальником уезда Ханьдань (часть совр. пров. Хэбэй). Его сын Вэнь-бэнь еще не вступил в совершеннолетие, и Жэнь-цянь был приглашен домашним учителем. Жэнь-цянь поведал Вэнь-бэню о своих делах, связанных с духами, довершив сказанное следующими словами:

— Помощник начальника приказа Чэн сказал мне так: «У меня есть к Вам одно дело. Я стыдился к Вам с этим обратиться, но теперь мы друзья, и я могу Вас попросить о следующем. В мире духов-гуй и божеств-шэнь тоже есть пища, но такая, что невозможно наесться досыта. Мы всегда ужасно голодны! Если же нам удастся добыть человеческой пищи, то мы бываем сыты целый год. Многие духи крадут у людей пищу. Мое высокое положение не позволяет мне заниматься подобным. Я бы попросил от Вас одну-единственную трапезу!»

Как только Жэнь-цянь рассказал об этом, Вэнь-бэнь тотчас приготовил обильное угощение из редких лакомств.

— Духи-гуи не любят входить в человеческое жилище! — предостерег Жэнь-цянь. — Нужно повесить тент и постелить циновки у дома. Там же следует подать вино и пищу.

Вэнь-бэнь сделал все так, как ему сказали. В условленное время Жэнь-цянь увидел Цзина и с ним двух других гостей. Они пришли и сели. Их сопровождала свита из более чем ста всадников. Как только они уселись, Вэнь-бэнь оборотился в сторону их циновок, дважды поклонился и принес извинения за грубую пищу. Жэнь-цянь передал Вэнь-бэню похвалу Цзина, но юноша ее вежливо отклонил. Еще когда Вэнь-бэнь готовил яства, Жэнь-цянь попросил его приготовить немного золота и шелка в подарок Цзину. Вэнь-бэнь осведомился, какими они должны быть, и Жэнь-цянь ответил:

— Вещи, которыми пользуются духи, отличаются от тех, что есть у людей. Только золото и тонкий шелк являются общими для них и для нас. Однако и эти вещи они предпочитают поддельными. Золото из олова, покрытого желтой краской, и шелк из бумаги у них наиболее ценятся.

Вэнь-бэнь сделал, как ему было сказано. По окончании трапезы Цзин велел своей конной свите занять его место за столом. Вэнь-бэнь поднес ему то золото и шелк, которые он изготовил. Цзин был весьма обрадован и благодарил его.

— Поскольку господин Суй причинил Вам хлопоты с этими дарами, — добавил он, — то если есть у Вас большое желание узнать отмеренный Вам срок жизни, извольте.

Вэнь-бэнь ответил, что у него нет такого желания. Цзин попрощался и ушел.

Через несколько лет Жэнь-цянь заболел. Болезнь была не очень тяжелая, но подняться он не мог. По прошествии месяца Жэнь-цянь сообщил об этом управляющему Чану. Тот ответил, что ему про болезнь неизвестно, и тотчас уведомил помощника начальника приказа, господина Чэна. Помощник начальника приказа доложил Жэнь-цяню:

— О Вашей болезни никто в моем государстве не знает. Однако в следующем месяце я отправляюсь ко двору преисподней гор Тай и расспрошу о Вас. Вернусь и сообщу Вам.

В начале следующего месяца помощник начальника приказа лично прибыл с докладом:

— Ваш земляк Чжао У стал главой канцелярии гор Тай. В штате служащих канцелярии появилась свободная должность, и он представил на нее Вас, господин. Документы, требуемые для вступления в должность, проходят официальное утверждение. Когда они будут готовы, Вы умрете.

Жэнь-цянь спросил, есть ли какой-нибудь выход.

— Продолжительность Вашей жизни более шестидесяти лет, — ответил Цзин, — а Вам теперь только сорок лет. Как некстати этот вызов главы канцелярии Чжао! Пойду и буду просить за Вас!

По возвращении Цзин доложил:

— Глава канцелярии Чжао просит Вас о следующем. «Глубокоуважаемый Суй, в прошлом мы учились вместе, и моя привязанность к Вам очень глубока! Теперь мне выпала великая удача вступить в должность главы канцелярии преисподней гор Тай. Случилось так, что в моем штате появилась свободная должность. Вышестоящее учреждение приказало занять ее, и я уже сообщил досточтимому владыке о своем решении. Он согласился принять Вас на службу. Ведь Вы, глубокоуважаемый, не сможете обрести вечную жизнь и непременно умрете. Когда Вы умрете своей смертью, вряд ли Вам представится счастливый случай получить высокую должность. Зачем Вам ждать десять-двадцать лет, цепляясь за жизнь. Документы отправлены и не могут быть отозваны. Я надеюсь, Вы примете окончательное решение вступить в должность! Какие могут быть в том сомнения?!»

Жэнь-цянь был опечален и испуган. Болезнь стала тяжелой. Цзин сказал ему:

— Глава канцелярии Чжао непременно потребует Вас к себе. Но Вы можете пойти в горы Тай и изложить свое дело в управе. Так Вы избежите смерти.

— Как я могу встретиться с начальником управы? — спросил Жэнь-цянь.

— Как обычно встречаются с духами, — ответил Цзин. — Идите к храму гор Тай, повернитесь лицом на восток и перейдите через небольшую гору. Там как раз находится столица. Вы пойдете туда и встретите начальника управы.

Жэнь-цянь все рассказал Вэнь-бэню, и тот приготовил ему вещи в дорогу. Через несколько дней Цзин явился снова.

— Документы полностью готовы, — сообщил он Жэнь-цяню. — Я боюсь, что Вы не сможете спастись, даже если изложите свою просьбу. Немедля изготовьте образ Будды, и документы сами собой уничтожатся!

Жэнь-цянь сказал Вэнь-бэню, и тот взял три тысячи монет и заказал мастеру-живописцу начертать образ Будды на западной стене монастыря. Когда заказ был исполнен, Цзин пришел и сказал:

— Вы спасены!

Хэнь-цянь никогда не верил в Будду. У него все еще были сомнения, и он спросил Цзина:

— Буддийское учение утверждает всеобщую обусловленность причин и следствий в Трех периодах (прошрое, настоящее и будущее рождения). Это ложь или правда?

— Это правда, — подтвердил Цзин.

— Пусть так, — продолжил Жэнь-цянь. — Но когда люди умирают, то каждый в отдельности вступает на одну из шести стезей-гати¹¹. Как же все они становятся духами-гуй? Отчего и Вы, и Улинский ван династии Чжао — все являетесь духами?

— Сколько семей в вашем уезде? — в ответ спросил Цзин.

— Более десяти тысяч, — ответил Жэнь-цянь.

— Сколько заключенных в уездной тюрьме? — продолжил расспросы Цзин.

— Обычно менее двадцати, — ответил Жэнь-цянь.

— Среди десяти тысяч семейств в вашем уезде, — продолжил Цзин, — сколько чиновников пятого ранга?

Жэнь-цянь ответил:

— Ни одного.

— Сколько чиновников выше девятого ранга? — осведомился Цзин.

— Несколько десятков, — ответил Жэнь-цянь.

— То же самое и на Шести стезях, — объяснил Цзин. — Из десяти тысяч человек нет никого, кто бы удостоился небесной стези, подобно тому как в вашем уезде нет ни одного чиновника пятого ранга. Обретают человеческую стезю только немногие, подобно тому как у вас чиновников девятого ранга несколько десятков. Тех, кто попадает в земное узилище, также несколько десятков, как у вас заключенных. Духов и животных более всего. Их столько же, как и обычных людей в вашем уезде, которые обязаны платить налоги и исполнять повинности. Но даже на одной только стезе духов есть несколько ступеней, — Цзин указал на своих слуг и продолжил. — Эти мне не ровня, а еще больше тех, кто ниже их по положению.

— Духи-гуй умирают? — спросил Жэнь-цянь.

— Да, — ответил Цзин.

— Когда они умирают, то какую стезю обретают? — продолжил расспросы Жэнь-цянь.

Цзин ответил неопределенно:

— Я не знаю. Точно так же люди знают, что непременно умрут, но не знают, что будет после смерти.

Жэнь-цянь вновь спросил:

— Молитвы и жертвоприношения, совершаемые даосами, приносят ли какую-нибудь пользу?

Цзин ответил так:

— Что касается даосов, то их Небесный император управляет Шестью стезями, которые и называются Небесными ведомствами. Ямараджа-Яньлован соответствует вашему императору, Сыну Неба, а начальник приказа гор Тай — главному министру. Божества-главы канцелярии Пяти стезей равны вашим главам министерств, а государственные служа-

щие моего ранга — вашим правителям округа или области. Когда что-либо происходит в мире людей, даосы направляют вверх прошения о ниспослании благ. Небесные ведомства получают эти прошения и посылают вниз владыке Ямарадже с припиской: в такой-то день такого-то месяца мы получили прошение от такого-то и т. д. и т. п. Вам необходимо провести тщательное расследование и не допускать извращений закона и злоупотреблений. Ямараджа с почтением внемлет

приказу и исполняет его, как исполняют подданные императорские приказы. Если прошение не соответствует истине, то проситель не обретет спасения. Когда же несправедливость допущена, прошение непременно бывает удовлетворено. В том и состоит польза от веры даосов.

Жэнь-цзянь также спросил:

— А какие блага у буддистов от религиозных заслуг?

— Будда — Великий святой и не рассылает никаких документов, — был ответ. — Те, кто приобретает религиозные заслуги, почитаются небесными божествами и часто получают прощение. Если же кто-то приобрел множество заслуг, то его никак нельзя

взять под стражу, пусть даже он проходит по спискам скверных стезей¹². Однако я не знаток по этой части и не совсем разбираюсь, что и как там происходит.

Завершив на том свой ответ, Цзин удалился.

Уже через день или два Жэнь-цзянь мог встать и был снова здоров.

После смерти отца Вэнь-бэнь вернулся в родной город. Жэнь-цзянь послал ему письмо, в котором говорится:

— Духи-гуй и божества-шэнь, конечно же, любят, чтобы им угождали. Прежде Цзин желал от Вас пищи и питья и потому был так усерден и внимателен. Но теперь он понял, что от визитов ко мне не будет большого проку. Однако управляющий Чан все еще при мне. Наш уезд был захвачен разбойниками, и почти всех жителей перебили. Управляющий Чан увел меня от разбойников, и при этом мне казалось, что мы для них невидимы. В конце концов я остался невредим.

В девятый день девятого месяца¹³ шестнадцатого года под девизом правления Надежное признание (642) гражданские чиновники удостоились императорского приема у Северных ворот столицы (Чанъань). Вэнь-бэнь был к тому времени помощником главы императорской канцелярии. Он занимал место рядом с моим старшим братом — главным императорским казначеем, помощником главы цензората Ма Чжоу, главным императорским секретарем Вэй Кунем и мною. Вэнь-бэнь поведал эту историю всем нам.

Придворный врачеватель Сунь Хуэй-пу

Главный врач императорского двора Сунь Хуэй-пу был из Цзииня. В тринадцатом году под девизом правления Надежное признание (639) он сопровождал императора в поездке в Девятирусный дворец¹⁴ и проживал в отдельном строении в долине Саньшаньгу по соседству с великим наставником Вэем¹⁵.

Однажды ночью во вторую стражу (9—11 ч.) Хуэй-пу услышал, как кто-то зовет его по имени и должности у ворот дома. Хуэй-пу пошел посмотреть, полагая, что за ним послал великий наставник. Выйдя на улицу, он увидел двух человек.

— Вас требуют, — сказали они Хуэй-пу.

— Я не могу пойти пешком, — возразил Хуэй-пу, но нарочные подвели его коня. Хуэй-пу верхом последовал за ними.

Хуэй-пу увидел, что небо и земля ярко осветились как будто полуденным солнцем. У него появились сомнения, но он не посмел сказать о них вслух. Гонцы вывели его из долины мимо залы для императорских приемов прямо на восток. Затем, пройдя шесть-семь ли на северо-восток, они до-

стигли Люцерновой долины. Хуэй-пу вдалеке увидел Хань Фэн-фана в сопровождении двух других нарочных. Они крикнули сопровождающим Хуэй-пу:

— Это не тот! Мы взяли кого нужно! Отпустите его во-
свояси!

Хуэй-пу отпустили, и он отправился домой. Все, что встречалось ему на обратном пути, было как в обычной жизни. Хуэй-пу прибыл домой и привязал коня. Он увидел спящую служанку у дверей. Он позвал ее, но она не ответила. Хуэй-пу переступил через нее и вошел в дом. Там он увидел самого себя, спящего на ложе со своей женой. Он попытался подойти поближе, но не смог: так и остался стоять у южной стены. Хуэй-пу громко позвал жену, но та не ответила. В помещении было очень светло. Он отчетливо видел в углу паучью паутину с двумя попавшими в нее мухами: одна большая, другая поменьше. Еще он увидел какие-то пилюли, отложенные на верхней балке. Было так светло, а ему никак не подойти к постели. Хуэй-пу понял, что мертв. Он был безутешен и сожалел только о том, что не смог попроситься с женой. Он долго стоял у южной стены, а потом задремал. Вдруг кто-то толкнул его, и он пробудился. Хуэй-пу лежал в постели. Помещение было погружено во тьму: ничего не видно. Хуэй-пу позвал жену и попросил зажечь огонь. Он был весь в поту. Хуэй-пу поднялся посмотреть на паучью паутину, и та была на месте. Он проведаль коня, и тот был весь покрыт потом.

Хань Фэн-фан скоропостижно скончался этой ночью.

В семнадцатом году под девизом правления Надежное призраение Хуэй-пу получил высочайший приказ на всем скаку мчать в Цичжоу и излечить Циского вана Ю. На обратном пути из Цичжоу он достиг станции Сыновняя почтительность и долг, где неожиданно встретил человека. Тот подошел и спросил:

— Вы Сунь Хуэй-пу?

— Да, — ответил он. — Но почему Вы спрашиваете?

— Я дух-гуй, — ответил тот. — У меня есть приказ великого наставника Вэя, предписывающий Вам вступить в должность его личного секретаря.

Гонец подал документ Хуэй-пу, и тот увидел на нем подпись Чжэнского гуна Вэй Чжэна. Хуэй-пу был удивлен:

— Чжэнский гун жив. Как же он мог отправить Вас с этим поручением? — спросил он.

— Он уже мертв, — ответил дух. — И теперь он главный надзиратель-регистратор Солнечной столицы. Потому он и приказал мне призвать Вас.

Хуэй-пу пригласил духа сесть и разделить с ним трапезу. Тот был очень обрадован и благодарил Хуэй-пу. Хуэй-пу обратился к духу:

— Я исполнял императорский указ и должен представить отчет. Чжэнский гун не вправе призывать меня. Я вернусь в столицу, завершу свои дела и тогда исполню волю Вэй Чжэна. Вам это подходит? — спросил он.

Дух согласился, и они продолжили путь вдвоем: днем шли, а ночью останавливались на ночлег. Когда они прибыли в уезд Вэньсянь, дух попрощался и сказал:

— Я пойду искать место, где перейти заставу, и буду ждать на той стороне.

Хуэй-пу прошел заставу и на выходе из западных ворот увидел духа-посланника. Они пошли вместе. По прибытии на станцию на реке Цзышуй дух вновь попрощался с Хуэй-пу.

— Я подожду, когда Вы исполните императорское поручение, — сказал он. — И мы снова встретимся. Однако Вам не следует ни в коем случае есть чеснок¹⁶.

Хуэй-пу не стал перечить духу-посланнику. Он доложил об исполнении поручения и отправился с визитом к Чжэнскому гуну Вэй Чжэну. Но тот был уже мертв. Расспросив о дне его смерти, он обнаружил, что это было за день до того, что случилось на станции Сыновняя почтительность и долг. В преддверии своей неизбежной кончины Хуэй-пу навеки попрощался с семьей и попросил монахов совершить ритуальное хождение. Он изготовил статую Будды и список сутры. Через шесть-семь дней ему ночью приснился все тот же дух-посланник. Дух повел его на высокую гору, на вершине которой был большой дворец. Хуэй-пу вошел и увидел благородных мужей, встретивших его со словами:

— Этот человек обладает многими религиозными заслугами. Его нельзя здесь оставить! Нужно его отпустить!

Они столкнули Хуэй-пу с горы, и в тот же миг он пробудился от удара.

До настоящего времени Хуэй-пу совсем не болеет.

Хуэй-пу лично рассказал мне о случившемся.

Должность пятого ранга

Глава министерства финансов Дай Чжоу, носивший титул Учанского гуна, был дружен с Шэнь Юем, помощником наместника в Шучжоу. Чжоу умер в седьмом году под девизом правления Надежное призрение (633). В восьмом месяце восьмого года Юю в Шучжоу приснилось, что он прогуливается по Южной улице квартала Инин столицы (Чанъань). Вдруг он увидел Чжоу, одетого в старую поношенную одежду и очень изможденного.

— В продолжение всей жизни Вы, досточтимый, совершали благие дела. Что с Вами случилось?! — спросил его Юй.

Чжоу ответил:

— При жизни я вопреки приказу убил человека. Когда же я умер сам, то некто убил барана, принеся ради меня жертву. Из-за этих двух преступлений я был подвергнут таким мучениям, которые нельзя выразить словами! Но теперь пагубное влияние моих грехов исчерпалось. — Чжоу лично Юю сообщил следующее. — Еще при моей жизни мы были близкими друзьями, и я воистину сожалел о том, что не в состоянии посодействовать Вашему продвижению по службе. Но теперь Вы будете удостоены должности пятого ранга¹⁷. Документы уже поступили в Небесные ведомства. Я весьма рад, что смог помочь Вам, и пришел доложить Вам об этом.

Когда Чжоу закончил говорить, Юй проснулся. Он рассказал людям о своем сне и надеялся, что он сбудется.

Зимой того же года Юй прибыл в столицу для представления на новую должность, однако из-за мелких недочетов ее не получил. И тогда он стал говорить, что сон не сбывся.

Весной девятого года Юй отправился в обратный путь на юг от Янцзы. Он добрался до Суйчжоу, где его неожиданно ожидало назначение на должность правителя Учжоу, как раз соответствующую пятому рангу.

Мой старший брат был тогда помощником главы министерства чинов. Прослышав об этой истории, он призвал Юя и расспросил его. Таким был его рассказ.

Удар кинжалом

Ли Да-ань из Лунси был старшим братом главы ведомства общественных работ Ли Да-ляна. В годы правления под девизом Воинственная добродетель (618—626) Да-лян был главным военачальником области Юэчжоу, и Да-ань побывал у него. На обратном пути в столицу Да-лян послал нескольких рабов сопровождать его.

Прибыв в Луцяо, что в Гучжоу (на территории совр. пров. Хэнань), они остановились переночевать на постоялом дворе. Среди рабов был один, замысливший убить Да-аня. Раб подождал, когда Да-ань крепко заснул, и насквозь пронзил его шею кинжалом. Клинок вонзился в изголовье, и раб убежал, не вытащив его. Да-ань пробудился от страшного удара и позвал рабов. Рабы, не изменившие хозяину, прибежали и хотели вытащить кинжал. Однако Да-ань запретил:

— Если вы вытащите кинжал, я умру. Прежде принесите бумагу и кисть, чтобы я мог написать письмо.

Рабы сообщили о случившемся хозяину постоялого двора, чтобы тот доложил уездному начальству. К тому времени как Да-ань заканчивал писать письмо, уездный чиновник уже прибыл. Вытащили кинжал, прочистили рану, приложили к ней целебные снадобья, но Да-ань скончался.

Вдруг как будто во сне он увидел нечто, напоминающее кусок свинины более чи длиной и четыре-пять цуней толщиной. Этот кусок висел на два чи от пола, затем прошел в дверь и приблизился к ложу Да-аня. Изнутри куска раздался голос:

— Побыстрее отдай мне мое мясо!

— Я никогда не ел свинину, — возразил Да-ань. — Чем я перед Вами провинился?!

Тогда раздался голос из-за двери:

— Вы ошиблись. Это не он.

Это нечто отодвинулось от ложа, вышло за дверь и удалилось. Теперь Да-ань видел пруд в саду. Пруд был чистым, неглубоким и красивым, а на его заднем берегу — золотая статуя Будды этак в пять цуней высотой. Мгновением позже статуя постепенно стала увеличиваться, превратившись в монаха. Монах был одет в совсем новую и очень чистую зеленую накидку-кашаша.

— Ты ранен, — сказал он Да-аню. — И я тебя вылечу. Ты должен возродиться к жизни, вернуться домой, чтить Будду и творить благие дела.

Монах прикоснулся рукой к ране на шее Да-аня, а затем удалился. Да-ань отметил в наружности монаха одну примечательную деталь: на спине его накидки-кашаша была отчетливо видна заплатка из красного шелка размером этак с цунь.

Да-ань пробудился и вернулся к жизни. Его рана совсем не болела, и он мог сидеть и есть. Через десять дней младшие из родичей приехали из столицы отвезти его домой.

По приезде Да-аня родственники пришли навестить его. Он стал подробно рассказывать, что с ним произошло. Когда он подошел к рассказу о том, как ему ниспослано было видение монаха и статуи, служанка, слушавшая его поодаль, вдруг подала голос. Она сказала, что как только хозяин отправился в поездку, госпожа послала ее к мастеру с поручением во благо мужу изготовить статую Будды. Одежды изготовленной статуи были окрашены в зеленый цвет, но на спине имелось красное пятно. Служанка отнесла статую мастеру, чтобы удалить пятно. Но так ничего и не вышло: пятно осталось на том же месте и выглядело таким, как описал его хозяин. Да-ань, жена и все семейство поднялись и пошли взглянуть на статую Будды. И было то, что Да-ань уже видел — красное пятно на спине статуи было таким же, как и заплатка на накидке монаха. Все семейство вздохнуло от изумления и с почтением уверовало в закон Будды.

Жена Да-аня была младшей сестрой начальника области Ланчжоу Сяхоу Сюня, который первым и рассказал мне эту историю. Позже Ли Дао-юй — сын старшего брата Да-аня — занял пост главы верховной судебной палаты. И он рассказал мне то же самое.

Служанка, читавшая «Лotosовую сутру»

В годы под девизом правления Воинственная добродетель (618—626) уполномоченный водного ведомства Су Чан получил назначение на должность правителя области Бачжоу. Чан повез свое семейство на новое место службы. Они переправлялись через реку Цзялинцзян, когда на середине реки налетел ветер и лодка стала тонуть. Более шестидесяти мужчин и женщин разом пошли на дно и утонули. Только одна служанка читала «Сутру цветка Закона». Когда лодка стала тонуть, она прижала к голове футляр с сутрой и дала обет, что потонет с ним вместе. Только одна служанка и не потонула: ее подхватила волна и вынесла на берег вместе с футляром. Она открыла футляр и проверила сутру: та была совершенно сухой.

Женщина все еще живет в Янчжоу. Она вышла замуж и вступает более прежнего.

Цэнь¹⁸ рассказал мне эту историю, утверждая, что слышал ее от самой женщины. Когда я плыл по реке, совершая служебную поездку, лодочник рассказал мне то же самое.

Узники под охраной Авалокитешвары

Дун Сюн из Хэдуна с малолетства был верным почитателем учения Будды и питался растительной пищей по несколько десятков дней. В годы под девизом правления Надежное призрение (627—649) он служил помощником главы высшей судебной палаты.

Весной четырнадцатого года правления под девизом Надежное призрение Сюн был замешан в деле Ли Сянь-туна, взят под стражу и содержался в цензурате. Император посчитал сие дело заговором и был очень рассержен. Он велел помощнику главы ценzurата Вэй Цзуну провести строгое дознание.

Более десяти человек были взяты под стражу и охранялись неусыпно. Помощник главы высшей судебной палаты Ли Цзин-сюань и судебный инспектор Ван Синь тоже были замешаны в этом деле и содержались под стражей в одном помещении с Сюном. На всех были самые тяжкие оковы.

Сюн сосредоточился на чтении главы «Всеобщие врата» «Лотосовой сутры»¹⁹ и по прошествии нескольких дней успел зачитать ее три тысячи раз. Сидел он один ночью, зачитывая сутру, и вдруг оковы сами собой открылись и упали на землю. Сюн удивился и позвал Синя и Цзин-сюаня. Те осмотрели оковы и обнаружили, что они лежат на земле, но все еще наглухо закрыты. Замок был нетронутым, но лежал в нескольких чи в стороне. Цзин-сюань и все остальные изумились, но Сюн испугался наказания. Он вызвал тюремщика, сказав ему, что оковы раскрылись сами собой.

В ту ночь цензор палаты внешних расследований Чжан Цзин-и был при исполнении обязанностей. Он приказал тюремщику раскрыть оковы. Тюремщик при свете свечи увидел, что и оковы и кольцо плотно закрыты, однако отделены друг от друга. Тюремщик посчитал все это весьма странным. Он открыл и снова закрыл замок, скрепив его бумажной печатью и поставив свою подпись. Тюремщик ушел, и Сюн снова сел и стал читать сутру. В пятую стражу (3—5 ч.) оковы вновь распались, издав при этом звук открываемого замка. Сюн был испуган и вновь позвал Синя и Цзин-сюаня. Поскольку уже светало, они посчитали, что лучше не звать тюремщика. Как только стало совсем светло, они проверили оковы. Те лежали на земле отдельно от кольца, но были при этом закрыты. Печать с подписью была на месте и нетронутой, а прочное кольцо — неповрежденным. Замок никоим образом не мог быть открыт.

Цзин-сюань никогда прежде не веровал в закон Будды. Когда бы он ни увидел жену, читающую сутру, всегда говорил:

— Отчего ты так очарована варварским божеством, о котором ты здесь читаешь?!

Но когда он увидел, что случилось с Сюном, то глубоко прозрел и молвил с полным пониманием:

— Теперь я уразумел, что святому Будде никто не ровня. Он воистину непостижим!

Тогда и Синь и Цзин-сюань стали читать имена Восьми бодхисаттв²⁰, повторив их тридцать тысяч раз. В середине дня их оковы открылись сами собой. Узники осмотрели их, и

оказалось, что все было так же, как у Сюна. Цзин-сюань клятвенно признал буддийскую веру и раскаялся в грехах.

Все трое были оправданы. Цзин-сюань изготовил список «Лотосовой сутры» и изобразил лики Восьми бодхисаттв, совершив подношения и вверив себя Будде.

Как-то я был болен, и Ли Цзин-сюань пришел ко мне домой выразить свое почтение и рассказать об этом событии во всех подробностях. Когда я выздоровел и возобновил исполнение своих обязанностей, то расспросил должностных лиц и служащих цензората о случившемся. Их рассказы ничем не отличались от того, что поведал мне Цзин-сюань. Дун Сюн также рассказал мне свою историю; он был очень почитателен и пылок в вере. Сюн еще жив и служит начальником в Чжоучжи.

Высокий покровитель мирянина Цэнь Вэнь-бэня

Глава императорской канцелярии Цэнь Вэнь-бэнь, уроженец Цзянлина, с молодых лет веровал в Будду, зачитывал главу «Всеобщие врата» «Лотосовой сутры».

Однажды он плыл в лодке по реке Уцзян (впадает в Восточно-китайское море). Лодку отнесло на середину реки. Все погибли кроме Вэнь-бэня. И тот уже был в воде, когда услышал голос:

— Взывай к Будде и будешь спасен!

Трижды назвав Будду по имени, Вэнь-бэнь был вынесен волной на северный берег. Так он избежал смерти.

Вэнь-бэнь пригласил нескольких монахов на растительную трапезу в свой дом в Цзянлине (город с тем же названием в совр. пров. Хубэй). Странствующий монах-бхикшу, пришедший последним, сказал Вэнь-бэню:

— Ныне Поднебесная в состоянии смуты. Но, к счастью, Вам не грозят беды. Вы будете наслаждаться покоем до конца Ваших дней и займете должность, приносящую богатство и славу²¹.

Сказав так, монах поспешно удалился. Тотчас Вэнь-бэнь обнаружил две мощи-шарира в чаше, из которой он ел.

Впоследствии произошло все, что предсказывал монах. Вэнь-бэнь лично рассказал мне эту историю.

Дружеский наказ

В годы под девизом правления Надежное призрение Юань Да-бао из Хэнани был помощником главы высшей судебной палаты. Он никогда не верил в учение о причинах и следствиях. Однако близкому другу и сослуживцу Чжан Жуй-цэ он часто говорил:

— Пусть тот из нас, кто умрет первым, вернется и сообщит, действительно ли существуют причины и следствия.

В одиннадцатом году (637), сопровождая императора в поездке в Лоян, Юань заболел и умер. Жуй-цэ находился в столице (Чанъань) и не знал о смерти друга. Однажды ночью Юань явился ему во сне и сказал:

— Я уже мертв. Пока я был жив, то не верил в доброе и дурное воздаяние. Но оно существует, и это не ложь! Я пришел сообщить Вам об этом и подвигнуть к благим деяниям.

Чжан попросил Юаня рассказать поподробнее, но тот ответил:

— Загробное воздаяние никоим образом не может быть выражено словами. Я не могу говорить о нем. Я лишь желал уведомить Вас, что оно воистину существует.

Чжан пробудился и рассказал свой сон сослуживцам. Через два дня прибыло известие о смерти Юаня. Чжан сопоставил даты и убедился, что сон был днем позже смерти Юаня.

Чжан лично рассказал мне об этом.

Встреча с монахом на том свете

Чжэн Ши-бянь, военный советник на службе в правофланговой гвардии Его Величества, умер от неожиданной болезни еще до вступления в совершеннолетие. Через три дня он вернулся к жизни и рассказал следующее.

Появились несколько стражников и провели Ши-бяня через главные ворота казенного учреждения. Он увидел более ста пленников, стоящих рядами, обратясь к северу. Там было всего шесть рядов пленников. Пленники в ближнем ряду были по виду упитанные и опрятные — все одеты в прекрасные одежды, приличествующие знати. Однако в следующих рядах стояли менее упитанные и знатные. Одни были в шейных колодках-канга и кандалах, другие — без шапок и пояса, но все они были связаны друг с другом за запястья и находились под строгой охраной. Ши-бяню было отведено третье место от восточного конца третьего ряда. С него сняли шапку и пояс, связали по рукам. Он перепугался и принялся всем сердцем взывать к Будде.

Вдруг Ши-бянь увидел монаха, которого знал, когда еще был жив. Тот вошел, окруженный шеренгой воинов. Воины не остановили его, и он подошел к Ши-бяню.

— Ни единожды за всю жизнь Вы не совершили благого деяния, — сказал монах. — Что Вы теперь будете делать, попав сюда?!

Ши-бянь жалобно взывал к монаху, молил о прощении.

— Если я спасу Вас и Вы возвратитесь к жизни, то будете ли соблюдать обеты? — спросил монах.

Ши-бянь согласился.

Вскоре служба провел пленников в присутствие. Они предстали перед чиновником и были по очереди допрошены. Когда дошла очередь до Ши-бяня, тот самый монах рассказал о его (своих?) благих поступках-карма. Чиновник велел отпустить его.

Монах тотчас вывел Ши-бяня за ворота и наставлял в пяти обетах. Он окропил лоб Ши-бяня водой из бутылки²² и сказал:

— Когда солнце опустится на западе, Вы вернетесь к жизни.

Еще монах дал Ши-бяню желтую накидку с такими наставлениями:

— Наденьте ее и не снимайте, пока не придете домой, а потом положите на чистое место.

Монах указал Ши-бяню обратный путь. Тот надел накидку и пошел домой. Придя в дом, он снял накидку и положил на угол ложа.

Как только он открыл глаза и пошевелился, семья разбежалась, испугавшись покойника, восставшего из гроба. Только мать не убежала.

— Ты жив? — воскликнула она.

— Когда солнце будет на западе, я оживу, — ответил Ши-бянь.

Предположив, что теперь около полудня, он спросил об этом матушку, и та ответила, что сейчас полночь. Ши-бянь понял, что в мирах живых и мертвых день и ночь поменялись местами. Ши-бянь поел, и ему полегчало. Он все еще видел накидку в изголовье ложа, но когда смог подняться, накидка сама собой постепенно исчезла. Но при этом она в продолжение семи дней все еще испускала сияние.

Ши-бянь соблюдал пять обетов, однако через несколько лет согрешил: его угостили свининой, и он не смог устоять от соблазна съесть кусочек. Той ночью ему приснился сон, что он превратился в демона-ракшаса. У него были клыки и когти по нескольку чи. Ракшас ловил свиней и пожирал живыми. Ши-бянь пробудился и почувствовал противный привкус сырого мяса и крови во рту. Домашние увидели его губы в запекшейся крови. Ужаснувшись, Ши-бянь больше не хотел есть мясо.

Еще через несколько лет Ши-бянь женился, и жена тайком подложила ему в еду немного мяса. Сразу после этого ничего не случилось, но в последние пять-шесть лет у него появилась на носу гноящаяся и незаживающая язва. Ши-бянь испугался, что это произошло из-за нарушения обетов.

Однажды я был по служебным делам во дворце Его Величества вместе с Ши-бянем, и он рассказал мне свою историю.

«Алмазная сутра» госпожи Доу-лу

Госпожа Доу-лу была женой Чэньского гуна, старшей сестрой Жуйского гуна Куаня. Она верила в воздаяние за благие дела, читала нараспев «Сутру об алмазной праджня-парамите», но не весь свиток до конца. Один (склеенный) лист с небольшим так и оставался непрочитанным.

Однажды вечером перед заходом солнца она почувствовала головную боль, а в руках и ногах — ломоту. Она легла в постель, и ночью ей стало еще хуже. Она подумала, что умрет, так и не дочитав «Алмазную сутру». Госпожа хотела подняться и приняться за чтение, но свеча в спальне была уже погашена. Госпожа встала и приказала служанке зажечь свечу. Вскоре служанка вернулась ни с чем: огонь в кухне также погас. Госпожа велела служанке открыть ворота и сходить в соседний дом, но и там огня не было. Госпожа Доу-лу была крайне огорчена, но вдруг увидела во дворе горящую свечу. Свеча взошла по ступенькам в ее спальню, придвинувшись прямо к ее постели. Она была более чем в трех чи от пола, никем не удерживаемая в руке. Стало светло как днем, и госпожа несказанно обрадовалась. Ее головная боль прошла; она взяла сутру и стала читать. Тем временем кто-то из прислуги добыл огонь трением при помощи палочек. Когда в спальню внесли горящую свечу, то свеча, которая уже была там, исчезла. Той ночью госпожа прочла сутру до конца. Отныне она читала ее каждый день по пять раз.

Когда Жуйский гун был при смерти, госпожа Доу-лу пришла к нему с последним поклоном. Жуйский гун сказал ей:

— Сестра! Посредством чтения сутры Вы приумножили свои заслуги. Вы будете жить до ста лет, а затем обретете благое рождение.

Ныне в свои восемьдесят лет госпожа Доу-лу все еще здорова. Она лично рассказала о происшедшем жене моего старшего брата.

Подвиги мирянина Ли Шань-луна в загробном мире

В годы под девизом правления Воинственная добродетель (618—626) начальник левой гвардии дворцовых ворот Ли Шань-лун из Фаньи внезапно заболел и умер. Однако над сердцем оставалась еще не остывшая плоть размером с ладонь, и семья не спешила приступить к возложению покойного во гроб. Через семь дней Шань-лун ожил и поведал следующее.

По смерти Шань-лун был закован в кандалы, а имя его занесено в списки. Его доставили в казенный дом со служебными помещениями внушительных размеров. Перед ним был большой двор с несколькими тысячами пленников: одни были в нашейных колодках-канга, другие — в кандалах, но все стояли лицом к северу. Делопроизводитель призвал Шань-луна в помещение для приемов, где на высоком седалище восседал важный господин. У него была свита и охрана, какие приличествуют правителю-вану.

— Кто этот сановник? — спросил Шань-лун.

— Правитель-ван, — ответил служка.

Шань-лун подошел к ступеням, и правитель спросил его:

— Какие благие поступки совершили Вы в продолжение жизни?

— Если по соседству устраивали монашеские трапезы или проповеди, я осуществлял пожертвование вместе с организаторами, — был ответ.

— Какие благие деяния Вы совершили лично? — допрашивал правитель Шань-луна.

— Я могу читать наизусть два свитка «Лотосовой сутры», — отвечивал Шань-лун.

— Прекрасно! — воскликнул правитель. — Вы можете подняться на возвышение.

Шань-лун поднялся по ступенькам. В северо-восточной части помещения было высокое седалище, подобное тому, на котором обычно восседают проповедники. Правитель указал на это седалище и произнес:

— Займите свое место и приступайте к чтению сутры.

Во исполнение приказа Шань-лун подошел к седалищу, и тогда правитель поднялся и молвил:

— Пожалуйста, садитесь, закононаставник!

Шань-лун занял место на возвышении; сел и правитель, обратясь к нему лицом. Шань-лун приступил к чтению:

— «Сутра цветка лотоса сокровенного Закона». Часть первая. Введение...

— Прошу Вас, закононаставник, не продолжайте, — прервал его правитель.

Шань-лун поднялся с седалища и спустился со ступенек. Он обернулся и посмотрел во двор, но никого там не увидел.

— Блага от чтения сутры распространяются не только на Вас, но и на тех пленников, которые были во дворе, — пояснил правитель. — Прослушав сутру, все они удостоились спасения! Не прекрасно ли? Теперь Вы свободны и можете вернуться домой.

Шань-лун поклонился на прощание. Но только он прошел несколько сотен шагов, как правитель приказал ему вернуться.

— Возьмите этого человека, — сказал он службе, — и покажите ему все ады один за другим.

Служка повел Шань-луна на восток. Они прошли сотню шагов и увидели железный город-крепость. Он был очень большой, а сверху накрыт крышей. Там было много маленьких оконных отверстий по сторонам: одни размером с чашу для жертвоприношений, другие — всего лишь с чашку. Несколько мужчин и женщин влетели в окна и не возвратились. Шань-лун удивился и спросил службу, что сие означает.

— Это главное адское узилище, — был ответ. — Здесь много различных отделов по степени совершенных преступ-

лений. Все эти люди помещаются в тюрьму для наложения наказаний согласно их прежним деяниям-карма.

Услышав об этом, Шань-лун был весьма опечален и напуган.

— Намо Будда²³! — воскликнул он и попросил служку увести его отсюда подальше.

Они пришли к вратам какого-то заведения и увидели котел, наполненный жидкостью, кипящей на сильном огне. Двое пленников дремали, сидя около него. Шань-лун окликнул их и расспросил. Пленники ответили:

— В воздаяние за грехи нам уготован этот котел с кипятком. Благодаря тому, что Вы, облеченный мудростью, воскликнули: «Намо Будда!» — все пленники адского узилища получили один день передышки. Измучившись, мы и задремали.

Шань-лун еще раз воскликнул:

— Намо Будда!

Служка сказал Шань-луну:

— Чиновников здесь часто меняют или переводят на другую должность. Сегодня правитель освободил Вас, однако не будет лишним обратиться к нему и попросить поручительства. Если это не сделать, то, боюсь, как бы какой-нибудь чиновник, не посвященный в Ваши дела, вновь не взял бы Вас под стражу.

Шань-лун тотчас отправился на прием к правителю с просьбой о поручительстве. Правитель потребовал лист бумаги, написал на нем ряд иероглифов и передал службе со словами:

— Получите подпись сановников пяти стезей.

Во исполнение приказа служка отвел Шань-луна в два других ведомства. В каждом из них имелась приемная со столькими же служителями и охраной, как и в первом. Служка, исполняющий поручение правителя, получил все необходимые подписи чиновников, значительно дополнив ряд иероглифов. После этого документ вручили Шань-луну. Взяв с собой документ, Шань-лун пошел к воротам. У ворот были трое стражников, которые потребовали от Шань-луна:

— Правитель освободил Вас. Теперь Вам следует хоть что-нибудь дать нам!

Прежде чем Шань-лун успел ответить, служка ему посоветовал:

— В том, что правитель освободил Вас, эти трое ни при чем. Эти посланники брали Вас под стражу, когда Вы умерли. Хозяин веревки связал Вас темно-красной веревкой; хозяин колотушки ударил Вас по голове; хозяин мешка упрятал Вашу жизненную силу-ци в мешок. Теперь они видят, что Вы возвращаетесь к жизни, и пришли попрошайничать.

Шань-лун перепугался и стал извиняться перед этими тремя:

— По своему невежеству я не узнал вас, господа! С вашего позволения я приготовлю кое-какие вещи по приходе домой. Однако я не знаю, как переправить их вам.

— Сожгите их под деревом на берегу реки, — был ответ.

Шань-лун заверил в том, что все исполнит, попрощался со служкой и вернулся домой.

В доме он увидел плачущих родственников, готовящих похоронные принадлежности. Шань-лун вошел в дом, сбоку протиснулся в свой труп и ожил.

Потом Шань-лун нарезал бумагу, сделал из нее «деньги» и «шелк», которые и сжег у реки, немного присокупив пожертвования пиццей и вином. Вдруг он увидел тех троих, пришедших изъявить свою признательность:

— Благодарим Вас, господин, за то, что Вы держите свое слово, — сказали они. — Мы уже получили Ваши ценные дары. Мы их не стоим.

Сказав так, они удалились.

Шань-лун лично поведал эту историю настоятелю Обители дхарани²⁴, который, в свою очередь, рассказал ее мне.

Загробное хождение Ли Сы-и

Ли Сы-и из округа Чжаоцзюнь был служителем в императорском родовом храме. В восьмой день первого месяца двадцатого года под девизом правления Надежное признание (646) он вдруг потерял голос: совсем не мог говорить. В тринадцатый день он умер, но через день вернулся к жизни и рассказал следующее.

По смерти Сы-и был взят под стражу посланниками из иного мира. Они направились на юг и прошли через ворота. За воротами была большая дорога, идущая с севера на юг, а вдоль нее слева и справа — ворота казенных учреждений. Они прошли этак с десять ли, когда прибыли к проспекту, идущему с запада на восток. Он был пятидесяти шагов в ширину, и по нему шли мужчины и женщины, подгоняемые охранниками.

— Это недавно умершие, — сказали Сы-и. — Они направляются к чиновникам на расследование.

Сы-и прошел прямо на юг на другую сторону проспекта и прибыл в казенное учреждение. Чиновник спросил его:

— Когда Вам было девятнадцать лет, не погубили ли Вы живое существо?

Поскольку Сы-и не мог ничего вспомнить, невинно убиенный был доставлен в учреждение. Он был допрошен о том, какого месяца и дня он был убит, и об обстоятельствах, связанных с его смертью. Сы-и вдруг вспомнил и воскликнул:

— Позвольте! В тот день, когда его погубили, я был с закононаставником Хуэй-минем в Хуанчжоу. Там я принял участие в слушаниях проповеди по «Нирвана-сутре». Как же я мог причинить ему зло?!

Чиновник осведомился о местопребывании закононаставника Хуэй-миня, и ему ответили:

— Закононаставник давно уже умер и был вновь рожден в мире Так Пришедшего Золотое Зерно²⁵.

Чиновник заключил:

— Если бы закононаставник был призван сюда удостоверить сказанное, то ему предстояла бы слишком дальняя дорога. Поэтому освободите Сы-и, чтобы он вернулся домой и прожил еще одну жизнь.

Семья Сы-и жила неподалеку от монастыря Чистая дхьяна. Монах этого монастыря Сюань-тун был и прежде знаком с ними. Когда же Сы-и умер, семья просила Сюань-туна зачитать сутры и совершить благодеяния в пользу усопшего. И вдруг семья видит Сы-и, вернувшегося к жизни, и он рассказывает о том, что происходило в ином мире. Тогда Сю-

ань-тун принял от Сы-и покаяние и обеты. К тому же он велел семье пять тысяч раз вращать «Сутру об алмазной праджня-парамите».

Вечером Сы-и снова умер, но на следующий день еще раз вернулся к жизни. Он рассказал, что был снова взят под стражу и препровожден туда, где был в прошлый раз. Чиновник издали приветствовал его взглядом и весьма учтиво спросил:

— По возвращении домой совершили ли Вы какие-нибудь достойные похвалы деяния?

Сы-и подробно изложил обстоятельства принятия обетов и чтения сутры. Чиновник выразил полное удовлетворение. Появился служка со свитком сутры и показал ее Сы-и, возгласив при этом:

— «Сутра об алмазной праджня-парамите!»

Сы-и попросил раскрыть свиток. Взглянув на заглавие, он обнаружил, что иероглифы не отличаются от человеческих. Он закрыл глаза и поклонился познать смысл сутры и истолковать его всем сущим. Вдруг раздался возглас:

— Ваше решение превосходно!

Между тем тот, кого якобы погубил Сы-и, обратился к чиновнику с такими словами:

— Моя жизнь своим чередом подошла к концу, и я должен был вновь родиться на стезе людей. Однако моя семья все еще совершала благодеяния в мою пользу. Мне никак нельзя было уйти! Тогда я ложно обвинил Сы-и в надежде отодвинуть свой срок. На самом деле я не был несправедливо погублен. Прошу Вас принять во внимание смягчающие обстоятельства!

Лжеубиенный только закончил говорить, как появились два монаха и объявили, что их послал наставник Хуэй-минь.

Чиновник был напуган их появлением, встал и приветствовал их. Монахи выговаривали чиновнику:

— Сы-и слушал проповеди Закона. К тому же он никого не убивал. Почему же Вы по ложному навету схватили его?!

Чиновник не от мира сего освободил Сы-и, и тот в сопровождении двух монахов отправился домой. По пути монахи увещевали его очиститься разумом и творить благие дела. Затем они удалились.

Сы-и вернулся к жизни и жив по сей день.

Я первым услышал эту историю. Глава высшей судебной палаты Ли Дао-юй отправил посланника с визитом к преподобному Сюань-туну с тем, чтобы записать ее с его слов.

Воздаяние за алчность

Чжоу Шань-тун из Чанъани был совсем беден. Он и его жена служили благими людьми²⁶ в нескольких столичных монастырях. Монахи и монахини побудили их к покаянию, почитанию Будды и принятию обетов. После этого они всегда торговали на рынке только с выгодой. Они понемногу богатели, пока не накопили более ста тысяч монет, купили дом в квартале Хуайюаньли и стали в нем жить. У них была одна дочь и не было сыновей.

Муж и жена закопали четыре глиняных сосуда с монетами в главной зале, замазав их сверху и скрепив печатями. Они также купили много одежды и другое имущество и припрятали в сундук. Супруги богатели, а доброта в их сердцах мало-помалу убывала. Они стали пренебрегать обетами.

Однажды утром они вдруг заметили, что пояс от халата висит снаружи сундука. Они открыли сундук посмотреть, что внутри, но там ничего не было. Шань-тун охнул от изумления, а потом стал сердит. Дочь недавно вышла замуж, и отец подозревал, что это она украла. Дочь только рыдала и клялась в том, что не виновата. Но родители ей не поверили. Жена сказала Шань-туну:

— Откройте и проверьте сосуды с монетами!

Шань-тун выкопал сосуды и открыл печати, которые были нетронутыми. Однако он посмотрел внутрь сосудов, и там

ничего не было — даже единой монеты. Муж и жена охнули от изумления и уразумели, что это было воздаяние за грех алчности. Они стали опять бедны; не имели ни одежды, ни пищи. Они продали свой дом, дабы поддержать свое существование, и переселились в квартал Гуанфуфан. Они оба живы по сей день.

Об этом рассказал мне Лунсийский ван Бо-ча²⁷, который лично знал мужа.

ЦЗЮАНЬ III

Военачальник Ван, любивший поохотиться

В конце годов под девизом правления Основание царствования (581—600) династии Суй генерал кавалерии из Дайчжоу (совр. пров. Шаньси) служил в Цзинчжоу (совр. пров. Хубэй). Он был по природе своей страстный охотник и убил бесчисленное множество животных. У него было пять сыновей и не было дочери. Однако затем родилась дочка, прелестная, как картинка. Всяк, кто виделся с ней, очаровывался ее красотой. Отец и мать нежно любили ее. Когда семья вернулась в родное селение, соседи и родственники наперебой несли ей красивые наряды, всем миром нянчились с ней.

Однажды, когда девочке уже было семь лет, она пропала. Никто не знал, куда она девалась. Вначале подумали, что кто-то из соседей, желая пошутить, спрятал ее у себя. Однако, расспросив соседей, выяснили, что никто ее не видел. Старшие братья сели на коней и поскакали цепью на ее поиски. В тридцати ли от дома они увидели ее в колючих зарослях. Братья попытались ее поймать, но она испугалась и отбежала. Они погнались за ней верхом, но не могли догнать, пока с десятком других всадников не окружили ее. Из ее уст вылетали крики то ли зайца, то ли кролика. Когда ее привезли домой, она так и не могла говорить. Ее тело было

все в колючках, и мать выдернула их, набрав полную пригоршню. Девочка не могла есть и через месяц с небольшим умерла. Отец и мать были вне себя от горя. Отныне вся семья в строгости исполняла обет есть только постную пищу.

Об этом рассказал мне помощник главы высшей судебной палаты Цай Сюань-мин¹, который часто проводил судебные расследования в областной управе Дайчжоу.

Отмщение гонителям веры

Глава императорского совета династии Поздняя Вэй² Цуй Хао³ был широко образован и талантлив. Он служил императору Тай-у-ди (424—452), который прислушивался к нему и следовал его предначертаниям. Соотечественники брали его за образец. Хао признавал своим учителем только даоса Коу Цянь-чжи⁴, совсем не верил Будде и часто говорил, что ради этой лжи и нелепости тратит последнее трудовой люд. Когда бы он ни увидел свою жену за чтением сутры, он выхватывал у нее свиток и бросал в колодец.

Хао сопровождал императора Тай-у-ди в поездке в Чанъань. Когда они вошли в монастырь и обнаружили луки, стрелы, мечи и щиты, император разгневался и казнил монахов монастыря. Хао немедленно представил доклад о том, чтобы казнить всех шрамана (монахов), сжечь все буддийские сутры и лики. Был разослан императорский указ, предписывающий осуществить повсюду то, что было совершено в Чанъани⁵. Коу Цянь-чжи был против, однако Хао его не послушался. Цянь-чжи говорил так:

— Вы будете убиты, а вся семья уничтожена!

Через четыре года так и произошло. За это время Хао не совершал преступлений, но вся его семья была предана смерти. Хао был брошен в открытую повозку и отправлен на место казни. Десять гвардейцев стояли в повозке и по очереди мочились ему в рот. Проехав так несколько ли, Хао не мог более выносить мучений и позора. Весь в слезах и стеноя, он молил о пощаде. Напоследок он был подвергнут наказанию пяти степеней (клеймение лба, отрезание носа, отрубание ушей,

рук и ног, кастрация и умерщвление). Никогда до него не подвергались таким пыткам и унижениям. Император также безвинно казнил наследника. Вскоре он был сам убит евнухом Цзун Аем⁶. Люди в то время считали, что это воздаяние за гонения на закон Будды.

Смотри: «История династии Поздняя Вэй»⁷ и «Весны и осени Шестнадцати государств»⁸.

Семейная хроника императора Юань-ди

Когда династии Лян (будущему) императору Юань-ди⁹ было шесть лет, он увидел большие жемчужины в шкапулке с драгоценностями у своей матери. Он взял одну, положил в рот и случайно проглотил. Мать заметила пропажу жемчужины и предположила, что украл ее кто-то из приближенных. Она всех расспросила, но никто не признался в краже. Тогда она взяла глаз живой рыбы и сожгла его на огне, превратив в пепел, с тем чтобы навести порчу на вора. На следующее утро, когда (будущий) император Юань-ди испражнялся, жемчужина вышла наружу. Император Юань-ди ослеп на один глаз.

Смотри: «Краткие выписки из анналов династии Лян»¹⁰.

Покойный император зывает к Сыну Неба

Император У-ди династии Чжоу¹¹ ел много куриных яиц, потребляя несколько штук за один присест. Был смотритель императорской кухни по имени Ба-бяо, носивший титул Равный по ритуалу¹². Он часто обслуживал трапезы императора и пользовался расположением Его Величества. Когда династии Суй император Вэнь-ди ступил на трон, Ба-бяо оставался смотрителем императорской кухни. В годы под девизом правления Основание царствования (581—600) он внезапно умер. Однако сердце было все еще теплым, и семья откладывала похороны. Через три дня он вернулся к жизни, и, когда смог говорить, первое, что он сказал, было следующим:

— Отнесите меня к Его Величеству! У меня есть что передать ему от императора У-ди династии Чжоу!

Аудиенция была немедленно предоставлена: Ба-бяо предстал перед императором и был допрошен. Он доложил следующее:

— Вначале меня окликнули какие-то люди и приказали следовать за ними до места, где будет большая пещера в земле. Дорога, по которой мы шли, вела в эту пещеру. Как только мы оказались у входа, я увидел более ста всадников, прибывших с запада. По всему они походили на парадную свиту правителя. Вскоре высокая особа прибыла: то оказался император У-ди династии Чжоу. Равный по ритуалу поклонился Его Величеству, император молвил:

— Правитель призвал Вас сюда, чтобы быть свидетелем по моему делу. Вы лично не виновны ни в каких преступлениях.

Затем Его Величество вошли в пещеру. Туда же посланники ввели и Равного по ритуалу. Там были дворцовые ворота, ведущие во двор. Он увидел императора У-ди сидевшим с другим господином и оказывавшим ему высшие знаки почтения. Провожатые Ба-бяо поклонились господину, и тот вопрошал Равного по ритуалу:

— За все время, что Вы готовили пищу для императора, сколько белых кружков подали ему?

Ба-бяо не понимал, что значит белые кружки, и оглянулся на своих провожатых. Те подсказали, что белые кружки — это яйца, и Ба-бяо ответил:

— Император часто ел белые кружки, но никак не могу вспомнить, сколько!

— Этот человек не помнит, — обратился владыка к императору. — Тогда будем изгонять!

Император поднялся с места и выглядел очень жалким и неприкаянным. Вдруг в передней части двора появилось железное ложе и при нем несколько десятков тюремщиков-эпанов с бычьими головами и человеческими телами. Императора возложили на этот одр, и тюремщики принялись тыкать его железными жезлами. На его боку образовалось отверстие, из которого высыпались все яйца. Они были уже на

уровне одра, и было их этак с несколько ху. Владыка приказал их посчитать, и, когда подсчеты были закончены, одр и тюремщики разом исчезли. Император снова сел рядом с владыкой. Владыка приказал Равному по ритуалу возвращаться и велел вывести его наружу. Когда Ба-бяо подошел к выходу из пещеры, то увидел императора У-ди, подоспевшего к нему с такой просьбой:

— Известите Сына Неба династии Великая Суй. Мы вместе служили. Мои кладовые ломились от шелков и драгоценностей. При жизни я и сам был императором, но уничтожил закон Будды. Теперь я подвергаюсь таким страшным мучениям! Прошу Вас, Ваше Величество, ради меня приобретите религиозные заслуги!

Император Вэнь-ди издал указ: каждому жителю Поднебесной пожертвовать одну монетку, радея об усопшем.

Мой дед по материнской линии Циский гун был этому свидетелем и по возвращении домой все подробно рассказал.

Раб, порадевший о своем хозяине

При династии Северная Ци жил чиновник, носивший родовое имя Лян; был он влиятелен и богат. Перед смертью он так сказал жене и детям:

— Всю свою жизнь я любил моего раба и коня. Они долго мне служили и заботились обо мне. Они знают все мои желания. Когда я умру, принесите их мне в жертву. Иначе у меня не будет никого, кто бы мне прислуживал и на ком бы я ездил.

Когда чиновник умер, родные наполнили мешок землей и задавили им раба. Через четыре дня, когда еще не был убит конь, раб вернулся с того света и рассказал следующее.

Он не пришел в сознание, когда уходил из этого мира. Вдруг он оказался у ворот казенного учреждения. Стража в воротах остановила и не пустила его внутрь. Раб провел ночь за воротами. Наутро он увидел хозяина, закованного в кандалы и в окружении охранников. Тот как раз входил в казенное учреждение. Увидев раба, он сказал:

— Я думал, что умершие могут иметь рабов. Потому я завещал доставить тебя сюда. Но теперь каждый мучается сам по себе, и мы не имеем никакого отношения друг к другу. Я сегодня же доложу о твоём приходе чиновникам, и они должны тебя освободить.

Пообещав, он ушел. Раб стал подсматривать из-за защитной стенки (экран перед дверью или воротами) и увидел чиновника и охранников.

— Сколько жира выдавили из него вчера? — спросил чиновник.

— Восемь шэнов, — был ответ.

— Возьмите его еще раз с собой, — приказал чиновник. — И выдавите из него еще один ху и пять доу.

Хозяина утащили прочь до того, как он успел что-нибудь вымолвить. На следующее утро хозяин пришел вновь и с извиняющимся видом обратился к рабу:

— Сегодня я все Вам расскажу.

Хозяин вошел в присутствие и спросил охранников, будут ли они добывать жир, и те ответили, что не будут. Когда чиновник спросил об этом у главы канцелярии, тот ответил:

— Три дня после смерти этого человека его семья приглашала монахов на постную трапезу. И когда раздались голоса чтецов сутры, наши железные жезлы вдруг рассыпались. Так мы потерпели неудачу.

Чиновник приказал:

— Выведите его вон!

Тогда хозяин обратился к чиновнику с просьбой освободить раба. Чиновник приказал отпустить и раба. Они оба вышли за ворота, и хозяин попросил передать на словах жене и детям следующее:

— Благодарю вас за совершенные ради меня благодеяния. Я избежал великих мучений, но свободен не совсем. Если вы сможете впридачу изготовить копию «Лотосовой сутры» и образ Будды, то я надеюсь спастись. Отныне никогда не приносите для меня жертв. Я не получу никакой пищи, а мои грехи только умножатся!

Завершив на этом разговор, они расстались.

Раб вернулся к жизни и рассказал обо всем во всех подробностях. В тот же день семья устроила монашеское собра-

ние и совершила испрошенные благодеяния. Всей семьей они искренне уверовали.

Мой дядя по материнской линии Гао Цзин-чжоу рассказал мне эту историю. Он слышал ее от человека из Ци.

Младенец с соколиным клювом

Династии Суй Высшая опора государства (наиболее почетный титул сановника) Хуэйский гун из Пушани по имени Ли Куань любил поохотиться и держал несколько десятков соколов. У него родился сын, у которого вместо рта был соколиный клюв. Куань не смог его вырастить.

Хуэйский гун был отцом Ли Ми, и наше семейство состояло в родстве с ними. Я все это наблюдал в подробностях.

Мастер соколиной охоты Цзян Люэ

Династии Суй военачальник Цзян Люэ из Тяньшуй носил титул Высоко парящий орел. Он пристрастился к охоте с молодых лет, был мастером соколиной охоты.

Потом он заболел и увидел стаю с тысячу птиц и все без голов. Они кружили над ложем Люэ, пронзительно взывая:

— Побыстрее отдай наши головы!

Вдруг Люэ почувствовал боль в голове; его дыхание прервалось. По прошествии долгого времени он вернулся к жизни и попросил птиц порадеть за него. Они согласились и улетели. Тогда он почувствовал себя лучше. До конца жизни он не ел мяса, не пил вина и не убивал живых существ.

Летом, когда я был в Лунью, то повстречал там Цзян Люэ. Ему было за шестьдесят, и он рассказал мне эту историю.

Отрок с обгоревшими ногами

В начале годов правления династии Суй под девизом Основание царствования (581—600) в одной деревне области Цзичжоу (совр. пров. Хэбэй) жил отрок тринадцати лет. Он часто крал куриные яйца у соседей, пек в золе и ел.

Рано утром, когда жители деревни еще спали, отец отрока услышал, что стучат в ворота и зовут мальчика. Отец приказал ему открыть ворота, и мальчик увидел человека.

— Тебя требует начальство, — сказал тот.

— Если меня вызывают на работу (трудовая повинность), — сказал в ответ отрок, — то я должен пойти в дом, взять одежду и пищу.

— Обойдешься и так, — посыльный больше не стал с ним говорить и повел за деревенские ворота.

К югу от деревни была тунговая плантация, а за ней — вспаханное, но еще не засаженное поле. В это утро отрок вдруг увидел справа от дороги небольшую крепость. По всем четырем сторонам в ней были очень красивые ворота и башни красного и белого цвета.

— Ведь здесь ничего не было! — воскликнул изумленный отрок. Посыльный прикрикнул на него и приказал идти молча. Он повел отрока к северным воротам города-крепости и приказал войти. Как только отрок переступил порог, ворота внезапно закрылись. Отрок не увидел ни единого человека: все пространство внутри крепости было пусто. Земля была по самую лодыжку покрыта слоем раскаленных углей, смешанных с прахом убиенных. Отрок завопил, застонал от боли и бросился к южным воротам. Но ворота тотчас закрылись, когда он к ним приблизился. Отрок помчался к восточным, затем к западным и, наконец, к северным воротам, но каждый раз было то же самое. Ворота были открыты, но тотчас закрывались при его приближении.

Когда весь деревенский люд — мужчины и женщины, стар и млад вышли на работу, то посредине вспаханного поля увидели отрока. Его уста издавали звуки, подобные крикам птицы; он носился из стороны в сторону. Люди говорили между собой:

— Этот отрок, видно, сошел с ума. С утра пораньше носится здесь без передыху.

Когда пришло время полдника, сборщики тутовых листьев вернулись домой. Отец спросил, не видели ли они его сына.

— Он к югу от деревни носится туда-обратно, — отвечали сборщики. — Мы позвали, а он не идет.

Отец вышел за околицу и издали увидел бегущего сына. Он громко позвал его по имени, и отрок тотчас остановился. Крепость с ее человеческим прахом вмиг исчезла. Все, что предстало взору отца — это сын, рухнувший на землю. Обливаясь слезами, он рассказал о том, что случилось.

Когда осмотрели ноги отрока, то выяснилось, что в верхней части они слегка опалены, а ниже колен — изжарены до самого мяса. Отрока отнесли домой и принялись лечить от раны. Бедро удалось вылечить полностью, но ниже осталась только сухая кость. Соседи, узнавшие о случившемся, пошли посмотреть то место, где носился отрок. Следы его ног были отчетливо видны, но не было следов ни пепла, ни пламени. Тогда деревенский люд — и мужчины и женщины, и стар и млад — все как один принесли обеты и в строгости их соблюдали.

Был досточтимый монах из Цзичжоу по имени Дао-хуэй. Он и рассказал мне эту историю. То была его соседняя деревня.

Жестокий тюремщик

В годы правления династии Суй под девизом Великие деяния (605—616) жил в столице (Чанъань) тюремщик, имя которого утеряно. Был он жесток, и заключенные не выносили его пыток. Тюремщик же полагал сие приятной забавой.

Потом у него родился сын. На его плечах и под подбородком был кусок мяса в форме нашейной колодки-канга. У ребенка совсем не было шеи; он не мог ходить и через несколько лет умер.

Жена, упавшая с неба

В годы правления династии Суй под девизом Великие деяния жил человек из Хэнани. Его жена ухаживала за свекровью без должной почтительности. Свекровь была слепа на оба глаза, и жена нарезала земляных червей, подавая ей в качестве тушеного мяса. Свекрови показался вкус мяса несколько странным, и она припрятала маленький кусочек, что-

бы потом показать сыну. Когда сын вернулся и увидел, что это за мясо, он потащил жену в уездную управу. Но по дороге туда ударил гром, и жена улетучилась.

Вдруг она упала с неба. Ее тело и одежда остались прежними, но на месте головы была голова белой собаки. При этом она могла говорить, и когда спросили, что с ней случилось, она ответила:

— Я не была почтительна к родителям и вот так наказана небесным божеством.

Муж послал ее в управу. Одно время она кланчила еду на рынке. Что с ней стало потом, неизвестно.

Расплата за скарденность

Отец Бянь Ши-юя из Янчжоу в награду за усмирение династии Чэнь удостоился от династии Суй титула Равный по ритуалу. Он был от природы очень скуп. Однажды он нанял мастеров на постройку дома, но ничего не заплатил. Когда работники стали требовать денег, старший Бянь высек их. Работники обозлились.

— Раз уж Вы мне задолжали, — пригрозил один из них, — то после смерти непременно станете моим быком.

Прошло какое-то время: старший Бянь умер, а корова работника отелилась желтым бычком. У бычка была черная метка, которая полностью опоясывала его поперек туловища. Она выглядела, как пояс у чиновника. На левой ноге у него была белая метка, скашивающаяся вниз. Она была в точности в форме жезла, полагающегося сановнику при аудиенции. Хозяин так покрикивал на бычка:

— Досточтимый Бянь! Зачем Вы нарушили данное мне слово?!

Теленок подгибал две передние ноги и стучал по земле головой. Ши-юй попытался было купить теленка за сто тысяч монет, но хозяин не согласился его продать. Когда бык сдох, его сожгли.

Чэнь То рассказал мне эту историю.

Ослиная шкура ценою в жизнь

Жил в столице (Чанъань) Инь Ань-жэнь. Его семья была из самых богатых и давно попечительствовала монахам монастыря Врата милосердия. В первом году под девизом правления Всеобщее спокойствие (617) в их доме остановился гость. Этот человек увел и убил чужого осла, оставив Ань-жэню его шкуру.

В третьем году под девизом правления Надежное призрение (629) Ань-жэнь встретил на дороге одного господина, который сказал ему так:

— Меня послал мой начальник предупредить Вас. Завтра придут посланники с того света и Вы умрете.

Ань-жэнь перепугался и кинулся напрямик в монастырь Врата милосердия. Там он сидел в зале Будды неотлучно. На следующее утро ближе к завтраку появились три всадника и несколько десятков пеших при оружии. Они вошли в монастырь и, издав издали увидев Ань-жэня, стали звать его выйти. Не откликаясь на их призывы, тот еще усерднее сосредоточился на мольбах Будде и чтении сутр.

— Мы должны были прийти за ним вчера, — говорили духи между собой. — А теперь он совершил все эти благие деяния! Как же можно его забрать?!

Они все ушли, оставив одного стоять на страже. Стражник объяснил Ань-жэню:

— Вы как-то убили осла, и теперь он подал на Вас жалобу. Вот почему мы и пришли Вас арестовать. В конце концов Вам устроят с ним очную ставку. Так не лучше ли Вам сразу пойти с нами?!

Стоя на почтительном отдалении от стражника, Ань-жэнь отвечал:

— Был когда-то вор, который и убил осла, а затем отдал мне его шкуру. Не я убил осла! Так почему пришли за мной?! Будьте любезны вернуться и от моего имени сказать ослу так: «Я не убивал Вас, но буду радеть за Вас. Вам же будет польза, если отпустите меня!»

Охранник согласился выполнить его просьбу.

— Если осел откажется, я приду завтра, — сказал он, — но если согласится, не приду.

Охранник ушел и не вернулся на следующий день. Ань-жэнь принялся совершать благие деяния, радея за осла. Вся семья приняла обет есть только растительную пищу.

Все это рассказал мне Лу Вэнь-ли¹³. Ань-жэнь теперь еще жив.

Овца с белой головой

Есть обычай на рынках Чаньбани: после Нового года чередой идут пиршества, на которые по очереди приглашают друг друга. Это называется «передать место».

На Восточном рынке была очередь дать пир ученому мужу Чжао, мастеру каллиграфии. Одному гостю раньше всех понадобилось в отхожее место, и он неподалеку увидел на крупорушке юную девушку. Было ей тринадцать-четырнадцать лет. Она была одета в темную юбку и белую курточку, а на ее шее была веревка, привязанная к опоре крупорушки. Всклипывая, она обратилась к гостю со словами:

— Я дочь хозяина. Когда я была жива, то украла сто монет у родителей, желая купить румяна и пудру. Прежде чем умереть, я спрятала деньги в северном углу кухонной стены. Так и не воспользовавшись этими деньгами, я была осуждена за то, что их украла. Должна я теперь искупить вину перед родителями ценой моей жизни.

Девушка умолкла и превратилась в серого барана с белой головой.

Гость был в полной растерянности и сообщил о виденном хозяину. Хозяин спросил, как девушка выглядела. Выяснилось, что это и на самом деле его младшая дочь, которая умерла два года назад. Отправившись домой, каллиграф Чжао обнаружил деньги в стене кухни. И по всему они находились там долгое время. Овцу отдали монахам в монастырь. Никто в семье более никогда не ел мяса.

Об этом происшествии рассказал мне Лу Вэнь-ли.

Язык за язык

В годы под девизом правления Воинственная добродетель (618—626) Пань Го из столицы, еще не вступивший в

совершеннолетие, был мелким служащим в водном ведомстве. Однажды, вернувшись домой после службы, он и еще несколько его приятелей пошли погулять в поле. В зарослях травы юнцы натолкнулись на заплутавшего барашка; тот стоял и ел траву. Го и его юные приятели поймали и потащили его домой. Однако на полпути барашек стал блеять. Го стал опасаться, что хозяин барашка окажется рядом, и вырвал ему язык. После этого барашек не издавал ни звука. Той же ночью его зажарили и съели.

Год спустя язык Го постепенно начал уменьшаться до тех пор, пока не исчез полностью. Он подал прошение об отставке. Однако Чжэн Юй-цин, начальник по найму уезда Фупин (на территории совр. пров. Шэнси), засомневался, не вводят ли его в заблуждение, и приказал юнцу открыть рот, чтобы удостовериться. Языка совсем не стало, но если пристальнее взглядеться, то там еще оставался пупырышек этак с горошину. Когда же Юй-цин стал расспрашивать Го о случившемся, то тот удивительным образом смог доложить все без утайки. В уездной управе ему дали наставления по совершению благодеяний в пользу барана. Тогда Го принял Пять обетов и во множестве совершал добрые дела.

Год спустя язык начал постепенно расти и через какое-то время стал обычных размеров. Го пошел к уездному начальнику, и тот произвел его в деревенские старосты.

В девятнадцатом году правления под девизом Надежное призрение (644) Чжэн Юй-цин был цензором судебной палаты внешних расследований и лично сообщил мне об этом.

Матушка в обличи осла

В годы правления династии Суй под девизом Великие деяния (605—616) жил человек из Лояна. Он был из рода Ван и соблюдал пять обетов. Он время от времени рассказывал о событиях, которые еще не произошли. Вся деревня почитала Вана-Пять обетов и верила его предсказаниям. Однажды утром он ни с того ни с сего сказал:

— Сегодня появится человек и даст мне осла.

В полдень пришел человек и привел осла. Проливая слезы, он рассказал следующее.

Отец умер, когда он был мальчиком. У матери-вдовы остались сын и дочь. Мать умерла после того, как выдала дочь замуж. Это было больше десяти лет назад. В День холодной пищи¹⁴ младшая сестра вернулась в дом. В доме несколько лет держали осла. По обычаю Лояна полагается в День холодной пищи доставлять на могилы предков вино и пищу для совершения жертвоприношений. Юноша сел на осла и отправился к могилам к востоку от реки Ишуй (близ Лояна впадает в реку Ло). Когда они пришли к реке, осел заупрямился: ни в какую не хотел переправляться. Юноша плетью исхлестал его голову и морду до крови. Когда они прибыли к могилам, человек отпустил осла и совершил жертвоприношения. Осел вдруг пропал, но потом вновь появился на прежнем месте.

Тем временем сестра оставалась одна в доме старшего брата. Вдруг она увидела, как входит в дом матушка. Голова и лицо были у нее в крови, а вид измученный. Обливаясь горькими слезами, матушка причитала:

— При жизни я скрыла пять шэнов зерна от брата и отдала их тебе. В воздаяние за этот грех я на пять лет получила обличье осла, дабы вернуть долг твоему брату. Сегодня он хотел перейти реку Ишуй. Было глубоко, и я испугалась. Но твой старший брат принялся бить меня плетью, поранив голову и лицо. Когда мы собрались в обратный путь, он вознамерился хлестать меня плетью еще сильнее. Потому я и прибежала к тебе. Срок моего воздаяния заканчивается. За что же он меня мучает?!

Матушка умолкла и сразу исчезла. Дочь долго искала матушку, но так и не нашла; только в памяти дочери остались матушкины раны.

Старший брат вернулся домой, и сестра пошла проведать осла: ссадины и раны на его морде были такими же, как и на лице у матушки. Обливаясь слезами, дочь обняла осла. Полагая сие странным, брат спросил, что случилось. Сестра рассказала обо всем: о том, как сначала осел не желал переходить через реку, и о том, как он исчезал и вновь появлял-

ся. Все подтвердилось. Брат и сестра обнялись, стали плакать и рыдать, а осел кричал, роняя слезы.

Осел перестал пить воду и есть траву. Брат и сестра, преклонив колени, умоляли его поесть травы, если он действительно их матушка. Осел немного поел ради них, но совсем немного. Ни брат, ни сестра не ведали, как дальше быть. Тогда-то брат взял зерно и бобы и отвел осла к Вану-Пять обетов.

После этого осел начал есть и пить. Когда он умер, сестра забрала труп и захоронила.

Лицо на спине

При династии Суй жил уроженец Цзяннани (земли к югу от Янцзы) ученый муж из чиновного сословия Кан Бао. Он был смолоду образован и воспитан. В девятом году под девизом правления Великие деяния (613) Ян Сюань-гань¹⁵ поднял мятеж. Бао через старшего брата был замешан в заговоре и приговорен к смерти, однако бежал и скрывался в столице.

В десятом году Бао отправился в ведомство императорских архивов на поиски старого друга. В это время император Ян-ди¹⁶ не был в резиденции, и все ворота Императорского города были закрыты кроме одних — Аньшанмэнь. Войти или выйти из города можно было только через них. Проходя через ворота, Бао встретился со старым знакомым Цэнном. Цэн был также из Цзяннани и в отсутствие императора исполнял обязанности главного в столице. Увидев Бао, он заговорил с ним и расспросил, как тот поживает. Поскольку Бао был с ним близко знаком, то рассказал все без утайки. Затем они распрощались, и Бао вошел в императорский город. Цэн послал нескольких сыщиков догнать его и арестовать. Как только Бао вошел в ведомство императорского архива, преследователи настигли его и арестовали, дабы передать властям.

В это время помощником главы ведомства императорского архива был Ван Шао — старый знакомый Бао. Он не хотел его казни и остановил сыщиков.

— Я давно знаю Кан Бао. Этот господин не Кан Бао, — утверждал он. Бао понял его намерения и подтвердил:

— Так и есть! Я южанин, бежавший от повинностей.

Шао освободил Бао и велел скрыться. А сыщики, посланные арестовать Бао, вернулись ни с чем и доложили обо всем Цэну. Цэн остановил Бао у тех же ворот Аньшанмэнь и арестовал. Зная, что ему не удастся спастись, Бао так сказал Цэну:

— Я участвовал в заговоре против правительства, и смерть — мой удел! Но ведь я ни в чем не виновен перед Вами! Мы с Вами старые друзья. Но Вы не только не помогли мне, но поступаете таким вот образом! Если умерших не лишают памяти, я непременно отплачу Вам!

Скоро Бао был казнен. Несколькими днями позже Цэн вышел из дома в квартале Великое спокойствие и направился к месту службы. Проходя через квартал Доброе согласие, он увидел в западных воротах Бао. Тот восседал на коне; на нем была великолепная шапка и одежды; его сопровождали двое в темных одеяниях.

— Моя жизнь завершена, — сказал он Цэну. — А ведь у меня оставалось около трех лет, когда Вы так со мной поступили. Теперь я главный регистратор в преисподней гор Тайшань и уже подал прошение в Небесное ведомство, дабы убить Вас в воздаяние за мою смерть.

Цэн пал ниц перед Бао и умолял простить свой грех. Он просил позволить совершить благие деяния в пользу Бао. Бао согласился и внезапно исчез. Через несколько дней на том же месте он вновь встретился с Шао.

— Итак, я пришел убить Вас, — промолвил он. — Однако я отпускаю Вам еще семь дней на совершение благих деяний. Когда настанет Ваш смертный час, я приду и возьму Вашу голову. Чтобы никто в этом не усомнился, да будет ваше лицо после смерти на спине!

Цэн испугался, вернулся домой и принялся совершать благодеяния. В назначенный срок он умер, а его лицо оборотилось на спину, как и обещал Бао.

Об этих событиях рассказал близкий друг Кан Бао.

Смерть супругов Вэй

В годы под девизом правления Воинственная добродетель (618—626) жил муж из Линьцзюна, носивший родовое имя Вэй. Он и его жена поклялись никогда не расставаться. Через несколько лет жена утратила расположение мужа. Женщина пылала гневом и стала грозить мужу. Вэй убоился угроз жены и удушил ее. Через несколько дней тело Вэя стало зудеть, вскоре покрылось ранами и язвами, а затем он умер.

Эту историю рассказал мне Вэй Сяо-се, который был двоюродным братом покойного.

Визит к Дунхайскому гуно

В первом месяце шестого года под девизом правления Надежное призрение (632) Ма Цзя-юнь из Вэйцзюня (на территории совр. пров. Хэбэй) был у себя дома. Однажды вечером он вышел из главных ворот и вдруг увидел двух всадников. Они спешили под деревом за воротами. Цзя-юнь спросил, кто они такие, и те ответили, что посланы Дунхайским гуном¹⁷ пригласить господина Ма. Цзя-юнь был учен и очень знаменит в своей округе. В доме бывали государевы посланники и знатные гости, приглашавшие к себе с визитом. Когда он услышал об этом приглашении, то не посчитал его обычным.

— У меня нет коня, — сказал он, однако, посланникам.

Посланник подвел к нему коня.

— Этот конь для Вас, господин Ма, — сказал он.

Тогда Цзя-юнь сел на коня, стоявшего под деревом, и тронулся в путь. На самом же деле он упал и лежал ничком под деревом. Тотчас он оказался у казенного учреждения. Перед Цзя-юнем были большие ворота, за которыми находились несколько сотен мужчин и женщин, судя по всему, просители. Среди них была женщина — давняя знакомая Цзя-юня. Она была женой господина Чжан Гун-цзиня из того же округа, что и Цзя-юнь; ее девичье имя — Цуй. В руках она держала документы.

— Вы узнаете меня, господин Ма? — спросила она. — Мы часто виделись. Ведь Вы бывали у моего супруга, главнокомандующего Чжана. Главнокомандующий вероломно убил меня, не имея на то никаких оснований. Я подавала на него жалобу в Небесное ведомство. Уже прошло три года, однако Владыка Небес и Правитель-Ван покровительствуют Гунцзиню. Мою жалобу постоянно отклоняли. Сегодня, однако, мне удалось довести свое дело до сведения чиновников, и они должны были уже послать за ним. Ему здесь самое место! Я думала, что только одну меня невинно погубили. Почему Вы здесь, господин Ма?

Цзя-юнь знал, что госпожа Цуй была убита. Повстречавшись с ней, он уразумел, что и сам мертв. Посланник повел Цзя-юня к воротам, однако привратник не пропустил их.

— Владыка почивает, — сказал он. — Пока вы не сможете его видеть. Будет лучше отвести этого господина в апартаменты сановника Хо, ведающего наложением наказаний.

Увидев сановника Хо, Цзя-юнь признал в нем Хо Чжана, главного секретаря временной администрации области Ичжоу. Тот пригласил Цзя-юня сесть и пояснил суть дела:

— В нашем ведомстве отсутствует секретарь. Прослышав о Ваших талантах, Дунхайский гун пожелал Вас на эту должность.

— Моя семья бедна, — отвечал Цзя-юнь. — Моя жена и дети не смогут сами себя содержать. Буду признателен, если Вы замолвите словечко, чтобы освободить меня от этой должности.

— В таком случае Вы можете сослаться на то, что не обладаете необходимыми познаниями, — посоветовал Чжан. — А потом по ходу дела я помогу Вам.

Тем временем явился гонец и известил, что владыка пробудился от сна, и Цзя-юня отвели к нему. Цзя-юнь

公王東

увидел господина, восседающего в присутственном месте. Был он небольшого роста, плотного телосложения и черен лицом. Он приказал Цзя-юню подойти и сказал:

— Мы наслышаны о Ваших талантах и учености и хотели бы предложить Вам место секретаря. Готовы ли Вы занять эту должность?

Цзя-юнь стал кланяться и отказываться:

— Это великая честь для меня! Однако я только сельский житель с глухой окраины, который талдычит классические книги юным неучам. У меня нет надлежащих способностей, чтобы исполнять должность секретаря.

— Вы знаете Хо Чжана? — спросил владыка.

— Да, знаю, — отвечал Цзя-юнь.

Хо Чжан был призван и расспрошен о талантах Цзя-юня.

— Когда я был жив, — отвечал Хо Чжан, — мне было известно о его познаниях в классических книгах. Однако я никогда не видел, чтобы он занимался сочинительством.

— Кто преуспел в сочинительстве? — осведомился владыка.

— Чэнь Цзы-лян¹⁸ — превосходный сочинитель, — ответил Цзя-юнь.

— Отпустить господина Ма, — велел владыка и приказал привести Чэнь Цзы-ляна.

Цзя-юнь откланялся и вышел. Когда он прощался с Хо Чжаном, тот попросил передать одному из своих домашних — Сань-гоу на словах следующее:

— Когда я был при смерти, то велел тебе продать мою лошадь и построить ступу. Почему ты продал лошадь и забрал деньги себе?! Побыстрее построй ступу, как я и учил тебя!

Сань-гоу, которому предназначались слова Хо Чжана, был его сыном.

Цзя-юнь поинтересовался:

— Я только что видел жену главнокомандующего Чжан Гун-цзиня. Кто этот Владыка Небес, о котором она упомянула?

— Он деревенский приятель Гун-цзиня и звали его Ван-Пять обетов. После смерти он стал Небесным Владыкой.

Он часто спасал Гун-цзиня, и только потому тот так зажился. Однако на этот раз ему, кажется, не спастись.

Затем они распрощались. С Цзя-юнем послали провожатого. Когда они достигли едва приметной узкой тропинки, проводник рассказал, как дойти до дому. Цзя-юнь ступил на тропу и вернулся к жизни.

По прошествии долгого времени он очнулся. Была середина ночи. Жена и дети сидели вокруг него и лили слезы. Цзя-юнь рассказал им обо всем, что с ним случилось.

В седьмом месяце того же года Чэнь Цзы-лян из Мянчжоу внезапно умер. По прошествии ночи он вернулся к жизни и поведал о том, как виделся с Дунхайским гуном, пожелавшим взять его на службу секретарем. Чэнь Цзы-лян отклонил предложение, сославшись на свою безграмотность. В округе У был другой Чэнь Цзы-лян, который был хорош в сочинительстве. Было приказано одного освободить, а другого доставить. В следующем году Чэнь Цзы-лян из У внезапно скончался. Умер также Чжан Гун-цзинь.

Однажды, уже после того, как эти двое умерли, Цзя-юнь прогуливался в компании нескольких приятелей. Вдруг Цзя-юнь увидел одного из служащих загробного ведомства. Цзя-юнь перепугался и поспешил ему навстречу, всем своим видом выражая подобострастие и преданность. Спустя какое-то время он пришел в себя, и попутчики спросили, кто это был.

— Я только что виделся с посланником Дунхайского гуна, — пояснил Цзя-юнь. — Он сказал, что направляется в Ичжоу за одним человеком, а потом сообщил следующее: «Цзы-лян подал на Вас совсем не пустяковую жалобу. Хотя глава ведомства уложения наказаний Хо и поручился за Вас, но Вам все равно не удалось бы просто так отделаться. Спаслись Вы только тем, что за выкуп освободили живых существ».

Цзя-юнь недавно побывал в Шу (совр. пров. Сычуань). Тамошние рыбаки осушили озеро, чтобы поймать рыб. Цзя-юнь только что получил от своих учеников несколько десятков пи (штук) шелка. На этот шелк он купил рыбу в озере и выпустил ее. Это и было то самое «освобождение за выкуп живых существ».

В годы под девизом правления Надежное призраение (627—647) император пребывал в Девятиярусном дворце и был извещен об этих событиях. Его Величество поручил помощнику главы собственной канцелярии Цэн Вэнь-бэню их расследовать. Вэнь-бэнь записал все происшедшее во всех подробностях и подал доклад на высочайшее имя.

Цзя-юнь стал наставником-боши (всеученейший муж; учная степень) в Высшем училище знатных отпрысков государства. Он скончался на службе.

Приговор загробного суда по делу Кун Кэ

В первые годы под девизом правления Воинственная добродетель (618—626) при управлении военного наместника в Суйчжоу (на территории совр. пров. Сычуань) жил начальник канцелярии по имени Кун Кэ. Он умер от внезапной болезни. Через день Кэ вернулся к жизни и рассказал следующее.

Кэ был взят под стражу и доставлен в казенное учреждение, где был допрошен по поводу убийства двух водяных буйволов.

— Я не убивал, — ответствовал Кэ.

— Ваш младший брат утверждает, что Вы убили их! — возразил чиновник. Вызвали младшего брата, который был мертв уже несколько лет. Он вошел в кандалах и нашейной колодке-канга.

— Верно ли то, что старший брат убил буйволов? — обратился к нему чиновник с вопросом.

— Моего старшего брата послали усмирить злодеев-лао¹⁹, — приступил к ответу младший брат. — На их потребу он велел мне убить буйволов. Я только исполнял приказ брата и не убивал буйволов по своей воле.

— Это правда, — подтвердил Кэ. — Это я приказал убить буйволов на потребу лао. Однако это дело государственной важности! Как же можно вменять его в вину мне одному?!

Чиновник торжественно изрек:

— Вы убили буйволов на потребу лао, но при этом желая поставить себе в заслугу умиротворение варваров. Вы домогались должностей и наград, искали личную выгоду! Как же можно считать это государственным делом?!

Младшему брату чиновник сказал:

— Мы долго держали Вас у себя, чтобы Вы дали наказания по делу Вашего брата. Теперь он признался в том, что велел убить буйволов. Вы не совершили преступления, будете освобождены и допущены к новому рождению.

Только чиновник закончил говорить, как младший брат исчез, не успев вымолвить ни единого слова благодарности.

Чиновник вновь сосредоточил свое внимание на Кэ.

— Почему Вы в другой раз убили двух уток? — грозно спросил он.

— Я был тогда начальником уезда, — оправдывался Кэ. — Я убил тех двух уток в подарок официальным гостям. Разве это мое преступление?!

— У официальных гостей имелась собственная провизия и без Ваших уток, — возразил чиновник. — Убив уток с тем, чтобы поднести их в подарок, Вы хотели заполучить известность в высоких кругах! Если не Вы совершили преступление, так кто же?! — заключил по этому делу чиновник и продолжил свои расспросы. — А почему Вы убили шесть куриных яиц?!

— Обычно я не ел куриные яйца, — вновь оправдывался Кэ. — Но я помню единственный случай: мне было девять лет, и это был День холодной пищи. Матушка дала мне шесть яиц, и я сам сварил их и съел²⁰.

— Пусть так, — согласился чиновник. — Но не пытаетесь ли Вы обвинить в этом Вашу матушку?!

— Разве же я посмел бы, — воскликнул Кэ. — Я же объяснил, как все происходило. Это я убил.

— Вы взяли жизнь у других, — заключил чиновник, — и должны получить по заслугам!

Тут же появились несколько десятков стражников в темных одеждах, схватили Кэ и потащили прочь. Кэ громко завопил:

— Здесь творится неправый суд!

Чиновник услышал вопли Кэ и приказал его вернуть.

— Почему же мы неправы?! — спросил он.

— Все мои преступления отмечены без каких-либо упущений. Однако не записано ни одно благое деяние. Разве это справедливо?! — вопрошал Кэ.

Чиновник обратился к главному секретарю:

— Какие же благие деяния совершал Кэ? И почему они не были отмечены?!

Главный секретарь приступил к ответу:

— Его благие деяния также есть в протоколе. Мы ведем подсчет благих деяний и прегрешений. Если благих дел больше, чем прегрешений, мы прежде выносим на рассмотрение первые. Если преступлений больше, чем благих дел, то наоборот. У Кэ благих деяний мало по отношению к преступлениям, и потому мы не предлагали их на рассмотрение.

Чиновник был вне себя от ярости:

— Почему Вы не объявили его благие деяния и не поставили его в известность, если даже он будет вначале наказан?!

Он приказал дать главному секретарю сто ударов хлыста. По окончании экзекуции с последней каплей крови, упавшей из ран на землю, главный секретарь зачитал благодеяния, совершенные Кэ в продолжение всей жизни, при этом не упустив ни одного. Чиновник сказал в заключение Кэ:

— Сначала Вы должны быть наказаны. Однако на семь дней я освобождаю Вас. Вы вернетесь домой и посвятите себя благодеяниям.

Чиновник послал с Кэ проводника, и он вернулся домой.

Кэ созвал большое собрание монахов и мирянок для совершения ритуального хождения и покаяния в грехах. Он уча-

ствовал в шествии и по порядку изложил происшедшие с ним события. Через семь дней Кэ окончательно попрощался с семьей и через мгновение умер.

Мой старший брат состоял на службе в управе Суйчжоу и был прекрасно осведомлен обо всем случившемся.

Дыни на блюде

Цзаньский гун и военный наместник в Лочжоу (на территории совр. пров. Сычуань) Доу Гуй от природы любил убивать. Когда он был помощником главы временной администрации Ичжоу (г. Чэнду в совр. пров. Сычуань), то без числа казнил начальников и рядовых воинов, а также погубил самого главу временной администрации Вэй Юнь-ци.

Зимой второго года под девизом правления Надежное призрение (628) Гуи заболел в Лочжоу очень тяжелой болезнью. Вдруг он воскликнул:

— Кто-то принес мне дыни!

Приближенные сказали, что теперь зима и никаких дынь нет и в помине. Однако Гуи вновь воскликнул:

— Блюдо прекрасных дынь! Как вы можете ничего не видеть?!

Потом он поднял взор, полный ужаса, и возопил:

— Это не дыни! Это — человеческие головы! И все они требуют мою жизнь в уплату за свои!

И еще он сказал:

— Помогите мне подняться навстречу главе Вэю (Вэй Юнь-ци)!

Замолкнув, он умер.

Слушание по делу Ван Шоу в загробном суде

Помощник начальника отдела по наложению наказаний в ведомстве государственных дел Сун Син-чжи был из Болина. Он не верил в Будду и говорил о нем с пренебрежением. В пятом месяце второго года под девизом правления Вечное великолепие (651) заболел и умер Ван Шоу —

советник первого класса по судебным делам ведомства государственных дел. Через два дня Шоу вернулся к жизни и рассказал следующее.

Сразу после смерти ему явились четыре стражника и объявили:

— Мы пришли за Вами!

Шоу в сопровождении стражников вошел в большие ворота и увидел внушительных размеров приемное помещение, обращенное к северу. В западной части помещения на возвышении сидел толстый чиновник черен лицом (Ямараджа). В восточной части, также обратясь лицом на север, сидел монах, похожий на чиновника. У каждого было ложе с подушкой и длинный стол. При них была свита числом более двух сотен, юные или постарше, но все красивой наружности. У помоста восседал секретарь, отвечающий за документы. Рядом, обратясь лицом к западу, стоял господин, связанный и в шейной колодке-канга. Шоу вошел в присутствие и был тотчас связан. Секретарь взял бумагу, кисть и спросил Шоу:

— В восемнадцатом году под девизом правления Надежное призрение (644) Вы служили судебным делопроизводителем в Чанъани. Почему Вы подменили протокол по делу Ли Суй-да?!

— Я действительно занимал место судебного делопроизводителя в Чанъани, — отвечал Шоу. — На этой должности я был в шестнадцатом году под девизом правления Надежное призрение. Однако в семнадцатом году мне посчастливилось стать хранителем при управлении земледелия. Если записи были подменены в восемнадцатом году, то я здесь ни при чем.

Толстый сановник, занимающий самое высокое положение в казенном учреждении, прочитал показания Шоу. Он обратил взор на пожилого пленника, стоящего в восточной части у помоста.

— Почему Вы наводите напраслину на невинного? — грозно спросил он.

— Я, Суй-да, так и не смог воспользоваться отмеренным мне сроком жизни, — отвечал пленник. — И все из-за этого Шоу, подменившего протокол! Дайте мне еще пожить! Я бы не посмел вводить Вас в заблуждение!

В ответ на обвинения пленника Шоу возразил:

— Верительная бирка, подтверждающая вступление в должность в семнадцатом году, находится у меня дома. Прошу Вас, пошлите кого-нибудь за ней!

Сановник приказал трем людям из охраны Шоу освободить его от пут и послал за верительной биркой. Когда вещественное доказательство было доставлено, сановник лично с ним ознакомился.

— Обстоятельства перевода Шоу на другую должность очевидны. Ваши обвинения несостоятельны! — сказал он старому пленнику и приказал вывести его в северные ворота.

Шоу смог увидеть, что за воротами было темно и мрачно. Там было несколько крепостей с зубцами по верху стен. Это место казалось зловещим. Сановник сделал запись в документах и обратился к Шоу со словами:

— Вы невиновны и будете отпущены на волю!

Шоу поклонился и попрощался с сановником. Служка отвел его вниз к востоку от помоста. Шоу поклонился монаху, и тот с помощью особой печати поставил метку на руке Шоу.

— Вы можете идти, — отпустил монах.

Служка вывел Шоу из восточных ворот, а потом они пошли на юг, миновав еще трое строго охраняемых ворот. Через каждые из них Шоу пропускали только после тщательной проверки метки на руке. Они прибыли к четвертым воротам с двумя башнями красного цвета. Все три двери были открыты и по виду напоминали ворота большого города. Стража была очень строгой, но после проверки метки позволила Шоу пройти внутрь. Он прошел через ворота и был всего лишь в нескольких десятках шагов к юго-востоку от них, когда кто-то несколько раз окликнул его по имени. Шоу обернулся и увидел помощника начальника отдела по

наложению наказаний Сун Син-чжи. Его лицо было черным-черно; голова — не покрыта; одежды — распахнуты. На нем был темно-красный (чиновничий) совсем изношенный халат; волосы — коротко острижены и не прибраны: торчали во все стороны, как у варвара. Син-чжи стоял в присутствии у возвышения под охраной воинов. К западу от возвышения находилась большая деревянная табличка с надписью: «Этот человек прошел расследование и будет доставлен к правителю для вынесения приговора». Иероглифы были большие — более чи размером и очень отчетливы. На возвышении стояли пустующая скамейка и стол, судя по всему, предназначенные для чиновника. Син-чжи смотрел на Шоу, и во взгляде его были и радость и печаль.

— Как Вы попали сюда? — спросил он Шоу.

— Сановник вызвал меня на расследование по обвинению в подлоге протокола. Обвинение не подтвердилось, и меня отпустили домой, — ответил Шоу.

Син-чжи простер руки к Шоу и молвил:

— Я был допрошен о благодеяниях, достойных награды, а я вот этими руками не мог совершить ни единого. Если не совершил деяния, достойные награды, то попадешь на суде в положение обвиняемого. К голоду, жажде и холоду добавляются страдания, которые не выразить словами. Прощу Вас, навестите мою семью! Уговорите их совершить благие деяния ради меня!

Син-чжи униженно повторил эту просьбу много раз. Шоу попрощался с ним и тронулся в обратный путь. Не успел он пройти и нескольких сотен десятков шагов, как его вновь окликнул Син-чжи. Не успели они перемолвиться, как на Шоу обрушился сановник, поднявшийся на возвышение и занявший свое место:

— Я только что расследовал Ваше дело! Кто Вы такой, что позволяете себе без спросу являться в помещение, где содержатся пленники?!

Сановник приказал охранникам заткнуть Шоу уши. Те исполнили его приказание, вытолкнули Шоу вон и велели идти прочь. Шоу поспешил уйти и вновь пришел к воротам. Страж ворот сказал:

— Ваши уши заткнуты, и Вы ничего не слышите. Позвольте, я вытащу из Ваших ушей затычки.

Охранник вытащил затычки, и Шоу мог снова слышать. Охранник еще раз проверил метку и пропустил Шоу. За воротами стояла черно-лаковая темень. Шоу не знал, куда идти. Он протянул руки на запад и на юг, но наткнулся на стену. Только путь на восток был свободен. Однако было так темно, что Шоу не решался стронуться с места. Он какое-то время стоял, не зная, что предпринять. Вдруг он рядом с собой увидел секретаря, который записывал его показания.

— Вы все еще ждете меня?! Это замечательно! — обрадовался тот. — Не могли бы Вы дать мне тысячу монет?

Шоу ничего не ответил, но про себя подумал:

— Я был по суду признан невиновным. Сановник меня отпустил домой. Почему я должен дать взятку этому секретарю?

— Вам не пристало жадничать, — меж тем продолжил секретарь. — Если бы я пораньше не передал дело на рассмотрение сановнику, оставаться бы Вам связанным еще два дня. Или не я избавил Вас от некоторого неудобства?!

После недолгой паузы секретарь уточнил:

— Мне не нужны ваши медные монеты. Я мечтаю только о бумажных. Подайте их к пятнадцатому дню сего месяца, и я приду и заберу их.

Шоу согласился и спросил, как пройти домой.

— Двести шагов на восток будет старая стена, — ответил секретарь. — Она старая, и в ней есть отверстие. Там, где увидите свет, пробейте проход и будете почти дома.

Следуя указанным путем, Шоу добрался до стены и принялся колотить по ней до тех пор, пока она не обвалилась. Пройдя через образовавшийся проход, он очутился на другой стороне.

Шоу оказался как раз у южных ворот квартала Милостивое правление, где он жил. Наконец Шоу вернулся домой. Семья оплакивала его и причитала. Шоу вошел в дверь и ожил.

В пятнадцатый день Шоу забыл отдать монеты тому секретарю. На следующий день он опять заболел и умер. Ему явился секретарь и с гневом в голосе сказал:

— Вам никак нельзя доверять! Мы договорились о дне, когда Вы дадите мне монеты. Вы же мне не дали ничего! Идемте за мной!

И он потащил Шоу за собой. Они вышли за Ворота золотого блеска. Секретарь приказал Шоу спуститься в глубокую яму. Шоу кланялся и приносил извинения. Более старая поклонившись, он умолил секретаря позволить изготовить монеты. Секретарь отпустил Шоу, и он вновь вернулся к жизни.

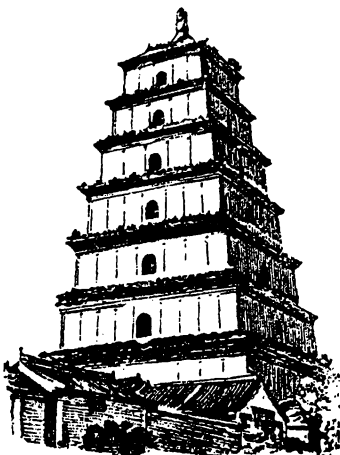
Шоу велел родственникам купить сто листов бумаги, из которых изготовил монеты в подарок секретарю. На следующий день Шоу снова заболел и умер. Снова он увидел секретаря, и тот сказал:

— К счастью для Вас, Вы смогли мне дать хоть какие-то монеты. Однако они не годятся.

Шоу вновь извинялся и просил позволить изготовить другие. Секретарь согласился, и Шоу еще раз вернулся к жизни.

В двадцать первый день месяца Шоу велел купить сто листов белой бумаги ценою в шестьдесят монет. Он изготовил монеты и вместе с вином и едой отнес на берег ручья у западных ворот квартала Милостивое правление и сжег. Он сразу же почувствовал в теле легкость и силу. К нему вернулось крепкое здоровье.

Я слышал эту историю вместе с помощником начальника отдела по наложению наказаний Лю Янь-кэ и помощником главы высшей судебной палаты Синь Мао-цзяном. Я провел на этот предмет официальное расследование в верховном суде. Мы попросили Лю призвать своего подчиненного, и когда Шоу прибыл, помощник главы Синь и другие подробно его допросили. Это и есть то, что он поведал нам.

Плата ценою в жизнь

Уроженец столицы (Чанъань) Вэй Цин-чжи был главным управляющим в ведомстве Вэйского вана²¹. У него была дочь, которая умерла еще в юном возрасте в годы правления Надежное призрение (627—649). Цин-чжи и его жена глубоко скорбели о ней.

Спустя два года Цин-чжи созвал родственников и гостей и велел забить животное для приготовления еды. Слуги купили овцу, но до того, как ее зарезали, жена Цин-чжи увидела ночью во сне покойную дочь. Та была одета, как обычно, в темную юбку и белую курточку; в волосах — две яшмовые булавки. Она подошла к матушке и, рыдая и роняя слезы, сказала:

— Я часто брала вещи для себя, не сказав ни Вам, ни батюшке. Ныне в воздаяние за эти поступки-карма я явлюсь вам овцой, чтобы отдать долг Вам и батюшке ценою своей жизни. Завтра меня зарежут. Серая овца с белой шеей — это я и есть! Уповаю на Ваше материнское милосердие, я пришла полностью верить Вам свою жизнь!

Мать тотчас пробудилась. С рассветом она вышла посмотреть на овцу. Овца на самом деле была серая, а ее шея и передние ноги сверху белыми. На голове напротив друг друга два белых пятна наподобие яшмовых булавок. Обратившись к овце, мать стонала от горя. Она велела слугам не резать овцу, мол, придет Цин-чжи и освободит ее. Вскоре пришел Цин-чжи поторопить с приготовлением пищи. Повар объяснил, что госпожа не велела резать серую овцу. Супруг пришел в ярость и приказал тотчас убить животное. Мясник повесил овцу и собирался зарезать ее, когда прибыли первые гости. Вместо овцы они увидели девушку очень приятной наружности, взывающую к ним:

— Я дочь главного управляющего Вэя. Молю вас спасти меня!

Гости всполошились и пытались остановить мясника. Однако тот убоился гнева Цин-чжи. Перед ним была блеющая овца и только. Он ее и зарезал.

Гости наконец расселись; была подана еда, но никто к ней не притронулся. Цин-чжи было невдомек, что происходит, и он спросил, почему они не едят. Гости рассказали все, что видели. Цин-чжи был сражен горем, заболел и долго не мог подняться.

Эта история широко известна среди мужей столицы. Глава военного приказа Цуй Дунь-ли рассказал ее мне; о том же поведал и глава приказа общественных работ Янь Ли-дэ.

Метка на ладони

Чжан Фа-и из уезда Чжэсянь, что в Хуачжоу (на территории совр. пров. Шэнси), был беден и груб: с юности не получил должного воспитания.

В десятом году правления под девизом Надежное призрение (636) он пришел в горы Хуашань нарубить дров. Там он случайно встретил монаха, сидящего в пещере в отвесной скале. Фа-и подошел и проговорил с ним допоздна. Он не мог вернуться домой и остался с монахом на ночь. Тот приготовил для Фа-и еду из веточек сосны и кипариса.

— Я, бедный праведник, живу здесь долгое время и никого не хочу знать, — сказал монах. — Когда Вы, данапати, оставите меня, не смейте никому говорить, что виделись со мною!

Монах объяснил Фа-и, что обычные люди отягощены грехами. По смерти все они рождаются на скверных стезях. Если же от чистого сердца принести покаяния, то грехи уничтожатся. Он заставил Фа-и омыть тело до безупречной чистоты, облачиться в монашеские одежды и принял от него покаяние в грехах. Утром они расстались.

В девятнадцатом году под девизом правления Надежное призрение Фа-и заболел и умер. Он был захоронен в открытом поле: семья была бедной и не имела денег на гроб. Тело Фа-и обложили хворостом, не предавая земле. Через семь дней он очнулся, разбросал хворост, встал из могилы и вернулся домой. Поначалу семья была испугана, но, убедившись в том, что он жив, обрадовалась. Фа-и рассказал о том, что с ним произошло.

После смерти за ним пришли двое. Они поднялись по воздуху в направлении на юг и прибыли к правительственным зданиям, затем вошли в большие ворота и проследовали по узкой улочке. По обеим ее сторонам были казенные учреждения с воротами напротив друг друга. Фа-и прибыл в одно из учреждений и увидел чиновника, который еще издали стал ругать конвоиров:

— Этого Чжан Фа-и из Хуачжоу должны были доставить в течение трех дней! Почему Вам понадобилось семь дней!

— В доме была злая собака, — оправдывались конвоиры. — К тому же колдун читал заклинания против духов. Нас изрядно побили!

Они обнажили свои спины, покрытые синими рубцами.

— Они должны быть наказаны за слишком долгое отсутствие, — заключил чиновник. — Дайте им двадцать ударов!

Удары были отпущены в полном количестве: кровь лилась и брызгала на землю.

— Отправьте Фа-и к регистратору! — распорядился чиновник.

Регистратор подписал и отправил надлежащие документы. Он приказал передать дело Фа-и в суд. Судья велел главному хранителю принести записи по делу Фа-и, которые составили огромную кипу и заполнили всю скамью. Главный хранитель прямо перед глазами Фа-и раскрыл и просмотрел документы. Все записи были отмечены (вычеркнуты) красной пометой. Только одна была без пометы. Хранитель переписал эту запись и прочел вслух:

— В одиннадцатом году под девизом правления Надежное признание отец послал Фа-и на уборку хлеба. Когда Фа-и обернулся на отца, в его взгляде был гнев, и он про себя выругался. Это не есть сыновняя почтительность и заслуживает восьмидесяти ударов.

Хранитель стал заносить это решение в протокол заседания суда, но тут появился монах, с которым Фа-и прежде встречался в пещере на утесе. Монах вышел вперед, и судья поднялся ему навстречу, поинтересовавшись целью его прихода.

— Чжан Фа-и — мой ученик, — ответил монах. — Он покался во всех своих грехах. Все они вычеркнуты и про-

шли проверку в Небесной управе. Было несправедливо доставлять его сюда, лишив жизни!

— Грехи, в которых он покаялся, все помечены в этих записях, — возразил главный хранитель. — Что же касается гневного взора и ругани на отца, то это проступок, имевший место после покаяния.

— Пусть так! — настаивал на своем монах. — Но изымите эту запись и подвергните вторичной проверке! У него найдутся благие деяния, которые уравновесят этот грех.

Судья велел главному хранителю отвести Фа-и к владыке.

Дворец владыки был к востоку. Его залы были необъятных размеров, а охрана и свита насчитывала более тысячи человек. Монах, неотступно следовавший за Фа-и, подошел к владыке. Тот поднялся ему навстречу и осведомился:

— Вы, наставник, пришли на службу?

— Я по срочному делу, — ответил монах. — Мой ученик, Чжан Фа-и, был арестован и доставлен сюда. Поскольку я устранил из записей все его предыдущие грехи, он никак не заслуживал смерти.

Главный хранитель со своей стороны также сообщил владыке о прегрешении недобрым взглядом.

— Этот гневный взгляд имел место после покаяния, и не может быть прощен! — заключил владыка. — Но поскольку Вы, наставник, лично просите о нем, я могу сделать особое одолжение и освободить его на семь дней.

— Семь дней — это небольшой срок, — встревожился Фа-и. — Я боюсь не застать Вас, наставник, по возвращении сюда. Позвольте, наставник, остаться с Вами?!

— Семь дней — это семь лет, — шепнул ему монах. — Побыстрее уходите!

И все же Фа-и настоятельно просил остаться с монахом. Тогда монах попросил у владыки кисть и написал один иероглиф на ладони Фа-и. Еще он попросил у владыки печать и приложил к тому же месту, при этом повторив:

— Побыстрее уходите! Возвращайтесь домой и совершайте благие деяния! Если не застанете меня, когда придете сюда в последний раз, то покажите печать владыке. Он будет благосклонен к Вам.

Фа-и раскланялся и ушел. Монах послал слугу проводить его до дому. В доме (могиле) было темным-темно. Фа-и не решался войти внутрь. Проводник подтолкнул его сзади, и Фа-и вернулся к жизни. Фа-и очнулся, а вокруг земля, но при этом было как-то светло и свободно. Он растолкал лежащую на нем грудь и смог подняться из могилы.

Фа-и пошел в горы, чтобы жить там с монахом, предаваясь религиозному совершенствованию. Метка от прикосновения печати к ладони была неразличима: ее скрывает незаживающая рана. Фа-и жив по настоящее время.

Лунсийский ван Бо-ча жил неподалеку от Фа-и и знал эту историю во всех подробностях. Он и рассказал ее мне.

Лю Чжи-гань, ходивший на службу в загробный суд

В начале годов под девизом правления Надежное призрение (627—649) Лю Чжи-гань из Хэдуна был начальником уезда Чанцзюйсянь, что в Синчжоу. Однажды ночью он скоропостижно скончался, однако на день вернулся к жизни и поведал следующее.

Чжи-гань был препровожден посыльными из иного мира в большое казенное учреждение и представлен правителю. Правитель сказал:

— В моем штате появилась свободная должность. Мы сочли возможным предложить ее Вам.

Чжи-гань отклонил предложение по причине преклонных лет родителей. Он также утверждал, что его благие поступки-карма не позволяют ему тотчас умереть. Правитель провел расследование и установил, что это соответствует действительности.

— Вы пока не умрете, — согласился он. — Но не могли бы Вы временно исполнять должность судебного регистратора?

Чжи-гань согласился и поклонился с выражением признательности. Писец указал ему на вход, и они прошли в присутствии. В присутствии были пять судей-регистраторов-паньгуаней²²: Чжи-гань стал шестым. Приемное помещение было длинным. Служащие помещались в каждом из трех его отделов; каждому служащему полагались скамья и стол. Помещение было заполнено, но в западном конце имелось свободное место, предназначавшееся для судебного регистратора-паньгуаня. Писец подвел Чжи-гань к свободному месту.

Толпа писцов принесла на подпись множество документов. Положив их на стол, они отступили по ступенькам и стали поодаль. Чжи-гань спросил, почему бы им не встать поближе, но они возразили:

— Мы издаем злой дух-ци. Нам запрещено вплотную приближаться к Вам, господин. Мы ответим на Ваши вопросы по тому или иному делу, находясь на отдалении.

Чжи-гань просмотрел документы и обнаружил, что они точно такие же, как в мире людей. Он принялся за работу, проставляя визу о вынесении приговора.

Вскоре принесли еду. Все судьи ели вместе, и Чжи-гань было к ним присоединился. Однако судьи ему посоветовали:

— Поскольку Вы здесь временно, лучше бы Вам не есть эту пищу.

Чжи-гань внял их совету и не стал притрагиваться к пище.

На закате дня писец отвел Чжи-ганя домой, а там был восход солнца. На закате за ним в дом являлся служка. Когда же они приходили в иной мир, то было утро. Чжи-гань понял, что день и ночь в двух мирах поменялись местами. Ночью он был занят в загробном суде, а днем исполнял обязанности в уездной управе. Это считалось в порядке вещей.

Однажды по прошествии года Чжи-гань находился в своем учреждении в ином мире. Он поднялся со своего места, чтобы пойти в отхожее место. В западном конце залы он увидел женщину. Она была около тридцати лет, приятной наружности, в опрятной и нарядной одежде. Она безуспешно пыталась унять слезы. Чжи-гань спросил, кто она и откуда.

— Я жена управляющего ведомством закромов Синчжоу. Меня арестовали и доставили сюда. Я разлучена с мужем и детьми, и оттого несчастна.

Чжи-гань осведомился у служащего относительно женщины, и тот сообщил:

— Чиновники доставили ее сюда, чтобы задать несколько вопросов и снять показания по делу ее мужа.

Тогда Чжи-гань сказал женщине:

— Я начальник уезда Чанцзюсянь того же округа Синчжоу. Когда Вас буду допрашивать, лучше ничего не утаивайте. Иначе призовут сюда для дополнительного дознания еще и Вашего мужа. Какой прок в том, что вы умрете оба?

— Я вовсе не желаю привлекать его к участию в даче показаний, — уверяла женщина. — Но я боюсь, что чиновники принудят меня к этому.

— Вы сумеете совладать с собой, — ободрил ее Чжи-гань. — Вам не следует ничего опасаться!

На том они и расстались.

По возвращении домой Чжи-гань отправился в главный город области к управляющему ведомством зернохранилищ. Он спросил, не больна ли его жена.

— Моя жена еще молода! — изумился управляющий. — Она никогда не болела.

Тогда Чжи-гань рассказал о том, что видел ее в потустороннем мире, описал внешность и как она была одета. Он также советовал управляющему совершить благодеяния ради нее.

Управляющий поспешил домой и там обнаружил жену, как ни в чем не бывало сидящую за ткацким станком. Поэтому он совсем не придавал значения тому, что ему рассказали. Но через десять дней жена управляющего вдруг заболела и умерла. Управляющий испугался и принялся творить благие дела.

Были также два чиновника в Синчжоу, срок службы которых истек. Им предстояло вернуться в столицу за новым назначением. Они попросили Чжи-ганя:

— Вы вершите дела на потусторонней стезе. Не могли бы Вы ответить, когда и какую должность мы получим?

Когда Чжи-гань добрался до места службы в ином мире, он расспросил регистратора и сообщил имена этих двух чиновников. Регистратор ответил:

— Именной реестр опечатан в каменных архивах. Я проведу проверку, но пройдет два дня, прежде чем я смогу доложить Вам результат.

Минуло два дня, и регистратор пришел с докладом. Он полностью привел наименования должностей, которые эти двое займут уже в этом году. Чжи-гань передал содержание доклада двум соискателям. Те прибыли в столицу и получили новые назначения. Глава ведомства гражданских чинов предоставил им совсем иные должности, нежели сообщил Чжи-гань. Областные чины узнали об этом и выразили Чжи-ганю свое недоумение. Чжи-гань вновь обратился к регистратору, и тот еще раз проверил реестр.

— Все так и есть, как я говорил, — подтвердил он. — Нет никакой ошибки.

В конце концов назначения были пересмотрены в императорской канцелярии и отменены. Ведомство гражданских чинов предоставило должности, которые в точности соответствовали реестру иного мира.

Отныне всяк уверовал в Будду.

Всякий раз, когда Чжи-гань в ином мире попадались записи, касающиеся предстоящей смерти друзей, родственников и детей, он непременно сообщал им. Он побуждал их к совершению добродетелей, и многие благодаря ему спаслись.

Чжи-гань служил в должности судебного регистратора-паньгуаня уже три года, когда пришел служка и сообщил:

— Вот-вот прибудет управляющий Ли из финансового ведомства Лунчжоу. Он будет постоянно служить на Вашей должности. Вы, досточтимый, более здесь не служите!

На следующее утро Чжи-гань отправился в областной город и сообщил о случившемся правителю Ли Дэ-фэну, который послал в Лунчжоу установить обстоятельства дела на месте. Управляющий финансового ведомства был уже мертв. Справились о дате его смерти, и она приходилась на тот же день, когда служка приходил к Чжи-ганю с сообщением об отставке. Более Чжи-гань не ходил в иной мир.

Однажды Чжи-гань получил в областной управе приказ во главе охраны доставить в столицу узников. Когда они прибыли на границу с областью Фэнчжоу (на территории совр. пров. Шэнси), все четверо узников бежали. Чжи-гань был встревожен и напуган. Он четверо суток искал беглецов, чтобы снова взять их под стражу, но безуспешно. На ночь Чжи-гань остановился на постоялом дворе. Вдруг он увидел писца, которого знал по службе в ином мире. Тот подошел и сообщил Чжи-ганю:

— Вы получите всех до единого беглецов. Одного мертвого, а трое других будут схвачены в западном ущелье гор к югу отсюда и крепко связаны. Вам, досточтимый, не о чем беспокоиться!

Сказав так, писец раскланялся и удалился. Чжи-гань взял с собой воинов и отправился в западное ущелье южных гор. Там они и обнаружили четырех беглецов. Те поняли, что им не скрыться, и оказали сопротивление. Чжи-гань схватил их: одного убил, а трех других связал. Случилось так, как ему и говорили.

Чжи-гань все еще жив и служит военным помощником областного начальника в Цычжоу (на территории совр. пров. Хэбэй).

Глава ведомства императорских трапез Лю Хэн поведал мне об этом. Хэн был прежде правителем Цюнчжоу (на территории совр. пров. Сычуань), встречался с Чжи-ганем и лично его расспрашивал. Впоследствии об этом же рассказали мне цензор Пэй Тун-цзе и другие.

Ли Шоу, радующий за собак

Военный наместник в Цзяочжоу (северная часть совр. Вьетнама) и Суйаньский гун Ли Шоу был от рождения пожалован титулом вана (наследный принц), поскольку принадлежал к императорской фамилии.

В годы под девизом правления Надежное призрение (627—649) он оставил службу и вернулся в свой дом в столице. По природе Ли Шоу был страстный охотник. Он постоян-

но держал в клетке соколов и убивал чужих собак на корм этим птицам.

Потом Суйаньский гун заболел, и ему явились пятеро собак, требующих его жизнь.

— Убивал вас мой необузданный раб Тун-да! — оправдывался Суйаньский гун перед собаками. — Это не мой грех!

— Как мог Тун-да делать что-либо без Вашего соизволения?! — возражали собаки. — Ведь мы даже не крали Вашу пищу! Мы только проходили перед воротами, когда Вы вероломно убивали нас! Мы настаиваем на воздаянии и не уступим!

Суйаньский гун приносил извинения собакам за свои прегрешения и просил позволить ему совершить ради них благие деяния. Четыре собаки согласились, но одна белая собака была непреклонна.

— Я ничего плохого не сделала, — говорила она. — И все же Вы убили меня! Еще до того, как я умерла, меня разрезали на куски! Боль была ужасная! Испытав на себе Ваши злодеяния, могу ли я отпустить Вас подобру-поздорову?!

Вдруг появился человек и обратился к собакам с такими словами:

— Если он будет убит, то вам от этого не будет никакого проку! Если же его отпустить и разрешить творить благодеяния ради вас, не будет ли это превосходно?!

Тогда собаки согласились.

Через некоторое время Суйаньский гун вернулся к жизни, хотя все еще страдал от частичного паралича — был не в состоянии владеть своим телом и конечностями. Он совершал благие деяния в пользу собак, однако полностью так и не избавился от своего недуга.

Поведал об этом Яньанский гун Доу Юнь, который был мужем старшей сестры Ли Шоу.

Главный астролог, не веровавший в Будду

Главный астролог Фу И был из Тайюани, но в конце правления династии Суй переселился в Фуфэн (совр. город с тем же названием в пров. Шэнси). Он был всесто-

ронне образован с юных лет, превзошел астрономию и календарные исчисления. Был он и ловкий спорщик, и любитель поддержать беседу.

Более двадцати лет в продолжение годов под девизом правления Воинственная добродетель (618—626) и Надежное призрение (627—649) Фу И служил управляющим астрономическим ведомством. Он не веровал в Будду; делая подношения монахам и монахиням, неизменно выказывал пренебрежение. Фу И опустил до того, что обращался с каменными изваяниями Будды, как с кирпичом или черепицей.

Летом четырнадцатого года под девизом правления Надежное призрение Фу И внезапно заболел и умер.

До Фу И управляющими астрономическим ведомством служили Фу Жэнь-цзюнь и Сюэ И. Сюэ И одолжил у Фу Жэнь-цзюня пять тысяч монет. Фу Жэнь-цзюнь умер, а

Сюэ И так и не успел отдать ему долг. Сюэ И увидел Фу Жэнь-цзюня во сне, и они, как обычно, разговорились. Сюэ И осведомился, кому бы он мог вернуть долг.

— Ты можешь отдать их нарака-обитателю ада, — ответил Жэнь-цзюнь.

— Кто это нарака-обитатель ада? — спросил Сюэ И.

— Это теперешний управляющий астрономическим ведомством, — был ответ.

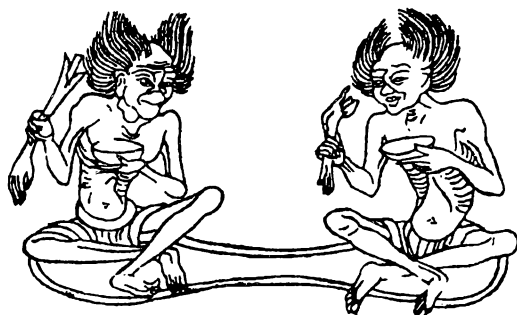
Тогда Сюэ И пробудился.

В ту же самую ночь у управляющего императорскими мастерскими Фэн Чан-мина тоже был сон. Во сне он попал туда, где находятся умершие. Фэн Чан-мин осведомился:

— Сутры толкуют о воздаянии за грехи и добрые дела. Однако мне неизвестно, действительно ли оно существует?!

— Оно существует во всех случаях! — был ответ.

Фэн Чан-мин продолжил расспросы:

— Какого сорта воздаяние полагается таким, как Фу И, который был неверующим всю жизнь?

— Грехи и благие дела непременно воздаются! Фу И уже отослан в Юэчжоу (на территории совр. пров. Чжэцзян) и будет нарака-обитателем ада.

На следующее утро Фэн Чан-мин пришел во дворец и встретился с Сюэ И. Он поведал о том, что ему приснилось, а Сюэ И также рассказал свой сон о нарака-обитателе ада. Оба подивились на то, что в одну и ту же ночь им приснились сны о том же самом.

Сюэ И отдал деньги Фу И и рассказал свой сон. Через несколько дней тот скончался.

Я лично встречался с этими двумя в тронном зале, и они рассказали мне свои вещие сны.

ПРИМЕЧАНИЯ

От переводчика

Переводы сборников Лю И-цзина «Подлинные события», Ван Яня «Вести из потустороннего мира», Хоу Бо «Достопамятные происшествия» даются по подборке Лу Синя в «Извлечениях из старинной прозы» (Пекин, 1953, с. 361—465), сборника Тан Линя «Загробное воздаяние» — по тексту из «Трипитаки» Тайсё (Токио. Т. 51. С. 7876—802а), воспроизводящему рукопись монастыря Кодзандзи в предместьях Киото. Четыре рассказа в переводе (по два последних из второй и третьей цзюаней) отсутствуют в монастырской рукописи, но приводятся в других списках.

Переводчик попытался передать своеобразие буддийских сяшо, причудливо сочетающих строгие пассажи исторического содержания, торжественные панегирики, обращенные к подвижникам и божествам, и разговорные интонации, отчетливо прослеживаемые во множестве диалогов.

В текст перевода введены заглавия рассказов, в оригинале отсутствующие. В круглых скобках даются краткие пояснения переводчика, европейские соответствия китайским датам и годам правления императоров. Эти незначительные дополнения произведены единственно для удобства читателя.

Подробные примечания, а также отдельная таблица европейских эквивалентов традиционных китайских мер длины, площади, объема и веса, встречающихся в переводе, вынесены в конце книги.

Предания об услышанных мольбах

1. *Цзяньаньский ван* 建安王 — титул Цзы-ляна (460—494) из правящего рода Сяо династии Ци (479—502); правоверный мирянин и патрон буддизма, известный литератор. Ван — правитель, государь; также наивысший ранг знатности, означающий принадлежность к правящему роду (принц, великий князь). Следующий ранг знатности — гун 公 — унаследованное или пожалованное звание высшей аристократии (герцог или владетельный князь).
2. *Гуаньшизинь-Авалокитешвара* 觀世音 — букв.: «Внимающий зову мира»; в индобуддийской традиции — бодхисаттва Авалокитешвара (Владыка всепрорезающий), олицетворяющий милосердие Будды; в раннем китайском буддизме предстает в исходном мужском обличии, позднее приобретает женское обличие с основной функцией: дарование мужского потомства.
3. *Бодхисаттва* 菩薩 — букв.: «стремящийся к просветлению»; в буддизме Махаяны — просветленный, отказавшийся от вступления в нирвану ради спасения живых существ. Буддисты-миряне верили, что поклонение бодхисаттвам-махасаттвам избавляет от грехов и кармических последствий дурных деяний.

Подлинные события

1. *Восемь заповедей* 八關 — обеты мирянина, включающие помимо пяти основных обетов (см.: с. 330, примеч. 12) также следующие запреты: не пользоваться косметикой, украшениями и не увлекаться танцами и музыкой; не спать на мягком ложе; не употреблять пищу в неурочное время.
2. *Поступки-карма* 業 — совокупность добрых и дурных деяний, определяющих благоприятную или, напротив, неблагоприятную, форму рождения всего сущего.
3. *Гуаньшизинь-Авалокитешвара* — см.: с. 329, «Предания об услышанных мольбах», примеч. 2.
4. *Бодхисаттва* — см.: с. 329, «Предания об услышанных мольбах», примеч. 3.
5. «*Сутра цветка Закона*» 法華經 — иначе *Лотосовая сутра*; санскр. «Саддхарма-пундарика-сутра»; самое известное и наиболее популярное буддийское сочинение в Китае. Сутры — предания, поучения, заповеди, в представлении буддистов восходящие к Будде Шакьямуни и его ученикам; наряду с виная (запреты, установления и предписания монашеского устава) и шастрами (истолкования буддийских понятий и терминов) образуют три раздела буддийского канонического свода Трипитака.
6. *Долгий пост* 長齋 — соблюдение запрета на прием пищи после полудня; также семидневное воздержание от пищи.
7. *Небо Тушита* 兜率天 — небесное царство будды Майтреи до его появления на земле; место, где обретают новое рождение бодхисаттвы до их появления на земле в качестве будд.
8. Краткая аллюзия на популярную легенду того времени о божестве-змее озера Гунтинху (о. Поянху в совр. пров. Цзянси); в одном из ее вариантов, связанном с парфянским миссионером Ань Ши-гао (II в.), см.: Хуэй-цзяо. Жизнеописание достойных монахов (Гао сэн чжуань). Т. 1 (Раздел 1: Переводчики). — М., 1991. С. 103—104; в другом варианте и с иными географическими координатами см. далее: «Достопамятные происшествия», с. 217, а также «Загробное воздаяние», с. 247.
9. *Сунь Хао* 孫皓 — последний правитель царства У (земли в нижнем течении и к югу от Янцзы); император Мо-ди (264—280).
10. *...пользоваться вместо скребка* — для нужд личной гигиены в практике буддийского монашества обычно использовалась бамбуковая лопаточка.
11. *Восьмой день четвертого месяца* 四月八日 — День рождения Будды Шакьямуни, совместно празднуемый монашеской общиной и мирянами; о содержании этих празднеств — омовение статуи Будды, моления в монастырях и специально сооруженных молебнях, уличные шествия со статуей Будды и т. д. — см. далее в тексте ряда коротких рассказов; судя по ряду сюжетов — явление покойного сына родителям, обретенная миряночкой священных мощей-шарира за праздничной трапезой — буддийская община наделяла этот праздник глубоким сакральным смыслом.
12. *Пять обетов* 五戒 — запреты на убийство, кражу, прелюбодеяние, ложь, употребление вина, налагаемые на буддиста-мирянина.

13. *Патра 鉢* — чаша строго регламентированных размеров, используемая монахом для сбора подаяний и принятия пищи.
14. *Мэн Бэнь 孟賁* — легендарный герой китайской древности, отмеченный невероятной физической силой и отвагой, граничащей с дерзостью.
15. *Ритуальное хождение 行道* — прохождение процессии вокруг буддийской статуи; элемент ритуальной практики китайского буддизма.
16. *Династия Северная Вэй 北魏 (386—534)* — наиболее обширное и прочное государственное образование на территории Северного Китая эпохи Южных и Северных династий; основана сяньбийским родом Тоба; также Тоба-Вэй.
17. *Яньлован 閻羅王* — санскр. Ямараджа — повелитель подземного царства, владыка ада; в китайском буддизме наделялся функцией главы загробного суда.
18. *Варвар Хэлянь Бобо 赫連佛佛虜* — предводитель ордосских сюнну, основавший в западной части Северного Китая династию Ся (407—431); заметим, что двоясанный иероглиф «бо», составляющий его имя в китайском написании, имел основное значение — «будда».
19. *Статуя Будды высотой в один чжан и шесть чи 一丈六尺像* — стандартный размер стоячей статуи; соответствует трем человеческим ростам.
20. *Динлины 丁零* — северные соседи сюнну, а затем сяньбийцев; исконная территория расселения простиралась от Байкала до Иртыша; в III—VI вв. — активные участники событий на севере Китая.

Вести из потустороннего мира

ПРЕДИСЛОВИЕ

1. *Квартал Черных одежд 烏衣坊* — первоначально квартал в столице Южных династий Цзяньэ — Цзянькане (совр. Нанкин), заселенный мастеровым людом; впоследствии место проживания высшей знати.
2. *Прахутаратна 多寶* — один из будд древности; в «Лotosовой сутре» повествуется о нем и его покрытой багдахином ступе, испускающей сандаловый аромат.
3. *Майтрея 彌勒* — Будда будущего, ныне царствующий на небе Тушита (см.: с. 330, примеч. 7); его сошествие на землю последует через многие тысячи лет после ухода в нирвану Будды Шакьямуни.

ДИНАСТИЯ ВОСТОЧНАЯ ХАНЬ (25—220)

1. *Сын Неба 天子* — священный титул китайских императоров, правящих в Поднебесной по велению Неба или Высшего мирового начала.
2. *Царь Ашока 優填王* — правитель династии Маурьев (IV—II вв. до н. э.), объединивший индийские царства в единую империю; способствовал распространению буддизма внутри империи и за ее пределами.
3. *Башня Цинлянтай 清涼臺* — сооружение в дворцовом парке, служившее укрытием от летнего зноя; летняя императорская резиденция.

4. *Гробница Сяньцзишоулин 顯節壽陵* — гробница императора Мин-ди в Лояне.
5. *Монастырь Белой лошади 白馬寺* — монастырь, сохранившийся на территории современного города Лоян до настоящего времени. Согласно одной версии, монастырь обязан своим названием легенде, которая гласит, что некий чужеземный правитель повелел рушить буддийские монастыри. Белая лошадь ходила вокруг одного из монастырей и жалобно ржала. Правитель отказался от своего намерения, а лошадь была увековечена в названиях многих монастырей. Согласно другой, не менее популярной версии, на белой лошади прибыл в Китай первый буддийский миссионер Кашьяпа Матанга.

ДИНАСТИЯ ЦЗИНЬ (265—420)

1. *Сутра «Малое творение» 小品* — малая редакция «Махапраджня-парамитасутры», или «Сутры о великом запредельном знании», — одного из основополагающих сочинений буддийского канона; наибольшую известность в Китае получили переводы обеих редакций, выполненные Кумарадживой ок. 400 г.
2. *Хотан 于闐* — один из городов-государств в оазисах Восточного Туркестана (на территории современного Синьцзян-Уйгурского района Китая) по маршруту Шелкового Пути.
3. «*Сутратитака*» 經藏 — один из разделов буддийского канонического свода «Трипитака»; подробнее см.: с. 330, примеч. 5.
4. *Хинаяна 小乘* — Малая колесница; наряду с Махаяной (Большая колесница) составляет две основные разновидности буддизма: буддизм в изначальной архаичной форме и буддизм поздней (II в. до н. э.—III в. н. э.) формации, иначе — южный и северный буддизм. Элитарности индивидуальной направленности архаичного буддизма Хинаяны противопоставляется универсализм Махаяны, опирающийся на учение о бодхисаттвах как наставниках всех существ на Пути к спасению.
5. *Период конца Учения 末法*. — Согласно общебуддийским представлениям, с момента ухода Будды Шакьямуни в нирвану до пришествия в мир нового будды минуют три фазы или периода: «истинного Учения», «подобного Учения» и «конечного Учения». Хронология этих периодов колеблется, но в китайской традиции на первый период обычно отводится пятьсот, на второй — тысяча (реже пятьсот) и на третий — десять тысяч лет.
6. *Обретение Пути 得道* — достижение высшей степени религиозного совершенствования.
7. *Ши Дао-ань 釋道安 (312—385)* — выдающийся деятель раннего китайского буддизма; устроитель монашеского сообщества — сангхи; создатель теории перевода буддийских сочинений, интенсивно осуществлявшегося в Китае начиная с III в. н. э.; знаменитый проповедник, сочинитель и комментатор буддийских сочинений. *Ши 釋* — китайская транскрипция имени Шакья, которое носил род Будды Гаутамы; знак принадлежности к буддийской монашеской общине, введенный в практику китайского буддизма самим же Дао-анем.

8. *Темно-красные одежды 朱衣*. — Красный цвет доминирует в представлениях китайцев о загробном мире, что отражено в этом и других сюжетах о загробных хождениях.
9. *Шесть отделов 六部* — система государственного управления, реально существовавшая в Китае того времени; включала в себя следующие центральные ведомства: чинов, по учету населения и сбору налогов, ритуала, воинское, судебное, общественных работ.
10. *Две тысячи даней 二千石* — размер годового кормления чиновников высокого ранга в пересчете на рис; 1 дань равен приблизительно 3 л.
11. *Дворец о семи драгоценностях 七寶宮*. — В буддийском обиходе под семью драгоценностями обычно подразумеваются: золото, серебро, глазурь, раковины тридакны, агат, жемчуг, кораллы.
12. *Бхикишу 比丘* — странствующий монах, собирающий подаяния.
13. *Закон причин и следствий 因果法* — одно из ключевых буддийских положений, утверждающее всеобщую обусловленность: всякое следствие порождено причиной и служит причиной другого следствия.
14. *Старый Саньян 舊襄陽* — округ на территории совр. пров. Хубэй; упразднен в начале IV в., восстановлен при династии Сун (420—479).
15. *Небеса Тройястримиа 仞利天* — обитель тридцати трех божеств-дева в системе индийских космографических представлений.
16. *Чжи 支* — фамильный знак, определяющий принадлежность носителя (или его учителя) к выходцам из страны Юэчжи (Кушанское царство); другие фамильные знаки: Чжу 竺 — страна Тяньчжу (Индия), Кан 康 — Канцзюй (Содиана), Ань 安 — Аньси (Парфия). С конца IV в. в монашеском обиходе преобладает фамильный знак Ши; см.: с. 332, с. 7.
17. *Патра* — см.: с. 331, примеч. 13.
18. *Гатха 偈* — песнопение, псалом; стихотворная часть сутры.
19. *Древо, пробуждающее мысль 思惟術* — аналогия с деревом Бодхи (Просветления) в парке близ Шравасти, под сенью которого Будда открыл Истину.
20. *...в искусстве вести беседы равняли с Юэ*. — Имеется в виду знаменитый мастер так называемых чистых бесед, или ученых диспутов, ставших заметным явлением китайской духовной жизни III—IV вв.
21. *...принял от шрамана Фа-сина...* — не следует путать с персонажем предыдущего эпизода, имя которого совпадает по звучанию, но различается в китайском написании.
22. *...монашескую рясу-кашаша, сшитую из целой холстины...* — Устав предписывал монахам носить одеяние, сшитое из лоскутов.
23. *Зыбучие Пески 流沙* — образное географическое название с довольно точным значением: западная часть пустыни Гоби.
24. *Три порока 三垢* — алчность, злоба, глупость — главные пороки, ведущие к заблуждению и страданию.
25. *Сутра «Гуаньшишань цзинь» 觀世音經* — «Авалокитешвара-сутра»; 25-я глава «Логосовой сутры», или «Сутры цветка Закона», в китайском переводе; с IV в. упоминается в качестве отдельного сочинения.
26. *Хуэй-юань 慧遠 (334—416)* — выдающийся деятель раннего китайского буддизма; знаменитый проповедник и сочинитель; предводитель и духовный наставник монашеской сангхи и сангхи буддистов-мирян Китая своего времени; ученик Ши Дао-аня (см.: с. 332, примеч. 7).

27. ...*вращать* «Сутра Царя морских драконов» 轉海龍王經. — Сутра, излагающая содержание проповеди, прочитанной Буддой для Царя морских драконов; вращение сутры — ритуальное действие, заключающееся в многократном повторении нараспев отдельных частей сутры.
28. *Переводы сутр с индийского языка...* — В контексте буддийских сяшо под индийским языком понимается вся совокупность языков (например, пали, санскрит и др.), на которых были записаны оригинальные буддийские сочинения.
29. Чжи Дао-линь 支道林 (312—366) — он же Чжи Дунь 支遁, виднейший представитель так называемого сяньсюэ-буддизма, вобравшего в себя собственно буддийские, а также даосские идеи, истолкованные в духе «сяньсюэ», или «темного учения», возобладавшего в духовной жизни Китая III—IV вв.; отдельный сюжет о нем см.: с. 113.
30. Хэ Чун 何充 (262—346) — сановник, занимавший также пост Главы имперской канцелярии; военачальник в звании генерала легкой кавалерии; буддийский адепт и щедрый покровитель монашеской общины, он был известен и как убежденный приверженец конфуцианства.
31. *Учение Чистой воды* 清水道 — разновидность религиозного даосизма с элементами магической практики.
32. Ван Пу-ян 王濮陽 — даосский наставник, пользующийся особым расположением императора: его молитвами и заклинаниями престолу был дарован наследник.
33. *Мир покоя и радости* 安樂世 — одно из обозначений западной Страны счастья — Сукхавати (она же Страна благоденствия, Чистая земля, Страна Амитабхи), или небесной обители, где души праведников пребывают в вечном и сладостном блаженстве под покровительством будды Амитабхи в окружении бодхисаттв и небожителей.
34. *Долгий пост* — см.: с. 330, примеч. 6.
35. «Покаянная грамота в отступлении от восьми обетов» 八關懺文 — сочинение утеряно, но, судя по названию, основу его содержания составлял перечень нарушений обетов мирянина, помимо пяти обычных обетов включающий три дополнительных (см.: с. 330, примеч. 1).
36. *Благодный человек* 淨人 — лицо недуховного звания, пребывающее в услужении в монастыре.
37. Су Цзюнь 蘇峻 — высокопоставленный чиновник; предводитель одного из заговоров первых годов правления цзиньского императора Чэн-ди (326—346); в 328 г. с подчиненным ему войском занял столицу Лоян, но вскоре был убит.
38. *Сутра «Великое творение»* 大品 — большая редакция «Махапраджня-парамита-сутры» в китайском переводе; подробнее см.: с. 332, примеч. 1.
39. ...*сутра написана рукой овладевшего Учением монаха Ши Хуэй-цзэ.* — Достоверность сведений о сутре «Великое творение» с иероглифами величиной с конопляное семя, переписанной монахом Ань Хуэй-цзэ (Ван Янь передает его имя неточно), подтверждается свидетельствами других китайских источников.
40. *Седьмые небеса* 第七梵天. — Согласно буддийской космологической концепции Трех миров — Трилока, включающих в себя Мир чувственных влечений — Камадхату, Мир форм — Рупадхату и Мир не-форм — Арупадхату, седьмые небеса принадлежат Миру форм и соотносятся с

- первой из четырех составляющих его сфер дхьяны. Мир чувственных влечений составляют шесть небес желаний, а также мир людей и ады.
41. *Мать демонов* 鬼子母 — божество буддийского пантеона Харити; Мать пятисот демонов, которая была обращена Буддой Шакьямуни и стала покровительницей буддизма.
42. «*Шурамгама-сутра*» 首楞嚴經 — полное название: «Шурамгама-самадхи-сутра», или «Сутра о несокрушимости созерцания-самадхи»; одно из ранних сочинений Махаяны и наиболее известных буддийских сочинений в Китае; классический перевод выполнен Кумараживой примерно в 400 г.
43. *Великие мужи* 大士 — будды Амитабха и Майтрея, бодхисаттвы Авалоки-тешвара, Вишвабhadра, Махасатхама, Манчжушри, Бхайшаджьяраджа, Акашагарбха, Кшиптагабха, Ваджрапани и др., почитаемые великими в буддизме Махаяны.
44. «*Сутра, исполненная совершенства*» 成具經 — полное название: «Исполненная совершенства сутра истинного погружения в созерцание»; китайский перевод выполнен в конце II—начале III вв. миссионером из Кушанского царства Чжи Яо.
45. *Время всеобщего отдыха* — обычно с 8 до 10 часов вечера.
46. *Восьмой день четвертого месяца* — День рождения Будды Шакьямуни, празднуемый монашеской общиной совместно с буддийской паствой (подробнее см.: с. 330, примеч. 11).
47. *Пятнадцатый день седьмого месяца* 七月十五日 — День поминовения усопших, или Праздник «голодных духов», один из популярнейших китайских праздников по настоящее время. По народному поверью, в седьмой месяц года открываются врата преисподней и обитатели потустороннего мира на время возвращаются в сей мир. Праздник «голодных духов», соответственно, включает в себя три этапа: встреча душ умерших, их чествование и проводы — и сопровождается принесением жертв, театрализованными представлениями, шествиями, молебнами, осуществляемыми при участии монашества. Этот и ряд последующих эпизодов из сборника Ван Яня служат уникальным свидетельством того, что идеология и некоторые формы обрядности Праздника «голодных духов» складывались под активным влиянием буддизма уже в первые века нашей эры.
48. *Преисподняя гор Тайшань* 太山府. — Согласно древним китайским поверьям, священные горы Тайшань (совр. пров. Шаньдун) служили обителью душ умерших.
49. *Шестое небо* 第六天 — последнее из небес Мира чувственных влечений — Камадхату в буддийской космологической концепции Трех миров — Трилока; см.: с. 334, примеч. 40.
50. *Цань Фэн* 錢鳳 — адъютант крупного сановника Ван Дуня (266—324), возглавившего мятеж против династии Восточная Цзинь; в 321—324 гг. совершил походы на Цзянькан, ставший столицей династии; казнен в 324 г. после поражения мятежников.
51. *Се Фу* 謝敷 — известный литератор второй половины IV в., приверженец буддизма, близко знакомый со многими знаменитыми монахами своего времени. Приведенный рассказ об освобождении из плена и более десяти подобных историй составили его сочинение «Записи о свершениях Авалокитешвары» («Гуаньшинь иньянь цзи»). Сочинение было утеря-

- но, но вскоре частично восстановлено по памяти чиновником и литератором Фу Ляном (374—426). Серия о бодхисаттве Авалокитешваре была продолжена сборником Чжан Яня (V в.) «Продолженные записи о свершениях Авалокитешвары» («Сюй Гуаньшиинь иньянь цзи») в 10 сюжетах, а завершена сборником Лу Гао (459—532) «Последующие записи о свершениях Авалокитешвары» («Си Гуаньшиинь иньянь цзи») в 69 сюжетах. Ван Янь использовал ряд сюжетов из первых двух сборников этой серии для своего сочинения. Серия была утеряна в Китае, но сохранилась в буддийских монастырях Японии и была недавно опубликована.
52. Чи Цзя-бинь 郝嘉賓 (336—377) — чиновник, литератор, партнер Чжи Дао-линя (см.: с. 334, примеч. 29) и других известных мастеров «чистых бесед»; приверженец буддизма, автор известного трактата «Основы вероучения» («Фэнфа яо»).
53. Фу Лян 傅亮 — см.: с. 335, примеч. 51).
54. «Сутра цветка Закона» — см.: с. 330, примеч. 5.
55. Фу Цзянь 符堅 — вождь племени ди, основавший в 351 г. в излучине Хуанхэ династию Ранняя Цзинь, распавшуюся после его смерти в 383 г.
56. Сяньби 鮮卑 — могущественные северные племена, основавшие ряд государств на территории Северного Китая в IV—VI вв.
57. Чаша белого тигра 白虎樽. — В день празднования Нового года перед императорским дворцом устанавливали чашу, наполненную вином; поданный, представивший доклад или прошение Его Величеству, выпивал ее содержимое.
58. Динлинь — см.: с. 331, примеч. 20.
59. Пять воинских приказов 五兵尚書 — объединенные под началом высшего командования военные ведомства войск столичного округа, территориальных войсковых частей (вне пределов столичного округа), кавалерии, войсковые формирования некитайских племен, дворцовая охрана.
60. Пять доу риса 五斗米 — влиятельная даосская секта, возникшая в середине II в. н. э.; ее адептам предписывался вступительный взнос в 5 доу риса (1 доу равен 10 кг).
61. Поступки-карма — см.: с. 330, примеч. 2.
62. ...рассказали Чжао Тай и Са-хэ... — оба рассказа представлены в нашем переводе; см. с. 68—73, 120—125.
63. Будда Виташин 維衛佛 — первый из семи будд прошлого; 998-й будда прошлой калпы (см.: с. 336, примеч. 68).
64. Цянь羌 — западные некитайские племена на территории совр. провинций Ганьсу, Цинхай, Сычуань.
65. Омовение Будды 灌佛像 — религиозный обряд омовения статуи Будды, совершаемый 8-го дня 4-го месяца, празднуемого общинами монахов и мирян как день рождения Шакьямуни.
66. «Праджня-парамита-сутра» 波羅密經 — «Сутра о постижении высшей премудрости»; одна из фундаментальных сутр буддизма Махаяны о двух редакциях см.: с. 332, примеч. 1; с. 334, примеч. 38.
67. Трон Ваджра 金剛座 — санскр. Ваджрасана, или Алмазный трон, вознесенный над землей с восседающими на нем вокруг древа Бодхи (см.: с. 333, примеч. 19) бодхисаттвами.
68. Калпа 劫 — период между созданием и воссозданием Вселенной, распадающийся на этапы формирования, существования, разрушения, несущий

- уществования и исчисляемый в годах шестидесятизначными числами; в свою очередь, один кальпический год длится 360 человеческих лет.
69. ...*статуя, установленная на повозке*. — Упоминание о статуе Будды, установленной на повозке с резьбой в виде гор, приводится китайским паломником Фа-сянем в сочинении «Записи о буддийских царствах» («Фо го цзи»), написанном по впечатлениям от путешествия в Индию, принятого в 399—414 гг. По свидетельствам Фа-сяня, процессии во главе со статуей Будды на повозке происходили в Хотане (см.: с. 332, примеч. 2) в день рождения Будды Шакьямуни (8-й день 4-го месяца). Эпизод из сборника Ван Яня служит своеобразным свидетельством того, что подобный обряд (или его отдельные элементы) получил распространение также и в Китае уже в первые века нашей эры.
70. Лу Сюнь 廬循 — предводитель одного из военных мятежей последних десятилетий правления династии Восточная Цзинь, подавленного будущим основателем династии Сун (420—479) военачальником Лю Юем.
71. Яо Син 姚興 — один из правителей цянской династии Поздняя Цинь (384—417), основанной на части территории распавшейся династии Ранняя Цинь (см.: с. 336, примеч. 55); годы правления 399—416.
72. Дикари с косичками 索虜 — в эпоху Южных и Северных династий на Юге, где правили китайские династии, так называли племя табгачей, основавших династию Северная Вэй (386—534).
73. Род Бобо 佛佛氏 — предводитель этого рода из племени ордосских сюнну Халянь Бобо был основателем царства Ся (407—431) в Северо-Западном Китае (подробнее см.: с. 331, примеч. 18).
74. ...он так и не понял, что значили эти слова. — Переводчик вынужден признаться, что смысл этой фразы остался не вполне ясен и ему.
75. Мумо 木末 — последний из правителей сяньбийского рода Цифу, основавшего династию Западная Цинь (385—431) к западу от Поздней Цинь (см.: с. 337, примеч. 71); годы правления Цифу Мумо 428—431.
76. Пористая синька 空青 — минерал синего цвета, добываемый в горных ущельях; сернокислая медь.
77. Ярь-медянка 銅青 — зеленая краска, получаемая путем окисления меди.
78. Четыре разряда 四輩 — общины монахов и монахинь, мирян и мирянок.
79. Мудрость-праджня 船周 — запредельное знание, высшее постижение; последняя и высшая из шести парамит, или способов «достижения другого берега», т. е. нирваны.
80. Сыма Юань-сянь 司馬元顯 (382—402) — принадлежал к царствующему дому династии Восточная Цзинь (317—420); успел занять ряд высоких должностей при дворе; пленен и убит при нашествии соперничающего клана на столицу.
81. Лю И 劉毅 (?—412) — военачальник династии Восточная Цзинь, удостоившийся звания Императорского генерал-инспектора.

ДИНАСТИЯ ПОЗДНЯЯ ЧЖАО (319—350)

1. Сын Будды 佛子 — приверженец Будды, принявший его обеты; буддийский монах; в широком значении — буддийский адепт.
2. Черный четырехполый халат 早袍四縫 — одеяние, в которое, согласно погребальному обряду, одевали покойного.

3. ...приучил себя обходиться без злаков. — Отказ от пяти злаков, под которыми обычно понимаются рис, пшеница, просо, бобы, ячмень (либо конопля), составляет один из обязательных элементов практики отшельничества и святости, существовавшей в Китае в рамках религиозного даосизма. Эта и ряд других даосских черт в образе буддийского монаха Шань Дао-кай заставляют нас прийти к выводу, что буддийская практика аскезы и отшельничества, сам идеал буддийской святости в Китае складывались под большим влиянием либо во взаимовлиянии с подобной практикой и идеалом религиозного даосизма. На «низовом» уровне популярной религии грань между ними становилась зыбкой и едва различимой. Сохранилось свидетельство о том, что жители тех мест, где обитал Шань Дао-кай, почитали его как даосского, а не буддийского святого.
4. *Ши Ху* 石虎 — в 333 г. наследовал трон у своих сородичей из племени цзе, основавших на Севере Китая династию Поздняя Чжао; с его правлением связан расцвет и упадок династии, последовавший вскоре после его смерти в 349 г.
5. *Юань Янь-бо* 袁彦伯 (328—376) — он же Юань Хун; крупный чиновник и известный историк; автор сочинения «Анналы Поздней Хань» («Ху Хань цзи»).

ДИНАСТИЯ РАННЯЯ СУН (420—479)

1. *Второй плод святости* 二果 — вторая степень святости как одно из четырех состояний или этапов на пути к нирване: 1) сротапанна, или «вступивший в поток», т. е. на путь к спасению; 2) сакридагамин, или «тот, кто вернется еще один раз», т. е. вступит в последнее перерождение; 3) анагамин, или «тот, кто не придет», т. е. вступит в последнее перерождение; 3) анагамин, или «тот, кто не придет», т. е. вступит в последнее перерождение; 3) анагамин, или «тот, кто не придет», т. е. пребывает в последнем перерождении; 4) архат, или святой, достигший высшего состояния. В последней и высшей степени святости — архатстве — состоит религиозный идеал Хинаяны.
2. *Возмывающий вино* 祭酒 — правитель округа или основной административной единицы в теократической системе, образованной даосской сектой Пяти доу риса (см.: с. 336, примеч. 60); осуществлял руководство паствой, а также отправление обрядов.
3. *Цзао* 灶 — одно из популярнейших божеств в системе китайских народных верований; властелин кухни и главный хранитель семейного очага; ему вменялось в обязанность следить за порядком в доме и докладывать Верховному Владыке о достоинствах и проступках домашних.
4. *Пятая стража* 五更 — последний из двухчасовых отрезков ночной стражи, длящейся с 7 часов вечера до 5 часов утра.
5. *Бычьеголовый этан* 牛頭阿旁 — охранник с человеческим телом и бычьей головой; персонаж картин ада.
6. *Семидневное поминовение* 七日會 — трапеза, сопровождаемая подношениями монахам и молитвами о ниспослании блага умершему в загробном мире; совершается каждый седьмой день в продолжение сорокадвятидневного срока, когда умерший пребывает в так называемом промежуточном состоянии (санскр. анатарабхав) до свершения загроб-

- ного суда. В течение этого срока родные при содействии буддийских монахов имеют возможность благотворно влиять на судьбу умершего в загробном мире.
7. «Амитабха-сутра» 無量壽經 — другое название: «Сукхавативьюха-сутра»; одна из важнейших сутр, связанных с традицией Амитаюса (будды Амитабхи) и его страны Сукхавати (см.: с. 334, примеч. 33).
  8. Страна Амитабхи 無量壽國 — Страна счастья — Сукхавати, где властвует будда Амитабха; западный рай (см.: с. 334, примеч. 33).
  9. Ачарья 瞿梨 — монах образцового поведения, исполняющий обязанность наставника в ритуале при посвящении в монашеский сан; в широком контексте буддийского короткого рассказа — буддийский монах, духовный наставник паствы.
  10. ...Таньюзе и пятьдесят два его сподвижника. — По сообщениям других китайских источников, которые представляются нам более предпочтительными, вместе с Таньюзе отправились в Индию двадцать пять человек.
  11. Шраваста 舍衛 — город и древнее царство к северо-западу от родного города Шакьямуни Капилавасту; парк Джетавана близ Шравасты был его любимым пристанищем.
  12. Вишвабhadра 普賢 — популярное божество буддийского пантеона; другое имя — Самантабhadра, или Всеблагой; патрон «Лотосовой сутры»; изображается восседающим на белом слоне; бодхисаттва, олицетворяющий первоосновы и истинность учения Будды.
  13. Талисман-реестр 錄 — перечень имен божеств-покровителей; атрибут культовой практики и знак принадлежности адепта к школе Пяти доу риса (см.: с. 336, примеч. 60; с. 338, примеч. 2).
  14. Хуань Сюань 桓玄 (369—404) — сын крупнейшего политического и военного деятеля династии Восточная Цзинь Хуань Вэня (отдельный сюжет о нем см.: с. 103); унаследовал от отца планы по узурпации престола и основанию новой династии; убит будущим основателем династии Ранняя Сун (420—479) Лю Юем (356—422).
  15. Десять добродетелей 十善 — недопущение десяти зол или греховных поступков: 1) убийство; 2) воровство; 3) прелюбодеяние (три прегрешения тела); 4) обман; 5) болтовня; 6) брань; 7) пустословие (четыре греха, исходящие из уст); 8) алчность; 9) злоба; 10) невежество (три греха мысли).
  16. Обеты бодхисаттвы 普薩戒 — десять основных и сорок восемь дополнительных обетов, практиковавшихся в буддизме Махаяны; изложены в «Сутре сетей Брахмы» (санскр. «Брахмаджала-сутра»).
  17. Чистая земля 淨土 — см.: с. 334, примеч. 33.
  18. ...были младшими сестрами Ши-цзу. — Персонаж с таким именем в сюжетном ряду «Вестей из потустороннего мира» не фигурирует; сюжет, посвященный ему, вероятно, утерян.
  19. Юэ — народности, населявшие юго-восток и юг Китая, а также часть Индокитая.
  20. Махасатхама 大勢至 — бодхисаттва, принадлежащий к свите Амитабхи; другое имя Махастанапрапта.
  21. Пять стезей-гати 五道 — разряды живых существ, подверженных череде рождений: люди, небожители, обитатели ада-нарака, духи-преты, обреченные на вечные скитания и голода, звери.

22. *Уи из Дунъяна* 東陽無疑 — составитель сборника коротких рассказов «Записки Ци Се» («Ци Се цзи»), сохранившегося в немногих фрагментах.
23. *Сяо Сы-хуа* 蕭思話 — крупный чиновник, правитель ряда областей; при императоре Сяо-у-ди (454—465) занимал пост помощника главного министра.
24. *Южные маны* 南蠻 — некитайские племена, населявшие юг Китая на территории совр. пров. Цзянси, Хунань, Гуйчжоу.
25. *Чжи-чуань* 植川 — второе имя Гэ Хуна (283—364), автора знаменитого даосского трактата «Бао-пу цзы», а также сочинения «Шэнь сянь чжуань» о даосах-бессмертных.
26. *Учение даосов-бессмертных* 仙學 — течение религиозного даосизма, включающее в себя философско-этические аспекты в сочетании с физико-физиологическим комплексом (с элементами алхимии, гимнастики, дыхательных упражнений, диеты, сексуальной практики и т. д.); направлено на достижение бессмертия, которое понимается как вознесение на небо и приобщение адепта к бессмертным небожителям.
27. *Будда Амитабха* 無量壽佛 — также Амитаюс; будда Беспредельной жизни (или Беспредельного света); популярнейшее божество буддизма Махаяны; владыка Чистой земли — Сукхавати (см.: с. 334, примеч. 33).
28. *Малые обеты* 小戒 — члены монашеской общины, по достижении двадцатилетнего возраста принявшие посвящение в монашеский сан, исполняли «полные», или большие обеты: по меньшей мере двести пятьдесят обетов для мужчин и около трехсот пятидесяти для женщин. Новички обоих полов, присоединившиеся к сангхе на правах послушников и послушниц, исполняли «сокращенные», или малые обеты: к упомянутым прежде восьми заповедям добавляются еще две — не употреблять пищу в неурочное время; не иметь в личном пользовании золота, серебра и драгоценностей. Молодые женщины (санскр. шикшамана) в возрасте от восемнадцати до двадцати лет, готовящиеся к пострижению в монахини, должны были дополнительно к малым обетам исполнять шесть особых предписаний.
29. *...алтарь на земле, очищенной от травы.* — Согласно монашескому уставу, принимать обеты предписывалось на земляной ровной платформе площадью около 10 квадратных метров и высотой более полуметра.
30. *Достижение совершеннолетия* 弱冠 — т. е. двадцатилетнего возраста, вступление в который сопровождалось обрядом надевания шапки совершеннолетия.
31. *Царь Исцеления* 藥王 — санскр. Бхайшаджьяраджа; старший из бодхисаттв, исцеляющих болезни; также Сарвасаттвприядаршана, или Бодхисаттва, взирая на которого, радуется все сущее. В традиции «Лотосовой сутры» — ближайший последователь Будды Шакьямуни, совершивший в предшествующих перерождениях высший религиозный подвиг посредством актов самосожжения.
32. *Ритуальное хождение* — см.: с. 331, примеч. 15.
33. *Древеса Шала* 娑羅術 — Парные деревья; деревья-близнецы в Кушинагаре, под сенью которых Будда вступил в нирвану.
34. *Лю Чжань* 劉湛 — занимал ряд высоких постов при императорах У-ди (420—423) и Вэнь-ди (424—454); в правление последнего впал в немилость в результате дворцовой интриги и был казнен.

35. *Линьчуаньский ван* 臨川王 — Лю И-цзин (403—444), племянник императора У-ди, основавшего династию Сун; автор-составитель известных сборников коротких рассказов: «Новое изложение рассказанного в миру» («Ши шо синь ю»), «Записи о тьме и свете» («Ю мин лу») и «Подлинные события» («Сюань янь цзи»).
36. *Пиндола* 賓頭盧 — архат, причисляемый к основным ученикам Будды; «хранитель Закона», во исполнение своей миссии способный перемещаться в пространстве и времени; патрон китайского буддизма.
37. *...сообщается в предшествующих записях.* — Сюжет, посвященный Дао-цзюну, см.: с. 153—154.
38. *...достигала иных пределов.* — Имеется в виду визуализация иных миров посредством медитации или особых методов сосредоточения в системе буддийской психотехники.
39. *Каляшас* 晝良耶舍 — чужеземный миссионер, осуществлявший переводческую деятельность при императоре Вэнь-ди (424—453) династии Сун.
40. *Будды десяти сторон света* 十方諸佛 — будды четырех основных и четырех промежуточных сторон света, а также зенита и надира.
41. *Винный источник* 酒泉 — родник, вода которого напоминала по вкусу вино; дал название округу, а ныне уезду в пров. Ганьсу, на территории которого он находится.
42. *Династия Вэй* 魏 — Северная Вэй (386—534), основанная сяньбийским родом Тоба; также Тоба-Вэй; в описываемое время династией правил Тоба Тао (Тай-у-ди); годы правления 423—452.
43. *Три периода* 三世 — прошлое, настоящее и будущее рождения.
44. *Смуты года правления* *Всеобщая радость* (466) 義嘉難 — девиз кратковременного правления Лю Цзы-сюня, третьего сына умершего императора Сяо-у-ди (454—464); после неудачной борьбы за престол покончил жизнь самоубийством по высочайшему повелению императора Цяньфэй-ди (465—472).
45. *Лю Ху* 劉胡 — полководец V в., прославившийся как покоритель племен мань (см.: с. 340, примеч. 24). С его именем связаны многие легенды: от рождения он был черен лицом подобно варвару-ху и потому получил имя Ху. Люди мань боялись Лю Ху настолько, что пугали плачущих детей его именем и те тотчас умолкали.
46. *Дхьяна* 禪 — медитация, или самосозерцание; буддийский комплекс психофизических упражнений и приемов для достижения особых состояний сознания, способствующих обретению просветления.
47. *Зал Взлета дракона* 龍飛室 — в китайской традиции дракон символизирует императорскую власть, а его взлет — восшествие императора на престол; по-видимому, речь идет о тронном зале императорского дворца.
48. *Девять владений* 九服 — девять поясов по пятьсот ли каждый, сконцентрированных вокруг императорских столичных владений, начиная с владений удельных князей и заканчивая владениями, населенными иноземными варварами; идеальная система мироустройства, идущая от китайской древности.
49. *Ныне правящий император.* — Имеется в виду император Сяо-у-ди (454—465) династии Сун.
50. *Курильница «сорочий хвост»* 鵲尾香爐 — курильница на высокой ножке, используемая для воскурения благовоний при буддийских церемониях.

51. Ван Цзянь-му 王簡穆 (426—485) — он же Ван Сэн-цзянь; при династии Ци (479—502) занял пост помощника канцлера; один из признанных гениев искусства китайской каллиграфии, оказавший значительное влияние на ее последующее развитие; прямой потомок патриарха китайской каллиграфии Ван Си-чжи (321—379).
52. «Нирвана-сутра» 大涅槃經 — полное название: «Махапаринирвана-сутра»; сутра, прочитанная Буддой перед вступлением в нирвану. В V в. была известна в Китае в нескольких переводах; в интерпретации Даошэна (360—434) послужила основанием религиозному направлению, во многом определившему последующее развитие китайского буддизма.
53. ...подносили шелковую вату, дабы удостовериться ее смерть. — Согласно китайскому похоронному обряду, смерть удостоверялась посредством поднесения шелковой ваты к носу и рту покойного.
54. Четыре небесных правителя 四天王 — в изначальной индийской традиции именовались Четырьмя Владыками — Чатурмахараджа и являлись в образе Повелителя слонов — на юге, Владыки драгоценностей — на западе, Повелителя лошадей — на севере, Повелителя людей — на востоке. В китайском буддизме последний из них приобретает статус правителя Китая.
55. Четвертый плод 四果 — высшая степень святости; состояние архата (см.: с. 338, примеч. 1).

ДИНАСТИЯ ЦИ (479—502)

1. Монастырь Старейшины 高座寺 — монастырь неподалеку от столицы Цзянькана (совр. Нанкин), заложенный на месте захоронения чужеземного миссионера Шримитры (ок. 260—ок. 340), носившего титул Старейшина.
2. Кармическая преграда 業障 — санскр. кармаварана, неблагоприятное состояние кармы (см.: с. 330, примеч. 2); прегрешения в предшествующих перерождениях, препятствующие достижению высоких степеней святости в настоящей жизни.

ИСТОРИИ РАЗНЫХ ЭПОХ

1. Чан-шу — сюжет, посвященный Чжу Чан-шу, в немного измененной редакции см.: с. 83—84.
2. Монастырь Глиняных гробов 瓦棺寺 — монастырь близ Цзянькана, основанный цзиньским императором Ай-ди (362—366); также монастырь Глиняных горшков; столь необычные названия объясняются тем, что монастырь находился на бывших землях Управления гончарных работ.

Достопамятные происшествия

1. ...при царе Ашоке, что соответствует началу правления династии Чжоу — явный анахронизм, поскольку годы правления царя Ашоки (268 г. до н. э.—231 г. до н. э.) отделяли от основания китайской династии Чжоу (XI в. до н. э.) приблизительно восемь столетий. Царь

- Ашока из династии Маурьев (317 г. до н. э.—180 г. до н. э.), объединившей большую часть Индии (кроме крайнего юга Декана) и земли к западу от нее в единую империю, всемерно способствовал распространению буддизма в своем государстве и за его пределами.
2. *Династии Цинь, Хань и Вэй 秦漢魏* — династии Цинь (221—207 г. до н. э.), а затем Хань (206 г. до н. э.—220 г. н. э.) объединяли территории всего Китая, но при этом тяготели к исконным северным территориям; Северная династия Вэй (220—265) претендовала на большую легитимность (преемственность от династии Хань) в период Троецарствия (220—280).
  3. *Учения Пяти доу риса, Желтого императора и Лао-цзы 五斗米道黃老* — различные направления даосизма.
  4. *Небесные наставники 天師* — религиозные лидеры — основатели даосской секты Пяти доу риса (она же: Путь истинного единства, Путь небесных наставников); представитель рода Чжан, просуществовавшего до наших дней: 64-е поколение этой династии проживает в настоящее время на Тайване.
  5. *Випашьин* — см.: с. 336, примеч. 63.
  6. *Каишьяпа 迦葉* — один из десяти ближайших сподвижников Будды, отмеченный мудростью и приверженностью монашеской аскезе.
  7. «*Алмазная сутра*» *金剛船若經* — санскр. «*Ваджраччхедика-праджня-парамита-сутра*»; относится к разряду праджня-парамита сутр; содержит ответы Будды на вопросы Субхути по поводу основных положений Махаяны.
  8. *Благодетель-данapati 檀越* — уважительное обращение монаха к буддисту-мирянину, совершающему подношения и пожертвования сангхе.
  9. *Пик Тай 泰嶽* — гора Тайшань; первая по значению из пяти священных гор Китая; находится на территории совр. пров. Шаньдун.
  10. *Гунабхадра 求那跋陀摩* (393—468) — индийский миссионер, прибывший в Китай в 436 г.; известный проповедник и переводчик буддийских сочинений, участник ряда политических событий, происходивших при династии Южная Сун (420—479).
  11. *Бао-чжи 寶誌* (ок. 440—515) — монах, пользовавшийся особым влиянием при дворе в первые годы правления императора У-ди династии Лян (502—557).
  12. *Император У-ди 武帝* (502—549) — правитель одной из Южных династий — Лян (502—557); приверженец и патрон буддизма; в годы его правления буддизм приобретает статус государственной религии и наивысшее влияние.
  13. *Сротапанна 須陀洹* — низшая из четырех степеней (плодов) святости на пути к нирване (см.: с. 338, примеч. 1). Заметим, что следующее затем в тексте рассказа утверждение о том, что монах, достигший лишь первой степени святости, по смерти вступает в нирвану, следует считать не более, чем метафорой.
  14. *Родоначальник династии Вэй 魏高祖* — династией Северная Вэй (386—534) изначально правил сяньбийский род Тоба; отсюда другое название династии Тоба-Вэй. На рубеже 70—80-х годов Тоба Хун (император Сяо-вэнь-ди; годы правления: 471—499) принял китайское родовое имя Юань.

15. «Аватамсака-сутра» 華嚴經 — одно из фундаментальных произведений религиозно-философской традиции Махаяны, утверждающее идею всеобщности «тела Закона»; впервые переведена на китайский язык Буддахабхадрой в начале V в. Не исключено, что в настоящем сюжете в столь конкретной форме утверждается идея всеобщности «тела Закона» и «тела всех живых существ», проповедуемая «Аватамсака-сутрой».
16. *Пять стран Тяньчжу* 五天竺 — наряду с привычным названием Индии как страны Тяньчжу в ряде китайских источников употребляется и такого рода обозначение, четко разделяющее Индию на Восточную, Западную, Южную, Северную, а также Центральную.
17. *Отец-наставник* 和上 — употребленное здесь китайское понятие «хэшан» в зависимости от контекста допускает два различных по значению перевода: 1) «отец-наставник», т. е. монах — духовный наставник послушника, готовящегося к принятию обетов; 2) «преподобный отец», т. е. монах — духовный пастырь буддистов-мирян; духовник — уважительное обращение мирянина к монаху.
18. *Фо Ту-дэн* 佛圖澄 (ум. в 349 г.) — индийский миссионер, способствовавший внедрению буддизма при «варварской» династии Поздняя Чжао (319—350); его деятельность была отмечена приверженностью к магической, прогностической и иной чудодейственной практике.
19. *Правление Ши Ху* (333—349) *династии Поздняя Чжао* 後趙石虎 — см.: с. 338, примеч. 4.
20. *Закон подобия* 像法 — одна из стадий или эпох учения Будды (см.: с. 332, примеч. 5). Согласно китайской традиции эпоха Подобного Закона приходится на период распространения буддизма в Китае.
21. «*Сутра высокопочтимого правителя Гуаньшиина*» — одна из версий «Авалокитешвара-сутры» (см.: с. 333, примеч. 25).

ЗАТРОБНОЕ ВОЗДАНИЕ

ЦЗЮАНЬ I

1. *Шестьдесят два ложных воззрения* 六十而見 — совокупность небуддийских неистинных учений или доктрин в буддийской классификации, обычно опирающейся на теорию исходных психофизических элементов-дхарм, образующих группы, т. е. скандхи; существенно различаются в ряде буддийских источников и философских школах, но в общем случае подразделяются на два основных периода: прошлые заблуждения начала кальпы и будущие — ее конца.
2. *Причина и следствие* 因果 — один из ключевых буддийских постулатов, утверждающий всеобщую обусловленность: всякое следствие порождено причиной и служит причиной другого следствия.
3. *Чуский ван проглотил пивку — и его застарелые недуги прошли.* — Сюжет, приведенный в «Синь шу» Цзя И (200—168 гг. до н. э.), в кратком изложении сводится к следующему. Чуский ван обнаружил пивку в поданной ему пище. Поставленный перед необходимостью казнить повара, гуманный и мудрый правитель предпочел съесть пивку, устра-

- нить вещественное доказательство. Той же ночью он освободился от пивяки и разом от всех мучивших его прежде болезней.
4. *Сунский гун не вознес молитву — и упали зловещие звезды* (кометы). — Эпизод, датируемый 644 г. до н. э., приведен в «Чунь цю» и истолкован в «Цзо чжуань».
  5. *Нао Чи совершил злостное предательство — и незамедлительно подвергся казни.* — Событие эпохи Борющихся царств (403—221 гг. до н. э.) подробно изложено в классическом произведении «Чжань го цзэ» («Планы борющихся царств»).
  6. *Чжао Гао посеял смуту — и вскоре весь его род был уничтожен.* — Имеется в виду исторический эпизод периода правления династии Цзинь (221—207 гг. до н. э.): придворный евнух Чжао Гао принудил Второго августейшего императора — Эр-ши-хуан-ди (209—207 гг. до н. э.) к самоубийству, но вскоре был казнен вместе со всем его родом.
  7. *Вэй Кэ выдал замуж наложницу — и в конце концов спас армию.* — Имеется в виду исторический эпизод начала IV в. до н. э., который в кратком изложении сводится к следующему. Отец Вэй Кэ тяжело заболел и завещал сыну выдать замуж свою любимую, но бездетную наложницу. Перед самой смертью отец изменил свое решение, повелев захоронить ее живой вместе с собой. Вэй Кэ выдал наложницу замуж, оправдываясь тем, что следует повелению, данному в более здравом рассудке. Впоследствии Вэй Кэ предводительствовал войском, одержавшим решительную победу: некий старец чудесным образом содействовал пленению наиболее опасного противника. Затем этот старец явился Вэй Кэ во сне, говоря, что он отец той наложницы, которая была выдана замуж («Цзо чжуань», гл. 5).
  8. *Суньшу Ао закопал змею — и в итоге жил счастливо.* — Имеется в виду исторический сюжет, приведенный в «Синь шу», гл. 6: еще в детском возрасте Суньшу Ао увидел двуглавую змею, которая предвещает близкую смерть. Ребенок опечалился, но при этом не преминул закопать змею, дабы спасти других несчастных, которые могли бы ее увидеть. Мать утешила сына, сказав, что Небо воздаст ему за добрые деяния. Суньшу Ао жил долго и достиг высокого положения и авторитета.
  9. *Императрица Люй династии Хань тайно отравила вином Жу-и — и встретила беду в образе седого пса* — события периода борьбы за престол после смерти основателя династии Хань (206 г. до н. э.—220 г. н. э.) Гао-цзу (206—195 гг. до н. э.). Вдовствующая императрица Люй устранила соперников, возведя на престол сына (император Хуэй-ди; годы правления: 194—188). По прошествии многих лет вдовствующую императрицу укусила пс, и укус оказался смертельным. Предполагается, что пс был злым духом-гуй отравленного Жу-и («Ши цзи», гл. 9).
  10. *Циский гун убил Пэн-шэна, но тот явился кабаном, усугубив его вину.* — Имеются в виду события эпохи Борющихся царств, приведенные в «Цзо чжуань». Супруга Луского гуна вступила в кровосмесительные сношения со своим старшим братом Циским гуном. Муж сделал ей выговор, но она сообщила об этом брату-любовнику, который пришел в ярость. По его приказу силач Пэн-шэн убил Луского гуна, после чего луские жители потребовали покарать Пэн-шэна, что и было исполнено. Вскоре Циский гун увидел на охоте большого кабана, в котором свита

- признала Пэн-шэна. Тем не менее Цзиский гун убил кабана, который перед смертью встал, как человек, и кричал во весь голос. Кровожадный гун ретировался, но вскоре был убит собственными министрами, учинившими заговор.
11. Фуфу Хэ (и его сын) трижды благоговейно следовали приказу — и путь Конфуция широко распространился. — Предполагаемые далекие предки Кун-цзи отказались от престола и преданно служили на трех должностях ради общественной пользы и во благо своему великому потомку.
  12. Дэн Сюнь в один год сберег тысячу человек — и императрица Хэ-си была благодетельствована. — Речь идет о возвышении августейшей супруги ханьского императора Хэ-ди (86—105), последовавшем вскоре за тем, как ее отец, служивший наместником, спас тысячу человек, за что и была благодетельствована его семья («Хоу Хань шу», гл. 10).
  13. Чэнь Пин участвовал в тайном заговоре — и сам знал, что у него не будет потомков. — Речь идет о министре основателя ханьской династии Гао-цзу (206—195 гг. до н. э.), который из высших интересов участвовал в придворных интригах и сокрушался (как выяснится, с полным основанием) о том, что не смогут возвыситься его потомки, унаследовавшие государственные секреты («Ши цзи», гл. 56).
  14. Луань Янь был неводержан — и его сын Ин ощутил пагубные последствия. — Исторический персонаж «Цзю чжуань», отличающийся надменным и буйным нравом; согласно предсказанию, его сын и весь остальной род были казнены.
  15. Юй Шунь наследовал трон благодаря истинной сыновней почтительности. — Легендарный император третьего тысячелетия до нашей эры Шунь был дальним и всеми забытым сородичем своего предшественника императора Яо. При наличии прямых наследников император Яо завещал трон Шуню, обладавшему высокими нравственными качествами («Ши цзи», гл. 1). Юй — «ведающий угождениями» или «ведающий горами и болотами» — эпитет, фиксирующий, вероятно, наиболее древние представления о Шуне как охотнике.
  16. Вэнь-ван династии Чжоу получил мандат благодаря человеколюбию и мудрости. — Правитель Вэнь-ван, в основном завершивший устройство династии Западная Чжоу (XI в.—771 г. до н. э.), передал бразды правления сыну У-вану (1027—1025).
  17. Цзе и Чжоу из-за жестокости потеряли свои царства. — Имеются в виду последние правители династий Ся (традиционная хронология: XXI—XVI вв. до н. э.) и Шан (традиционная хронология: XVI—XI вв. до н. э.), ставшие в китайской традиции олицетворением жестокости и тирании.
  18. Ю и Ли из-за своего распутства закончили худо. — Правители династии Западная Чжоу (XI в.—771 г. до н. э.) порицались в исторической традиции за распутное поведение; первый был убит, а второй свергнут с престола («Ши цзи», гл. 4).
  19. Три эпохи 三代. — Имеются в виду династии Ся (XXI—XVI вв. до н. э.), Шан (XVI—XI вв. до н. э.) и Чжоу (XI в.—256 г. до н. э.).
  20. Поступки-карма — см.: с. 330, примеч. 2.
  21. Стезя-гати — см.: с. 339, примеч. 21.
  22. «Записи свидетельств о Гуаньшине-Авалокитешваре» 觀世音應驗記 — о серии об Авалокитешваре и ее авторах см.: с. 335, примеч. 51.

23. Цзинлинский ван Сяо Цзы-лян династии Ци написал «Подлинные события» 齊竟陵王蕭子良作宣驗記. — Другие китайские источники сходятся в том, что автором «Подлинных событий» («Сюань янь цзи») был Лю И-цин (403—444); о Цзинлинском вane (он же Цзяньаньский ван) Сяо Цзы-ляне см.: с. 329, примеч. 1.
24. Ши Синь-син 釋信行 (540—594) — исторический основатель школы Трех стадий (Сань цзе цзяо), весьма влиятельной при династиях Суй (581—618) и в первой половине династии Тан (618—907), но затем подвергшейся гонениям и утратившей свое влияние. В основе созданной им школы лежат своего рода эсхатологические представления о пришествии периода, или стадии, конца Учения, завещанного Буддой; см.: с. 332, примеч. 5.
25. Династия Суй 隋朝 (581—618) — китайская династия со столицами вначале Чаньань, а с 605 г. — Дунду (прежний Лоян), объединившая Китай после длительного периода противостояния Южных и Северных династий.
26. «Собранные для людей записи». 人集記 — Свод, запрещенный императорским указом в 600 г., ныне сохранился лишь в кратких фрагментах; по-видимому, представлял собой подборку из различных канонических сочинений — сутр, адаптированную для буддистов-мирян и переработанную в духе идей школы Трех стадий (см.: с. 347, примеч. 24).
27. Циский гун 齊公 — титул Гао Цзюна, деда по материнской линии автора «Загробного воздаяния».
28. «Закон-Дхарма трех стадий» 三階法 — сочинение, сохранившееся в Японии в трех раздельных, однако полностью сочетающихся и дополняющих друг друга свитках; другие фрагменты обнаружены в библиотеке Дуньхуана экспедициями А. Стейна и П. Пельо в начале XX в.
29. Единая колесница-Экаяна — 乘 — учение, провозглашенное в «Лотосовой сутре»; с позиции Махаяны утверждает единство и тождество Трех колесниц (шраваков, пратьекабудд и бодхисаттв), всегда и обязательно восходящих к изначальному учению Будды. По созвучию и типологическому сходству может быть уподоблена экуменическому движению в современном христианстве.
30. Обретение-вьякарана буддства 授記. — Из того, что предсказание об обретении-вьякарана исходит от Будды, следует, что мера этого обретения не ниже, чем состояние будды.
31. ...подошли к реке Вэй и услышали звуки барабана. — Столица Чаньань находилась на реке Вэй; звуки барабана возвещали закрытие на ночь городских ворот.
32. «Сутра причинной связи передачи Хранилища Закона-Дхарма». 付法藏經 — Считается, что сутра была переведена на китайский язык во второй половине V в.; однако существует иная точка зрения, согласно которой сутра является апокрифической, т. е. имитирует форму индубуддийских сутр, но написана в Китае (т. е. не является переводом).
33. Владыка Ямараджа-Яньлован — см.: с. 331, примеч. 17.
34. Ритуальное хождение — см.: с. 331, примеч. 15.
35. Дядя по материнской линии — родственник Тан Линя, со слов которого были записаны также два других рассказа сборника; см.: с. 231—233, с. 289—291.

36. Каломель 輕粉 — белый порошок хлористой ртути, обычно используемый в косметических и медицинских целях в качестве добавок к красителям, а также в пиротехнике.
37. Заметим, что хронология полностью соблюдена, поскольку сборник Тан Линя датируется между 653 и 655 гг.
38. Глава «Лев» 師子 — полное название этого раздела «Нирвана-сутры» — «Бодхисаттва Львиного рыка» (санскр. «Бодхисаттва Симха-нада»). «Нирвана-сутра» — полное название: «Махапаринирвана-сутра» — одна из наиболее почитаемых в буддийской традиции сутр, зачитанная Буддой Гаутамой перед вступлением в нирвану.
39. Дао-сунь 道孫 — о нем см. предшествующий рассказ сборника (с. 237—238).
40. ...просил пищу каждое утро и вечер. — Обычно монахи следовали предписанию употреблять пищу до полудня, воздерживаясь затем до следующего утра.
41. Фа-дуань 法端 — персонаж приведенного ранее рассказа о бхикшуню из Хэдуна (с. 236—237).
42. ...воспрепятствовать уничтожению Закона. — Практика изготовления «каменных сутр», довольно распространенная в этот период, напрямую связана с предполагаемым наступлением конца Закона (см.: с. 332, примеч. 5).
43. Сяо Юй 蕭禹 (576—648) — высокопоставленный чиновник при династиях Суй и Тан; прямой потомок правящего рода династии Лян (502—557); автор-составитель сборника «Записи чудес сутры Алмазной мудрости» («Цзиньган божо цзин линьянь цзи»), сохранившегося в отрывках.
44. Династия Северная Ци 北齊 (550—577) — династия, основанная ассимилированным сяньбийским родом Гао, свергшим династию Восточная Вэй (534—549); столица обеих династий — град Е (на территории совр. пров. Хэбэй).
45. Династия Лян (502—557) император У-ди 梁武帝 (502—549) — см.: с. 343, примеч. 12.
46. Бао-чжи (ок. 440—515) — см.: с. 343, примеч. 11.
47. Династия Чэнь 陳朝 (557—589) — последняя из южных китайских династий периода противостояния Юга и Севера; свергнута династией Суй, объединившей Китай.
48. Цзянду 江都. — Наряду с главной столицей Чаньань, а с 605 г. Дунду (Лоян) этот город обладал статусом второстепенной южной столицы; город с тем же названием в совр. пров. Цзянсу.
49. Сяо Жуй 蕭銳 — сын Сяо Юя (см.: с. 348, примеч. 43); муж танской принцессы, дочери императора Тай-цзуна (627—649).

ЦЗЮАНЬ II

1. Династия Поздняя Лян 後梁 (555—587) — наследница династии Лян (502—557), потерявшая большую часть территории и политическое влияние своей предшественницы.
2. Прабхутаратна — см.: с. 331, примеч. 2.
3. Младший брат Юй — см.: с. 348, примеч. 43.
4. Бодхисаттва Самантабхадра-Всеблагой — другое имя Вишвабhadра; см.: с. 339, примеч. 12.

5. *Чжун-гуй* — т. е. Вэй Чжун-гуй 韋仲桂; о нем см. следующий рассказ сборника (с. 253—254).
6. *...истекли три года*. — Канон предписывает почтительному сыну в продолжение трехгодичного траура находиться близ могилы отца сто дней. Таким образом Чжун-гуй выказал особую сыновнюю почтительность.
7. *Пара карпов 雙鯉* — китайский благопожелательный символ по меньшей мере с тремя значениями: 1) универсальный благопожелательный символ с акцентом на приобретении мужского потомства и высокого положения; 2) буддийский символ; 3) в поэтической китайской традиции ассоциируется с дружеским посланием или просто письмом. В данном случае, предположительно, подразумевается первое значение.
8. *Линьху 臨湖* — клановое образование племен сюнну, существовавшее в реальном географическом пространстве еще в IV в. до н. э.
9. *Лоуфань 樓煩* — другой сюннуский клан, близкий линьху (см.: с. 349, примеч. 8); также название, отраженное в реальном географическом пространстве Китая при династии Суй (581—616), — уезд на территории совр. пров. Шаньси.
10. *Улинский ван династии Чжао 趙武靈王* — правитель одного из государственных образований эпохи Борющихся царств (475—221 гг. до н. э.) на территории совр. пров. Шаньси и Хэбэй; покорил оба сюннуских клана — линьху и лоуфань (см.: с. 349, примеч. 8, 9); годы правления: 325—299 до н. э.; отрекся от престола в пользу сына, но тот умерил его голодом («Ши цзи», гл. 43).
11. *Шесть стезей-гати 六道* — шестисложный вариант ступеней всего сущего, подтвержденного рождением; к пятисложному варианту (см.: с. 339, примеч. 21) добавляется ступень или стезя демонов-асура. Последующий диалог подтверждает, что исконная китайская мифологема дух-гуй в простонародном китайском буддизме определенно сближается либо отождествляется с индийским голодным духом-пре́та. Этот синкретический тип мифологических существ и поставляет кадры для гипертрофированного бюрократического аппарата потустороннего мира, в особенности в его средних и низших звеньях.
12. *Скверные стези 惡道* — три неблагоприятные из шести (пяти) стезей в череде рождения всего сущего (см.: с. 349, примеч. 11): обитатели ада, голодные духи-пре́та и животные.
13. *Девятый день девятого месяца 九月九日* — праздник т. н. Двух девяток, обрядность которого сложилась в основном в период Шести династий (229—589): люди поднимались на возвышенные места, горы или башни, дабы избежать пагубных влияний; ели кизил и пили хризантемовое вино, принесенные с собой.
14. *Девятирусный дворец 九城宮* — летняя резиденция танских императоров к северу от Чаньани в горах Тяньтай на территории совр. пров. Шэнси; получил название от горы с девятью уступами, на которой был возведен.
15. *Великий наставник Вэй 魏大師* — титул наставника главного наследника престола, посмертно присвоенный Вэй Чжэну (580—643), главному министру первых десятилетий династий Тан, который был известен также как один из создателей династийной истории «Суй шу».
16. *...не следует ни в коем случае есть чеснок*. — Либо запах чеснока вызывает аллергию у духа-посланника и других обитателей иного мира, либо дух-посланник напоминает врачевателю о буддийских запретах.

17. *Пятый ранг* 五品 — достижение этого ранга означало для чиновника приобретение статуса дафу-сановника и высокое положение в бюрократической иерархии.
18. *Цзэнь Цэнь* — Имеется в виду Цзэнь Вэнь-бэнь (595—645), в последние годы жизни занимавший пост первого министра при династии Тан; один из активных персонажей настоящего сборника (см.: с. 258—265, 305).
19. Глава «Всеобщие врата» «Лотосовой сутры» 法華經普門品. — Полное название главы — «Всеобщие врата бодхисаттвы Внемлющего зовом мира». Глава выделена в отдельную сутру «Гуаньшиинь цзин» (см.: с. 333, примеч. 25).
20. *Восемь бодхисаттв* 八菩薩 — либо: Восемь великих бодхисаттв; наиболее почитаемые бодхисаттвы Махаяны; в различных традициях в разной последовательности чаще других упоминаются в этом ряду бодхисаттвы Авалокитешвара, Махасатхана, Манчжушри, Вишвабhadра, Майтрея, Бхайшаджьяраджа, Акашагарбха, Кшитагарбха, Ваджрапани и др.
21. *...займете должность, приносящую богатство и славу* — т. е. пост первого министра; о Цзэнь Вэнь-бэне см.: с. 347, примеч. 18.
22. *Бутыль* 瓶 — наряду с патрой входит в набор посуды для монаха.
23. *Намо Будда* 南無佛 — букв.: «Вручаю себя Будде»; краткая и наиболее употребительная (часто в форме восклицания) формула буддийской конфессиональной принадлежности, наделяемая магическими свойствами.
24. *Обитель дхарани* 總持寺 — монастырь на южной окраине Чанъани; в этом значении термин «дхарани» означает абсолютный контроль над страстями и влияниями.
25. *Так Пришедший Золотое Зерно* 金粟世界. — Согласно «Вималакиртинирдеша-сутре», это имя в предшествующем рождении носил Вималакирти, воплощающий идеал благочестивого мирянина в буддизме Махаяны.
26. *Благой человек* 淨人 — см.: с. 334, примеч. 36.
27. *Лунсийский ван Бо-ча* 隴西王搏叉 (ум. ок. 660) — племянник основателя династии Тан императора Гао-цзу (618—627); с его слов был записан еще один рассказ сборника (см. с. 318).

ЦЗЮАНЬ III

1. *Цай Сюань-мин* 蔡宣明 — с его слов был записан еще один рассказ сборника (см. с. 241).
2. *Династия Поздняя Вэй* — другое название — Северная Вэй; см. с. 341, примеч. 42.
3. *Цуй Хао* 崔浩 (381—450) — китайский сановник, в продолжение тридцати лет пользовавшийся наибольшим влиянием при правителях «варварской» династии Тоба-Вэй.
4. *Коу Цянь-чжи* 寇謙之 (ум. 448) — даосский наставник, способствовавший провозглашению даосизма государственной религией Тоба-Вэй; идейный вдохновитель гонений на буддизм в 446 г.
5. *...императорский указ, предписывающий осуществить повсюду то, что было совершено в Чанъани.* — Автор сборника в точности передает сведения далее указанных китайских источников: в 446 г. император, возглавлявший войска, подавлявшие мятеж, обнаружил в буддийском монастыре близ Чанъани запасы оружия, что и послужило убедитель-

- ным поводом для последующих гонений на буддизм, ставших одними из наиболее масштабных в китайской истории по количеству жертв и разрушений.
6. *Цзун Ай* 宗愛 — влиятельный придворный евнух, которому ставится в вину смерть императора Тай-у-ди в 452 г.; казнен в том же году при вступлении на трон императора Вэнь-чэн-ди (452—466).
  7. «История династии Поздняя Вэй» 後魏書 — краткое название: «История династии Вэй»; династийная история, составленная Вэй Шоу (502—572).
  8. «Весны и осени Шестнадцати государств» 十六國春秋 — историческое сочинение, составленное в начале VI в.; не сохранилось, но послужило основным источником для «Истории династии Вэй»; см.: с. 351, примеч. 7.
  9. *Династии Лян император Юань-ди* 梁元帝 — годы правления: 552—555.
  10. «Краткие выписки из анналов династии Лян» 梁後略 — ныне утерянное историческое сочинение.
  11. *Император У-ди династии Чжоу* 周武帝 — сяньбийская династия, обычно именуемая Северной Чжоу (557—581) со столицей Чаньань; прямая предшественница империи Суй (581—618). Основатель империи Ян Цзянь (будущий император Вэнь-ди; годы правления: 581—604) был влиятельным сановником при сяньбийских правителях, а в 581 г. захватил власть; при императоре У-ди (560—578) служил на военных и гражданских должностях.
  12. *Равный по ритуалу* — т. е. равный по оказанию почестей; почетный титул; полное название: Равный по ритуалу трем гунам, т. е. высшим сановникам государства, включая глав ведомств военного, общественных работ, по делам культов и просвещения.
  13. *Лу Вэнь-ли* 盧文勵 — с его слов записаны также три других рассказа (с. 249, 258, 296).
  14. *День холодной пищи* 寒食日 — приходится на сто пятый—сто седьмой день после зимнего солнцестояния — как раз перед «точкой пересечения орбит» в солнечном календаре, т. е. перед днями весенних поминок.
  15. *Ян Сюань-гань* 陽玄感 — один из трех высших сановников империи, глава ведомства ритуалов; в 613 г. поднял восстание, подавленное через несколько месяцев; он и его сторонники были казнены.
  16. *Император Ян-ди* 煬帝 (605—617) — второй и предпоследний император династии Суй (581—618).
  17. *Дунхайский гун* 東海公 — он же Батюшка-правитель Востока, Владетельный князь Востока; муж Матушки-правительницы Запада — Сиванму. Одно из популярных божеств китайской мифологии. По преданию, обитает во дворце на восточной скале восточного моря, руководит бессмертными и ведает их именованным реестром. У него рост в один чжан, человеческое тело, птичья голова с седыми волосами, хвост тигра. Судя по последующему описанию в тексте рассказа (небольшой рост, толст, черен лицом), а также по исполняемым им функциям (правитель мертвого царства, глава загробного суда), Дунхайский гун отождествляется с индийским Владыкой царства мертвых Ямараджей.
  18. *Чэнь Цзы-лян* 陳子良 (ум. в 632) — известный ученый и литератор; некоторое время сослуживец автора «Загробного воздаяния»; автор ныне утерянных сочинений. Два кратких фрагмента из сборника Ван Янь-сю

- «Предания об услышанных мольбах» приведены Чэнь Цзы-ляном в приложении к собранию «Рассуждения в споре об истинном»; перевод см.: с. 42.
19. *Злодеи-лао* 獠 — бранное название исконных племен, населявших территорию совр. пров. Юньнань и Гуйчжоу; занимались охотой и, по китайским представлениям, обладали свирепым нравом.
20. *...сварить и съесть*. — Следует заметить, что, помимо инкриминируемого ему преступления — «убиение яиш», неразумный Кэ по ходу дела нарушил также запрет на приготовление пищи, действующий как раз в День холодной пищи; см.: с. 351, примеч. 14.
21. *Вэйский ван* 魏王 — наследник престола Ли Тай; один из любимых сыновей императора Тай-цзуна (627—650); титулован в 636 г.; попал в опалу в 643 г. за участие в заговоре.
22. *Судья-регистратор-паньгуань* 判官 — один из персонажей в системе традиционных китайских представлений о загробном мире; чиновник при Владыке подземного царства, ведущий учет добрых и дурных деяний.

Европейские эквиваленты китайских традиционных мер длины, площади, объема и веса

МЕРЫ ДЛИНЫ

ли — 576 м
чжан — 3,3 м
жэнь — ок. 2,5 м
чи — 33 см
цунь — 3,3 см

МЕРЫ ПЛОЩАДИ

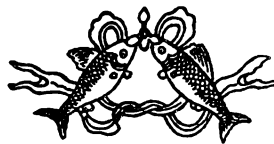
му — 0,061 га

МЕРЫ ОБЪЕМА

ху — 50 л
доу — 10 л
шэн — 1 л

МЕРЫ ВЕСА

цзюнь — ок. 18 кг

СОДЕРЖАНИЕ

М. Е. Ермаков. Живая старина китайского буддизма	5
Ван Янь-сю. Предания об услышанных мольбах	41
Воздаяние за поклонение статуе	42
Исцеляющий сон Цзяньваньского вана	42
Лю И-цин. Подлинные события	43
Ракшас в обличии внука	44
Монах, убивавший вшей	44
Счастливое избавление	45
Пчелы-хранительницы монастыря	46
Чудо в Усине	46
Милосердие Будды	46
Три рубца на шее статуи	47
Избавление от казни	47
Будда вразумляет ученого мужа	48
Смертоносная стрела	48
Предсказание птенца	49
Немые заговорили	49
Жестокосердные утратили дар речи	50
Корова, которая была рабом	50
Попугай, погасивший пожар	51
Милосердие фазана	51
Памятное событие	51
Его Величество глумится над статуей Высокочтимого	51
Правитель смиряется пред мощами-шарира	52
Возвращение сына	54
Гуаньшинь спасает от погони	55
Гуаньшинь приходит на зов беглеца	55
Нарушенная клятва	56
Петух со свитком в клюве	56
Умерший вызывает к живым	57
Гуаньшинь смиряет бурю	57
Встреча с Ямараджей	57
Чудо в Пубани	58
Лучезарная статуя	58
Дарование мощей-шарира	58
Сновидение физиогномиста	58
Возвращение статуи	59
Видения И-мина	59

Кара настигает святотатца	59
Статуя карает разбойников-динлинов	60
Ван Янь. Вести из потустороннего мира	61
Предисловие	62
ДИНАСТИЯ ВОСТОЧНАЯ ХАНЬ (25—220)	64
Сон императора Мин-ди	64
ДИНАСТИЯ ЦЗИНЬ (265—420)	65
Потерянное колечко	65
Шрамана Чжу Ши-син	66
О том, как Чжао Тай побывал в загробном мире	68
Загробные скитания монаха Фа-хэна	73
Утка со сломанным крылом	75
Шрамана-индус Ци-юй	76
Чужеземец Чжу Фо-дяо	79
Чудотворец Цзяньтоля	80
Визит убогого монаха	81
Муж, владеющий Учением, испытывает странников	82
Чудодейственный дар Чжу Чан-шу	83
Драконовый источник	84
Праведники Юй Фа-лань и Дхармаракша	85
Божество в грязном рублище	86
Монахиня обращает императора в истинную веру	87
Патра, упавшая с неба	88
Патра нищего странника	89
Божественный знак	90
Чудотворная сутра	90
Пришествие Ши Гуана, покинувшего сей мир	92
Об обращении Чжан Ина в истинную веру	94
Добродетельный Дун Цзи	96
Божественный посланник	98
Сунь Чжи является с того света порадеть о близких	99
Тщеславие и благочестие	101
Гуаньшинь спасает от плена	102
Целомудрие бхикшуни	103
Хождение Ли Цина в загробный мир	103
Спасительный огонь	106
Божественный свет Гуаньшиня	106
Чудесное исцеление шрамана Чжу Фа-и	107
Новое рождение любимого сына	108
Тан Цзунь возвращается с того света	108
Сутры и статуи являют миру чудо	110
Листы с чужеземными письменами	111
Скорьбь госпожи Се	112

Наставник вразумляет Чжи Дуня.....	113
Летающий шрамана.....	113
Шрамана Сэн-лан.....	114
Шрамана Ши Фа-сян.....	114
Гуаньшиинь спасает от неминуемой гибели.....	115
Упование на Три драгоценности.....	116
Загробные скитания Вэнь-хэ.....	117
Са-хэ возвращается в сей мир.....	120
Гуаньшиинь приходит на зов.....	125
Тигр, явивший божественную силу Гуаньшииня.....	126
Упование на Гуаньшииня.....	126
Гуаньшиинь спасает от огня и воды.....	127
Милосердие Гуаньшииня.....	127
Гуаньшиинь спасает обреченного.....	128
Народ вверяет себя Гуаньшииню.....	128
Мольбы, услышанные бодхисаттвой.....	129
Пришелец с того света.....	129
Шрамана Фа-ань, усмиривший тигров-людоедов.....	130
Шрамана Чжу Тань-гай спасает народ от засухи.....	131
Происшествие в семье Фэн-жэня.....	132
ДИНАСТИЯ ПОЗДНЯЯ ЧЖАО (319—350)	133
Хождение Ши Чжан-хэ в потусторонний мир.....	133
Отшельник Шань Дао-кай.....	135
ДИНАСТИЯ РАННЯЯ ЦИНЬ (351—394)	137
Гуаньшиинь спасает от казни.....	137
Гуаньшиинь вызволяет из беды.....	137
ДИНАСТИЯ РАННЯЯ СУН (420—479)	138
Предсказание шрамана.....	138
Индус Гунаварман.....	138
Загробная история Чэнь Ань-цзюня.....	139
Шрамана Сэн-гуй на загробном суде.....	144
Бычьеголовый эпан забирает нечестивого в ад.....	147
Призрак шрамана, любившего поесть мяса.....	147
Мальчик по имени Аранья.....	148
Гуаньшиинь дарует сына.....	149
Вера и благочестие продлевают жизнь.....	149
Лotosовый пруд в Стране Амитабхи.....	150
Гуаньшиинь приходит на зов пленницы.....	151
Гуаньшиинь спасает путников от напасти.....	152
Будда карает святотатца.....	152
Видения шрамана Дао-цзюня.....	153
Даос Ли Дань, повидавший ады.....	154
Предсмертное слово Чжан Сянь-чжи.....	156

Возмездие настигает святотатцев.....	156
Умерший отец приходит за помощью.....	157
Голодный дух в доме Сыма.....	158
Упования на Чистую землю.....	160
Тяжкое возмездие.....	162
Сестры из рода Мин уходят в монахини.....	162
Вещий сон узника.....	163
Нечестивый даос и его сообщники получают по заслугам.....	164
Видения праведного Ма Цянь-бо.....	165
Гуаньшинь спасает от бури.....	167
Ткачиха и будда Амитабха на Млечном Пути.....	167
Бхикшуни Хуэй-му.....	168
Подвиг монаха Ши Сэн-юя.....	170
Как Жуань Чжи-цзуну отучили от рыбной ловли.....	172
О злоключениях мирянина Син Хуай-мина.....	173
Младенец из ласточкина гнезда.....	174
Наказ Пиндолы.....	174
Огонь на берегу.....	175
Гуаньшинь умирляет бурю.....	176
Гуаньшинь покровительствует шрамана Дао-цзюну.....	177
Бай-юй уходит в монахини.....	178
Исцеляющая вера.....	179
Наставник Ши Хуэй-цзоань и его ученик.....	180
Прогулка в горы Суншань.....	181
Гуаньшинь дарует мужское потомство.....	183
Как Ши Тань-дянь побывал в загробном мире.....	183
Запоздалое прозрение.....	184
Гуаньшинь спасает обреченного на гибель.....	185
Свидание на небесах.....	185
Чудо, явленное в монастыре Средоточие радости.....	187
Знамение, явленное в императорском дворце.....	188
Указ Небесного Императора.....	189
Казнь святотатцев.....	191
Бхикшуни Ши Хуэй-юй.....	191
Божественная монахиня.....	192
Тунговый щит.....	193
Встреча старых друзей.....	193
История падшего монаха.....	195
Ночное видение Чэнь Вэй-юаня.....	196
О том, как нерадивый монах побывал в аду.....	197
Похождения Сы-ду на том свете.....	199
Гуаньшинь освобождает от оков.....	202
О том, как монах исправлял «Нирвана-сутру».....	202
Награда за благочестие.....	203
Гуаньшинь внемлет мольбам узника.....	204

Последнее рождение мальчика с родимым пятном.....	205
ДИНАСТИЯ ЦИ (479—502)	209
Барышня Сы-нян встречается с тетушкой на том свете.....	209
Монах Ши Хуэй-цзин	210
ИСТОРИИ РАЗНЫХ ЭПОХ	211
Неведомое существо	211
Происшествие в Пубани.....	211
О юнцах, испытавших грозную силу Гуаньшииня	211
Чудотворная статуя.....	212
Высокоученый Ши Се склоняется перед Гуаньшиинем	213
Исполнение желания.....	213
Хоу Бо. Достопамятные происшествия	214
Опухоль в срамном месте Его Величества	215
Дарование статуй	216
Божество озера с беседкой.....	217
Отшельник с горы Человеческая Голова.....	218
Оскопленный вновь обретает мужское достоинство	219
Таинственная обитель	220
Останки отшельника, читавшего «Лotosовую сутру».....	222
Сутра и статуя спасителя всех существ	223
Безымянный монах.....	224
Наставник в обличии сына	224
Тан Линь. Загробное воздаяние	226
ЦЗЮАНЬ I	227
Предисловие.....	227
Шрамана Ши Синь-син.....	231
Шрамана Ши Хуэй-жу.....	233
Монах Ши Сэн-чэ	235
Бхикшуни из Хэдуна.....	236
Проповедник Ши Дао-сунь.....	237
Странный монах Ши Дао-ин.....	238
Подвиг шрамана Ши Чжи-ваня.....	240
Заживо похороненный	241
Просяная каша.....	242
Бедный ученый муж	244
Лotosовый Янь	245
ЦЗЮАНЬ II	248
Цуй Янь-у вернулся к мужу.....	248
Монах-странник	249
Чудеса в благородном семействе Сяо.....	251
Сыновняя почтительность мирянина Чжун-гуя.....	253

Сунь Бао, побывавший в раю.....	254
Две отметины.....	256
Авалокитешвара в облике шрамана.....	257
Высокий покровитель Суй Жэнь-цяня.....	258
Придворный врачеватель Сунь Хуэй-пу.....	265
Должность пятого ранга.....	268
Удар кинжалом.....	269
Служанка, читавшая «Лотосовую сутру».....	271
Узники под охраной Авалокитешвары.....	271
Высокий покровитель мирянина Цэнь Вэнь-бэня.....	273
Дружеский наказ.....	274
Встреча с монахом на том свете.....	274
«Алмазная сутра» госпожи Доу-лу.....	277
Подвиги мирянина Ли Шань-луна в загробном мире.....	278
Загробное хождение Ли Сы-и.....	281
Воздаяние за алчность.....	284
ЦЗЮАНЬ III.....	285
Военачальник Ван, любивший поохотиться.....	285
Отпущение гонителям веры.....	286
Семейная хроника императора Юань-ди.....	287
Покойный император взывает к Сыну Неба.....	287
Раб, порадевший о своем хозяине.....	289
Младенец с соколиным клювом.....	291
Мастер соколиной охоты Цзян Люэ.....	291
Отрок с обгоревшими ногами.....	291
Жестокий тюремщик.....	293
Жена, упавшая с неба.....	293
Расплата за скаредность.....	294
Ослиная шкура ценою в жизнь.....	295
Овца с белой головой.....	296
Язык за язык.....	296
Матушка в обличи осла.....	297
Лицо на спине.....	299
Смерть супругов Вэй.....	301
Визит к Дунхайскому гуно.....	301
Приговор загробного суда по делу Кун Кэ.....	305
Дыни на блюде.....	308
Слушание по делу Ван Шоу в загробном суде.....	308
Плата ценою в жизнь.....	314
Метка на ладони.....	315
Лю Чжи-гань, ходивший на службу в загробный суд.....	318
Ли Шоу, радеющий за собак.....	322
Главный астролог, не веровавший в Будду.....	323

ПРИМЕЧАНИЯ	327
Предания об услышанных мольбах.....	329
Подлинные события.....	330
Достопамятные происшествия	342
Вести из потустороннего мира	331
Загробное воздаяние.....	344
Европейские эквиваленты китайских традиционных мер длины, площади, объема и веса	352

серия
«Памятники культуры Востока»
Выпуск IX

Ван Янь-сю. Предания об услышанных мольбах (Гань инь чжуань), а также:
Лю И-цин. Подлинные события (Сюань янь цзи);
Ван Янь. Вести из потустороннего мира (Мин сян цзи);
Хоу Бо. Достопамятные происшествия (Цзин и цзи);
Тан Линь. Загробное воздаяние (Мин бао цзи).

Перевод с китайского, вступительная статья и примечания
М. Е. Ермакова

Литературно-художественное издание

ISBN 5-85803-072-6

Набор — *Г. А. Кочугурова*
Корректоры — *Т. Г. Бугакова, Н. В. Пивоваренок*
Технические редакторы — *Л. Гохман, Г. В. Тихомирова*
Выпускающий — *Д. А. Ильин*

Макет подготовлен
в издательстве «Петербургское Востоковедение»

ЛР № 065555 от 05.12.1997
Издательство
«Петербургское Востоковедение»

191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18
✉ *Для корреспонденции:*
198152, Санкт-Петербург, а/я 111

Подписано в печать 22.06.98. Формат 60x88 1/16.
Гарнитура основного текста «Академическая».
Печать офсетная. Бумага офсетная. Объем 23 п. л.
Заказ № 3728

Санкт-Петербургская типография «Наука» РАН
199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12.

Книжная серия

Серия «Памятники культуры Востока» отмечена дипломом Ассоциации книгоиздателей (АСКИ)

Серия «Памятники культуры Востока» образована в 1993 году и призвана представить российскому читателю произведения древней и средневековой словесности Востока — от древнего Китая до древней Индии — во всем их культурном своеобразии, для чего каждое издаваемое произведение сопровождается оригинальными графическими материалами (гравюрами, ксилографиями, прорисовками, факсимильным воспроизведением редчайших страниц древних манускриптов), а также оригинальными восточными шрифтами, будь то китайская иероглифика, японское слоговое письмо или арабская вязь. Мы надеемся, что эти элементы оформления книг не отпугивают неподготовленного читателя, но напротив — побуждают его к чтению, делают чужую культуру ближе и понятнее. Этой же цели способствуют предисловия и комментарии ведущих специалистов-востоковедов. К 1998 году в серии увидели свет первые девять томов.

Все книги выходят в серийном оформлении, в твердой обложке с тиснением золотой фольгой, с черно-белыми и цветными иллюстрациями.

I. Чжан Бо-дуань ГЛАВЫ О ПРОЗРЕНИИ ИСТИНЫ

(У чжэнь пянь) СПб., 1994. 346 с. ISBN 5-85803-010-6

«Главы о прозрении истины» представляют собой фундаментальный текст XI в., трактат в стихах, посвященный методологии, теории и практике даосской «внутренней алхимии» (*нэй дань*). Внутренняя алхимия, называемая часто также даосской йогой, представляет собой сложный комплекс психофизических упражнений, направленных на достижение конечной цели даосской религии — бессмертия, совершенства и единения со всем сущим. Настоящее издание включает в себя первый полный перевод на русский язык текста «Глав о прозрении истины», сопровождающийся подробным терминологическим и религиоведческим комментарием, а также исследование даосского учения о бессмертии и путях его достижения. Книга богато иллюстрирована гравюрами ксилографического издания «Дао цзана». Перевод, комментарии и исследование выполнены **Е. А. Торчиновым**.

В эпоху Хэйан (IX—XII вв.) лучшие произведения японской литературы были написаны женщинами. Они писали стихи, эссе, повести и даже романы. Отсюда, наверное, необыкновенный лирический характер японской средневековой прозы, особенно проявившийся в жанре, по традиции именуемом японцами дневниками (*никки*). Это — «заметки обо всем, что прошло перед глазами и взволновало сердце».

II. Митицуна-но хаха ДНЕВНИК ЭФЕМЕРНОЙ ЖИЗНИ (Катэро никки) СПб., 1994. 352 с.

ISBN 5-85803-031-9

Один из первых дневников такого рода был написан знатной японской дамой, известной под именем Дочь Томоясу, или же Мать Митицуна, по имени ее единственного сына, так любовно описанного в дневнике. Произведение Дочери Томоясу охватывает двадцать один год (954—974). Настоящее издание включает в себя первый полный перевод «Дневника эфемерной жизни», японского памятника X века. Предисловие, перевод и комментарий выполнены **В. Н. Гореглядом**.

III. Гань Бао ЗАПИСКИ О ПОИСКАХ ДУХОВ (Соу шэнь цзи) СПб., 1994. 576 с.

ISBN 5-85803-036-X

Книга Гань Бао (III—IV вв.) «Записки о поисках духов» — один из древнейших и известнейших памятников китайской словесности, повествующих о том, «о чем не говорил Конфуций» — то есть о разнообразнейшей нечисти: об удивительных существах, о животных и растениях-оборотнях, о зловредных бесах, о душах умерших, о чудесных предметах и находках, которые не всегда приносят счастье тем, кому выпадет встретиться с ними.

Обитатели потустороннего мира проникают в мир людей охотно; особенно часто — души умерших, обеспокоенные состоянием дел дома (или состоянием своего захоронения). Иных влечет в мир людей любовь, не осуществившаяся при жизни. Иных влекут таланты живых, иные появляются с грозным предупреждением, иные просто пугают.

Сам Гань Бао в предисловии к своему сочинению написал: «Буду счастлив, если грядущие добродетельные мужи, выписав отсюда самое существенное, найдут, чем развлечь ум и занять взор, и не отнесутся ко мне с презрением».

Настоящее издание включает в себя первый полный русский перевод сборника Гань Бао «Записки о поисках духов», предваряемый обстоятельной вступительной статьей и снабженный подробным комментарием и указателями, выполненными доктором филологических наук **Л. Н. Меньшиковым**.

**IV. Тамэнага Сюнсей
СЛИВОВЫЙ КАЛЕНДАРЬ ЛЮБВИ
(Сюнсёку умэгоёми)** СПб., 1994. 288 с.
ISBN 5-85803-038-6

Книга Тамэнага Сюнсей «Сливовый календарь любви» — один из лучших образцов в жанре *ниндзёбон* («повесть о чувствах») — была отпечатана в 1832 году и сразу завоевала признание японских читателей, особенно читательниц. А уже в 1842 году книги *ниндзёбон* были запрещены как безнравственные...

Действие книги разворачивается в Эдо, столице тогдашней Японии, — городе, знаменитом своими веселыми кварталами. Высокородные господа и простолюдины, гейши высшего ранга и обыкновенные женщины... — всех их объединяет любовь, пробуждающаяся с наступлением весны, начинающаяся с цветения сливы у окна. Повесть изобилует мастерски написанными жанровыми сценами из городской жизни старого Эдо.

Произведение жанра *ниндзёбон* публикуется на русском языке впервые. Вступительная статья, перевод, примечания и словарь-указатель выполнены **И. В. Мельниковой**.

Русскому читателю впервые предлагаются избранные переводы из наследия Мухйи ад-Дина Мухаммада Ибн ал-Араби (1165—1240), выдающегося мыслителя мусульманского средневековья. Представленные труды знакомят с учением «Величайшего Учителя» (аш-Шайх ал-Акбар) о Человеке, с метафизикой и мистическим (суфийским) мировосприятием, оказавшим огромное влияние на философов Востока и Запада.

**V. Ибн ал-Араби
МЕККАНСКИЕ ОТКРОВЕНИЯ
(ал-Футухат ал-маккийя)**
СПб., 1995. 288 с. ISBN 5-85803-040-8

Настоящее издание включает в себя переводы избранных трактатов Ибн ал-Араби (и в том числе одной главы из «Мекканских откровений» — важнейшего и итогового произведения Учителя), публикуемых на русском языке впервые. Переводы снабжены комментариями и предварены подробным введением, они позволяют русскому читателю составить цельное и глубокое представление о суфийской философской традиции вообще и о ярчайшем ее представителе Ибн ал-Араби.

Перевод с арабского, вступительная статья и комментарии **А. Д. Кныша**

**VI. ПРОСТОНАРОДНЫЕ РАССКАЗЫ,
ИЗДАННЫЕ В СТОЛИЦЕ
(Цзинбэнь тунсу сяошо)** СПб., 1995. 296 с.
ISBN 5-85803-042-4

Эпоха Сун в Китае (X—XIII вв.) была эпохой расцвета популярной народной литературы, в особенности — жанра городской повести *хуабэнь*. Предлагаемый вниманию читателя сборник, относящийся к концу сунского времени, включает в себя лучшие образцы этого жанра.

Семь *хуабэнь*, составивших сборник «Простонародные рассказы, изданные в столице», посвящены обыденной жизни горожан. Перед читателем проходят люди разных профессий и разного социального положения: вельможи и чиновники, военные и монахи, торговцы и ремесленники, жены богачей и бедняков, свахи, служанки, наложницы. Но рядом с миром людей, соприкасаясь с ним и проникая в него, существует мир потусторонний — мир духов, оборотней и душ умерших. Последние активно вмешиваются в дела живущих: прекрасные девы-покойницы возвращаются в мир людей, чтобы добиться счастья в любви или же отомстить за причиненные страдания. А каково жениться на красивейшей девушке и обнаружить потом, что и она, и ее родственники, и все ее окружение оборотни?..

Перевод с китайского **И. Т. Зограф**. Стихи в переводе **Л. Н. Меньшикова**

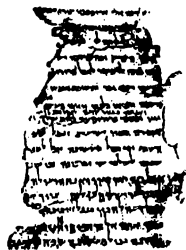
VII. ТЕКСТЫ КУМРАНА СПб., 1996. 440 с.
ISBN 5-85803-021-1

Книга переводов, вошедших в настоящий выпуск сборника «Тексты Кумрана», была подготовлена к изданию в 1967 году и отдана в Главную редакцию восточной литературы издательства «Наука». В настоящее время она вышла в издательстве Центр «Петербургское Востоковедение» в соответствии с последними авторскими пожеланиями.

Во второй выпуск переводов основных сочинений из пещер Хирбет-Кумрана вошли главным образом тексты документов, регулировавших жизнь общины; некоторые из них содержат проекты переустройства всего иудейского общества. По большей части публикуемые тексты больше по объему и лучше сохранились, чем толкования к книгам Библии, опубликованные И. Д. Амусиным в первом выпуске «Текстов Кумрана» (вышедшем в ГРВЛ более 30 лет назад), и сравнительно редко прерываются лакунами.

Тексту каждого сочинения предпослано объяснительное введение. После текста дается подробный комментарий, назначенный дать читателю детальное представление об особенностях памятника; в нем отмечаются неясные и испорченные места оригинала, а также сопоставление с текстом Библии и с текстом других кумранских источников.

Перевод с древнееврейского и арамейского, введение и комментарии **А. М. Газова-Гинзберга, М. М. Елизаровой и К. Б. Старковой**

Имя Калидасы — знаменитого драматурга и стихотворца Древней Индии — знаменует собой период высшего расцвета индийской классической культуры. Его поэзию и драматические сочинения переводят на европейские языки начиная с XVIII века, однако о личности создателя этих всемирно известных творений мы до сих пор фактически ничего не знаем: нам не известны ни год, ни место его рождения, ни его общественное положение, ни какие-либо другие конкретные факты его биографии. В настоящем издании русскому читателю предлагается обширный очерк жизни и творчества Калидасы, а также первый русский перевод его поэмы «Род Рагху». Она особенно ценится как непревзойденный образец жанра *махакавья* — большой эпической поэмы, воспевающей деяния богов или подвиги древних героев.

«Род Рагху» представляет собой легендарную хронику царей Солнечной династии, возводившей свое происхождение к Вивасвату, богу солнца; к этому мифическому роду принадлежал и знаменитый Рама. Поэма состоит из 19 песней и излагает ряд эпизодов, последовательно рисующих деяния виднейших представителей славного рода. Перевод, предисловие и примечания **В. Г Эрмана.**

**VIII. Калидаса
РОД РАГХУ
(Рагхуванша)**

СПб., 1996. 336.
ISBN 5-85803-018-1

**IX. ПРЕДАНИЯ ОБ УСЛЫШАННЫХ МОЛЬБАХ
(Гань ин чжуань)** СПб., 1998. 368 с.

ISBN 5-85803-072-6

В этом томе под одной обложкой объединены пять сборников старых китайских рассказов на буддийские темы — «Предания об услышанных мольбах» («Гань ин чжуань») Ван Янь-сю (V в.), «Подлинные события» («Сюань янь цзи») Лю И-цина (403—444), «Вести из потустороннего мира» («Мин сянь цзи») Ван Яня (ок. 450 — после 500), «Достопамятные происшествия» («Цзин и цзи») Хоу Бо (VI в.) и «Заргробное воздаяние» («Мин бао цзи») Тан Линя (VII в.). Явление мирянам будд и бодхисаттв, неотвратимость закона воздаяния за дурные и добрые поступки, события и чудеса, связанные со знаменитыми, прославленными своими добродетелями буддийскими монахами, необычайные происшествия, ведущие к прозрению, путешествия в потусторонний мир... — все это встает перед читателем на страницах буддийских коротких рассказов *сюшо*. Настоящая книга является наиболее полным изданием буддийских *сюшо* на русском языке. Перевод, вступительная статья и комментарии выполнены **М. Е. Ермаковым.**

**Х. Абу-л-Фадл Ахмед
ибн ал-Хусейн ал-Хамадани**

МАКАМЫ

Макама (букв.: место стоянки) — старинное арабское слово, встречающееся уже в древней (доисламской) поэзии в значении «место собрания племени». Потом оно приобретает более широкий смысл — начинает обозначать уже само собрание, а в дальнейшем и беседы, которые в этом собрании ведутся.

Впервые термин *макама* для обозначения определенного жанра письменной литературы был применен Абу-л-Фадлем Ахмедом ибн ал-Хусейном ал-Хамадани (967—1008), прозванным «Бади' аз-Заман» («Чудо времени»). Получив хорошее филологическое образование в родном городе, он еще юношей покинул Хамадан и служил при дворах многих мусульманских правителей восточной части Халифата. Бади' аз-Заман известен как поэт, автор сборника посланий, написанных изысканным стилем, и сборника небольших произведений, которые он назвал *макамами*.

Истоки макама Бади' аз-Замана следует искать в ученых и назидательных беседах ученых и образованных людей. Но это не просто письменная фиксация бесед, какую мы порой находим в исторических хрониках, — это своего рода маленькие новеллы с вымышленными героями. Один из них — странствующий купец, любитель поэзии и ораторского искусства — присутствует в каждой из пятидесяти макама; от его лица и ведется рассказ.

Путешествуя из города в город (каждая история происходит в новом месте), он повсюду встречает плутоватого Александрийца (персонаж по имени Абу-л-Фатх ал-Искандери). Александриец — люмпен, бродяга, ловкий плут, появляющийся всякий раз в новом обличье; он выманивает деньги у доверчивых слушателей как демонстрацией своих знаний и красноречием, так и попрошайничеством, воровством, обманом.

Ал-Хамадани попытался соединить, казалось бы, несоединимое: изысканную ученую беседу с занимательным авантюрным сюжетом, вложив стилистически утонченные и вполне благонаправленные речи в уста легкомысленного и безнравственного обманщика. В итоге он создал в арабской литературе новый жанр *ал-макамат* — цикл плутовских новелл высокого стиля, сходных по композиции и объединенных двумя общими героями с постоянными функциями.

Перевод сборника макама выполнен **А. А. Долининой**

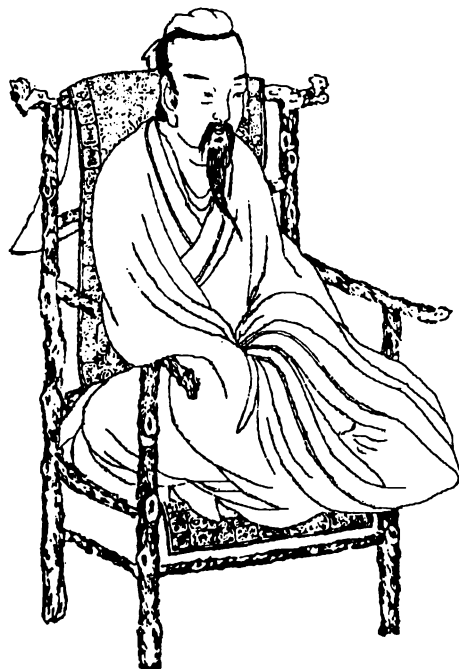

XI. Гэ Хун.
МУДРЕЦ, ОБЪЕМЛЮЩИЙ
ПЕРВОЗДАННУЮ ПУСТОТУ (Баопу-цзы)
Эзотерический раздел
(нэй пянь)

Трактат выдающегося даосского философа, алхимика, медика и историка Гэ Хуна «Баопу-цзы», написанный около 320 г. н. э., представляет собой своеобразную энциклопедию раннесредневекового даосизма. Учение о Дао-Пути вселенной и путях его обретения, алхимия и магия, медицина и астрология, учение о бессмертных небожителях и рецепты изготовления эликсира вечной жизни — вот только некоторые из тем, подробно рассматриваемых Гэ Хуном в его «алхимическом апокалипсисе», как назвал трактат «Баопу-цзы» великий российский китаевед академик В. М. Алексеев.

Трактат Гэ Хуна уже давно привлекал внимание отечественных исследователей. Еще в 20-е годы над ним начал работать выдающийся синолог Ю. К. Щуцкий, однако его трудам не суждено было завершиться. И только

теперь российский читатель получает возможность познакомиться с этим удивительным текстом, в котором переплетаются описания магических грибов и рассуждения о даосизме и конфуцианстве, рецепты трансмутации металлов и увлекательные новеллы о бессмертных, философские размышления и рекомендации по дыхательной практике и сексуальной гигиене.

Перевод представляет значительный интерес для востоковедов, культурологов, религиоведов, историков науки, медиков и всех интересующихся духовной культурой Китая.

Первый полный перевод трактата «Баопу-цзы» на русский язык выполнен **Е. А. Торчиновым.**

葛洪抱朴子内篇

ПОВЕСТЬ О ДУПЛЕ **(Уццхо-моногатари)**

«Повесть о дупле» принадлежит к числу интереснейших произведений японской литературы эпохи Хэйан (794—1185). Автор ее неизвестен. Считается, что создание повести относится ко второй половине X века. «Повесть о дупле» — произведение крупной формы в двадцати главах, из произведений хэйанской литературы она уступает только «Повести о Гэндзи».

Сюжет «Повести» близок к буддийской житийной литературе: это жизнь бодхисаттвы, возрожденного в Японии, чтобы указать людям Путь спасения. Бодхисаттва возрождается в образе отпрыска знатнейшего японского семейства.

Характерной чертой «Повести о дупле» является сочетание в ней самых разнообразных стилей: страницы книги насыщены *танка*, и стиль японской поэзии органично соединяется со стилем китайязычной прозы.

Перевод и комментарий выполнены **В. И. Сисаури**

Линь-цзи И-сюань. **ЗАПИСИ БЕСЕД ЛИНЬ-ЦЗИ** **(Линь цзи лу)**

Настоящий том объединяет два важных памятника китайской письменной культуры — так называемые *юйлу*, записи бесед величайших чаньских наставников: «Линь цзи лу» Линь-цзи И-сюаня (IX в.), «китайского Сократа», по выражению Демьевиля, и «Пан цзюй ши юй лу» Пан Юня. Памятники содержат богатейший материал, позволяющий судить о состоянии чаньской традиции в конце эпохи Тан (618—907), о методе и практике чань в целом и специфической их модификации у данных авторов. Говоря о своеобразии практики Линь-цзи, стоит упомянуть хотя бы комплекс своеобразных технических приемов, призванных пробудить интуицию (ведь только с помощью интуиции, согласно чань, может быть постигнута истина), среди которых ориентация на шок («шоковая терапия»), вызываемая не только физическим воздействием, но и словом. «Враждебное» отношение чань-буддистов к слову как к средству передачи истины по иронии судьбы не помешало им оказаться чуть ли не единственными передатчиками разговорного языка эпохи, насыщенного старыми идиомами, простонародными выражениями, вулгаризмами, употребление которых отвергалось учеными-литераторами. И потому чаньский текст чрезвычайно труден для перевода: он таит в себе массу загадок, требует многочисленных примечаний-комментариев.

Комментированный перевод памятников, выполненный **И. С. Гуревич**, сопровождается очерком исторической грамматики китайского языка эпохи Тан на материале чаньских *юйлу*.

В СЕРИИ ВЫШЛА КНИГА:

Исида Эйитиро. МАТЬ МОМОТАРО.

Перевод и примечания А. М. Кабанова.

СПб.: Центр «Петербургское Востоковедение», 1998. ISBN 5-85803-101-3

BIBLIOTHECA UNIVERSALIA

Книга крупнейшего японского этнографа Исида Эйитиро представляет собой сборник статей, опубликованных им предварительно в разных научных журналах. Виднейший представитель школы сравнительной этнографии и мифологии, Исида выгодно отличается от специалистов, ограничивающихся рассмотрением материала лишь отдельной культуры. Начиная свои исследования с чисто японских сюжетов, он щедро привлекает данные из культур других народов: Китая, тихоокеанского региона, Европы, Северной и Южной Америки, древних культур Передней и Центральной Азии. Широкая эрудиция и разнообразие материала делают его работы интересными для самого широкого круга специалистов.

В книгу вошло шесть работ по разным аспектам сравнительной этнографии и мифологии. В главе «Луна и бессмертие» рассматривается взаимосвязь представлений о луне, бессмертии и «омолаживающей воде» в японской, китайской и европейской традициях. В главе «Сокрывшееся солнце» прослеживаются параллели японского мифа о сокрытии богини солнца Аматэрасу в небесном гроте и о выманивании ее оттуда со сходными мифами тихоокеанского региона. Отдельная глава посвящена происхождению шелководства, и истории распространения его на Дальнем Востоке; особое внимание уделяется легендам, объясняющим возникновение шелковичных червей на тутовых деревьях. В главе «Путь небесных коней» по материалам исторических и археологических данных анализируется вопрос одомашнивания коней в Китае и центральноазиатском регионе. В главе «Мать Момотаро» в широкой исторической перспективе рассматриваются фольклорные представления о рождении чудесного ребенка, приобретающего впоследствии статус культурного героя. Глава «Мать злаков и боги злаков» посвящена ритуальным жертвоприношениям у ацтеков, целью которых было обеспечение богатого урожая кукурузы; проводится сравнение этих религиозных представлений с культами Матери-Земли в разных культурах Евразии. В заключение приводятся воспоминания Исида о Николае Невском (1892—1937), выдающемся русском японоведе, у которого Исида учился в 20-е годы, когда тот жил и преподавал в Японии.

Впервые изданная более сорока лет назад книга Исида Эйитиро считается классическим образцом японской этнографической науки и регулярно переиздается в Японии. Обилие и разнообразие использованного материала, а также оригинальные выводы автора представляют интерес как для профессиональных японоведов, так и для всех интересующихся проблемами сравнительной этнографии, мифологии и фольклора.

Впервые изданная более сорока лет назад книга Исида Эйитиро считается классическим образцом японской этнографической науки и регулярно переиздается в Японии. Обилие и разнообразие использованного материала, а также оригинальные выводы автора представляют интерес как для профессиональных японоведов, так и для всех интересующихся проблемами сравнительной этнографии, мифологии и фольклора.

**По вопросам закупки книги просьба
обращаться в ИТД «ЛЕТНИЙ САД»:
(812) 232 21 04; (095) 255 01 98**

